

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

Е. А. ШМИДТ

ДРЕВНИЕ
ГОРОДИЩА
СМОЛЕНЩИНЫ

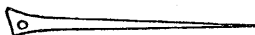

МОНЕТОНОС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ
Е. А. ШМИДТ

ДРЕВНИЕ
ГОРОДИЩА
СМОЛЕНЩИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 9 6 3

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

И. И. ЛЯПУШКИН

И. Н. Третьяков

ДРЕВНИЕ ГОРОДИЩА СМОЛЕНЩИНЫ

ВВЕДЕНИЕ

1

Одна из центральных областей Верхнего Поднепровья — Смоленщина — это край бесчисленных древних городищ. Они рассеяны в этой области повсюду — по берегам Днепра и его притоков, в верховьях Десны и Сожа, истоки которых находятся вблизи Смоленска, на многочисленных озерах днепровского Правобережья и среди болот. Обычно это очень небольшие укрепления, расположенные в труднодоступных местах и окруженные валами и рвами. Местное население чаще всего ошибочно связывает эти памятники отдаленного прошлого с военными событиями 1812 г.

Первые раскопки на смоленских городищах были предприняты во второй половине XIX в. местными помещиками. Они преследовали по сути дела кладоискательские цели, принесли разочарование производившим их лицам, не нашедшим ожидаемых сокровищ, и не оставили никаких следов в науке. Начальные шаги научных исследований смоленских древностей были связаны не с городищами, а с курганными могильниками, раскопки которых во второй половине XIX в. широко производились во всех старых русских областях. В обозрении археологических памятников Смоленской губернии, опубликованном в 1899 г., А. А. Спицын должен был признать, что местные городища «еще не подверглись исследованиям, хотя их известно уже немало».¹

В начале нашего века раскопки на нескольких смоленских городищах были произведены при участии известного художника Н. К. Рериха. Большой любитель русской старины, Н. К. Рерих был одним из первых исследователей Ковшаровского городища, находящегося недалеко от Смоленска, в верхнем течении р. Сожа.² В эти же годы несколько городищ было обследовано местным археологом Е. Н. Клетновой. Она произвела, в частности, небольшие раскопки на городище у д. Новые Батеки, расположенном на р. Ольше недалеко от впадения ее в Днепр. В итоге раскопок Е. Н. Клетнова ошибочно отнесла городище к каменному веку.³ Несколько раз и разными лицами предпринимались раскопки двух городищ, находив-

¹ А. А. Спицын. 1) Обозрение некоторых губерний и областей в археологическом отношении. Смоленская губ. Зап. Русск. арх. общ. (новая серия), т. XI, вып. 1—2, СПб., 1899, стр. 186. См. также: А. А. Спицын. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Там же, стр. 336 и сл.

² А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, вып. 3, 1926, стр. 226.

³ Е. Клетнова. Великий Гнездовский могильник. Niederlufv sbornik, IV, Praha, 1925, стр. 311, 312.

вшихся вблизи знаменитого Гнездовского могильника. Значительные раскопки на большом Гнездовском городище проводились в 1900 и 1901 гг. С. Н. Сергеевым.⁴ В 1905 г. ряд смоленских городищ обследовал И. С. Абрамов, главной целью археологических изысканий которого были курганы эпохи Древней Руси.⁵

В начале нашего столетия А. А. Спицыным была предпринята попытка обобщить сведения о городищах центральной части Европейской России, принадлежавших древнему до-славянскому населению. В границы области распространения этих городищ, получивших название дьяковских по имени городища у с. Дьякова под Москвой, А. А. Спицын включил верховья Днепра и высказал предположение, что немало городищ этого типа окажется также на Десне и по Сожу. Все городища дьяковского типа ошибочно рассматривались им как места языческого культа — своего рода капища. Так же ошибочно все они были отнесены первоначально к VI—VIII вв. н. э. В отличие от городищ Волго-Окского междуречья, определенных А. А. Спицыным в качестве памятников финно-угорской культуры, городища Верхнего Поднепровья рассматривались им как памятники культуры древних балтийских племен. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что в описании исследованных дьяковских городищ, опубликованном А. А. Спицыным в 1903 и 1905 гг., не имелось ни одного смоленского. Очевидно, в его распоряжении не было никаких определенных данных для их научной характеристики.⁶

Систематическое изучение смоленских городищ впервые было предпринято в советское время, в 20—30-х годах нашего века, смоленским археологом А. Н. Лявданским. В пределах бывш. Смоленской губернии им были собраны сведения более чем о 300 городищах. Около 100 из них было в той или иной степени обследовано А. Н. Лявданским и его сотрудниками. В нескольких пунктах производились небольшие раскопки. Более или менее значительному изучению подверглись лишь два городища — уже упомянутое выше Ковшаровское, расположенное в верхнем течении р. Сожа, и Лахтеевское, находящееся недалеко от Ковшаровского в бассейне той же реки. На Ковшаровском городище обнаружено два культурных слоя — древний, почти не давший находок, отнесенный А. Н. Лявданским к VI—VIII вв. н. э., и средневековый, XI—XIII вв. н. э., содержащий большое число интересных материалов.⁷ Лахтеевское городище дало находки лишь раннего времени.

Результаты работ по изучению смоленских городищ были суммированы А. Н. Лявданским трижды: в 1926, 1930 и 1932 гг., если не считать его первой небольшой публикации, посвященной смоленским городищам, относящейся к 1924 г.⁸

В работе 1926 г. А. Н. Лявданским впервые была дана хронологическая и типологическая характеристика смоленских городищ, которые подразделялись им на четыре основные группы.⁹ В первую группу, наиболее многочисленную, объединявшую до 70% от всех городищ, были включены древние городища с грубой лепной керамикой, отнесенные тогда А. Н. Лявданским вслед за А. А. Спицыным к VI—VIII вв. н. э. и принадлежавшие, по его мнению, дорусскому населению — балтийским (летго-литовским) племенам. Ко второй группе были отнесены городища, по внешнему виду в основных чертах не отличающиеся от первых, но не имеющие культурного слоя, к третьей — болотные городища, в большинстве случаев также лишенные каких-либо культурных наслоений. Время тех и других осталось не определенным из-за отсутствия датирующего материала. Наконец, в последнюю, четвертую группу вошли русские средневековые городища XI—XIV вв. Большинство из них, по наблюдениям А. Н. Лявданского, было сооружено на месте более древних городищ, входящих в первую группу его классификации.

⁴ Гнездовские курганы в раскопках С. Н. Сергеева. Изв. арх. комиссии, вып. 15, 1905, стр. 68, 69.

⁵ Отчет о раскопках, произведенных И. С. Абрамовым в 1905 г. в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1906.

⁶ А. А. Спицын. 1) Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 114—142; 2) Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 83—93.

⁷ А. Н. Лявданский. Некоторые данные. . . , стр. 225—251.

⁸ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. смоленск. гос. музеев, вып. 1, 1924.

⁹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные. . . , стр. 180—195.

В работе 1930 г., располагая более значительным материалом, но по-прежнему почти исключительно материалом обследований, а не раскопок, А. Н. Лявданский уточнил два существенных момента в отношении городищ, отнесенных им к первой группе. Во-первых, он указал, что древние городища западных частей Смоленщины, подобно городищам ряда центральных и северных областей Белоруссии и восточной Литвы, характеризуются господством в нижних горизонтах культурного слоя лепной керамики со штрихованной поверхностью, тогда как в центральных и восточных частях Смоленщины такая керамика не встречается. Во-вторых, А. Н. Лявданский отметил, что городища первой группы имеют нередко по два культурных слоя, время которых не было, однако, им уточнено из-за отсутствия необходимых данных. Свои наблюдения А. Н. Лявданский мог сопоставить с заключениями ряда других исследователей, главным образом его ближайших сотрудников, обследовавших в конце 20-х—начале 30-х годов большое количество городищ в Белоруссии и на Смоленщине.¹⁰

В статье 1932 г., посвященной археологическим памятникам Белоруссии, А. Н. Лявданский сделал новый шаг вперед. Он правильно датировал наиболее ранние городища Верхнего Поднепровья «первыми веками н. э., а некоторые, возможно, несколько и раньше» и более определенно обрисовал восточные границы городищ со штрихованной керамикой. Им была высказана также мысль, что в области Верхнего Поднепровья славянам принадлежали не только средневековые городища, но и часть городищ второй половины I тысячелетия н. э., характеризующихся грубой лепной керамикой.¹¹

А. Н. Лявданский интересовался не только древними городищами, но и другими археологическими памятниками Верхнего Поднепровья, преимущественно «железного века». Он раскопал на Смоленщине значительное количество славяно-русских курганов, обращая особое внимание на наиболее древние из них, относящиеся ко второй половине I тысячелетия н. э. Им и его сотрудниками было установлено, что более ранней категорией погребальных памятников в Верхнем Поднепровье, в частности на Смоленщине, являются могильники с трупосожжениями — поля погребений. Работы А. Н. Лявданского явились серьезным вкладом в археологическое изучение Смоленщины, не потерявшим своего научного значения до настоящего времени.

Материалы, опубликованные А. Н. Лявданским, привлекли к себе внимание других исследователей. Некоторые данные о смоленских городищах были использованы С. В. Киселевым в работе о развитии форм поселений. М. И. Артамонов и А. В. Арциховский обратились к смоленским городищам в связи с вопросом о возникновении феодализма в северных областях Древней Руси.¹² Основываясь главным образом на описании внешнего вида городищ и на формах их укреплений, указанные исследователи не могли, естественно, прийти к каким-либо вполне определенным выводам и, как теперь выясняется, допустили ряд ошибочных суждений. Так, например, маленькие смоленские болотные городища ошибочно рассматривались А. В. Арциховским в качестве остатков феодальных усадеб.

Также ошибочной являлась попытка автора этих строк рассматривать смоленские городища в качестве памятников славянской культуры на том лишь основании, что городища иногда располагаются рядом с древними славянскими курганами-могильниками, содержащими трупосожжения, а среди материалов, происходящих из городищ, нередко встречается керамика, напоминающая посуду зарубинецких могильников Среднего Поднепровья. Из

¹⁰ А. Н. Лявданский. 1) Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі у Смаленскай губ. Працы арх. камісіі Беларускай акад. навук, т. II, Менск, 1930. 2) Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Там же, т. III, Менск, 1932. — Здесь имеются в виду работы С. А. Дубинского, С. М. Соколовского, И. А. Сербова, В. Р. Тарасенко и др. (Працы арх. камісіі Беларускай акад. навук, тт. I—III, Менск, 1928, 1930, 1932).

¹¹ А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 56.

¹² С. В. Киселев. Поселения. Тр. секции теории и методологии Инст. археологии и искусствоведения РАНИОН, вып. 2, М., 1928; М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 271; А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, № 11—12.

этого делался вывод о глубокой древности славянских поселений в области Верхнего Поднепровья.¹³

В послевоенные годы работы по систематическому обследованию городищ Смоленской области были продолжены сотрудником Смоленского краеведческого института Е. А. Шмидтом, заново осмотревшим ряд городищ, посещенных в свое время А. Н. Лявданским, и, что еще более важно, обследовавшим городища таких местностей в Смоленской области, где до этого времени археологи никогда не работали. В пределах Смоленской области Е. А. Шмидтом были обследованы поречье Днепра, Десны и Сожа, а также Угры, Западной Двины и, наконец, верховья притоков Верхней Волги. При этом было найдено свыше 50 городищ, раньше не отмеченных в литературе. В итоге деятельности Е. А. Шмидта общее число обследованных городищ достигло в Смоленской области более чем 250. Был сделан ряд наблюдений, позволяющих охарактеризовать некоторые особенности городищ разных частей Смоленщины. Если А. Н. Лявданским было указано, что древние городища центральных и восточных частей Смоленщины относятся к иной культуре, чем городища Белоруссии и Литвы, содержащие керамику со штрихованной поверхностью, то в результате работ Е. А. Шмидта была выявлена восточная граница городищ смоленского типа, проходящая по водоразделу между бассейном Днепра и бассейном Волги и Оки.¹⁴ В последние годы Е. А. Шмидт произвел раскопки на нескольких городищах, материалы некоторых из них публикуются в настоящем издании.

В эти же годы обследование нескольких городищ на Смоленском Правобережье, в бассейне р. Каспли, осмотренных некогда И. С. Абрамовым, было произведено А. Г. Векслером.¹⁵

2

В 1954—1962 гг. изучение древних смоленских городищ было осуществлено Верхнеднепровской археологической экспедицией Института археологии Академии наук СССР, проводившей свои работы при участии Смоленского краеведческого научно-исследовательского института. Раскопкам на Смоленщине предшествовали многолетние исследования археологических памятников I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. в разных частях Верхнего Поднепровья и по его периферии — в Гомельской, Могилевской и Брянской областях, в бассейне Припяти, в поречье Верхней Оки и в верхнем течении Западной Двины. Общей задачей этих исследований было получение материалов для освещения истории культуры и этнической истории древнего населения Верхнего Поднепровья, прежде всего для ответа на вопрос о времени и обстоятельствах появления здесь славян и путях формирования древнерусской народности.¹⁶

В перечень смежных со Смоленщиной территорий, в пределах которых в последнее десятилетие изучались археологические памятники I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., следует включить также центральные области Белорусской ССР, где работы велись сотрудником Института истории Белорусской академии наук А. Г. Митрофановым.¹⁷

¹³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941.

¹⁴ Е. А. Ш м и д т. 1) Новые данные об археологических памятниках Смоленской обл. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 1. Смоленск, 1952; 2) Результаты изучения археологических памятников Смоленской обл. Сб. науч. работ Смоленск. краеведч. н.-и. инст., вып. 1, 1957; 3) Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской обл. Там же, вып. 2, 1958; 4) Некоторые данные о поселениях раннего железного века в Смоленской обл. Уч. зап. Смоленск. гос. пединститута, вып. IV, ч. I, 1957; 5) Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 4, Смоленск, 1961; Е. А. Ш м и д т и Ф. М. З а в е р н я е в. Археологические памятники бассейна Верхней Десны. Там же, вып. 3, Смоленск, 1959.

¹⁵ А. Г. В е к с л е р. Археологическое обследование бассейна р. Каспли в Смоленской обл. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 2, Смоленск, 1957.

¹⁶ П. Н. Третьяков. 1) Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. КСИИМК, вып. 55, 1954; 2) Итоги археологического изучения восточнославянских племен. Доклады IV Межд. съезда славистов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958; 3) Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960.

¹⁷ К. М. П о л и к а р п о в и ч. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 15—22; А. Г. М и т р о ф а н о в. Городище в Вязинке. Там же, стр. 155—164.

Результаты всех этих исследований, включавших в свою программу археологические раскопки значительного масштаба, позволяли взглянуть на древние городища — эту основную категорию верхнеднепровских археологических памятников — совсем новыми глазами. Выяснилось, что на всех перечисленных выше территориях, так же как и в других лесных областях европейской части СССР, городища являются археологическими памятниками, характерными отнюдь не для узкого отрезка времени — средневековья и периода, непосредственно ему предшествовавшего, или I тысячелетия н. э. Эти памятники оказались характерными, по сути дела, для всего периода «железного века». Наиболее древние из них в лесных областях европейской части СССР относятся к середине I тысячелетия до н. э., а в некоторых областях — и к более раннему времени, к VII—VI вв. Начиная с этого времени и в течение почти 1000 лет укрепленные поселения в лесных областях являлись господствующей формой поселений. В середине I тысячелетия н. э. в результате изменений, происшедших в общественно-политических отношениях, в одних областях несколько раньше, в других — позже укрепленные поселения уступили свое место открытым селищам, рядом с которыми нередко располагались городки-убежища, куда население собиралось в часы опасности.

Наконец, особая группа городищ в лесной полосе Восточной Европы принадлежит раннему средневековью.

Можно было ожидать, что смоленские городища не составляют какого-либо исключения в лесной полосе Восточной Европы и отражают жизнь древнего населения Верхнего Поднепровья в течение длительного времени. В итоге археологических работ 1954—1962 гг. это предположение полностью подтвердилось. Оказалось, что наиболее древние смоленские городища относятся к середине I тысячелетия до н. э., а наиболее поздняя их группа — к VI—VIII вв. н. э. Имеются также своеобразные укрепления — так называемые болотные городища, которые принадлежат к самому концу I тысячелетия н. э. Наконец, большая группа городищ Смоленщины — остатки городов и феодальных усадеб — характеризует жизнь в период раннего русского средневековья. Исследование средневековых археологических памятников в задачу работ Верхнеднепровской экспедиции не входило, но с ними постоянно приходилось встречаться, так как почти все средневековые городища располагаются на месте более древних укрепленных поселений.

Археологические исследования, проведенные за последние десятилетия в разных частях Верхнего Поднепровья и по его периферии, позволили уточнить границы отдельных древних культурных областей и полностью подтвердили высказанную А. Н. Лявданским мысль о культурном своеобразии древних городищ Смоленщины.

Первая попытка составить общую карту локальных групп древних городищ Верхнего Поднепровья и его периферии была предпринята автором этих строк еще в 1940—1941 гг.¹⁸ В дальнейшем эта карта все более и более уточнялась и совершенствовалась. В настоящее время в итоге археологических исследований последнего десятилетия древние городища Верхнего Поднепровья, принадлежавшие дославянскому населению, отчетливо подразделяются на четыре обширные этнокультурные группы (рис. 4). В области нижнего и среднего течения Припяти и в гомельском Поднепровье распространены городища милоградской культуры, получившие свое наименование от городища у д. Милограды, находящегося на правом берегу Днепра несколько ниже устья Березины. На основании находок вещей скифских, а также галльштатско-латенских типов эти городища датируются серединой и второй половиной I тысячелетия до н. э.¹⁹

На Десне, в ее нижнем и среднем течении, городища этого времени принадлежат к другой, так называемой юхновской культуре, определенной в 30—40-х годах М. В. Воеводским.²⁰ На севере юхновские городища достигают района Брянска. В самом верхнем течении Десны они неизвестны. В области милоградской и юхновской культуры в последующее

¹⁸ П. Н. Третьяков. 1) Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, вып. V, 1940; 2) Северные восточнославянские племена, стр. 13.

¹⁹ О. М. Мельникова. 1) Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957; 2) Клад браслетов с городища в д. Горошков. ВДИ, № 1, 1956; 3) Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957.

²⁰ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 68—77.

время, начиная с рубежа нашей эры, распространяется новая для Верхнего Поднепровья, как мы полагаем, раннеславянская культура зарубинецкого типа, сложившаяся в более южных и юго-западных областях Поднепровья.²¹

В третью группу древних верхнеднепровских городищ входят уже упомянутые выше памятники, характеризующиеся штрихованной керамикой. В поречье Днепра их граница

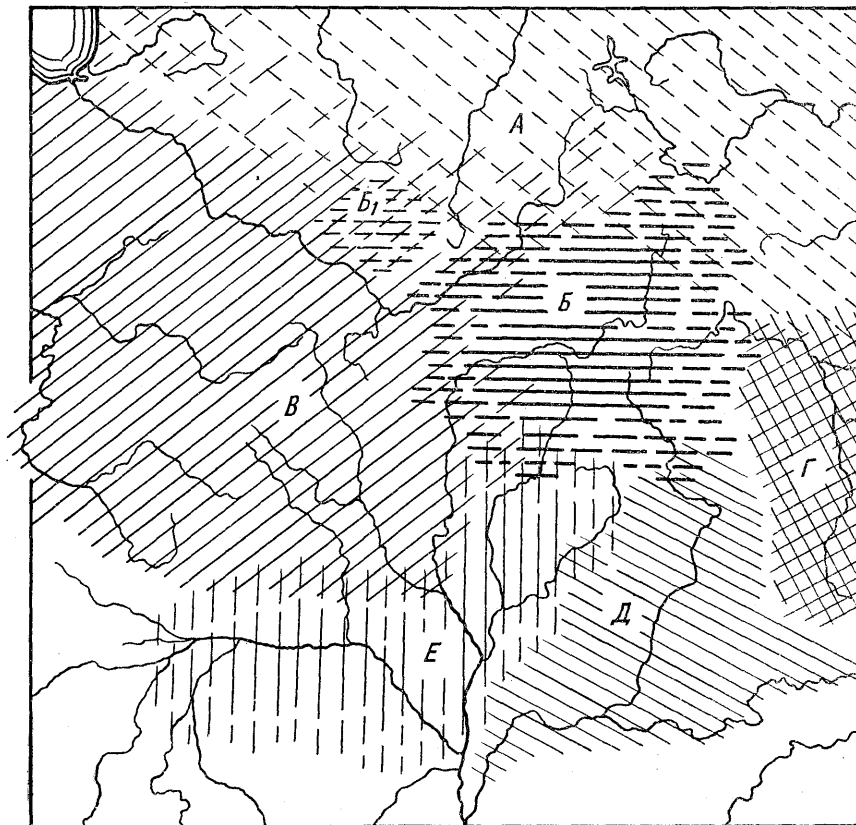

Рис. 4. Локальные группы (культуры) древних городищ Верхнего Поднепровья и его периферии.

А — верхневолжские дьяковские и прибалтийские городища с текстильной керамикой; Б — смоленские городища; Б₁ — городища смоленского типа в бассейне Западной Двины; В — городища со штрихованной керамикой; Г — верхнеокские городища; Д — юхновские городища; Е — милоградские городища.

с милоградской культурой проходит вблизи устья Березины, отсюда она поднимается на север вдоль водораздела Днепра и Сожа и, поворачивая на северо-запад, снова пересекает Днепр вблизи г. Орши. Главные центры культуры городищ со штрихованной керамикой лежали не на Днепре, а значительно западнее, на территории северо-западной Белоруссии и в Восточной Литве. Время этой группы городищ: последняя четверть I тысячелетия до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э. В последние века бытования этой культуры ее главный археологический признак — глиняная посуда со штрихованной поверхностью — постепенно исчезает, уступая место грубой лепной посуде без штриховки, сохранившей, однако, свои древние формы. Зарубинецкая культура в пределах этой области неизвестна, за исключением

²¹ П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, № 1, 1960.

нескольких пунктов на Днепре, на границе с территорией милоградской культуры. Славянские археологические памятники распространяются на коренной территории городищ со штрихованной керамикой лишь в последней четверти I тысячелетия н. э. Это длинные курганы, известные в верхнем и среднем течении Двины, на Березине и в верхнем течении Немана и Западного Буга.²²

Область четвертой, смоленской группы городищ, особенно нас сейчас интересующей, охватывает оба берега Днепра выше Орши, бассейн верхнего Сожа и верхнее течение Десны от ее истоков и почти до Брянска. На северо-востоке и востоке граница древних смоленских городищ проходит по водоразделу Днепра и рек волжского бассейна. Нужно отметить, что культура городищ бассейна Верхней Оки и Угры была, по-видимому, очень близка культуре городищ Смоленщины, что затрудняет более точное определение лежащей между ними границы. В северном и северо-западном направлениях область городищ смоленского типа охватывала, по-видимому, смежный участок поречья Западной Двины.

В итоге исследований в Смоленской области, проведенных в 1954—1962 гг., впервые получен значительный материал для характеристики хозяйства, быта и особенностей культуры обитателей этого края на разных этапах их развития начиная с середины I тысячелетия до н. э. и кончая последней четвертью I тысячелетия н. э. Удалось также осветить вопрос о проникновении на Смоленщину носителей зарубинецкой культуры, оказавшей, по-видимому, большое влияние на жизнь местного населения. Были собраны некоторые материалы, характеризующие этнокультурную картину этого края в конце I тысячелетия н. э., накануне сложения феодальных отношений и возникновения древнерусского государства, когда славянские племена заняли в области Верхнего Поднепровья господствующее положение.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1954—1962 гг. И ИХ ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

1

В пределах Смоленской области работы Верхнеднепровской экспедиции начались в 1954 г. с широких обследований, при проведении которых были использованы данные А. Н. Лявданского и материалы Смоленского краеведческого института. Осмотру подверглись древние городища на правом берегу Днепра и в низовьях его притоков выше и ниже Смоленска, а также группа городищ около оз. Каспля, принадлежащего к бассейну Западной Двины. В области левобережья были обследованы городища на мелких речках, впадающих в Днепр выше Смоленска, и большое число городищ в верхнем течении Сожа и по его притокам — Хмаре и Россаже. Осмотренные городища принадлежали ко всем четырем группам по классификации А. Н. Лявданского. Их подавляющее большинство характеризовалось находками грубой лепной керамики. На нескольких городищах со следами невысоких замкнутых валов на площадке культурного слоя не оказалось. Были осмотрены болотные городища, также лишенные культурного слоя. Наконец, на многих городищах встречена русская кружальная керамика XI—XIV вв.

Особое внимание было обращено на городища с лепной керамикой. В результате обследования более двадцати таких памятников выяснилось, что в пределах всех перечисленных выше местностей они в основных чертах однородны. Городища расположены на труднодоступных местах, обычно на отрогах высоких и крутых берегов рек и озер. Они находятся как на коренных берегах крупных рек — Днепра и Сожа, так и на берегах их многочисленных притоков, нередко маленьких ручейков в глубине водоразделов. Как и в других областях, в лесной полосе европейской части СССР, в расположении древних городищ на Смоленщине заметна группировка — размещение их как бы гнездами по 2—3—4, что отражает, несомненно, древние родовые связи.¹

²² А. Г. М и т р о ф а н о в. 1) К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа; Автореф. канд. дисс. Л., 1955; 2) Городище в Вязынке. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957; К. М. П о л и к а р п о в и ч, ук. соч., стр. 15—18; В. В. С е д о в. Кривичи. СА, № 1, 1961.

¹ П. Н. Т р е т ь я к о в. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМГ, вып. 106, 1935, стр. 154—157.

Общей особенностью смоленских городищ являются их небольшие размеры. Площадка большинства городищ, имеющая подтреугольную или овальную форму, редко превышает по площади 800—1000 м². Имеются совсем маленькие городища, площадью 400—500 м²; городища размером свыше 1200—1500 м² встречаются как исключения. В среднем по своим размерам смоленские городища примерно в два раза меньше древних городищ других областей лесной полосы европейской части СССР, например дьяковских или городецких.

Еще одной, бросающейся в глаза особенностью древних смоленских городищ является большой объем произведенных при их сооружении фортификационных работ — обилие валов и рвов, специальная обработка склонов и др. В отличие от городищ других областей лесной полосы, где избранные для укрепленных поселений труднодоступные места, отделенные от плато высокого берега валами и рвами, обычно сохраняли свою естественную конфигурацию, смоленские городища несут на себе следы больших земляных работ на площадках и по склонам. На городищах нередко видны остатки вала, окружавшего площадку со всех сторон; часто городищам искусственно придавалась правильная симметричная форма; склоны делались более крутыми; на половине высоты склонов иногда делался уступ. Система валов и рвов, защищавшая площадку со стороны плато высокого берега, на Смоленских городищах сооружалась обычно очень мощной. Многие городища имели по три-четыре дугообразных вала и соответствующее им число рвов. Нередко размеры площади, занятой укреплениями — валами и рвами, — значительно превышают площадь самого городища.

Все это сближает древние смоленские городища по внешнему виду со средневековыми городищами-замчищами. Одно время высказывалось соображение, что наиболее развитая система укреплений на многих городищах Смоленщины относится к XI—XII вв. н. э. Наши исследования опровергли это соображение. Оказалось, что городища с многочисленными валами, рвами и искусственно обработанными склонами относятся к древнему времени, преимущественно к третьей четверти I тысячелетия н. э. Раннесредневековые городища-замчища, рассеянные на Смоленщине, главным образом вдоль Днепра, в большинстве случаев имеют хотя и очень мощную, но более простую систему укреплений, состоящую из одного высокого вала, окружающего площадку городища со всех сторон, и большого рва.

По наблюдениям А. Н. Лявданского, система укреплений на древних смоленских городищах складывалась не сразу, а создавалась постепенно. Наиболее древние городища, по его мнению, имели небольшие валы или же совсем были лишены земляных сооружений — валов и рвов, а окружались, вероятно, лишь деревянными оградами. В качестве примера А. Н. Лявданский указывал обследованное им городище у д. Волоковой.² Это наблюдение является, очевидно, в основном правильным. В других областях лесной полосы европейской части СССР отмечается точно такая же картина. Но, забегая вперед, следует указать, что городища ранней группы, исследованные нами в Смоленской области, всегда имели земляные укрепления, правда, иногда очень незначительные. Оказалось также, что ранние городища имеют нередко большие размеры, чем более поздние.

Во время обследований выяснилось, что керамический материал, происходящий из древних смоленских городищ, имеет в своем составе лепную керамику разных типов. На городищах встречена тонкостенная, неорнаментированная посуда, плоскодонная, со слабо профилированным венчиком. От нее заметно отличаются обломки толстостенных сосудов, напоминающих зарубинецкие, с несколько суженой горловиной и отогнутым наружу венчиком, украшенным косыми насечками и защипами. Вместе с ними найдены отдельные обломки хорошо профилированной лощеной посуды. Встречены также обломки еще более толстостенных лепных сосудов со слабо профилированным, неорнаментированным венчиком. Одни из них имеют неровную поверхность, другие — гладкую, как бы слегка подлощенную. На многих городищах найдена керамика всех этих типов, на других — лишь некоторых из них. На основании материалов обследований 1954 г. можно было предполагать, что тонкостенная, неорнаментированная керамика является древнейшей. Она обнаружена в основании культурного слоя ряда городищ. Именно такая керамика происходит из городища у д. Лу-

² А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі у Смаленскай губ. Працы арх. камісіі Беларускай акад. навук, т. II. Менск, 1930, стр. 335.

кесы, на левом берегу р. Каспли, где А. Н. Лявданским была найдена бронзовая булавка с фигурным навершием архаичного облика. Городище это отличается еще и тем, что не имеет земляных укреплений — валов и рвов.³ Что касается других типов керамики, то по материалам обследований их отношение друг к другу не было выяснено.

Основной задачей обследований, произведенных в 1954 г., был выбор памятников для раскопок. Первоначально предполагалось, что следует остановиться на городищах, расположенных на центральной водной магистрали Смоленщины — на Днепре. Но это предположение сразу же отпало. Сохранность городищ, находящихся на берегах Днепра, оказалась сравнительно невысокой, а самое главное — почти все они имеют средневековые наслоения и соответствующую им систему укреплений, при сооружении которой древние укрепления и древний культурный слой в той или иной степени были нарушены. С таким же явлением мы встретились в 1959 г. при обследовании городищ днепровского Левобережья ниже Смоленска, в пределах Краснинского района Смоленской области, по речкам Мерея, Лупа, Свиная. Все они, за редким исключением, имеют средневековые слои.

Более многообещающими оказались городища, расположенные по верхнему течению Сожа и по его притокам, как правило, не имеющие средневековых слоев и отличающиеся хорошей сохранностью. В результате обследований 1954 г. для раскопок была выбрана группа памятников на Соже и его притоке р. Хмаре в пределах Починковского района Смоленской области, включающая более чем 20 древних городищ разных типов, несколько селищ и курганных могильников, один из которых состоит из длинных курганов. Впоследствии границы изучаемого района были несколько расширены в направлении самых верховьев Сожа, где расположены исследованные А. Н. Лявданским Ковшаровское и Лахтеевское городища и ряд других археологических памятников (рис. 2). Эта группа древних памятников и послужила главным объектом работ всех последующих лет — 1955—1962 гг. За это время здесь были проведены раскопки на 10 городищах, причем два из них были исследованы полностью. Исследовались два селища и курганы. В других районах Смоленщины и смежной части Брянской области осуществлялись лишь обследования, сопровождаемые в отдельных случаях небольшими раскопками. На Правобережной Смоленщине исследование нескольких древних городищ производилось Е. А. Шмидтом.

2

В 1955 г. были начаты раскопки на прекрасно сохранившемся древнем городище, находящемся в низовьях р. Тушемли, левого притока Сожа, вблизи д. Мокрядино Княжинского сельсовета Починковского района Смоленской области (рис. 2, 33; рис. 3). Городище, названное нами по имени реки — Тушемля, оказалось чрезвычайно интересным. В итоге трехлетних раскопок, в ходе которых была полностью исследована площадка городища и разрезан его главный вал, стало возможно разъяснить важнейшие вопросы, касающиеся характеристики древних смоленских городищ. В первую очередь раскопки внесли много ценного в решение вопроса о культурно-хронологической классификации городищ. Выдающийся интерес представила открытая на Тушемле своеобразная система построек, частью которой являлось круглое в плане языческое святилище, относящаяся к последнему этапу жизни на этом пункте (VI—VIII вв. н. э.).

По расположению, форме и размерам городище Тушемля является типичным для Смоленщины. Оно занимает мыс коренного берега реки, образованный двумя оврагами. Площадка городища имеет овально-ромбическую форму; ее длина — 35 м, ширина в средней части 32 м, высота над уровнем поймы 17—18 м. Городище сохраняет следы мощной системы укреплений. Со стороны плато коренного берега находятся пять валов и соответствующие им рвы, частью заплывшие. Высота первого, самого высокого вала над уровнем площадки городища составляет 3 м. Невысокий расплывчатый вал, примыкающий к первому валу, окружает площадку городища со всех сторон. Пόлы второго вала, отделенного от первого глубоким рвом, переходят в горизонтальный уступ, проходящий вокруг городища на половине

³ Там же, стр. 331—334.

высоты его склонов. Как выяснилось в процессе раскопок, на краю уступа, как и по гребням валов, стояла некогда массивная деревянная ограда (рис. 3).

Эта мощная система укреплений, занимавшая значительно большую площадь, чем окруженная валами, рвами и деревянными оградками площадка городища, создавалась постепенно, в течение тысячи лет жизни людей на этом месте.

Культурные наслоения городища Тушемля ясно разделялись на три части. Вдоль склонов, где общая толщина наслоений достигала 1,5 м, хорошо прослеживался нижний культурный слой, отделенный от вышележащих наслоений горизонтом погребенной почвы и слоем бурой супеси. Кроме тонкостенной, неорнаментированной керамики, речь о которой шла выше, в нижнем слое было встречено большое число костяных изделий: гарпунов, наконечников стрел, разнообразных острий и т. д., а также изделия из железа и бронзы, не оставляющие никаких сомнений относительно того, что нижний слой относится ко второй половине I тысячелетия до н. э. Особенно интересны найденные на Тушемле обломки бронзовых гальштатско-латенских браслетов, имеющих весьма архаичный облик (рис. 4). По нашему мнению, они датируются V—III вв. до н. э. Предметы такого типа в области Поднепровья были найдены на городищах милоградской и юхновской культур, а также на древнейших городищах в бассейне Верхней Оки.⁴ Никаких остатков сооружений — жилищ, очагов и др., относящихся к нижнему культурному слою, на Тушемле обнаружено не было. С этим слоем связываются лишь многочисленные ямы от небольших в диаметре вертикальных столбов, позволяющих предполагать, что постройки того времени имели столбовую конструкцию. Нижнему слою соответствовали невысокий (около 1 м) вал, сложенный из песка и слоев дерна, и неглубокий ров. Найден многочисленный остеологический материал — кости диких и домашних животных, маленькая зернотерка, формочки для литья бронзовых изделий и др.

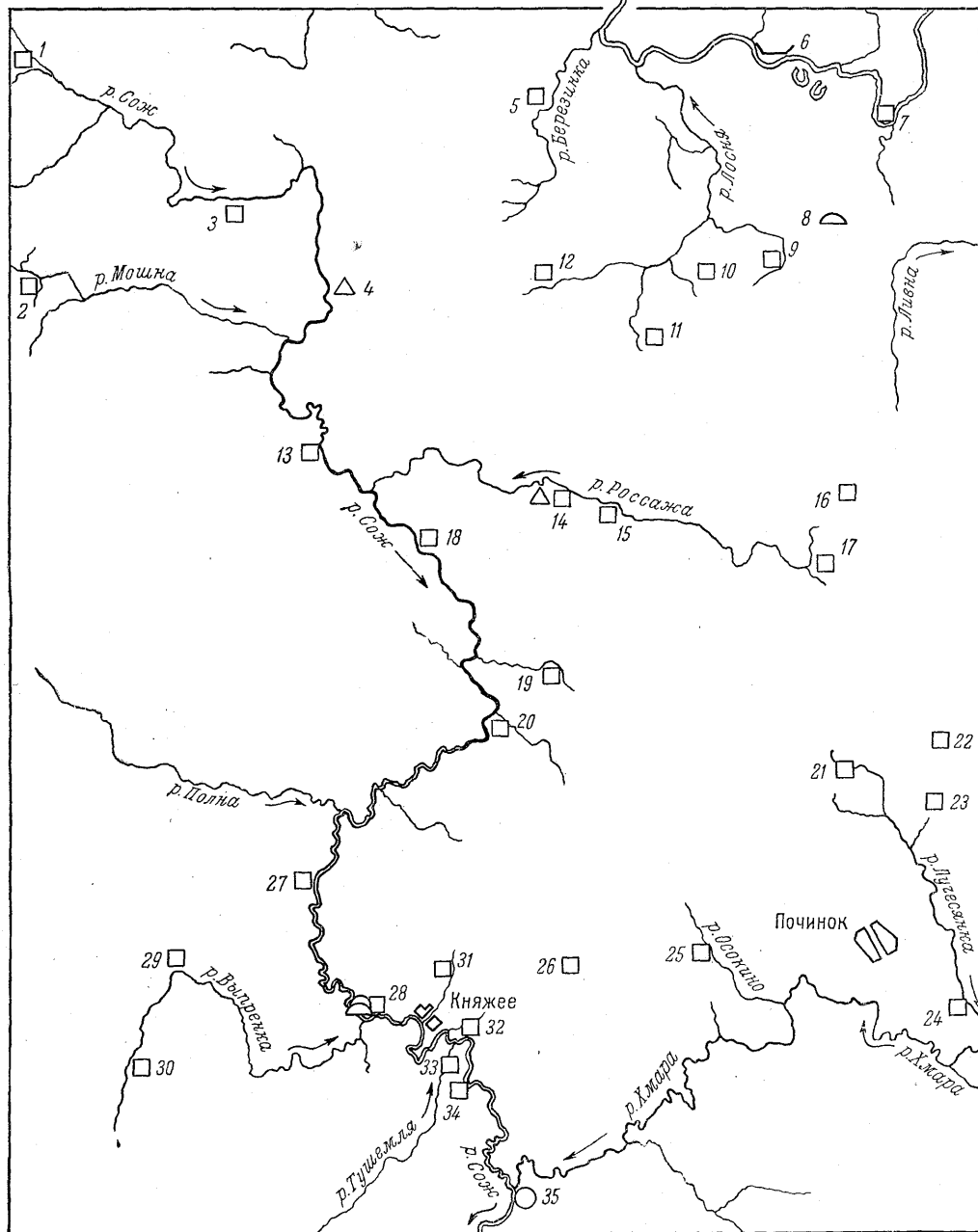
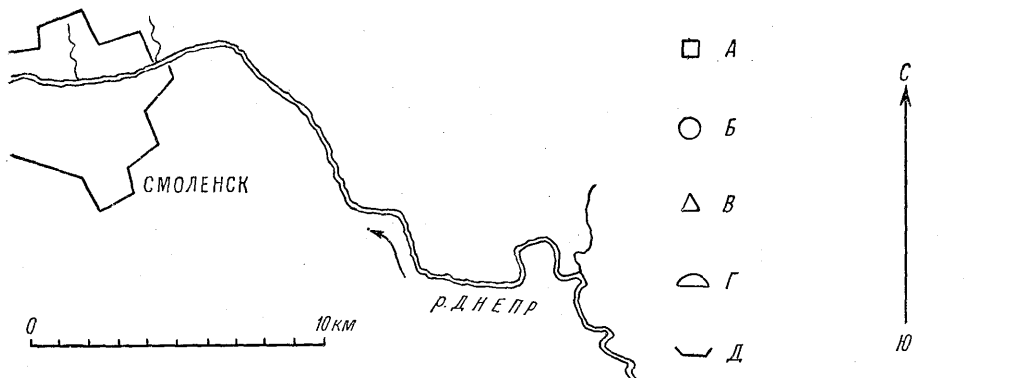
Верхние культурные наслоения городища Тушемля разделялись на два горизонта: нижний (средний) и верхний, представлявший собой остатки пожара, уничтожившего деревянные строения и укрепления, относящиеся к последнему периоду истории Тушемля.

Находки, сделанные в среднем горизонте культурного слоя, заметно отличались от вещественных материалов нижнего слоя. Здесь найдены обломки толстостенной глиняной посуды в виде горшков с плоским дном, выпуклым туловом и профилированными шейкой и венчиком, украшенным по обрезу насечками и зачинами. Ей сопутствовала в небольшом числе посуда с лощеной поверхностью: остроруберные миски, горшки, кувшины, представленные небольшими обломками. Оба типа посуды во многом напоминают зарубинецкую керамику, хотя и не идентичны ей во всех деталях, отличаясь прежде всего однообразием и относительной грубостью изготовления. Совершенно неожиданными были найденные в этом горизонте культурного слоя многочисленные «грузики дякова типа», повторяющие типичные верхневольтжские формы. Металлические изделия представлены крупными железными ножами, обломком серпа, бронзовой фибулой и некоторыми другими предметами, находящими себе аналогии в зарубинецких и позднедяковских древностях (рис. 4). Из этих на-

⁴ О. Н. Мельникова. 1) Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 36, 37; 2) Клад браслетов с городища в д. Горшков. ВДИ, № 1, 1956; М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67; Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

Рис. 2. Археологические памятники основного района работ на Смоленщине в 1954—1962 гг., рассмотренные или упомянутые в настоящей публикации.

А — городище; Б — селище; В — высокие курганы второй половины I тысячелетия н. э.; Г — длинные курганы VII—начала IX в.; Д — поле погребений зарубинецкого характера. 1 — болотное городище у д. Петрово; 2 — Ляхтевское городище; 3 — городище у д. Бобры; 4 — высокие курганы у д. Кошино; 5 — болотное городище у д. Шапырево; 6 — поле погребений у д. Казачина; 7 — городище выше устья р. Большой Вопец; 8 — длинные курганы у д. Арефино; 9 — городище у д. Яцково; 10 — городище у д. Путятинка; 11 — городище у д. Бабыново; 12 — городище у д. Кучино; 13 — Ковшаровское городище; 14 — высокие курганы и городище у д. Ямполь; 15 — Вошкинское городище; 16 — болотное городище у д. Холм; 17 — болотное городище у д. Красногорье; 18 — городище у д. Митюшино; 19 — Кольчешское городище; 20 — городище у д. Ивановское; 21—23 — болотные городища между деревнями Булавец и Белая; 24 — городище Городок; 25 — городище Прудки; 26 — Асташковское болотное городище; 27 — городище у д. Захарьинка; 28 — городище, селище и длинные курганы у д. Слобода Глушица; 29 — городище у д. Гостомля; 30 — городище у д. Варсуки; 31 — городище (?) или место, где стоял каменный идол у д. Балваничи; 32 — городище у д. Акулиники; 33 — городище Тушемля; 34 — Мокрядинское городище; 35 — селище у с. Устье.

ходок более или менее точно может быть датирована бронзовая фибула, относящаяся к раннему типу фибул «с подвязанной ножкой», хорошо известному по южнорусским древностям начала нашей эры.⁵

С этим горизонтом культурного слоя связываются, как и с нижним слоем, многочисленные ямы от вертикально поставленных столбов, расположенные по краям площадки и около вала, размеры которого в этот период были значительно увеличены. С этим же горизонтом связывается, по-видимому, своеобразное сооружение в виде круглой площадки диаметром 6 м с большим вертикально стоявшим столбом в центре и многочисленными столбами по краю. Оно рассматривается нами в качестве языческого святилища. Непосредственно на утрамбованной поверхности его круглой площадки было найдено несколько обломков со-

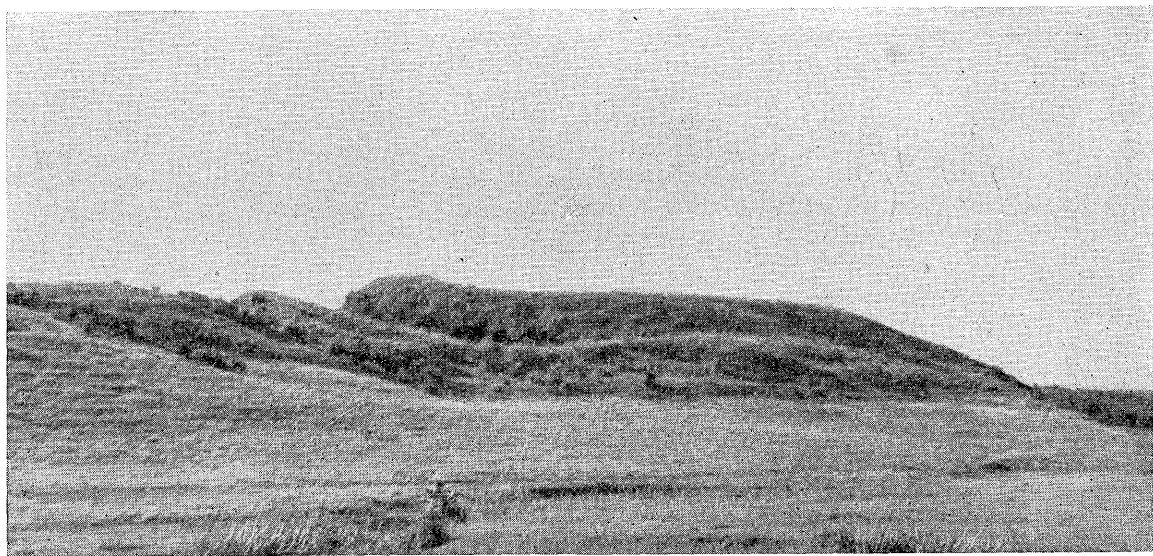

Рис. 3. Городище Тушемля. Вид с северо-запада.

суда с насечками по венчику, характерного для среднего горизонта культурного слоя. В последний период жизни на Тушемле место этого святилища было занято другими сооружениями.

Наиболее интересным открытием, сделанным на городище Тушемля, являются остатки построек верхнего горизонта культурного слоя, погибших от пожара. Это были наземные постройки столбовой конструкции, примыкавшие непосредственно одна к другой и располагавшиеся по овалу по краю площадки городища, середина которой оставалась свободной от построек. Наружные стены построек, обращенные к склонам, были засыпаны землей. Ее остатки составили невысокий, огибающий площадку городища вал, речь о котором шла выше. В пределах построек обнаружены разрушенные каменные очаги. Все это сохранилось относительно хорошо, потому что на месте городища никто никогда больше не жил и оно никогда не распахивалось.

С одной стороны двора городища на линии построек находились узкие ворота, а на стрелке, там, где площадка была ограничена массивной деревянной стеной, располагалось круглое святилище, точно такое же, как святилище среднего горизонта культурного слоя. Это была круглая площадка диаметром 6 м, окруженная некогда кольцом из вертикальных столбов. В центре площадки обнаружена яма от большого столба — вероятно, изображения божества.

⁵ А. І. Фурманська. Фібули з разкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 80—84.

Рис. 4. Таблица вещественного материала из древних городищ Смоленщины.

Левая колонка — находки из нижнего (внизу), среднего и верхнего (вверху) слоев городища Тушемля. Правая колонка (внизу) — находки из Мокрядинского городища; Г — из городища Городок; В — из Вошкинского городища; Х — из городища Холмец; ХМ — одинаковые сосуды из городищ Мокрядинское и Холмец. Правая колонка (вверху) — находки из селища Слобода Глушица; У — из селища около д. Устье; ГТ — одинаковые жернова из городищ Тушемля и Городок (верхний слой).

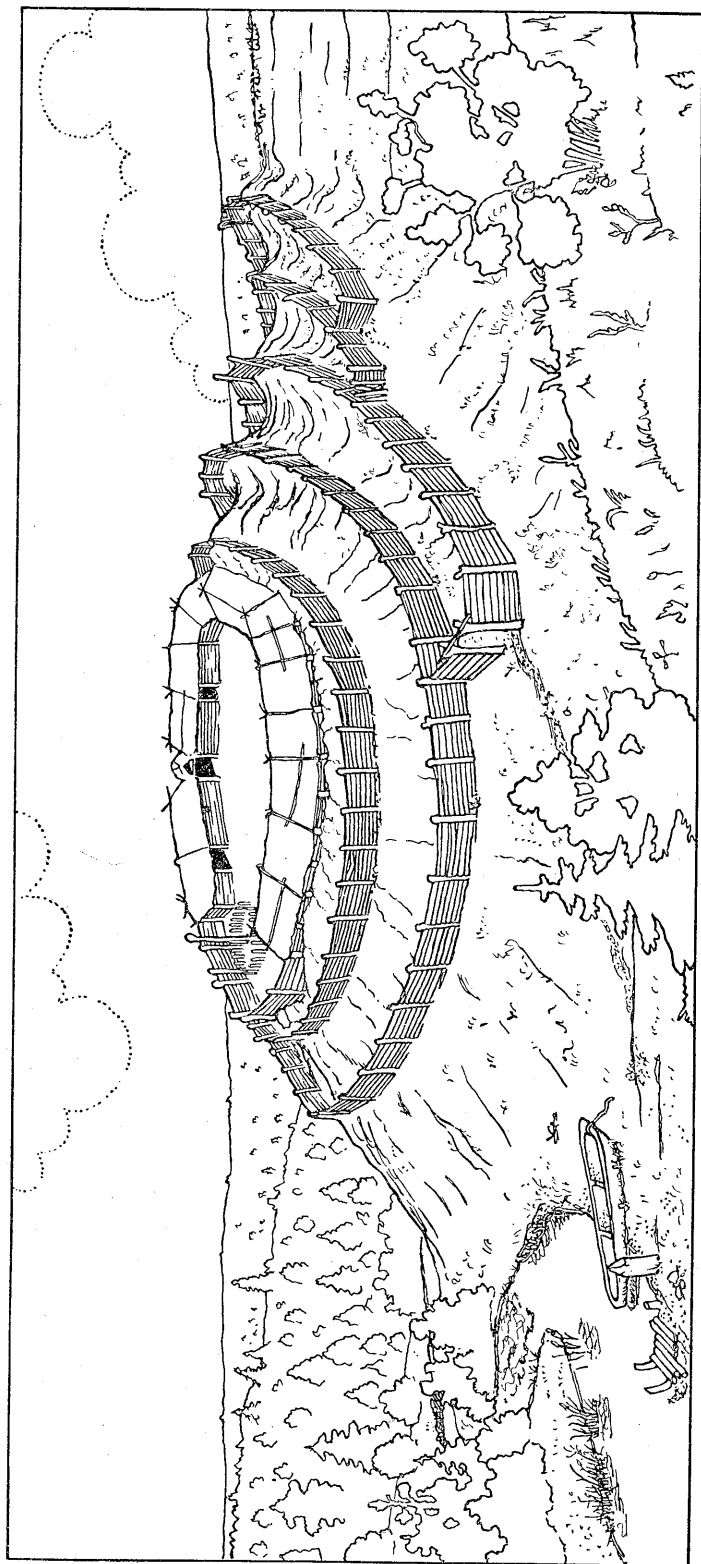

Рис. 5. Реконструкция общего вида городища Тушемля.

Многочисленные остатки сгоревших бревен и ряд других сохранившихся деталей построек позволили воссоздать облик Тушемля, как мы полагаем, с достаточной точностью и полнотой (рис. 5, 6).

С верхним горизонтом культурного слоя связана мощная система укреплений. Валу в это время были значительно увеличены, склоны подверглись специальной обработке, городище было окружено деревянными оградами.

Находки, сделанные в слое пожарища, оказались очень бедными. Обильно представлена была лишь керамика. В пределах построек было найдено свыше двух десятков целых глиняных сосудов, обнаружен нижний камень круглого ручного жернова, найдены железный серп, обломок глиняного биконического пряслица, часть железной застежки (рис. 4). Представляется, что последние обитатели Тушемля не были достигнуты пожаром врасплох. Они покинули свои жилища еще до пожара, унеся с собой все имущество, за исключением неудобной для перевозки глиняной посуды.

Последняя является, однако, очень интересной. Подобно керамике среднего культурного слоя она делится на две группы — на нелощеную и лощеную, а по формам — на горшки и высокие миски. В облике керамики угадываются и другие черты, свойственные посуде предыдущего времени, например ребристость мисок. Наряду с этим керамика из горизонта пожарища имеет особенности, отличающие ее от посуды среднего слоя. Она изготовлена из более грубой, плохо промешанной глины. Верхняя часть горшков слабо профилирована и отдаленно напоминает в этом

отношении посуду из нижнего культурного слоя. Венчики посуды не имеют никакой орнаментации, характерной для керамики среднего культурного слоя.

Находки, сделанные в верхнем горизонте культурного слоя, не дают возможности точно его датировать. Судя по круглому жернову и развитой форме серпа, верхний слой нужно отнести к концу I тысячелетия н. э. Анализ сгоревшего дерева, сделанный в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, дал дату 960 ± 150 . На основании некоторых данных, речь о которых пойдет ниже, следует остановиться на крайних, наиболее ранних цифрах, и датировать пожар на Тушемле серединой IX в.

Итак, раскопки на Тушемле оказались в целом чрезвычайно удачными. Они дали нечто вроде культурно-хронологической шкалы, обрисовали три этапа в развитии местной культуры «железного века»: первый этап — вторая половина I тысячелетия до н. э., второй этап — начало I тысячелетия н. э. и третий этап — третья — четвертая четверти I тысячелетия н. э. (рис. 4). Раскопками была открыта неизвестная до сих пор интереснейшая система домостроительства и укреплений. Впервые на городищах Верхнего Поднепровья было открыто языческое святилище. Вместе с тем раскопки на Тушемле поставили ряд вопросов, которые можно было решить лишь путем исследования других аналогичных или близких Тушемле археологических памятников.

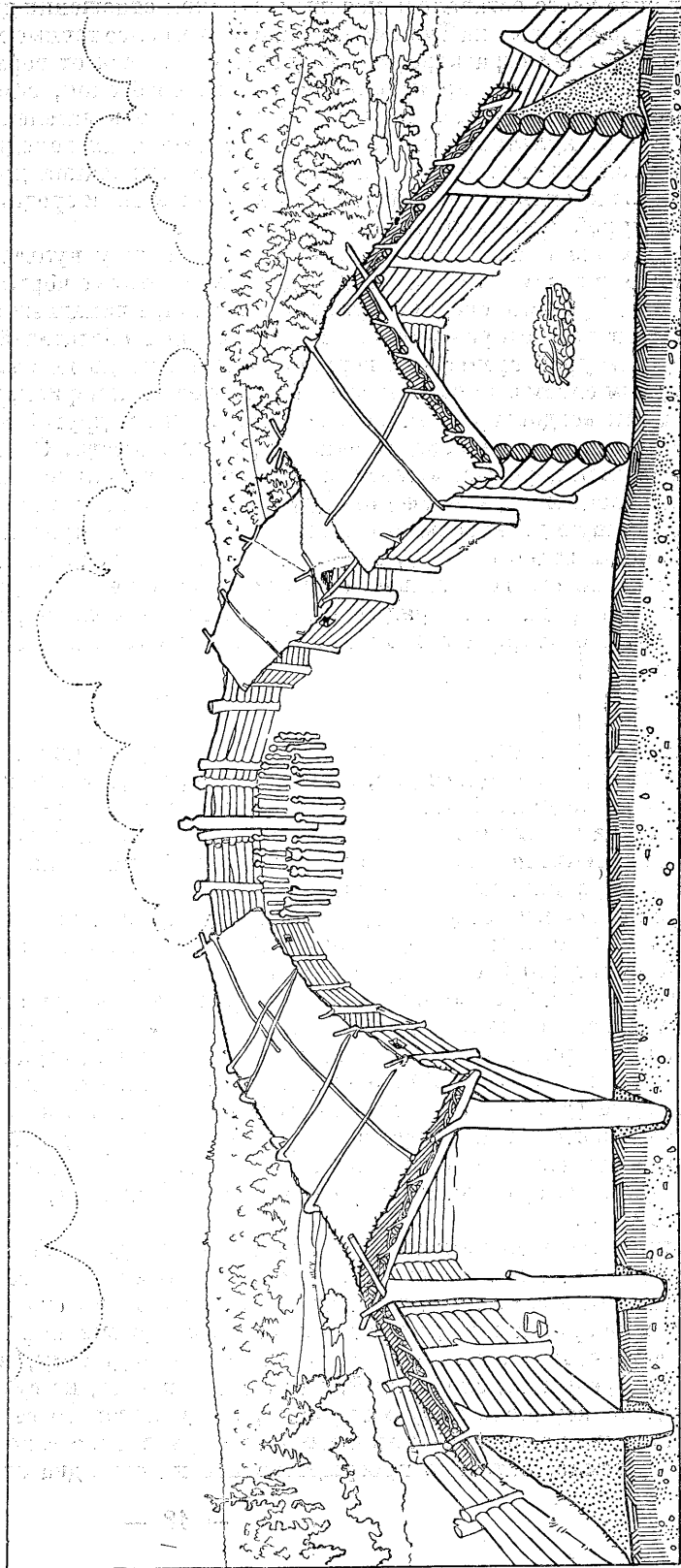

Рис. 6. Реконструкция сооружений на площадке городища Тушемля.

Прежде всего оставалось неясным, в каком отношении друг к другу находятся три культуры, обнаруженные на Тушемле, и каковы их более точные хронологические рамки? Нижний культурный слой стратиграфически четко отделялся от верхних; его перекрывала погребенная почва. Находки, происходящие из среднего слоя, заметно отличаются от материалов нижнего слоя. Представлялось бесспорным, что в заселении городища был значительный перерыв, что культура среднего слоя в материалах городища Тушемля ничем не связана с культурой нижнего слоя. На основании исследования других городищ предстояло выяснить, каков хронологический разрыв между нижним и средним слоями Тушемли и материальной культурой какого облика он заполняется.

Несколько иначе рисовались отношения между культурой среднего и верхнего слоев. В их керамическом материале наблюдались некоторые черты преемственности. Людям, оставшим на Тушемле средний культурный слой, принадлежало как будто бы такое же круглое святилище, которое имелось и у последних обитателей городища. Но преемственность между культурой среднего и верхнего слоев отнюдь не была непосредственной. С верхним культурным слоем был связан особый строительный период, когда поселение и все его укрепления были воздвигнуты заново. Керамический и другой материал также отнюдь не позволяет говорить о непосредственной преемственности. Скорее всего в заселении городища и здесь имелся перерыв, может быть, не очень продолжительный, но так или иначе заставивший нас обратиться к изучению других аналогичных памятников.

Настоящую дискуссию вызвал вопрос о том, что представляло собой городище Тушемля на последнем этапе своего существования. Было очень заманчиво усматривать в этом городище со всеми его необычными сооружениями прежде всего святилище — культовый центр племени или рода, а не рядовое укрепленное поселение, подобное десяткам других. Для решения этого вопроса точно так же были необходимы раскопки на других смоленских городищах.

3

Вопросы, касающиеся материальной культуры нижнего слоя Тушемли и отношения к ней культуры последующего, среднего слоя, в значительной степени были разрешены в результате исследований на соседнем Мокрядинском городище, находящемся на правом берегу р. Сожа, в 1.2 км к юго-востоку от Тушемли. Расположенные рядом, эти два городища некогда входили, несомненно, в одну группу. Их население было тесно связано между собой. С одного городища хорошо видно другое.

Произведенные на Мокрядинском городище сравнительно небольшие раскопки (230 м²) показали, что основной слой этого городища относится к тому же самому времени, что и нижний культурный слой Тушемли. Было сделано много интересных находок, частью таких же, что и на Тушемле, частью других, позволяющих значительно полнее охарактеризовать эту древнюю скотоводческо-земледельческую культуру, хорошо знакомую с металлургией, и подтверждающих, что она восходит к весьма отдаленным временам — к V—III вв. до н. э., а может быть, и к более раннему времени. Отметим здесь лишь некоторые датированные находки (рис. 4). Это серьги «скифского типа» и литейная формочка для изготовления таких украшений. Они могут восходить к V—IV вв. до н. э. К несколько более позднему времени относятся обломки сложного бронзового браслета и часть нарядной бронзовой гривны (или большой застежки) — вещи оригинальные, не имеющие вне Смоленщины прямых аналогий.

В процессе раскопок на Мокрядинском городище были открыты остатки двух прямоугольных в плане жилищ столбовой конструкции со стенами, обмазанными глиной, и с очагом в каждом жилище, располагавшимся в одном из его углов. Были открыты также два глиняных «жертвенника», назначение которых до сих пор является загадкой. По краю площадки встречены следы деревянной стены, по-видимому, в форме тына. На первом этапе городище имело вал, сложенный, как и на Тушемле, из супеси с кусками дернин.

Судя по керамическому материалу, среди которого отсутствовали наиболее архаичные формы посуды, древнейшее поселение на Мокрядинском городище возникло несколько позже, чем на Тушемле. Зато оно просуществовало на одно-два столетия дольше, захватив значи-

тельную часть того времени, когда городище Тушемля было по каким-то причинам заброшено. Материальная культура этого времени (рубежа I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.) свидетельствует о преемственности между культурами, представленными материалами нижнего и среднего слоев городища Тушемля. Керамический материал верхнего слоя Мокрядинского городища носит как бы переходный характер. Венчики сосудов стали более профилированными, отогнутыми наружу, изменился состав глины — появилась примесь крупного песка, на венчике некоторых сосудов наносились насечки, иногда как бы случайные, редко расположенные. На основании этой керамики можно проследить, как постепенно складывались черты, обычные для культуры среднего слоя Тушемля.

Характерными для верхнего слоя Мокрядинского городища оказались отдельные «грузики дьякова типа», железные и бронзовые булавки в виде пастушеского посоха, конические бронзовые подвески, прямые железные ножи (рис. 4).

«Переходные» формы материальной культуры, связывающие между собой культуры нижнего и среднего слоев городища Тушемля, мы обнаружили также среди материалов древних городищ восточной Смоленщины, находящихся в верхнем течении Десны, а также среди материалов из раскопок Е. А. Шмидта на богатом находками городище Новые Батеки, расположенном на правом берегу Днепра ниже Смоленска, данные о котором публикуются в настоящем сборнике.

На Десне, на городище у д. Холмец, где нами был заложен маленький раскоп, был встречен такой же керамический материал, что и на Мокрядинском городище — и более ранний, и более поздний, вместе с которым найдены «грузики дьякова типа». На городище найдены железные ножи и проушный железный топор «скифского типа». Подобные топоры обнаружены и на городище у д. Новые Батеки. Они известны в лесной полосе Восточной Европы на городищах милоградской и юхновской культур.⁶

На городище Новые Батеки, где часть древних слоев была перемещена с места на место благодаря неоднократной его перепланировке в древности, Е. А. Шмидтом была осуществлена раскопка всей сохранившейся площади. В результате раскопок была получена богатая коллекция бронзовых изделий, в частности своеобразных браслетов, в том числе с концами, снабженными парой конических спиралей, и литейных формочек для их изготовления; найдены многочисленные железные орудия, каменные зернотерки и др. Керамический материал оказалось возможным разделить на три части — более древнюю, среднюю и более позднюю, в общем повторяющие то, что выявилось на Мокрядинском городище. В Новых Батеках отсутствует лишь керамика с венчиком, украшенным насечками и защипами, появляющаяся в верхних слоях Мокрядинского городища. Остатки жилищ сохранились в Новых Батеках очень плохо, но бесспорно, что они были наземными, кольцевой конструкции, прямоугольной формы, с каменными очагами.

Представляющие культуру смоленских городищ древнейшей группы нижний слой Тушемля, Мокрядинское городище и Новые Батеки не были, по-видимому, самыми архаичными на Смоленщине. Можно предполагать, что здесь будут отысканы и более ранние городища, принадлежащие к VIII—VI вв. до н. э., синхроничные древнейшим городищам ананьинской культуры, древнейшим дьяковским городищам и наиболее ранним городищам юхновской и милоградской культур. Одним из таких ранних смоленских городищ является, возможно, Жарынь в бассейне р. Вороницы, притока Ипути. В 1961 г. Е. А. Шмидт в обнажениях этого сильно разрушенного городища, в основании его культурного слоя, нашел скопление обломков глиняных литейных форм для изготовления по восковым моделям бронзовых украшений примерно таких же типов, какие известны на исследованных нами городищах. Но среди обломков оказались части формочек для изготовления бронзового кельта — вещи, которую никак нельзя датировать позднее первой четверти I тысячелетия до н. э.

Материальная культура смоленских городищ середины и второй половины I тысячелетия до н. э., принадлежавшая к «раннему железному веку», оказалась очень интересной.

⁶ В. А. І л л і н с ь к а. Скіфські сокири. Археологія, т. XII, Київ, 1961, стр. 29—31; Отчет о раскопках О. Н. Мельниковской в 1957 г. на Горошковском городище. Архив ИА АН СССР; Е. Н. Г о р ю н о в а. Городище Торфель. КИИМК, вып. XXXI. 1950; раскопки А. Е. Алиховой на городище у с. Александровка под Курском.

Некоторые ее черты являются общими для городищ, расположенных на более широкой территории. Таковы прежде всего костяные и роговые орудия охоты и рыбной ловли, представленные формами, восходящими к неолитическому времени, и свидетельствующие о древних местных истоках культуры смоленских городищ. Столбовые («кольевые») наземные постройки смоленских городищ близки постройкам, известным на верхневолжских (западнодьяковских), юхновских, отчасти милоградских городищах и на литовско-белорусских городищах со штрихованной керамикой. Железные изделия смоленских городищ могут быть охарактеризованы как «скифско-днепровские»; очевидно, «железный век» в области Верхнего Поднепровья сложился не без участия ранней среднеднепровской железной металлургии.

Особенно своеобразными оказались найденные на Тушемле, Мокрядинском городище и в Новых Батеках изделия из бронзы — предметы убора и украшения. Несмотря на отсутствие собственного сырья, меднолитейное дело было здесь широко распространено и достигло высокого для своего времени совершенства. Вещи изготовлялись путем отливки в составные формы, особенно же часто в глиняные формы, приготовленные по восковым моделям. По общему облику часть изделий приближалась к милоградским, несущим на себе следы среднеднепровского скифского и особенно гальштатско-латенского влияния. Другие бронзовые изделия не находят себе прямых аналогий в культурах середины и второй половины I тысячелетия до н. э. Это прежде всего массивные браслеты с ложными парными коническими спиральями на концах, богатые гривны и крупные кольцевые застежки «кружевного литья».

До последнего времени считалось общепринятым, что в «раннем железном веке» в лесной зоне европейской части СССР главным «законодателем моды» в области бронзовых украшений было ананьинское и пьяноборское Прикамье. В частности, сложные украшения, как бы имитирующие плетение, всегда рассматривались как восходящие к волго-камской финно-угорской среде. Исследования на Смоленщине, а еще раньше археологические открытия, сделанные на подгорцевских поселениях северной Киевщины и милоградских городищах Гомельщины показали, что в области Верхнего Поднепровья были свои богатые традиции в области изготовления бронзовых украшений, в том числе и имитирующих плетение. Главные истоки этих традиций восходили к древним центрам средневропейской бронзовой металлургии.

Несомненно также, что многие бронзовые изделия, найденные в области Волго-Окского междуречья, являются по происхождению верхнеднепровскими. Таковы, например, большая бронзовая застежка из Дьякова городища, обломок застежки или гривны из городища Малявница на Средней Оке, обломок украшения из Пекуновского городища и др.⁷ Известные «дьяковские навершия», происходящие преимущественно из западной части Волго-Окского междуречья, по своему характеру также близко примыкают к верхнеднепровским изделиям. Многие из них найдены на городищах Верхней Оки, по культуре близких к смоленским.

Наконец, специфической особенностью материальной культуры древнейших смоленских городищ является их неорнаментированная керамика, уже достаточно охарактеризованная выше. Следует отметить также негативные признаки этой культуры. Для соседних со смоленскими верхнеднепровских городищ — юхновских и милоградских очень характерны разнообразные изделия из глины — шары, конусы, «катушки», пирамидальные и иные блоки, а также фигурки животных. Назначение этих изделий еще не разъяснено, но они являются одним из самых существенных признаков этих городищ. Для древнейшей смоленской культуры такие изделия совсем несвойственны. Исключение составляют иногда встречающиеся небольшие глиняные конусы с продольным отверстием — прообраз «грузиков дьякова типа».

Судя по материалам археологических обследований, произведенных в разное время на Смоленщине и в смежных областях, городища с культурой типа нижнего слоя городищ Тушемля—Мокрядинское—Новые Батеки распространены, как уже указывалось выше, на

⁷ В. И. Сизов. Дьяково городище над Москвой. Тр. Виленск. арх. съезда, т. II, М., 1898, табл. XXVII, а, рис. 8; П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 171, рис. 14; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 123, рис. 42, 1.

обширных пространствах. Они занимают верховья Днепра выше Смоленска и ниже Смоленска почти до Орши, где проходит их граница с литовско-белорусскими городищами, характеризующимися штрихованной керамикой. Восточнее Днепра городища смоленской культуры занимают верхнее течение Сожа с его притоками Вихрой и Остром приблизительно до Кричева, где начинается область милоградских городищ. Еще восточнее носителям этой культуры принадлежали верховья Десны. Граница смоленской и юхновской городищенских культур проходила по Десне несколько выше Брянска. В бассейне Верхней Оки, восточнее и северо-восточнее бассейна Верхней Десны, смоленская культура не распространялась. Культура древних городищ этой области имела несколько иной облик. В область смоленской культуры входили лишь некоторые городища, расположенные по берегам Верхней Угры. То же самое следует сказать о городищах северо-восточных районов Смоленской области, расположенных по правым притокам Волги — Вазузе и Гжати. Они значительно отличались от смоленских, приближаясь по характеру своих культурных остатков к верхне-волжским — западнодьяковским городищам.

Западнее Днепра городища интересующего нас типа выходят за пределы бассейна правых притоков этой реки. Они распространены, по-видимому, по всему междуречью смоленского течения Днепра и соответствующего участка верхнего течения Западной Двины. Имеются данные, что городища с тонкостенной, слабо профилированной, неорнаментированной керамикой располагаются и на Двине и за Двиной. Но здесь легко впасть в ошибку, так как на Правобережье Западной Двины имеется, по-видимому, своя особая группа древних городищ с тонкостенной керамикой, иногда украшенной в верхней части несложными узорами из разной формы ямок. Таковы городища у Себежа — Себежское, Язбовское, Жуки и Ульяновское, исследованные С. А. Таракановой и Ф. Д. Гуревич. Поэтому сейчас нельзя точно определить, какой участок поречья Западной Двины принадлежал носителям культуры типа нижнего слоя городищ Тушемля—Мокрядинское—Новые Батеки. Но он не имел, очевидно, большой протяженности. В самом верхнем течении Западной Двины, где много лет вела исследования Я. В. Станкевич, городища смоленского типа обнаружены не были. На древних городищах там встречается текстильная и штрихованная керамика. Что же касается области нижнего и среднего течения Западной Двины, то она в значительной части входила в пределы культуры городищ со штрихованной керамикой. Таким образом, область городищ смоленского типа на Западной Двине ограничивается, по-видимому, лишь смоленским и отчасти витебским течением этой реки. Такой вывод можно сделать, в частности, по материалам Л. В. Алексеева, обследовавшего археологические памятники в Витебской области.⁸

Говоря о границах распространения культуры древних смоленских городищ, нельзя не отметить, что эти границы, даже там, где они были хорошо прослежены, повсюду являются очень неопределенными. Это замечание в равной мере относится к границам всех других культур «раннего железного века» в лесной полосе Восточной Европы. Между отдельными культурами лежали широкие зоны с более или менее смешанной материальной культурой. Такое явление наблюдалось на границах не только близких и родственных культур, например дьяковской и городецкой, но и на границах культур, значительно отличающихся друг от друга, например милоградской и литовско-белорусской со штрихованной керамикой.

Что касается культуры древнейших смоленских городищ, то она была особенно близка синхроничной ей верхнеокской культуре, юхновской культуре, а также, по-видимому, культуре упомянутых выше себежских городищ.

Остается открытым вопрос о происхождении культуры древних смоленских городищ. Это объясняется тем, что древности конца II и начала I тысячелетий до н. э. в области Верхнего Поднепровья не только не изучены, но и по сути дела почти неизвестны.

⁸ Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолуцкой обл. КСИИМК, вып. 62, 1956; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. Материалы по археологии и этнографии Прибалтики, т. 1, М., 1959; Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Зап. Двины. Там же; Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960.

Выше шла речь об археологических данных, свидетельствующих о преемственности в развитии культуры типа нижнего и среднего слоя городища Тушемля. На основании этих данных изменение в облике культуры не может рассматриваться как результат смены населения. На подавляющем большинстве исследованных нами городищ с древнейшей культурой в верхних слоях имелись остатки культуры не только переходного, но в той или иной степени и нового облика (средний слой Тушемли). Очевидно, здесь жило одно и то же население.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания еще на одно важное обстоятельство. В процессе работ 1954—1962 гг. удалось установить, что возникновение культуры нового типа, характеризующего средний слой Тушемли, было следствием не столько внутренних процессов, сколько мощного внешнего влияния, идущего в местную среду с юго-востока, из области бассейна Десны, а может быть, и по Сожу.

Выше уже указывалось, что керамика и металлические изделия среднего слоя Тушемли близко напоминают зарубинецкие. Мы не сомневаемся в том, что культура среднего слоя Тушемли сложилась под сильным влиянием со стороны носителей зарубинецкой культуры, распространившихся в это время в области бассейна Десны вплоть до ее верхнего течения, а также, по-видимому, по Среднему Посожью. Отдельные группы зарубинецкого населения проникли в начале нашей эры и на Верхний Днепр, о чем говорит поле погребений у д. Казичина на правом берегу Днепра выше Смоленска.⁹

К такому выводу мы пришли не только на основании внешнего сходства зарубинецкой культуры и культуры среднего слоя Тушемли (сходство керамики и металлических изделий), а прежде всего в результате изучения культурной стратиграфии археологических памятников в разных областях Смоленщины и соседней северной Брянщины.

При обследовании древних городищ в пределах бассейна верхнего течения Десны нами было осмотрено 6 городищ, уже упомянутых выше, в том числе городище у д. Холмец. Несколько раньше археологические памятники бассейна Верхней Десны обследовались Л. Б. Артишевской, Ф. М. Заверняевым и Е. А. Шмидтом.¹⁰ В итоге мы располагаем данными более чем о 20 древних городищах, расположенных по Десне и ее притокам выше г. Брянска, вне северных пределов распространения юхновской культуры.

Материалы, происходящие из этих памятников, как уже указывалось, свидетельствуют о том, что верхнедеснинские городища аналогичны смоленским городищам древнейшей группы. Все они содержат такую же, как в нижнем слое Тушемли или на Мокрядинском городище, тонкостенную, слабо профилированную, неорнаментированную керамику. На многих городищах в верхних горизонтах встречается керамика «переходного» типа от древнейшей группы к средней, сопровождаемая «грузиками дякова типа». Городищ более поздних, аналогичных по культуре второму и третьему слою Тушемли, на Верхней Десне нет. Исключение составляет лишь Владимировское городище, верхний культурный слой которого содержит керамику, несколько напоминающую посуду из верхнего слоя Тушемли. В целом создается впечатление, что жизнь древнего местного населения в верхнем течении Десны прервалась приблизительно на рубеже I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. Население покинуло места своего старого обитания.

Можно ли назвать причину, вызвавшую это явление? В свете археологических данных, известных в настоящее время, становится очевидным, что прекращение жизни на древних городищах было связано по времени с распространением в бассейне Верхней Десны поселений зарубинецкого типа. Их большая группа обнаружена Ф. М. Заверняевым на правом притоке Десны — р. Судости, где исследованы два поселения — Почепское и Синьковское.¹¹

⁹ Е. А. Ш м и д т. Могильник у д. Козичина около Смоленска. МИА, № 70, 1959.

¹⁰ Л. Б. А р т и ш е в с к а я. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, вып. 68, 1957; Е. А. Ш м и д т и Ф. М. З а в е р н я е в. Археологические памятники бассейна Верхней Десны. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 3, Смоленск, 1959.

¹¹ Ф. М. З а в е р н я е в. Почепское селище первых веков нашей эры. СА, № 4, 1961, стр. 179—185; Е. А. Ш м и д т и Ф. М. З а в е р н я е в, ук. соч., стр. 207, 209—211, 214, 215—218.

На Десне выше Брянска известно 8 зарубинецких поселений. На одном из них, наиболее северном, расположенном на правом берегу Десны около д. Спартак в Смоленской области, нами в 1959 г. были произведены небольшие раскопки, вскрывшие остатки жилища, несколько углубленного в землю.

Следует думать, что расселение носителей культуры зарубинецкого типа в поречье Верхней Десны явилось основной причиной прекращения жизни на древних верхнедеснинских городищах. В то же время пришлое население оказало сильное влияние на материальную культуру ближайших соседних районов, особенно, как уже указывалось, в области форм металлургических изделий и керамики.

Зарубинецкая железная металлургия, питающаяся отголосками латенских традиций, была несомненно выше местной металлургии. На смоленских городищах появились ножи и серпы зарубинецких форм. На городище у д. Городок, речь о котором пойдет ниже, нами была найдена характерная среднелатенская бронзовая фибула. В местную среду проникло искусство изготовлять лощеную керамику, вместе с чем распространились и зарубинецкие формы посуды.

Но культуру зарубинецкого типа от синхроничной ей местной культуры отличить все же очень нетрудно. Керамика из среднего слоя городища Тушемля однообразна по формам; лощеная посуда встречается среди керамического материала как редкое исключение и имеет плохое качество. Керамика из зарубинецких поселений отличается разнообразием форм и лучшей выделкой, особенно это относится к лощеной посуде. Характерной находкой на городищах являются «грузики дьякова типа», на зарубинецких поселениях ни разу не встреченные. Различными были и формы жилищ. У местного населения это были наземные постройки столбовой конструкции. На зарубинецких поселениях наряду с наземными жилищами особенно характерными являются прямоугольные полуземлянки.

От исследователей деснинских древностей приходится иногда слышать, что культура зарубинецкого характера появляется в поречье Десны сначала на городищах, а уже затем на селищах. В свете наших материалов очевидна ошибочность этого взгляда, во всяком случае применительно к бассейну Верхней Десны, где дело обстоит явно не так. Зарубинецкое население, постепенно продвигавшееся на север, как правило, не селилось на старых городищах. Керамика, напоминающая зарубинецкую, происходящая из городищ, принадлежала не пришельцам, а отступающему перед ними и попавшему под их влияние местному населению.

И еще одно обстоятельство должно быть отмечено в связи с вопросом о влиянии зарубинецкой культуры на местную городищенскую культуру. Оказалось, что чем дальше от поречья Десны, тем влияние зарубинецкой культуры было слабее. В материалах городища у д. Новые Батеки, расположенного на правом берегу Днепра в низовьях р. Ольши, в верхнем горизонте, относящемся к первым векам нашей эры, зарубинецкое влияние в керамике почти не ощущается. «Грузиков дьякова типа» там много, а керамики с венчиком, украшенным насечками или зацепками, совсем нет. То же самое следует сказать и о других городищах днепровского Правобережья. Если говорить о керамическом материале, то там посуда, характерная для нижнего слоя Тушемли, непосредственно перерастает в посуду типа верхнего слоя Тушемли. Лишь на некоторых правобережных смоленских городищах имеется в небольшом числе керамика, аналогичная посуде из среднего слоя городища Тушемля.

Таким образом, если попытаться очертить область распространения городищ с культурой среднего слоя Тушемли, то она будет значительно меньше очерченного выше ареала древнейших смоленских городищ. Она будет занимать лишь юго-восточную часть этого ареала, вне которой культура первых веков нашей эры развивалась на основании старых местных традиций.

Отмеченное явление служит убедительным доказательством того, что культура среднего слоя городища Тушемля в области Левобережной Смоленщины действительно сложилась при наличии влияний деснинской зарубинецкой культуры.

Вопрос о зарубинецкой культуре, ее происхождении, составе и этнической атрибуции решен еще далеко не окончательно. По мнению ряда археологов, в частности автора этих строк, эта культура скорее всего являлась раннеславянской, сложившейся на широких

пространствах Среднего Поднепровья во II и I вв. до н. э. при преобладающей роли этнических элементов, происходящих с запада, из области бассейна Вислы. Оттуда зарубинецкая культура получила, в частности, погребальный обряд и свои «умеренно-латенские» черты. Она по многим признакам очень близка синхроничной ей пшеворской культуре Повисленья, основной массив которой на основании ряда данных также рассматривается как славянский.

Кроме западных элементов, в сложении зарубинецкой культуры участвовали и местные среднеднепровские элементы, восходящие, в частности, к скифскому, а может быть, и предскифскому времени. Нам хочется думать, что зарубинецкие племена отнюдь не являлись первыми славянами в области Среднего Поднепровья, что сложение зарубинецкой культуры — это не начало исторической жизни древних славянских племен в этой области, а важный этап на путях их культурно-этнической консолидации, один из первых шагов сложения восточного славянства.¹²

Иных представлений о зарубинецкой культуре придерживается в последнее время Ю. В. Кухаренко, исследовавший большое количество зарубинецких памятников в верхнем течении Припяти. Он стремится доказать, что в ее основе лежал лишь один источник — одно из ответвлений позднелужицких, так называемых поморских племен. Зарубинецкие памятники, в которых, кроме западных, имеются еще и старые среднеднепровские черты, Ю. В. Кухаренко как будто склонен исключить из зарубинецкой культуры. В число таких памятников попадает значительная группа зарубинецких древностей в Киевском Поднепровье и все памятники Левобережья, в частности зарубинецкие памятники бассейна Десны.¹³

С такими представлениями согласиться, однако, никак нельзя. Зарубинецкая культура в ее широких границах представляет несомненно определенное культурное единство, характеризующееся специфическими формами керамики, своими типами бронзовых фибул, погребальным обрядом. Она заметно отличается от древностей других восточноевропейских племен рубежа I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. — сармато-аланских, финно-угорских или балтийских. Как и всякая древняя культура, развивавшаяся в условиях еще первобытных форм жизни и распространявшаяся отнюдь не по пустынным пространствам, а по территории, где имелось свое население с различными культурными традициями, зарубинецкая культура в разных областях неизбежно приобретала свои особенности. Мы не знаем ни одной древней культуры, вполне однородной на всей территории ее распространения. Такой культуры не могло и быть в тех условиях.

Изменялась зарубинецкая культура и во времени. Верхнедеснинские зарубинецкие памятники представляют собой своеобразную локальную группу не только потому, что в их культуре в той или иной степени отразились древние местные традиции, восходящие к милоградским, юхновским и древнейшим смоленским племенам, но и потому, что они являются в основном позднзарубинецкими, относящимися к первым трем-четырем векам нашей эры. Об этом говорят фибулы Почепского селища, все без исключения имеющие позднелатенский облик. На зарубинецком селище около Жуковки, на левом берегу Десны, в 60 км выше Брянска, нами была найдена подвязная фибула, относящаяся скорее всего к III—IV вв. н. э. Не удивительно, что культура верхнедеснинских зарубинецких поселений в некоторых отношениях заметно отличалась от «классических» зарубинецких древностей Среднего Поднепровья, относящихся главным образом к I в. до н. э. и I в. н. э.

Важно указать также и на то, что в области Верхнего Поднепровья зарубинецкая культура, несмотря на отдельные усвоенные ею местные черты, представляла собой явление совершенно новое, не имеющее никаких корней в местной среде, чего нельзя сказать о зарубинецкой культуре в областях Среднего Поднепровья. Там она, по-видимому, формировалась. На север же она проникла в результате расселения ее носителей вверх по Десне и по Сожу. Это расселение в первых веках нашей эры, явившееся, как мы предполагаем, первой волной славянской колонизации в лесной полосе Восточной Европы, сыграло очень большую роль

¹² Сб. «Зарубинецкая культура в Поднепровье», МИА, № 70, 1959.

¹³ Ю. В. Кухаренко, К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА., № 1, 1960.

в истории культуры местного населения не только на территории верхнего течения Десны и Днепра (речь об этом уже шла выше), но и на других, несравненно более широких территориях.¹⁴

5

Вернемся, однако, к нашим исследованиям на Смоленщине и обратимся к вопросу об отношении культуры среднего слоя городища Тушемля к культуре его верхнего слоя. Решение этого вопроса оказалось весьма сложным из-за малого количества имеющихся у нас фактических данных.

Среди многочисленных городищ, изученных или обследованных на Смоленщине в 1954—1962 гг., лишь два содержали материал, заполняющий хронологический разрыв между этими культурами. Здесь имеется в виду Лахтеевское городище, находящееся на р. Мошне — правом притоке Верхнего Сожа, обследованное и частично раскопанное в 20-х годах А. Н. Лявданским,¹⁵ и Кольчевское городище в верхнем течении Сожа, обследованное нами в 1961 г.

Больших раскопок на Лахтеевском городище нам осуществить не удалось вследствие того, что его площадка ныне занята густым лесом. В 1961 г. на городище был вскрыт лишь небольшой участок, что позволило дополнить данные А. Н. Лявданского об укреплениях по краям городища и собрать небольшой керамический материал.

Керамика нижнего слоя Лахтеевского городища, очень незначительного и нарушенного верхним, основным слоем, принадлежит к древнейшей группе. К этому же времени относятся найденный на городище нож с горбатой спинкой и костяные орудия. Керамика верхнего, основного слоя в общих чертах напоминает более всего посуду из верхнего слоя Тушемли. Здесь имеется как грубая лепная, слабо профилированная, толстостенная посуда, так и посуда лучшей выделки, с хорошо сглаженной («подлощенной») поверхностью. Но в отличие от керамики верхнего слоя Тушемли ряд лахтеевских сосудов украшен по венчику насечками или погтевыми вдавлениями, что свойственно более ранней керамике. Профиль некоторых сосудов — их значительно отогнутый наружу венчик — также говорит о более раннем времени. Таким образом, керамика Лахтеевского городища как будто бы может рассматриваться в качестве связующего звена между керамическими типами среднего и верхнего слоя Тушемли. Другие находки — железный нож, маленькие сосуды — отнюдь не противоречат этому. Они позволяют датировать городища серединой и третьей четвертью I тысячелетия н. э.

Но вместе с тем в лахтеевской керамике имеются и некоторые особенности, чуждые посуде Тушемли. Прежде всего это вертикальная штриховка, заметная на некоторых сосудах. Во-вторых, на одном из сосудов с гладкой поверхностью имеется своеобразное ребро на половине высоты. Обе эти черты характерны для керамики более южных областей. Следовательно, Лахтеевское городище хотя и относится к интересующему нас сейчас времени, но принадлежит к несколько другому, близко родственному Тушемле варианту местной культуры.

Другим городищем, давшим керамику «переходного» типа, является Кольчевское, находящееся на берегу небольшого ручья, левого притока Верхнего Сожа. На этом городище, основной культурный слой которого относится к средневековой, также были произведены лишь самые маленькие раскопки. Керамика, найденная в нижнем культурном слое, напоминает лахтеевскую и как будто бы не имеет западных элементов. Но керамики этой в нашем распоряжении очень мало — всего лишь три десятка обломков. Строить на их основании какие-либо выводы не представляется возможным.

Более значительный материал, соответствующий «переходному» типу между культурой среднего слоя Тушемли и ее верхнего слоя, происходит из селищ, находящихся в основном районе наших работ на берегах Верхнего Сожа. Одно из них находится на берегу р. Сожа,

¹⁴ П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, № 4, 1960.

¹⁵ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, вып. 3, 1926, стр. 195—199.

в устье р. Хмары, в 10—12 км ниже Тушемли. На невысоком песчаном всхолмлении, размываемом в половодье, был обнаружен тонкий культурный слой, содержащий небольшое количество керамики и перекрывавший остатки погибшей от пожара длинной столбовой деревянной постройки тушемлинского типа с каменным очагом. Толстостенная посуда, найденная на селище, представлена, как и на Лахтевском городище, двумя типами глиняных сосудов — посудой грубой выделки и сосудами с подлощенной поверхностью. Среди первых имеются обломки большой миски с защинами по краю. Защины или косые насечки имелись и на некоторых других сосудах. Никаких западных черт на керамике из селища не найдено.

Находки такой же керамики были сделаны на селище у д. Слобода Глушица, на левом берегу Сожа, в 3,5 км выше Тушемли. Это селище является частью целого комплекса древних памятников, речь о котором пойдет ниже.

Факт наличия неукрепленных поселений в устье р. Хмары и у д. Слобода Глушица, предшествующих по времени верхнему слою Тушемли, и сведения о других таких же селищах, находящихся в бассейне Сожа, нельзя было не сопоставить с тем, что из шести исследованных нами городищ с остатками культуры верхнего слоя Тушемли в пяти случаях этот слой не имел непосредственного предшественника. Исключение составляло лишь упомянутое выше Кольчевское городище. На основании этих данных мы пришли к выводу, что в третьей четверти I тысячелетия н. э. преобладающей формой поселений в среде местных обитателей Смоленщины становятся неукрепленные поселения, расположенные на невысоких речных берегах, обычно очень небольшие и вследствие этого плохо сохранившиеся до настоящего времени. Как известно, процесс смены укрепленных поселений неукрепленными был явлением повсеместным. В лесной полосе Восточной Европы он протекал в первой половине и середине I тысячелетия н. э., в одних местах несколько раньше, в других — позже. В свое время этот процесс был прослежен нами в области Верхнего Поволжья.¹⁶ Он не раз отмечался для поречья Оки. Древнее население Смоленщины не составляло в этом отношении какого-либо исключения.

К вопросу о том, почему на Смоленщине в более позднее время вновь возникли в большом количестве укрепленные поселения, что они собой представляли и кем были сооружены, мы вернемся ниже, после того как познакомимся со всеми исследованными в 1954—1962 гг. городищами типа верхнего слоя Тушемли.

Раскопки на этих городищах, находящихся как на том же, что и Тушемля, отрезке Верхнего Посожья, так и в других частях Смоленщины, позволили прежде всего ответить на вопрос — что представляло собой укрепленное поселение Тушемля в последний период его жизни. Оказалось, что городище Тушемля отнюдь не являлось каким-то особенным сооружением, отличающимся от других синхроничных ему городков. На других городищах были открыты остатки таких же точно, как на Тушемле, деревянных построек.

Особенно интересные результаты дали раскопки 1957 г. на городище у д. Городок, находящемся в 18—20 км севернее Тушемли на р. Лучесянке, правом притоке р. Хмары. Это городище, занимающее мыс коренного берега Лучесянки, по своей форме и размерам очень похоже на Тушемлю (рис. 7). Раскоп на Городке был заложен на стрелке, на том месте, где на Тушемле находилось круглое святилище, входившее в систему окружавшей площадку деревянной постройки. Точно на этом месте на Городке были открыты остатки такого же круглого святилища (рис. 8), а на соседнем участке — остатки части деревянной столбовой постройки, полностью повторяющей постройку Тушемли. На Городке была исследована сравнительно небольшая площадь (94 м²), но результаты раскопок не оставляют никаких сомнений в том, что это городище является полной аналогией верхнему слою Тушемли.

Интересно, что и вещественные находки, сделанные на Городке в очень небольшом количестве, оказались такими же, как и на Тушемле. Здесь найдены, в частности, обломки круглого ручного жернова и глиняный сосуд. Удалось установить, что Городок в последний период жизни, так же как и Тушемля, был заново отстроен и вскоре погиб от большого пожара.

¹⁶ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 44, 69, 83.

Очень интересные детали удалось выявить при исследовании круглого святилища, следы которого в виде ям от столбов сохранились на Городке очень хорошо (рис. 8). Оказалось, что столбы, стоявшие по кругу, являлись здесь «пластинами», т. е. бревнами, расколотыми вдоль на две половины; они стояли выпуклой стороной внутрь круга.

И еще одна замечательная и в высшей степени колоритная деталь была обнаружена на святилище Городка. Вблизи большого столба, яма от которого находилась в центре круга, на поверхности площадки были найдены остатки головы большого медведя, вероятно, венчающей центральный столб. О том, что это была именно голова, а не череп, свидетельствовала нижняя челюсть, сохранившаяся на своем месте в правильном анатомическом порядке по отношению к черепу. Эта находка еще более убедила нас в том, что круглые сооружения Тушемли и Городка действительно являлись языческими святилищами.

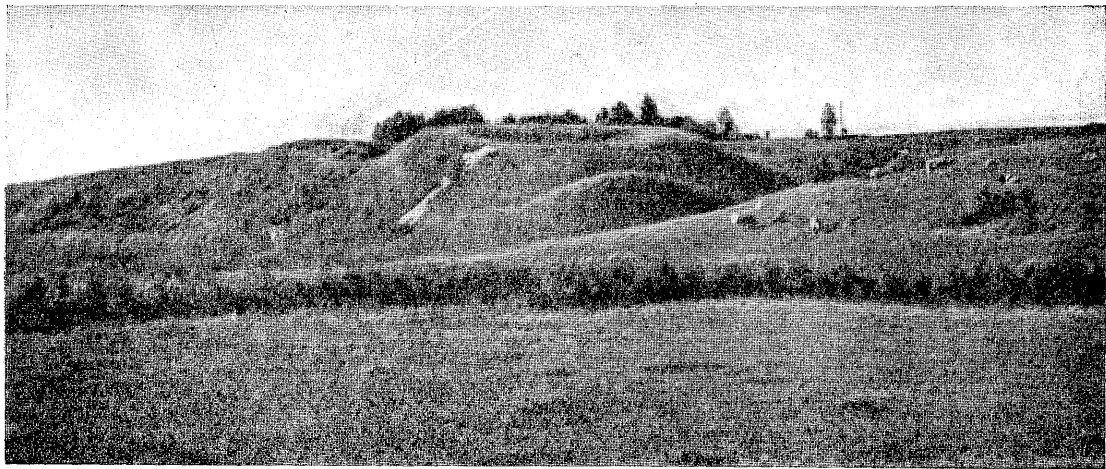

Рис. 7. Городище у д. Городок на р. Лучесянке.

На городище Городок имеются остатки культуры, не только синхроничные последнему слою Тушемли, но и более древние — рубежа и первых веков нашей эры. Но они очень незначительны. Древний культурный слой, имевший небольшую мощность, был нарушен во время сооружения описанных выше построек. К этому слою принадлежат отмеченная выше бронзовая фибула среднелатенской схемы, «грузик дякова типа», бронзовая игла и некоторые другие предметы.

Городище у д. Прудки, находящееся на берегу притока Хмары — ручья Осекино, на половине расстояния между Тушемлей и Городком, и приблизительно однотипное с ними по форме и размерам, оказалось непригодным для раскопок, так как в начале нашего века на нем находилось кладбище. Стрелка городища в 1957 г. была прорезана нами траншеей, в пределах которой на том же самом месте, что и на Тушемле и Городке, были открыты остатки круглого святилища диаметром около 7 м, в том числе и яма от большого центрального столба. Судя по остаткам обгорелого дерева в верхнем горизонте культурного слоя, и это городище погибло в результате пожара.

В верхнем течении р. Россажи, левого притока Сожа, около д. Вошкино находится городище, привлечшее наше внимание своей особенно сложной системой укреплений. Кроме трех невысоких валов, отрезающих мыс, занятый городищем, от плато коренного берега и огибающих площадку по краю и по склонам, на площадке городища имеется еще один замкнутый вал, окружающий ее центральную часть. Городища с замкнутым валом на площадке известны на Смоленщине в ряде пунктов. Это городища на Рачевке в Смоленске; у с. Преображанского на Днепре выше Смоленска, у д. Дабыново в бассейне р. Лосни,¹⁷

¹⁷ А. Н. Лявданский, ук. соч., стр. 203, 213, 214.

у д. Слобода Глушица на Соже и многие другие. Большинство из них не имеет культурных наслоений, чего нельзя сказать о Вошкинском городище, на площадке которого, особенно по склонам, лежит интенсивный культурный слой, распадающийся на два горизонта.

Небольшие раскопки, произведенные нами на Вошкинском городище в 1961 г., показали, что его нижний слой принадлежит к древнейшей городищенской культуре. Кроме характерной керамики, здесь были найдены костяной гарпун и небольшой железный нож с горбатой спинкой. Что же касается верхнего слоя, то в нем были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки погибшей от пожара деревянной постройки тушемлинского типа, расположенной по

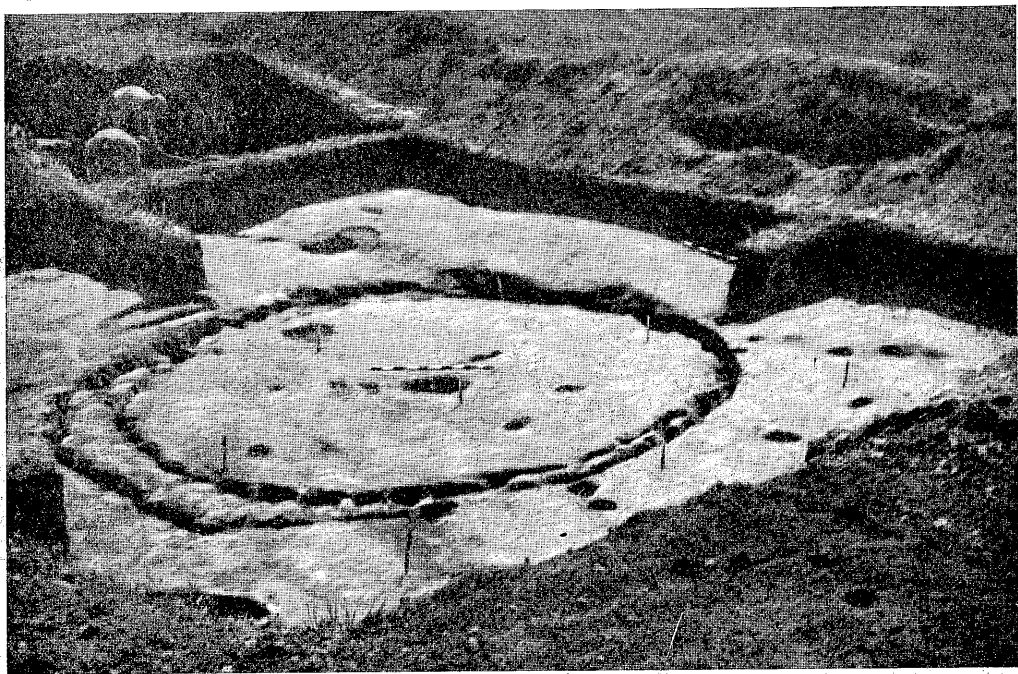

Рис. 8. Остатки круглого святилища на городище у д. Городок.

овалу по краю внутреннего двора городища. Окружавший внутренний двор замкнутый вал, некогда заключенный в деревянные конструкции, составлял наружную стену этой постройки. Ее размеры, расстояние между столбами, даже форма столбовых ям — все это было почти таким же, как на Тушемле. Деталью, на Тушемле не отмеченной, были большие куски обгорелой коры (березовой и сосновой), лежавшие на полу постройки. Круглого святилища во внутреннем дворе городища обнаружено не было. Анализ сгоревшего дерева дал ту же дату, что и пожарище на Тушемле — середину IX в. н. э.

Никаких находок в верхнем культурном слое Вошкинского городища сделано не было. Нам представляется, что остатки деревянной постройки тушемлинского типа были обнаружены А. Н. Лявданским и в нижнем слое Ковшаровского городища, находящегося на правом берегу р. Сожа, выше устья Россажа. Основным культурным слоем этого городища является слой средневекового времени. Но под ним сохранился более ранний культурный слой с остатками различного времени. Самыми древними из них являются многочисленные костяные орудия, в том числе характерный гарпун второй половины I тысячелетия до н. э. К началу нашей эры относятся железная булавка с верхней частью в виде пастушеского посоха, а также керамика с насечками и защипами по венчику. О слое тушемлинского времени говорят найденные между нижним и средневековым культурными слоями развалы каменных очагов, многочисленные обгоревшие бревна и ямы от столбов, стоящих вдоль

края городища. А. Н. Лявданский ошибочно относил эти остатки к средневековью, считая их следами деревянной стены «на каменном фундаменте» (!). Но в то же время он недоумевал, почему «над обгорелыми столбами укрепления образовался довольно толстый культурный слой (содержащий черепки и предметы), в котором не обнаружено следов деревянного укрепления». ¹⁸ Другими словами, эти остатки были перекрыты средневековым слоем точно так же, как на городище у д. Кольчево. А. Н. Лявданский отмечает также многочисленные следы пожара на поверхности древнего слоя: уголь, золу, обожженные черепки и кости.

Городища с сооружениями тушемлинского типа отнюдь не являются спецификой Верхнего Посожья или Левобережной Смоленщины. Е. А. Шмидтом были произведены раскопки на городище такого же времени, расположенном на берегу Акатовского озера на Правобережье Днепра, в 40—42 км к северу от Смоленска. Городище было несколько своеобразной формы, с тремя площадками. Его полная раскопка показала, что и здесь имелись характерные постройки тушемлинского типа, располагавшиеся по краю площадок; были обнаружены и следы пожара, уничтожившего городище.

Таким образом, в итоге исследования ряда смоленских городищ выясняется, что в конце I тысячелетия н. э. был период, когда местное население, жившее в это время преимущественно на открытых селищах, стало сооружать в большом числе укрепления приблизительно по одному и тому же плану и типу. Судя по тому, что находок на этих укреплениях сделано почти не было, во всяком случае их культурный слой не содержал обычных бытовых остатков, свидетельствующих о постоянной жизни здесь людей, они являлись скорее всего городками-убежищами, предназначенными для того, чтобы защитить население в часы военной опасности. Некоторые же из городков (такие, как Тушемля) одновременно служили местами культа. Время существования городков не было, очевидно, очень продолжительным. В какой-то момент все они погибли от пожара, после которого городки-убежища уже никогда не возобновлялись.

Смоленские городки-убежища представляют собой весьма яркое и своеобразное явление древней культуры. Они не встречаются себе аналогий ни среди волго-окских городищ, принадлежавших древним финно-угорским племенам, ни среди славянских древностей Поднепровья, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э. Единственной категорией памятников, с которой можно сравнить городки-убежища типа Тушемли, являются древние городища-пилькальнисы Литовской, Латвийской и отчасти Белорусской ССР, принадлежавшие балтийским (летго-литовским) племенам. Смоленские городища близки им по своим небольшим размерам и по внешнему виду. Для пилькальнисов очень характерны валы, опоясывающие склоны, а также вал, окружающий площадку со всех сторон. ¹⁹ Раскопки, произведенные на этих городищах за последние годы, показали, что постройки на них нередко располагались на краю площадки вдоль вала, причем это относится не только к городищам второй половины I тысячелетия н. э., но и к памятникам более раннего времени. Таковы, например, пилькальнисы Кланьгюкальнис и Мукукальнис в Латвийской ССР, относимые к I тысячелетию до н. э. ²⁰ В Литовской ССР были исследованы городища Мигонис, Бачкинкеляй и ряд других городищ-пилькальнисов I тысячелетия н. э. ²¹ Р. Волкайте-Куликаускаiene пришла к выводу, что первоначально, в первой половине I тысячелетия н. э., пилькальнисы являлись местом постоянного обитания. Позднее же поселения стали располагаться около пилькальнисов, превратившихся во второй половине I тысячелетия н. э. в сооружения чисто оборонительного характера — в городки-убежища, нередко очень небольшие по площади, но хорошо защищенные. ²²

¹⁸ Там же, стр. 233—236.

¹⁹ P. Tarasenkā. Lietuvos Archeologijos Medžiaga. Kaunas, 1928; E. Braštins. Latvijas Pilskalni, I—III. Rīga, 1926, 1928, 1930.

²⁰ Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1963.

²¹ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Migonių (Jiezno raj.) archeologiniai paminklai: Iš lietuvių kultūros istorijos, I, Vilnius, 1958; O. Navickaitė. Bäckininkeliu piliakalnis. Там же, II, Vilnius, 1959.

²² R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu. Iš lietuvių kultūros istorijos, II.

Ближайшим аналогом Тушемли является, по-видимому, верхний культурный слой Банцеровского городища около Минска, площадка которого окружена валом со всех сторон. Скопления камня от разрушенных очагов, следы пожара, цельные сосуды, даже сохранившиеся внутри остатки зерна — все это близко напоминает картину Тушемли. Одинаковой является и керамика из верхнего слоя Тушемли и Банцеровского городища (рис. 9).

Можно назвать и некоторые другие городища, в той или иной мере напоминающие Тушемлю. В Могилевской области на Днепре расположено городище «Барсучья горка», исследованное В. Р. Тарасенко и относящееся, по-видимому, к середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. На нем были открыты остатки построек, расположенных вдоль края городища, так что середина его площадки оставалась пустой.²³ Еще ниже по Днепру, в пределах Гомельской области, находится Колочинское городище, на котором все находки и остатки каких-то сооружений были встречены лишь по краю площадки. Керамика Колочинского городища близка тушемлинской, но она нередко обладает западными чертами — ребром на половине высоты сосуда.²⁴

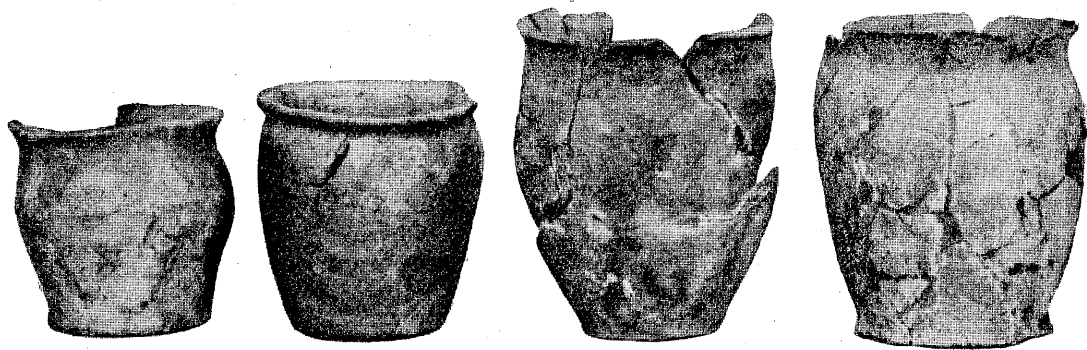

Рис. 9. Керамика из верхнего горизонта культурного слоя Банцеровского городища.
(Фот. А. Н. Лявданского).

Нам представляется, что сооружения типа верхнего культурного слоя Тушемли до сих пор не были отмечены на пилькальнисах Литвы, Латвии и Белоруссии лишь потому, что раскопки на этих памятниках не приобрели должного масштаба и, самое главное, исследованные до сих пор пилькальнисы или подобные им городища являлись преимущественно многослойными, плохо сохранившими следы деревянных построек.

Черты сходства, сближающие смоленские городки-убежища типа Тушемли с городищами-пилькальнисами, свидетельствуют о культурно-этническом родстве древних племен, некогда соорудивших все эти своеобразные укрепления. Как известно по данным топонимики, территория Смоленщины и других областей Верхнего Поднепровья до появления здесь славянского населения была заселена племенами балтийской группы. Есть все основания думать, что смоленские городища всех трех хронологических периодов принадлежали одному из древних восточнобалтийских племен, о чем уже давно догадывались археологи, в частности А. А. Спицын и А. Н. Лявданский.

Здесь следует еще указать, что, кроме общих черт в «архитектуре», у наших городищ и пилькальнисов имеются и некоторые общие особенности в материальной культуре. Из элементов культуры первой половины I тысячелетия н. э. сюда относятся глиняные «жертвенники», некоторые формы украшений и до сих пор загадочные, но несомненно занимающие в культуре очень важное место «грузики дьякова типа».

Что касается керамики, то до середины I тысячелетия н. э. она была весьма различной в разных частях территории древних балтов, но позднее ее облик повсюду более или менее

²³ В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Барсучья горка». КСИИМК, вып. XV, 1947.

²⁴ Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин I в южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 77, 1959.

унифицировался. Чем это объясняется, сказать сейчас трудно. По-видимому, здесь сыграли роль два обстоятельства: закономерный для этого времени процесс культурно-этнической консолидации балтийских племен и некоторые передвижения в их среде, вызванные прежде всего продвижением славянских племен.

Менее определенным в этническом отношении элементом древней культуры являются круглые святилища, открытые на смоленских городищах. Судя по историческим и этнографическим данным, в языческой религии балтийских, славянских и других северо-европейских племен с глубокой древности было много общего. В конце I тысячелетия н. э. вместе с ассимиляцией славянами значительных групп балтийского населения в северной восточнославянской среде, несомненно, переживали многие балтийские культурные традиции. Поэтому для интерпретации круглых святилищ мы вправе воспользоваться не только балтийским, но и славянским, древнерусским сравнительным материалом.

О том, что на Смоленщине имелись когда-то человекообразные идолы, говорят известия о каменных «балванах», сохранившихся там до сравнительно недавнего времени. Так, в 3—4 км от Тушемли находится бывшая усадьба Балваничи, расположенная на отроге возвышенности, господствующей над окружающей местностью. По сведениям 1882 г. и по местным преданиям, ныне почти забытым, там стояло каменное изваяние наподобие человека. Возможно, что об этом самом пункте, а может быть, и о другом говорится в одной рукописи XVII в., где сказано, что в 30 «поприщах» от Смоленска по дороге к Чернигову стояли каменные изваяния, «аки люди стояще на поле там, видимы суть и доньне». На этом месте, сообщает далее рукопись, крестьяне собирались в день Ивана Купалы.²⁵

По данным С. М. Соколовского, каменные изваяния человека были найдены у д. Ломня в бассейне верхнего течения Десны и, что особенно интересно, на так называемом Сотниковом городище у Рославля, на р. Остере. Это городище, к сожалению, уже давно разрушено. Около д. Балваны в верховьях р. Габьи, правого притока Верхней Десны, еще в начале нашего века стоял каменный крест, напоминающий фигуру человека. Окрестное население называло его «балваном» и рассказывало о нем предания не как о кресте, а как о «балване».²⁶

Мы не будем здесь перечислять каменные изваяния, найденные вне Верхнего Поднепровья в пределах славянских и балтийских земель. В большинстве случаев это очень плохо паспартизованный материал. Тем не менее он показывает, что человекообразные идолы были широко распространены в этих землях. Несомненно, что наряду с каменными «балванами» и гораздо в большем числе были и деревянные. О них неоднократно упоминают древние письменные источники, говоря о древнерусском язычестве. В Иоакимовой летописи говорится, что Добрыня Никитич «идолы сокруши древянии сожгоша, а камений изломав в реку ввергоша».²⁷ Новгородский Перун, свергнутый в 988 г., также был, как известно, деревянным.

Что же касается головы медведя, которой, как мы полагаем, был наделен идол на городище у д. Городок, то такого рода «божество» вполне соответствует данным старой литовской (и вообще балтийской) мифологии. Медведь, и в частности человек-медведь, занимает в этой мифологии очень большое место.

Круглое святилище, открытое на Перыне в Новгороде Великом, также представляло собой круглую площадку с идолом в центре. Оно отличалось от смоленских святилищ своими многочисленными кострами (огнями);²⁸ может быть, это специфика святилища Перуна. Зато языческое святилище древних русов, описанное Ибн-Фадланом, было несомненно очень похоже на святилища типа Тушемли. «Как только приезжают их корабли к этой пристани, — рассказывает он о русах, прибывших в Болгары, — каждый из них выходит и (несет) с собой хлеб, мясо, лук, молоко и набид (хмельной напиток, — П. Т.), пока не подойдет к высокой, воткнутой (в землю, — П. Т.) деревяшке (т. е. к столбу, — П. Т.), у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) — маленькие изображения,

²⁵ Изв. Общ. любит. естеств., антропол. и этнографии при Моск. унив., т. XLIX. вып. 3, М., 1886, стр. 61.

²⁶ А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы у Смаленшчыне. Працы арх. камісіі Беларускага акад. навук, т. III, Менск, 1932, стр. 26, 28, 30, 49.

²⁷ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 113.

²⁸ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. L, 1953.

а позади этих изображений (стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом (он) говорит ему: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны, и со мной девушек столько-то, и столько-то голов, и соболей столько-то, и столько-то шкур» — пока не сообщит (не упомянет) всего, что (он) привез с собой из (числа) своих товаров, — «и я пришел к тебе с этим даром»; потом (он) оставляет то, что (было) с ним, перед этой деревяшкой — «и вот я желаю, чтобы ты пожаловал мне кушца с многочисленными динарами и дирхемами. . .». И вот если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если (все же) оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет каждому изображению из (числа) этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: «Это (эти) жены нашего господина и дочери его и сыновья его».²⁹ Далее следует рассказ о том, что в случае удачной торговли идолам — большому и маленьким — приносят особые благодарственные жертвы.

С нашими святилищами и святилищем русов в Болгарах могут быть сопоставлены некоторые древнерусские погребальные памятники по Десне, Верхней Оке и в верхнем течении Дона. Речь идет о курганах, некогда окруженных круглыми в плане, деревянными «оградами» из столбов, стоявших друг от друга на некотором расстоянии. Древнейшие курганы с такими «оградами», относящиеся к середине и третьей четверти I тысячелетия н. э., известны в верховьях Оки по раскопкам Н. И. Булычева у деревень Шапково и Поченок.³⁰ Представленная ими культура несет на себе яркие следы зарубинецкого влияния, но в своей основе, вероятно, является балтийской, так как, по данным топонимики, Верхняя Ока принадлежала балтам, а культура древних верхнеокских городищ, как уже указывалось выше, была очень близка культуре древней группы смоленских городищ.³¹ Здесь же, на Верхней Оке, а также на Десне и в верховьях Дона известны такие же курганы VIII—X вв., оставленные уже несомненно славянским населением, вероятно вятичами и радимичами. Таковы прежде всего курганы у известного Боршевского городища, курганы у Полужья и др.³² Очень возможно, что на вершинах всех этих курганов некогда стояли изображения умерших или их домашнего божества. Сходство святилища и кургана не является, конечно, случайным. На близость новгородского святилища и некоторых древнерусских курганов правильно указал В. В. Седов.³³

Некоторые из курганов в бассейне Десны и Оки имели не круглые в плане, а прямоугольные ограды. В этой связи следует обратить внимание на загадочное прямоугольное сооружение, состоящее из вкопанных в землю вертикальных дубовых столбов, открытое А. И. Москаленко на Архангельском городище, находящемся на Дону недалеко от Боршевского городища.³⁴ Мы допускаем, что это сооружение, находящееся на стрелке одного из мысов, занятых городищем, было не чем иным, как языческим святилищем.

Итак, святилища смоленских городищ не только представляют собой интереснейшую черту древней балтийской культуры Верхнего Поднепровья, но и являются материалом для изучения связей между древними балтами и восточными славянами.

6

Большое значение для характеристики смоленских городков-убежищ, более точного определения их времени и выяснения обстоятельств их гибели имели исследования группы

²⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 79, 80.

³⁰ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. См. также: Архив Ленингр. отд. ИА АН СССР, д. № 23/1886 г.

³¹ П. Н. Третьяков. Локальные группы. . . , стр. 43, 44.

³² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 79—91; И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, вып. 74, 1959.

³³ В. В. Седов, ук. соч., стр. 103.

³⁴ А. И. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, 1956.

археологических памятников, находящихся на левом берегу Сожа в его верхнем течении, между с. Княжее и д. Слобода Глушица Починковского района Смоленской области.

Здесь на невысоком коренном берегу Сожа раскинулось обширное селище, ныне распавшееся, давшее находки грубой лепной керамики. Кроме селища, у д. Слобода Глушица находится могильник, состоящий из овальных насыпей, частично захватывающий территорию селища, а на соседнем высоком отроге берега расположено небольшое округлое городище, не имеющее культурного слоя. Кроме основного вала, отделяющего место городища от плато коренного берега, оно имеет на площадке невысокий, замкнутый, круговой вал, что характерно для всех других смоленских городищ, лишенных культурных наслоений, а также и многих городищ с культурным слоем типа Тушемля или Городка. Эта группа памятников вызвала, естественно, большой интерес особенно еще и потому, что она находится всего лишь в 3.5—4 км от городища Тушемля. Предстояло решить, в каком хронологическом и культурно-историческом отношении друг к другу и к городищу Тушемля находятся эти памятники.

В течение ряда лет длинные курганы у д. Слобода Глушица исследовались Е. А. Шмидтом. Было установлено, что курганы содержат остатки грушеоужений и относятся к VIII—началу IX в. Сделанные в них находки, в частности керамический материал, в целом повторяют находки из длинных курганов этого времени, раскопанных в других частях Смоленщины.³⁵

Материальная культура, представленная в длинных курганах, заметно отличается от культуры типа верхнего слоя городища Тушемля. Керамика из курганов — невысокие сосуды с плечиками, нередко украшенными зубчатым орнаментом, образующим ломаную линию, — больше всего походит на раннесредневековую славянскую керамику роменско-боршевского типа, распространенную на широких пространствах, главным образом на днепровском Левобережье.

Одновременно с этим выяснилось, что керамика из длинных курганов отличается также и от керамики, происходящей из селища. Эта последняя в значительном числе была встречена в насыпях курганов, а под некоторыми курганами оказались остатки культурного слоя, принадлежавшего селищу и содержавшего керамику и некоторые другие находки. Следовательно, курганы были насыпаны на краю площади уже покинутого селища, насыпи некоторых из них состояли из культурного слоя, принадлежавшего этому селищу. Другими словами, обнаружилось, что селище несомненно старше курганного могильника.

Когда же керамика из селища была сопоставлена с посудой из Тушемля, стало очевидным, что часть ее очень близка посуде верхнего культурного слоя этого городища. Здесь оказались обломки таких же, как и на Тушемле, толстостенных, слабо профилированных, неорнаментированных сосудов баночной формы, имеющих либо грубо сглаженную, либо, что значительно реже, гладкую, подлощенную поверхность. Другая часть керамики принадлежит к более раннему времени. Она аналогична посуде из селища в устье р. Хмары и из Колычевского городища (нижний слой).

Тем самым был решен вопрос о хронологическом взаимоотношении культур типа верхнего слоя Тушемля и длинных курганов, относящихся на Смоленщине к VIII—IX вв.³⁶ Городища типа верхнего слоя Тушемля несомненно предшествовали длинным курганам, являющимися памятниками не только более поздней, но и совсем другой культуры. В верховьях р. Сожа время пожаров на городищах типа верхнего слоя Тушемля в результате исследования памятников у д. Слобода Глушица определилось как VIII—IX вв. н. э. Радиоуглеродный анализ еще более уточнил эту дату, связав ее с серединой IX в. н. э.

Попытки более обстоятельного исследования селища у д. Слобода Глушица не дали интересных результатов вследствие его плохой сохранности. Наши шурфы показали лишь, что селище было некогда очень большим: оно тянулось вдоль берега реки на несколько сот метров, но было заселено, по-видимому, очень неравномерно: следы культурного слоя имеются далеко не на всем пространстве. В некоторых местах на селище была найдена керамика,

³⁵ Е. А. Ш м и д т. Раскопки длинных курганов в Смоленской обл. КСИИМК, вып. 54, 1954. — В этой публикации время длинных курганов у д. Слобода Глушица было определено неправильно (см.: В. В. С е д о в. Кривичи. СА, № 1, 1960, стр. 59).

³⁶ В. В. С е д о в. Кривичи, стр. 59.

близкая посуда из длинных курганов. К сожалению, как следует разобраться во всем этом невозможно, так как в течение длительного времени в начале нашего века большая часть территории селища была занята хуторами с примыкающими к ним огородами и полями. Сейчас в течение уже многих лет селище полностью распахивается, за исключением его окраины, занятой курганным могильником. Но здесь культурный слой был разрушен еще при сооружении курганов. Находки керамики и некоторых вещей, принадлежавших селищу времени верхнего слоя Тушемли, были сделаны преимущественно в насыпях курганов. В одном месте на селище, на берегу реки, наш шурф дал находки, свидетельствующие о местной выплавке железа сыродутым способом.

Неудачные результаты исследований на селище у д. Слобода Глушица были компенсированы неожиданным успехом раскопок на городище.

Как уже было указано, городище у д. Слобода Глушица не имеет культурного слоя. На его площадке под современным почвенным горизонтом лежит незначительный слой подзолистой подпочвы (0.2—0.3 м), подстилаемый материковым песком. Но произведенные на городище в 1959 г. небольшие раскопки показали, что в слое подпочвы находятся груды камней от разрушенных очагов и остатки сгоревших бревен, а в материке сохранились следы многочисленных ям от столбов. Когда же в 1960 г. была раскопана вся центральная часть городища, окруженная внутренним замкнутым валом, обнаружилась картина, повторяющая в миниатюре все то, что было открыто в верхнем культурном слое городища Тушемля. Маленький внутренний «двор» овальной формы размером 7×10 м был окружен со всех сторон остатками постройки столбовой конструкции с несколькими очагами. Как и на Вошкинском городище, пол постройки был устлан большими кусками коры. Единственное отличие конструкции городища Слобода Глушица от Тушемли заключалось в том, что здесь насыпь вала не была присыпана непосредственно к наружной стене постройки, как на Тушемле, а отделялась от нее узким проходом, как на городище у д. Городок.

К сожалению, значительная часть «двора» городища Слобода Глушица была испорчена старой кладоискательской ямой, и осталось невыясненным, имелось ли на этом городище какое-либо сооружение, соответствующее круглому святилищу Тушемли. Никаких находок, в том числе и обломков керамики, при раскопках сделано не было. Очевидно, это небольшое убежище, расположенное непосредственно рядом с селищем, сооруженное его обитателями, просуществовало совсем недолго — не годы, а месяцы. Вскоре же после постройки оно погибло от пожара, как и все другие городки-убежища этого времени. Анализ сгоревшего дерева дал ту же дату, что и анализ остатков пожара на Тушемле.

Культурно-стратиграфическая картина, открывшаяся в результате раскопок у д. Слобода Глушица, не является на Смоленщине единственной. Она повторилась еще в одном пункте — на берегу Акатовского озера, в 40 км к северу от Смоленска, где в 1957—1958 гг. производил раскопки Е. А. Шмидт.

На берегу Акатовского озера имеется, во-первых, городище, состоящее из трех окруженных валами площадок. Его раскопки показали, что там сохранились следы таких же точно деревянных построек, какие были открыты на Тушемле и всех других исследованных нами смоленских городищах конца I тысячелетия н. э. Керамика, найденная на Акатовском городище, также вполне аналогична тушемлинской керамике верхнего слоя.

Во-вторых, недалеко от городища, на песчаном холме между озерами Акатовское и Корец, был открыт бескурганый могильник с трупосожжениями в больших глиняных урнах, таких же, как посуда из Акатовского городища и городища Тушемля. Несомненно, что могильник и Акатовское городище оставлены одним и тем же населением. При захоронениях, кроме керамики, были найдены кое-какие вещи, в частности браслет из круглого бронзового прута с утолщенными концами VI—VII вв. н. э.

Но тут же, на территории могильника, располагался и третий памятник — три кургана с остатками деревянных камер, внутри которых находилось по несколько трупосожжений. Их остатки, помещенные на грунте или в неглубоких ямах, сопровождалась совсем иной керамикой, чем керамика могильника, ничем не отличавшейся от посуды из смоленских длинных курганов. То же самое можно сказать о бронзовых вещах. Они характерны для длинных курганов VIII—начала IX в.

В свое время А. Н. Лявданский отметил в Верхнем Поднепровье и на Западной Двине ряд пунктов, где курганы, в частности длинные, располагались около городищ. Это послужило основанием для синхронизации тех и других памятников, более того, — для заключения, что городища, как и курганы, принадлежали одному и тому же славянскому населению.³⁷

Отнюдь не отрицая того, что в области Верхнего Поднепровья имеются раннесредневековые славянские городища с лепной керамикой IX—X вв., которые могут сопровождаться курганами с трупосожжениями, мы теперь полагаем, что славянское население, оставившее более ранние смоленские курганы, в частности длинные, не имело ни укрепленных поселений, ни городков-убежищ. Оно жило в неукрепленных открытых селениях. То, что эти селения и курганные могильники располагались иногда на месте более древних селищ, объясняется, вероятно, тем, что новым пришельцам было удобнее селиться на уже обжитых местах, чем осваивать новые места среди девственных и в значительной степени заболоченных северных лесов.

Неоднократные утверждения А. Н. Лявданского о сходстве керамики из курганов и соседних с ними городищ не имеют серьезного обоснования. Эти утверждения относятся к тому времени, когда древняя керамика Смоленщины не была изучена и когда не различались известные сейчас разные типы лепной, неорнаментированной посуды.

Но не напрашивается ли на основании всего сказанного выше еще одна мысль, касающаяся городищ типа Тушемля-Слобода Глушица и прежде всего обстоятельств их гибели? Не следует ли выдвинуть предположение, что разрушение принадлежавших местному населению городков-убежищ, погибших, по-видимому, в одно и то же время, следует связать с проникновением на территорию Посожья в течение VIII—начала IX в. н. э. многочисленного нового населения, оставившего после себя могильники из длинных курганов? Думаем, что такое предположение является не только вполне возможным, но и целиком отвечающим истине.

Длинные курганы являются восточнославянскими погребальными памятниками, характерными для летописной территории кривичей. Они распространены в области Верхнего Поднепровья, на Верхней Волге, в области Валдайской возвышенности, в верхнем течении Западной Двины, по берегам Псковского озера и его многочисленных притоков и, наконец, в верховьях Западного Буга и Немана. Изучены эти памятники еще далеко не достаточно. В частности, все еще остается полнейшей загадкой, какая культура и в какой области непосредственно им предшествовала, откуда и какими путями проникли кривичи на северо-восток? Высказанная недавно В. В. Седовым мысль о расселении кривичей из области верховьев Западного Буга несомненно привлекательна, так как соответствует некоторым западным элементам в культуре кривичей. Но эту мысль пока что нельзя считать научной гипотезой.³⁸ Она не подтверждается бесспорным археологическим материалом. Длинные курганы в бассейне Буга и смежной с ним части Понеманья в свете имеющихся сейчас материалов являются отнюдь не ранними, а напротив, очень поздними, относящимися к самому концу I тысячелетия н. э. Длинные курганы в более северных и восточных областях в массе являются значительно более ранними, чем бужские и неманские. Может быть, это пробел в наших знаниях: на Буге и Немане длинными курганами никто систематически не занимался. Если при последующих раскопках там будут найдены курганы раннего времени — середины I тысячелетия н. э., только лишь тогда мысль В. В. Седова приобретет серьезный интерес, особенно если прояснится и вопрос о генетическом предшественнике культуры длинных курганов.

В свете данных, имеющихся в настоящее время, наиболее ранние из длинных курганов расположены вокруг Псковского озера и в бассейне р. Великой. Они относятся к середине I тысячелетия н. э. Возможно, что именно отсюда, из псковских земель, кривичи проникли в другие области, принадлежавшие им согласно Начальной летописи, — «на верх Волги,

³⁷ А. Н. Лявданскі. 1) Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе. Працы арх. камііі Беларускага акад. навук, т. II, Менск, 1930, стр. 96 и др.; 2) Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі. . . , стр. 270—273, 297—300, 327—330 и др.; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 41.

³⁸ В. В. Седов. Кривичи, стр. 54 и сл.

и на верх Двины, и на верх Днепра», где также имеются длинные курганы, но более поздние, не раньше VII в. н. э. На Смоленщине, по обоим берегам Днепра и по его мелким притокам, имеется много длинных курганов. Сейчас здесь известно не менее 30 могильников. Все исследованные ныне курганы, как справедливо указал В. В. Седов, принадлежат к концу VII—IX вв. н. э. Очевидно, в течение этого времени сюда проникло очень значительное по численности новое население. В условиях того беспокойного предфеодалного времени вряд ли возможно допустить, что такого рода переселение протекало мирно, без завоевания и покорения местных обитателей.

Очень возможно, что именно в связи с расселением кривичей местное население примерно в одно и то же время заново отстроило свои городки-убежища, укрепило их большим числом валов, рвов и деревянных стен. Но эти городки, очевидно, не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они оказались ненадежным средством защиты, несмотря на большое количество труда, потраченного на их сооружение. Может быть, многие из городков, совсем не давшие находок, такие, например, как городище у д. Слобода Глушица, даже и не были использованы для обороны. Местные жители в связи с расселением кривичей, вероятно, ушли в глухие леса, а беззащитные городки были преданы огню.

Но приходится иметь в виду и то, что к заселению славянами территории Смоленщины были причастны, возможно, не только кривичи, оставившие после себя длинные курганы. В пределах Смоленщины имеется еще одна категория погребальных памятников, а именно — круглые курганы с трупосожжениями, очень мало исследованные, но, возможно, являющиеся славянскими. В свое время они очень интересовали А. А. Спицына и его сотрудников И. С. Абрамова и В. Н. Глазова. Некоторые наиболее высокие курганы не без основания сравнивались ими с низгородскими сопками.³⁹ В 20—30-х годах несколько таких курганов было исследовано А. Н. Лявданским. Они содержали по нескольку трупосожжений, сопровождаемых грубой лепной керамикой, отличающейся от тушемлинской. Подобно длинным курганам эти круглые курганы являются, по-видимому, одним из вариантов коллективных, семейных погребальных сооружений с трупосожжениями, распространенных в середине I тысячелетия н. э. во всех славянских землях от поречья Десны на востоке и до Лабы на западе.

В одном из курганов, находящемся в районе наших работ, на берегу р. Россожи у д. Ямполь, при остатках трупосожжений была найдена арбалетовидная фибула V—VI вв. н. э., хорошо известная по прибалтийским древностям.⁴⁰ К сожалению, нет полной уверенности, что она относится к культуре курганов, а не попала в насыпь случайно при ее сооружении. Поэтому пока нельзя быть уверенным, что среди круглых и высоких смоленских курганов встречаются и такие, которые по времени предшествовали длинным курганам.

Хотелось бы думать, что волна славянского расселения, следами которой могут быть круглые и «сопкообразные» курганы Смоленщины, так же как и «сопки» более северных областей, шла на север вдоль бассейна Десны. На Десне, в ее нижнем и среднем течении, имеются могильники без курганных насыпей VI—VII вв., а может быть, и более раннего времени. Л. В. Артишевской был исследован могильник с трупосожжениями у д. Кветуны в районе Трубчевска, состоящий из бескурганных и курганных захоронений. Он датируется V—VII вв. н. э. на основании двух бронзовых фибул, напоминающих прибалтийские, и некоторых других вещей.⁴¹ Нет никакого сомнения в том, что бескурганные захоронения в Кветуни являются стадияльно более ранними, сохранявшими традиции погребальной обрядности зарубинецкого времени, а курганные приходят им на смену. В курганах встречено по нескольку трупосожжений. Курганы такого типа и того же раннего времени известны

³⁹ А. А. Спицын (А. С.). Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В. Н. Глазовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, СПб., 1907; Отчет о раскопках, произведенных И. С. Абрамовым в 1905 г. в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 193, 194, 196—198, 199.

⁴⁰ А. Н. Лявданский. Археологические доследы ў вадазборах рр. Сажка, Дняпра і Касплі... стр. 270—273, 278, 337—338.

⁴¹ В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, № 3, 1960, стр. 317, 318; Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, № 108, 1963.

на Десне не только в Кветуни. Впервые они были исследованы в начале нашего века еще Д. Я. Самоквасовым.⁴²

В свете этих материалов можно считать более чем вероятным, что славянская культура с круглыми курганами проникла на Смоленщину из бассейна Десны. Но она могла распространяться и по Днепру. Древние славянские курганы на территории Волыни и Полесья⁴³ имеют в основных чертах такой же характер и относятся к тому же времени, что и деснинские.

Но так или иначе можно считать бесспорным, что на рубеже третьей и четвертой четвертей I тысячелетия н. э. славянский этнический элемент — более западный, оставивший длинные курганы, и предположительный более восточный, с круглыми курганами — становится в области Верхнего Поднепровья господствующим. Раньше сюда проникла зарубинецкая культура, носители которой прочно освоили бассейн Десны. Уже тогда их влияние на местное население, как мы видели выше, было весьма значительным, знаменуя собой, как хотелось бы думать, первые этапы славянизации верхнеднепровских балтов. В последующее время роль славянского населения в этногенетическом процессе в области Верхнего Поднепровья является бесспорной, особенно в тех местах, где балтийские и славянские поселения располагались чересполосно. К таким территориям относился, по-видимому, и бассейн Верхнего Сожа.

7

Исследования на городище у д. Слобода Глушица показали, что раскопки археологических памятников такого рода, лишенных сколько-нибудь выраженного культурного слоя, могут привести к чрезвычайно интересным и ценным результатам. В этой связи мы обратили внимание еще на одну группу смоленских городищ — на болотные городища, как правило, также не имеющие никаких заметных следов культурного слоя.

Болотные смоленские городища являются очень однородной и специфической группой памятников. Они имеются как на Правобережной, так и на Левобережной Смоленщине, на болотах в глубине водоразделов или в заболоченной части долины Днепра. Всего их известно несколько больше 20. Они располагаются на небольших, иногда еле заметных всхолмлениях и представляют собой сооружения округлой или овальной формы, состоящие из одного или двух невысоких, концентрически расположенных замкнутых валов. Протяженность внутреннего «двора» болотных городищ обычно не превышает 20 м в поперечнике. Имеются городища совсем маленькие, с «дворами» размером 13×20 или 15×15 м.

Нетрудно убедиться, что болотные городища при всем их своеобразии очень напоминают городища типа Тушемли, Вошкинского городища или Слободы Глушицы. Характерным для тех и других является невысокий, замкнутый вал или два вала, окружающие внутренний двор. Разница же между ними в том, что одни городища окружены крутыми склонами, а с напольной стороны — валами и рвами, другие же — болотом.

Некоторые наблюдения, сделанные при обследовании болотных городищ, также сближают их с городищами типа Тушемля—Вошкино—Слобода Глушица. А. Н. Лявданский, очень интересовавшийся болотными городищами, находил на них скопления обгорелого камня — вероятно, остатки очагов. На городище у Красногорья, у истоков р. Россажи, такое скопление камней, а также остатки сгоревших бревен были найдены им в шурфе около вала. На ряде городищ отмечены следы пожара в виде зольных прослоек на площадке или полуобожженной глины в валах.⁴⁴ Но сколько-нибудь значительных раскопок на смоленских болотных городищах А. Н. Лявданским не производилось. Не исследовались они и в последующее время.

Район наших работ на Смоленщине особенно «богат» болотными городищами. Здесь на водораздельных болотах, откуда берут начало Сож и реки его бассейна: Мошна, Россажа, Хмара и др., находится почти половина болотных городищ, известных на Смоленщине.

⁴² Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 70, 75, 76 и др.

⁴³ И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, № 1, 1960.

⁴⁴ А. Н. Лявданский. 1) Некоторые данные. . . , стр. 259—273; 2) Археологічнія дослѣды у вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі. . . , стр. 317—321.

Тем не менее выбрать памятник для исследования оказалось очень трудно. Городище у д. Холм было раскопано кладочискателями еще до Октябрьской революции. Городище у Красногорья, попорченное еще во времена А. Н. Лявданского, оказалось почти совсем разрушенным. Два городища, находящиеся к северу от Починка, между деревнями Булавец и Белая, почти полностью разрушены распашкой. Третье находящееся здесь городище сохранилось, но оказалось непригодным для исследования ввиду того, что «материком» является здесь темный илесто-торфянистый грунт, в котором нельзя отличить ям от древних столбов. Наиболее подходящим для раскопок оказалось болотное городище у д. Асташково, ближайшее к городищам Тушемля и Слобода Глушица, исследованное нами в 1960 г.

Асташковское городище находится на болоте в глухом лесу. Оно занимает часть небольшого песчаного всхолмления, возвышающегося над уровнем болота не более чем на 1.5 м. Городище имеет более или менее правильную овальную форму; длина его маленького «двора» 14.5 м, ширина 12 м. «Двор» окружен одним невысоким валом и рвом. Половина городища сильно испорчена лисами, издавна устраивающими здесь свои норы, и охотниками, которые эти норы раскапывают. Вторая половина городища, более или менее сохранившаяся, была нами исследована (52 м²).

В результате раскопок на площадке городища не было обнаружено никаких следов культурного слоя. Под внутренней полкой расплывшегося вала на уровне древней поверхности обнаружены многочисленные следы угля от сгоревшего хвороста и жердей. Возможно, что вал был укреплен с внутренней стороны плетнем или же к нему примыкало здесь какое-то легкое сооружение, погибшее от пожара. Второе предположение нам представляется более вероятным. Поверхность песчаного материка на участках «двора», примыкавших к валу, была сильно обожжена — до красного цвета, что вряд ли могло получиться, если бы тут сгорел плетень. Следов ям от столбов обнаружить не удалось. По-видимому, основой конструкции были относительно тонкие жерди, не оставившие следов в песчаном материке.

Таким образом, раскопки на Асташковском городище не прибавили почти ничего нового к тому, что было ранее известно о смоленских болотных городищах.

В 1961 г. были предприняты раскопки на городище у д. Шапырево, находящемся среди обширного болота на берегу маленькой речки Березинки, впадающей в Днепр слева, в 18—20 км выше Смоленска. Здесь наши усилия были, наконец, щедро вознаграждены. В результате раскопок удалось не только выяснить устройство городища, но и определить время его сооружения.

Городище на Березинке занимает оконечность невысокой песчаной гряды. В плане оно овальное; площадка его «двора» имеет в длину 14 м, в ширину 9 м. Это как будто самое маленькое из смоленских болотных городищ. «Двор» окружен двумя параллельными, замкнутыми, невысокими валами. При раскопках было исследовано свыше трети площадки городища и прорезана траншеей линия его внутренних укреплений.

Культурный слой на площадке городища обнаружен не был, но в почвенном слое было найдено несколько обломков керамики: во-первых, грубых лепных, во-вторых, сделанных на гончарном круге, XI—XII вв. Некоторые из обломков лепной керамики оказались под полкой насыпи вала, прикрывшей остатки деревянных сооружений городища, где ни одного черепка от керамики, сделанной на круге, найдено не было. Мы не сомневаемся, что наша лепная керамика бесспорно синхронична времени сооружения городища. Напомним, что на некоторых болотных городищах лепную керамику находил и А. Н. Лявданский. Что же касается кружалной посуды, несколько обломков которой было найдено в почвенном слое в средней части площадки городища, то она скорее всего относится к тому времени, когда городище уже было заброшено.

Вдоль края внутреннего вала, обращенного к площадке городища, в материке был найден правильный ряд ям от вертикально стоявших столбов. Под центром насыпи вала обнаружена асимметричная канавка со следами тесно стоявших бревен, поставленных наклонно. Их верхние концы опирались, очевидно, на перекладины, лежавшие на отмеченных выше столбах. Сооружение имело, таким образом, вид односкатного навеса. Снаружи к нему примыкала насыпь вала, заходившая на крышу этого сооружения. Под наружной полкой вала оказалась вторая канавка с симметричными отвесными стенками, в которой встречены угли

от толстых прутьев. Можно думать, что снаружи вал был укреплен массивным плетнем. Наружный вал остался неисследованным. Во рву было встречено беспорядочное скопление обгорелых камней, — вероятно, остатки очага, бывшего некогда в пределах городища.

Таким образом, городище на Березинке по своему устройству оказалось как бы несколько упрощенным вариантом сооружений типа Тушемля—Слобода Глушица (рис. 10). Нет никакого сомнения в том, что это памятники одной и той же культуры, сооружения, воздвигнутые одним и тем же населением.

Но относятся ли они к одному и тому же времени? На этот вопрос, как нам представляется, следует ответить отрицательно. Болотные городища, маленькие по размерам, расположенные в лесах, среди болот, принадлежали, очевидно, к тому времени, когда край был уже занят славянами и многочисленные городки-убежища типа Тушемли, принадлежавшие местному населению, уже были разрушены, т. е. к последним векам I тысячелетия н. э. Керамика ручной выделки, найденная нами на городище у Березинки, вполне допускает

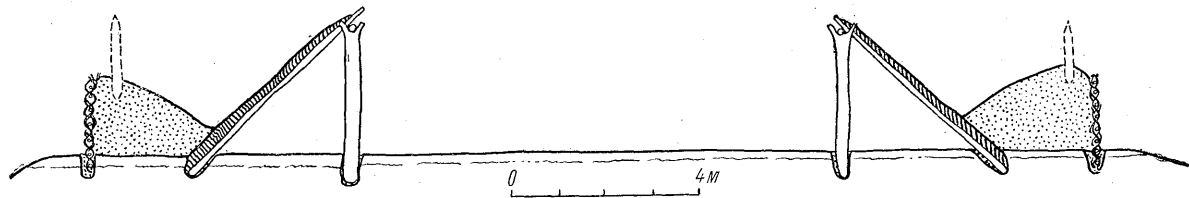

Рис. 10. Профиль реконструкции сооружений на болотном городище у д. Шапырево на р. Березинке.

такую датировку. Она несколько отличается от посуды верхнего культурного слоя городища Тушемля.

Что же касается назначения этих сооружений, то, несмотря на то что на нашем городище не было обнаружено никаких остатков святилища, мы склонны рассматривать болотные городища в качестве культурных мест. Для укрепления-убежищ они были слишком малы. Их легкие укрепления в зимнее время не могли остановить неприятеля.

В конце I тысячелетия н. э. местное балтийское население оказалось на Смоленщине в окружении славянских поселений и, вероятно, в политической зависимости от новых хозяев края. Именно в этих условиях места языческого культа были спрятаны в леса и болота.

Наша точка зрения на смоленские болотные городища расходится с мнением В. В. Седова, полагающего, что эти городища являются святилищами славянского населения — кривичей и относятся к раннему средневековью.⁴⁵ Но никаких исследований на болотных городищах В. В. Седов не производил; в его распоряжении нет материала, позволяющего относить городища к средневековью; он не объяснил, почему славяне, господствующие в крае, должны были прятать свои святилища в болотах. Единственным аргументом В. В. Седова является тот факт, что рядом с некоторыми болотными городищами находятся средневековые селища. Но на Смоленщине так много таких селищ, что какой бы археологический памятник мы не взяли, его всегда можно будет привязать к средневековому селищу!

Если же в дальнейшем выяснится, что среди болотных городищ все же есть памятники, относящиеся к XI—XII вв., то и в этом случае их следует рассматривать прежде всего как святилища местного балтийского населения, вкрапленного отдельными группами в среду крестьянского населения средневековой Смоленщины. Отличить в это время балтов от славян по характеру излюбленной археологами керамики, конечно, никак нельзя.

8

В итоге исследований, проведенных на Смоленщине в 1954—1962 гг., развитие культуры древнего населения этой области в I тысячелетии до н. э. и I тысячелетии н. э. может быть

⁴⁵ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 123.

представлено в виде ряда сменяющих друг друга культурно-хронологических этапов. Они отражают, во-первых, главное направление социально-экономического процесса, в основных чертах общего для древнего населения (как балтийского, так и финно-угорского) всей лесной зоны европейской части СССР, за исключением ее северных окраин. Во-вторых, здесь, в этих этапах, нашли отражение конкретные исторические и политические судьбы Верхнего Поднепровья.

Как и в других областях лесной зоны европейской части СССР, в начале I тысячелетия до н. э. в среде древнего населения Смоленщины в результате многовекового развития сложился скотоводческо-земледельческий быт. Перенос поселений из открытых мест на труднодоступные возвышенности и сооружение вокруг них валов, рвов и деревянных оград ознаменовали собой завершение этого процесса. Начало «периода городищ» свидетельствовало не только о существенных переменах в экономике и культуре, но и об изменениях в области общественных и примитивно-политических отношений. Еще в 30-х годах по материалам главным образом Верхнего Поволжья было высказано соображение, сохраняющее свою силу до настоящего времени, что именно в этот период на смену древним формам родового строя пришел патриархально-общинный, или большесемейный уклад.⁴⁶

Первые укрепленные поселения в лесной зоне европейской части СССР появились в более южных областях, ближе к лесостепи, где новые формы жизни утвердились раньше, еще в условиях «бронзового века». В более северных областях, в частности в Смоленском Поднепровье, в среде обитавших там древних балтийских племен «период городищ» начался в условиях наступающего «железного века», что обусловило особенно существенные перемены в области культуры.

Материалы древнейших смоленских городищ, представленные находками из нижнего слоя Туземли, Мокрядинского городища и Новых Батек, свидетельствуют о том, что культура, возникшая здесь в середине I тысячелетия до н. э. (а может быть, на полтора-два столетия раньше), просуществовала без особенных изменений вплоть до I—II вв. н. э.

В эти столетия вдоль поречья Десны в область Верхнего Поднепровья проникли зарубинецкие племена со своей своеобразной культурой, более высокой и совсем непохожей на местную. Вопрос об этих предположительно раннеславянских племенах и их роли в древней истории и этногонии Верхнего Поднепровья выходит далеко за рамки смоленских материалов. В настоящей работе он отнюдь не решается, а лишь выдвигается в порядке гипотезы. Бесспорным является лишь то, что в первые века нашей эры в восточной части области древнейших смоленских городищ, связанной с верхним течением Десны, зарубинецкая культура сменила местную, городищенскую. В другой, центральной части области смоленских городищ, куда зарубинецкая культура не проникла, она оказала на местную культуру сильное влияние. Это влияние не распространилось или лишь слабо ощущалось в третьей, западной части ареала древнейшей смоленской городищенской культуры. В свете этого наблюдения при сравнительном изучении трех соседних территорий, занятых первоначально однородной культурой, полностью отпадает мысль о деснинской культуре зарубинецкого типа как об определенном этапе в развитии местной культуры. Привлекая материалы более широких территорий Верхнего Поднепровья, мы приходим к предположению, что распространение зарубинецкой культуры из области Среднего Поднепровья в северном направлении было крупнейшим событием в древней истории и этногонии, первой крупной волной славянской колонизации Верхнего Поднепровья, первым шагом на путях ассимиляции славянами верхнеднепровских балтийских племен.⁴⁷

Культура смоленских городищ первой половины I тысячелетия н. э., в той или иной степени испытывавшая на себе влияние со стороны зарубинецкой культуры, представлена в наших материалах находками из верхних горизонтов культурного слоя Мокрядинского городища, Холмца и Новых Батек, средним слоем Туземли и отдельными находками из Горodka и некоторых других городищ.

⁴⁶ О. Н. Бадер. Первобытное хозяйство на Оке и в Верхнем Поволжье. ВДИ, № 3, 1939; П. Н. Третьяков. 1) К истории доклассового общества Верхнего Поволжья, стр. 145—180; 2) К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 17—31.

⁴⁷ П. Н. Третьяков. Локальные группы . . . , стр. 41—46.

Середина I тысячелетия н. э. в лесной зоне европейской части СССР была временем, когда завершился «период городищ». В результате дальнейшего развития скотоводческо-земледельческого хозяйства, особенно успехов в области первобытного земледелия, связанных, по-видимому, с широким распространением в быту железных орудий и их усовершенствованием, жизненный уклад стал меняться. Преобладающей формой поселений стали открытые поселки, сравнительно большие, намного превышающие по числу обитателей укрепленные городки предыдущего времени. В некоторых областях рядом с такими поселками сооружались городки-убежища, куда население пряталось при приближении врага. Но необходимость их сооружения диктовалась не столько внутренними социальными условиями — взаимоотношениями между соседними общинами, сколько политической обстановкой — отношениями между различными племенами или племенными объединениями.

Сказанное выше в полной мере применимо к истории древнего населения Смоленщины. Археологические исследования показали, что на подавляющем большинстве городищ нет следов жизни в середине I тысячелетия н. э. Исключения составляют Кольчешское и Ляхтеевское городища. Люди жили в этот период и в последующее время преимущественно на открытых поселениях. Нами были обследованы два из них — селище в устье р. Хмары, относящееся к середине I тысячелетия н. э., и разрушенное селище у д. Слобода Глушица, где имелись остатки жизни как середины, так и третьей четверти I тысячелетия н. э. В распоряжении Смоленского научно-исследовательского института имеются сведения о ряде других селищ этого времени, оставшихся пока не исследованными.

В этот же период, в середине I тысячелетия н. э., в области Смоленщины, возможно, появляются кое-где курганы с трупосожжениями, исследованные А. Н. Лявданским у д. Ямполье на р. Россаже и в некоторых других пунктах.

Последующий период истории древнего населения Смоленского Поднепровья был временем больших потрясений и изменений в составе населения. В рамках конца VII—VIII в. над обитателями этого края нависла серьезная опасность. Повсюду стали сооружаться многочисленные городки-убежища, окруженные системой валов, рвов и деревянных оград. Одни из них (такие, как Тушемля, Городок и Прудки) являлись одновременно местами языческих святилищ, другие служили, по-видимому, лишь укреплениями (Слобода Глушица, Вошкинское городище, Кольчевское городище и др.). Все они строились в основных чертах одинаково, по одному плану. Их исследование приоткрыло чрезвычайно интересную картину древней культуры верхнеднепровских балтийских племен.

В конце I тысячелетия н. э. все эти городки-убежища погибли от пожара. Исследованные нами в верхнем течении Сожа городища не несли на себе никаких следов военного разгрома, на них не найдено никакого оружия, ни одного наконечника стрел. Они, очевидно, не были использованы для обороны: при приближении врага население ушло в леса, а городки были преданы огню. Возможно, что в других частях Смоленщины картина будет иной. Впрочем, Акатовское городище, расположенное на запад от Смоленска, в области днепровско-двинского водораздела, в свое время сгоревшее, также не содержало следов штурма.

Гибель городков-убежищ, по нашему мнению, следует поставить в прямую связь с появлением в области Смоленского Поднепровья многочисленного нового, вероятно, кривичского населения, оставившего после себя длинные курганы. В этом отношении рассмотренные выше комплексы памятников у д. Слобода Глушица и на Акатовском озере представляют весьма убедительный материал. Начиная с VIII в. славянские племена стали здесь главной силой в исторической жизни и этногенетическом процессе. Но местное население — верхнеднепровские балты — отнюдь не исчезло в это время бесследно. Об этом говорят их языческие святилища — болотные городища, относящиеся к концу I тысячелетия н. э., а может быть, и к последующим столетиям, некогда сооруженные в труднодоступных местах — в глубине лесов, среди болот. Имеются и другие археологические данные, свидетельствующие о том, что балтийское население, ассимилируемое славянами, сохраняло здесь свои особенности вплоть до периода Древней Руси.

ГОРОДИЩЕ ТУШЕМЛЯ

1

Главным объектом археологических исследований, произведенных в Смоленской области Верхнеднепровской археологической экспедицией Института археологии, послужило древнее городище, находящееся в низовьях речки Тушемли — небольшого правого притока Сожа, вблизи д. Мокрядино Княжинского сельсовета Починковского района. От г. Смоленска городище находится в 50 км в южном направлении. Оно было известно в свое время А. Н. Лявданскому, но, по-видимому, лишь по информации местных жителей, так как нет никаких данных, говорящих о том, что он лично осмотрел это городище. Впервые оно было обследовано Е. А. Шмидтом.

Около городища неширокая долина речки Тушемли подходит к долине Сожа под острым углом, отсекая от плато правого коренного берега этой реки узкий и длинный мыс, ориентированный с юга на север. С обеих сторон — со стороны Тушемли и Сожа — мыс изрезан многочисленными старыми оврагами, образующими подтреугольные отроги с крутыми склонами, удобные для сооружения укрепленных поселений. Последние были возведены здесь некогда в двух пунктах на расстоянии 1.2 км один от другого. Остатки одного из укрепленных поселений — Мокрядинское городище — занимают отрог коренного берега, обращенный в сторону Сожа, в 1.5 км ниже устья Тушемли. Это городище, частично исследованное в 1957—1960 гг., относится ко второй половине I тысячелетия до н. э. и первым векам нашей эры (стр. 71). Другое городище, которому посвящена настоящая публикация, находится на отроге коренного берега, обращенном в сторону речки Тушемли, в 0.5 км выше ее впадения в Сож. По имени речки, на правом берегу которой оно находится, городище было названо Тушемлей. Местные жители называют его «городком» или «ближним городком» в отличие от «дальнего городка» уже упомянутого Мокрядинского городища.

Городище Тушемля отличается хорошей сохранностью. Его культурные наслоения расчлениаются на три горизонта, соответствующие трем основным этапам в развитии культуры, представленной материалами древних смоленских городищ. Все это, а также то обстоятельство, что в ближайших окрестностях имеется ряд разновременных археологических памятников, послужило причиной выбора Тушемли для больших раскопок.

Отрог коренного берега, на котором расположено городище, образован двумя небольшими оврагами, вершины которых подходят одна к другой на расстояние 18—20 м, отделяя городище от плато коренного берега. Склоны у городища крутые, хорошо сохранившиеся. Лишь на стрелке, вверху склона, имеется небольшая промоина. Русло Тушемли лежит в 25—30 м от подножья городища.

Площадка городища, ориентированная с востоко-северо-востока на западо-юго-запад, имеет правильные овально-ромбические очертания. Ее длина от основания первого вала до стрелки составляет 35 м, ширина в средней, наиболее широкой части — 32 м. Над уровнем поймы Тушемли площадка городища возвышается на 17—18 м. Поверхность площадки ровная, но не горизонтальная; она имеет некоторый наклон от основания к стрелке (рис. 11).

При сооружении укреплений вершины оврагов, образующих отрог возвышенности, на котором находится городище, были соединены между собой рвами, сопутствующими высоким валам. До настоящего времени хорошо сохранились три вала и такое же число рвов. Однако на поле за городищем видны следы еще двух распаханных валов, свидетельствующие о чрезвычайно развитой системе возведенных здесь некогда укреплений. В настоящее время высота первого от площадки, самого высокого вала над уровнем площадки городища составляет около 3 м при ширине основания 10—11 м и длине около 20 м; над дном первого рва, обнаженном в ходе раскопок, вал возвышается сейчас на 5 м. Второй и третий валы уже первого и ниже его приблизительно на 1.5 м. Соответствующие им рвы сильно заплыли.

Кроме основных высоких валов, ограничивавших площадку со стороны плато коренного берега, городище имело невысокий и пологий вал, окружавший площадку со всех сторон в 2—4 м от ее края. Этот вал непосредственно примыкал к концам первого основного

вала, составляя их продолжение. Высота вала на площадке достигала всего лишь 0.2—0.3 м при ширине 5—6 м.

Второй основной вал городища также имел продолжение в виде невысокой, валообразной насыпи, полого спускающейся вдоль обоих склонов городища и переходящей в горизонтальный уступ шириной 2—3 м, опоясывающий оба склона и стрелку городища на половине их высоты. Уступ хорошо виден как на плане, так и на фотографии городища (рис. 3 и 11).

Таким образом, городище Тушемля, сравнительно очень небольшое по площади, не превышающей 800 м², имело весьма мощную систему укреплений. В результате раскопок было выяснено, что эта система создавалась не сразу, а постепенно, достигнув наибольшего развития в последней четверти I тысячелетия н. э., накануне большого пожара, уничтожившего поселение со всеми его укреплениями. После пожара городище было заброшено и жизнь на нем уже никогда не возобновлялась.

В результате трехлетних раскопок (1955—1957 гг.) площадка городища была исследована целиком. Кроме этого, широкой траншеей были прорезаны первый основной вал городища и соответствующий ему ров, а также был вскрыт небольшой участок на склоне городища для исследования описанного выше уступа. В общей сложности размеры раскопанной площади составили несколько более 750 м².

Как и во всех других случаях, когда археологический памятник исследуется полностью, раскопки на Тушемле привели к интересным открытиям, в данном случае к выявлению неизвестных до сих пор, своеобразных плана и устройства жилых сооружений и укреплений, в пределах которых располагалось еще одно интересное сооружение — языческое святилище.

2

Данные о стратиграфии городища Тушемля представлены в настоящей публикации шестью профилями культурного слоя — пятью поперечными, пересекающими культурный слой от края до края площадки, и одним продольным, начинающимся на стрелке городища, проходящим через всю площадку и главный вал и заканчивающимся у дна первого рва (рис. 12). Расположение профилей указано на плане раскопок (рис. 13).

На всех профилях хорошо видно, что в центральных частях площадки под современным почвенным слоем (рис. 12, 1) залегал однородный по структуре культурный слой, по мощности не превышающий 0.2—0.4 м (2). По материалу слой песчаный, углистый, черного цвета. Он содержит небольшое число обломков керамики. Ниже лежит материковый песок или гравий светло-желтой или ржаво-красной окраски, переполненный известняковой галькой (5).

По направлению к склонам мощность культурного слоя возрастала, а вдоль склонов, где толщина слоя достигала 1—1.5 м, отчетливо видны два культурных слоя — верхний и нижний (4), местами перекрытый погребенной почвой (12) и прослойкой бурой супеси, имевшей неодинаковую толщину в разных местах (8). Нижний горизонт имел черную, несколько коричневатую окраску. В отличие от верхнего культурного слоя, по структуре и окраске аналогичного слою в средней части площадки, нижний слой содержал большее количество известняковой гальки.

Верхний культурный слой городища распадался на два горизонта. Нижний (средний) горизонт не имел особых признаков. Как уже указано, это был аморфный, черный слой, песчаный по структуре. В верхнем горизонте, имеющем в основном такой же характер, лежали песчаная насыпь, представляющая собой остатки вала, окружавшего площадку городища со всех сторон (6), и остатки сгоревших деревянных построек в виде обуглившихся бревен, угля, золы и камней от развалившихся очагов или печей (7, 10). Местами стратиграфия усложнялась за счет материкового песка, выброшенного на поверхность из ям от столбов, относящихся к разным периодам жизни людей на городище.

На стрелке городища, в основании верхнего культурного слоя, лежал плотный слой материкового песка с галькой (13 на профиле А—Б и на продольном профиле), вероятнее всего, также выброс из ям или же следы искусственного наращивания уровня стрелки.

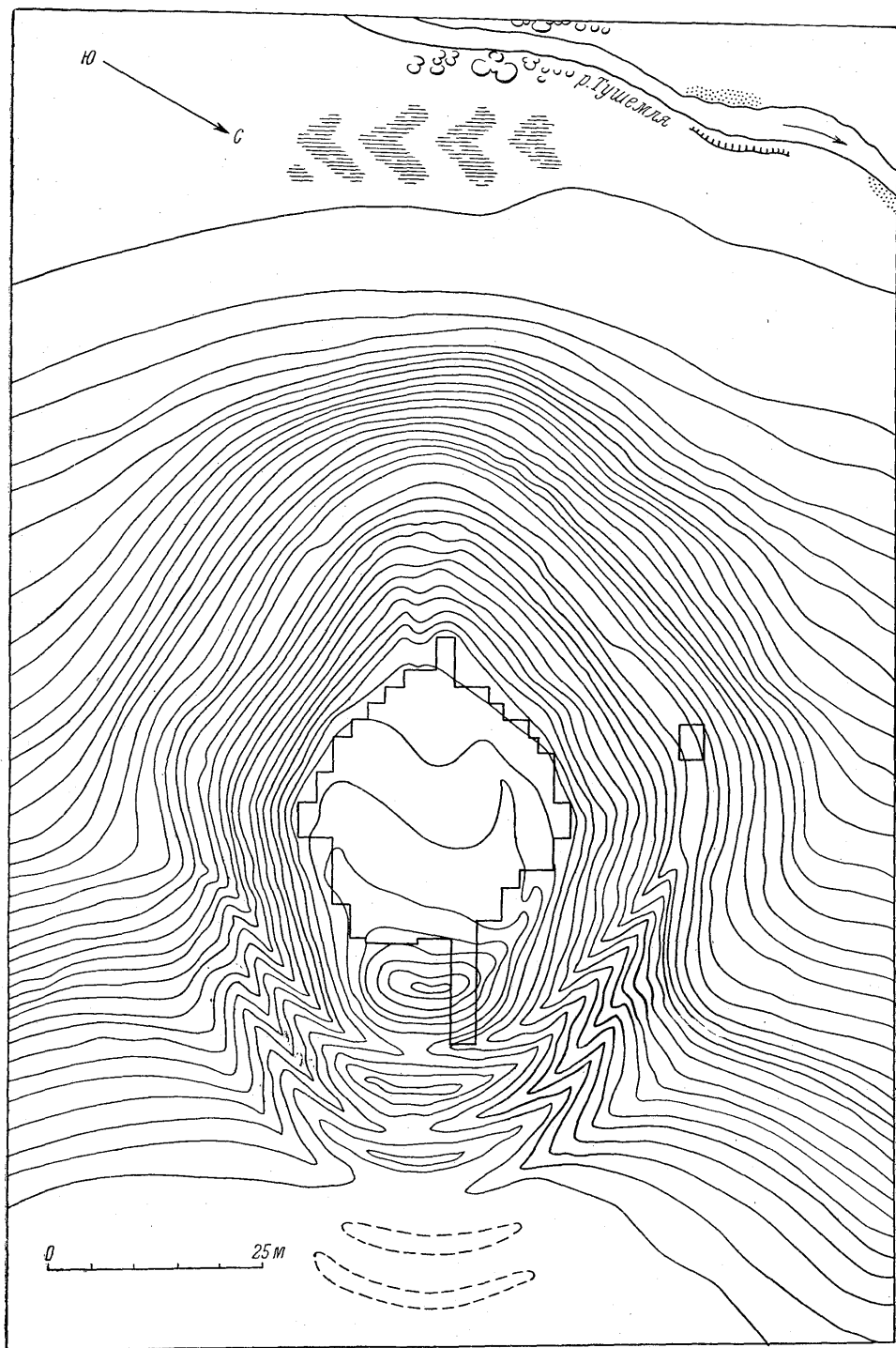

Рис. 11. План городища Тушемля. Сечение горизонталей через 0.5 м.

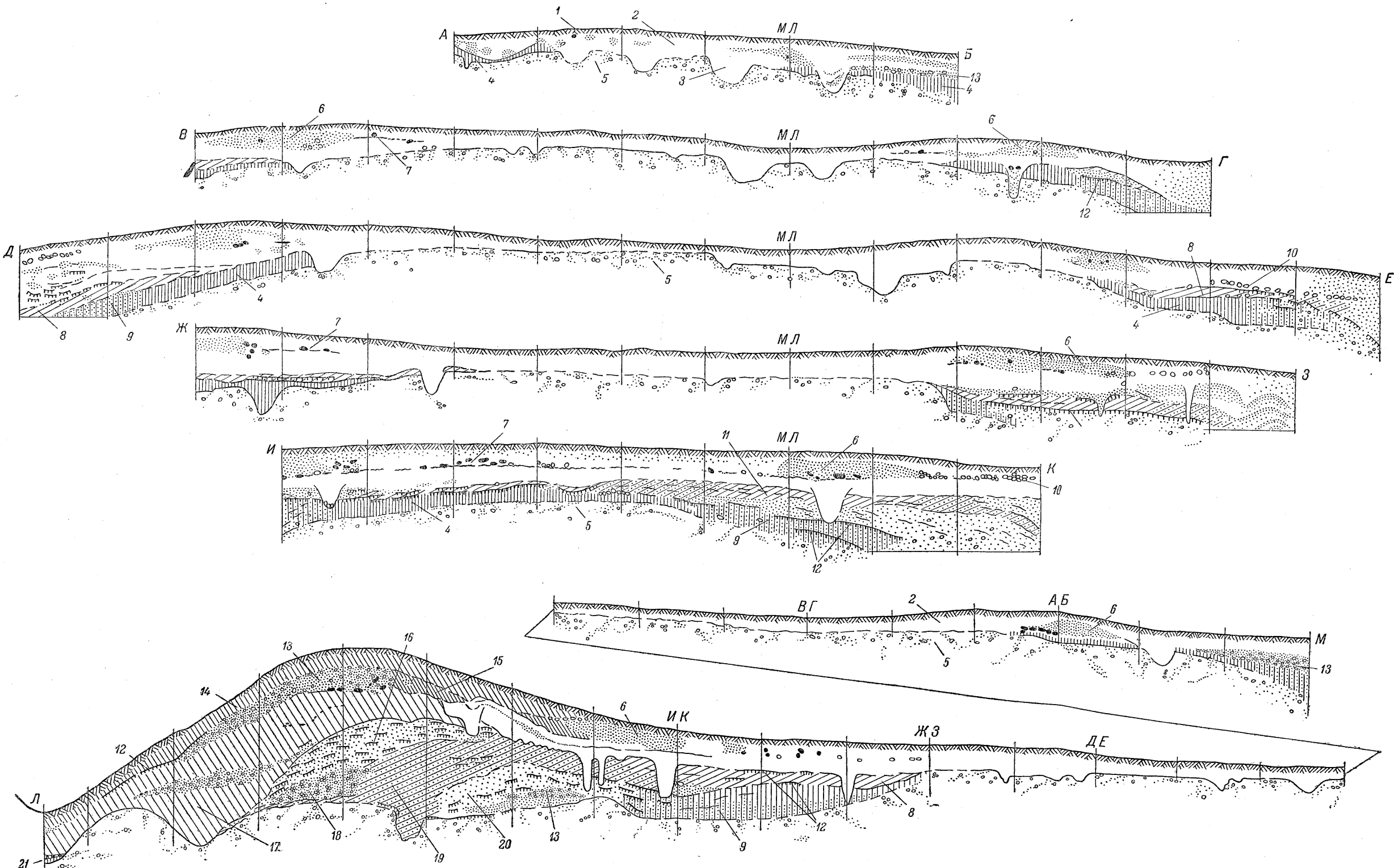
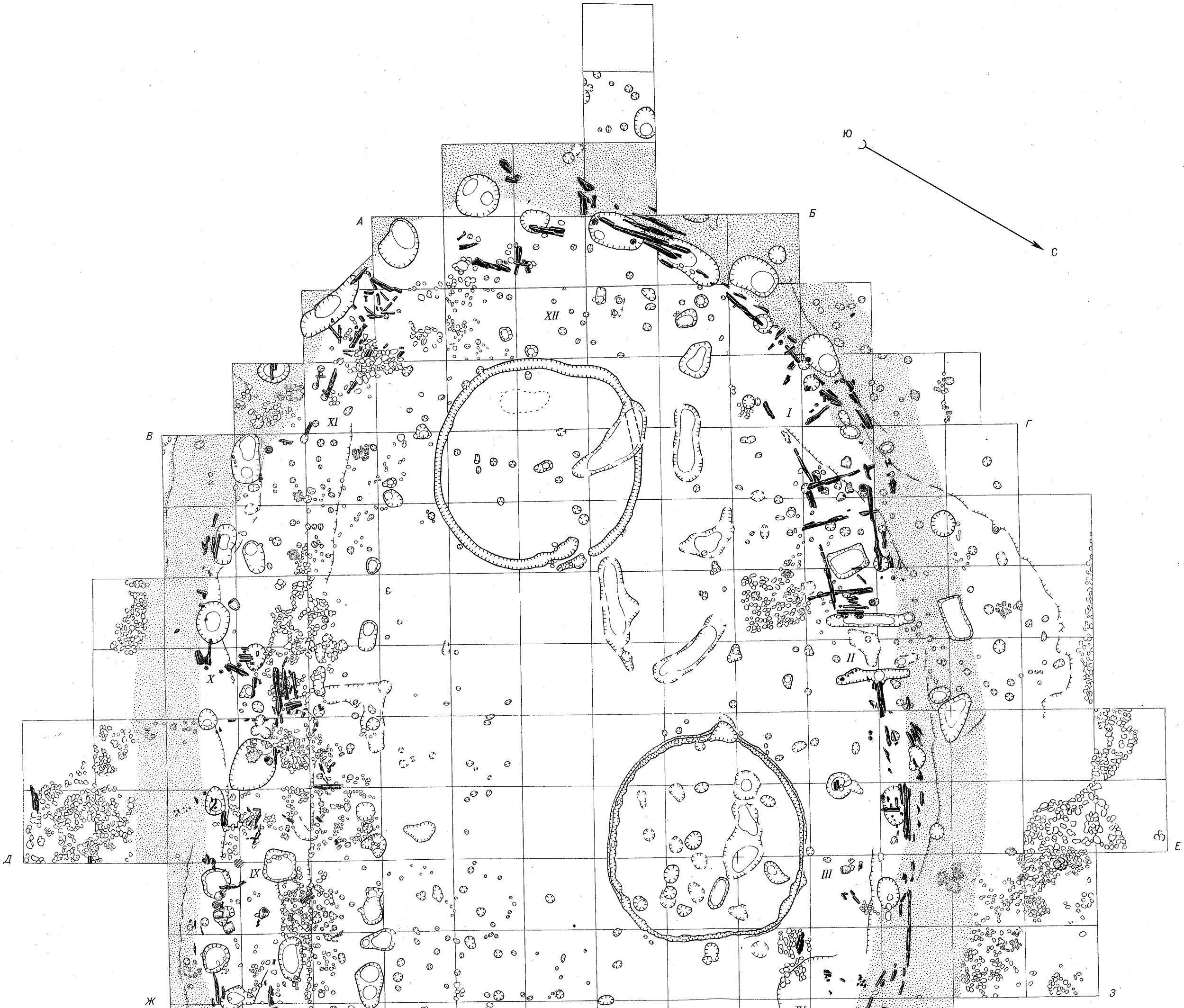

Рис. 12. Профили культурного слоя городища Тушемля.

1 — современный почвенный слой, 2 — верхний и средний горизонты культурного слоя; 3 — ямы верхнего слоя; 4 — нижний горизонт культурного слоя; 5 — материковый песок с галькой; 6 — насыпь вала; 7 — следы пожара, сгоревшие бревна; 8 — прослойка бурой супеси; 9 — слегка гумусированный слой; 10 — камни; 11 — бурая супесь с прослойками гумуса; 12 — древняя погребенная почва; 13 — слой насыпанного материкового песка; 14 — серая супесь; 15 — насыпанный культурный слой; 16 — светлый песок с гумусными прослойками; 17 — серая, гумусированная супесь; 18 — красный песок с галькой; 19 — серо-буря супесь с гумусными прослойками; 20 — супесь с гумусными прослойками, древний вал; 21 — заполнение рва.

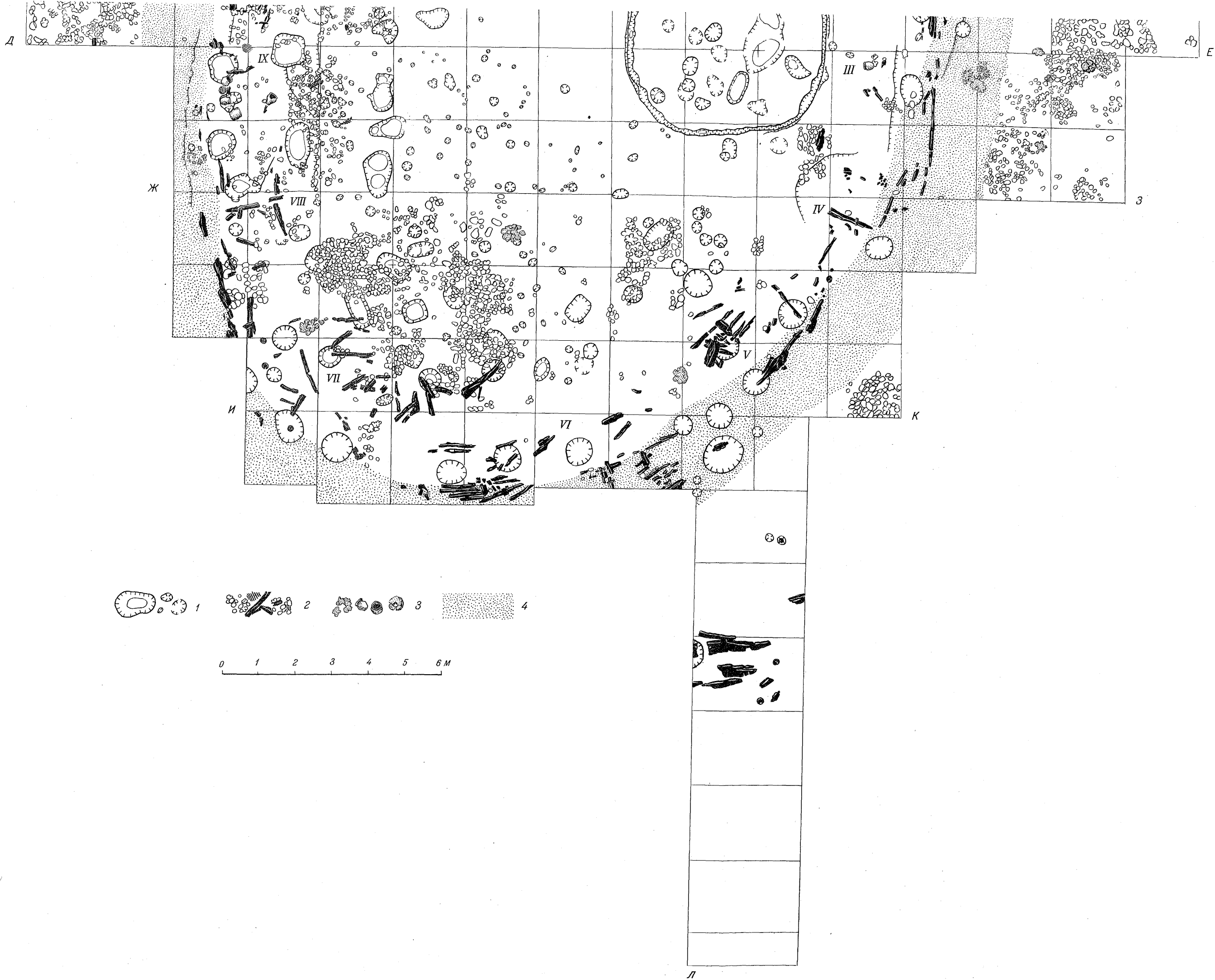

Рис. 13. План раскопа на городище Тушемля.

1 — ямы; 2 — камни от очагов, уголь, сгоревшие бревна; 3 — разбитые и целые глиняные сосуды, жернов; 4 — вал, окружавший постройки верхнего горизонта культурного слоя

С поперечными профилями культурных наслоений сопоставим продольный профиль в той его части, которая примыкает к валу. На продольном профиле и поперечном профиле И—К видно, что в древности, до сооружения здесь поселения, в основании мыса, между вершинами образующих его оврагов, имелось некоторое понижение, как бы седловина, впоследствии заполненная нижним культурным слоем мощностью до 0.75 м и сравнительно мощной прослойкой бурой супеси толщиной 0.4—0.7 м.

Нижний культурный слой в пределах седловины отличался более светлой окраской за счет включений песка, из которого сложена невысокая насыпь древнейшего вала. Насыпь этого вала лежит непосредственно на древней почве и состоит из трех частей. Нижнюю часть составляет буро-желтый песок; на нем лежит крупнозернистый, ржаво-красный песок с известняковой галькой (13). Верхний горизонт древнейшего вала составляет темная, серо-бурая супесь с многочисленными гумусными прослойками — остатками кусков дерна (20). Применение дерна при сооружении насыпи вала уже не раз было отмечено на древних верхнеднепровских городищах.¹ Высота остатков древнейшего вала составляет 1.25 м, ширина основания — 5—6 м. По линии продольного профиля древнейший вал был ограничен снаружи округлой в плане ямой в материке, представлявшей собой, возможно, след вертикально стоявшего столба, относившегося к конструкции этого вала. Рва, соответствующего древнейшему валу, не обнаружено. Как и вдоль склонов площадки, на поверхности нижнего культурного слоя, а также на поверхности насыпи древнейшего вала сохранились прослойки погребенной почвы, свидетельствующие о том, что городище после первого периода обитания было на длительное время заброшено.

Прослойка бурой супеси, лежащая выше нижнего культурного слоя, в пределах седловины также была переполнена включениями песка, особенно около вала. Прослойке супеси соответствовала вторая насыпь вала, состоящая в профиле, как и древнейший вал, из трех частей — внизу из серо-бурой супеси с тонкими прослойками гумуса (19), тяжелого красного песка с галечником (18), а сверху — из светлого песка с четкими прослойками гумуса — дерновинами (16), такими же, какие были встречены в древнейшей части насыпи вала. Второму валу городища, перекрывающему насыпь древнейшего вала и достигающему высоты 2 м и ширины 8—9 м, соответствовал неглубокий (1 м) ров шириной около 2.5 м. Очевидно, именно отсюда, из этого рва, происходит тяжелый, красный песок, входящий в состав насыпи второго вала (18).

Вопрос о прослойке бурой супеси, лежащей вдоль краев площадки городища и в седловине между нижним и верхним культурными слоями, и соответствующей ей насыпи вала не получил в результате раскопок вполне бесспорного решения. Представляется очевидным, что мы имеем здесь дело со следами земляных работ, предпринятых спустя значительное время после того, как городище было покинуто его первыми обитателями, оставившими нижний культурный слой. За это время на поверхности древнего культурного слоя во многих местах образовался почвенный горизонт (профили Д—Е, Ж—З, И—К). Но земляные работы, следами которых являются прослойка супеси и второй вал, не могут быть отнесены также и к периоду заселения городища новыми обитателями, оставившими средний горизонт культурного слоя. Об этом убедительно говорит погребенная почва, во многих местах перекрывавшая слой бурой супеси (профили Д—Е, Ж—З, И—К). Остается предположить, что в период запустения городища, после ухода людей, оставивших нижний культурный слой, и до прихода людей, оставивших средний слой, был кратковременный отрезок времени, когда на городище производились некоторые фортификационные работы, за которыми, однако, заселения городища не последовало или же заселение было настолько кратковременным, что от него не осталось заметных следов в виде особого культурного слоя.

Находки, обнаруженные в небольшом числе в слое бурой супеси (отдельные обломки керамики, костяная игла), типологически связываются с материалами из нижнего культурного слоя городища. Но как они попали в слой супеси (из нижнего слоя в процессе земляных работ или же ими характеризуется культура людей, производивших эти работы и насыпавших бурую супесь по краю площадки и в седловину), осталось невыясненным. К моменту,

¹ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 122.

когда на городище появились люди, оставившие средний культурный слой, упомянутая выше седловина в основании отрога, на котором находится городище, была уже целиком заполнена нижним культурным слоем и бурой супесью, смешанной с материалом, сползшим со склонов второго вала.

Средний и верхний культурные слои (общая мощность их около вала до 0.7—0.8 м), так же как и в других местах, отчетливо отделялись один от другого. Верхний слой содержал много угля и гари. Его верхние горизонты образовались за счет оползания насыпи главного вала. Среднему и верхнему слоям соответствуют верхние горизонты насыпи главного вала, перекрывшие не только более раннюю насыпь, но и древний ров.

Среднему горизонту культурного слоя соответствует однородная насыпь из серой, гумусированной, аморфной по структуре супеси (17). В той части, где эта насыпь заполняет ров, относящийся к предыдущему строительному периоду, в супеси имеется много включений песка и гальки. Над древним рвом в толще супеси лежит компактная линза красного материкового песка с крупной галькой — материал, выброшенный на поверхность при прокладке нового рва, сохранившегося вплоть до настоящего времени. В результате земляных работ, предпринятых новыми обитателями городища, насыпь вала была поднята примерно на 1 м, а ширина его основания достигла 10—11 м.

Наконец, в последний период жизни на городище при сооружении кругового вала на площадке главный вал был подсыпан еще раз и на его вершине была сооружена мощная стена из толстых бревен, сгоревшая во время пожара. С внутренней стороны он был подсыпан культурным слоем, взятым с площадки (15), а с наружной — материковым красным песком с галечником (13). То и другое перекрыто сверху слоем серой супеси (14). В общей сложности толщина насыпи позднейшего вала составляет сейчас 1 м, но несомненно, что в древности она значительно превышала эту цифру. За последнее время вал сильно ополз в сторону рва, о чем свидетельствуют сохранившиеся со стороны рва прослойки погребенной почвы (12).

На вершине вала обнаружены яма от столба и остатки массивных сгоревших бревен, относящиеся к какой-то деревянной конструкции, увенчивавшей гребень вала в последний период жизни на городище. Бревна, достигавшие 0.3 м в поперечнике, были хвойных и лиственных деревьев.

После разборки культурного слоя на площадке городища в материке было обнаружено большое число ям главным образом от вертикально стоявших столбов (рис. 13). Эти ямы неодновременны; они относятся несомненно к разным строительным периодам, соответствуют нижнему, среднему и верхнему культурным горизонтам. В основном ямы располагались по краям площадки городища и около вала, оставляя центральную часть площадки свободной. Одной из ответственных задач, решаемых в процессе раскопок, являлась классификация ям от столбов — определение, к какому слою какие из ям относятся. Более или менее успешно эта задача была решена лишь в отношении ям от построек, сооруженных в последний период жизни на городище и погибших от пожара (верхний горизонт культурного слоя). Основные ямы от столбов этих построек, составляющие два правильные ряда и выдающиеся своими значительными размерами, не только связывались в плане с полосой сгоревших бревен и насыпью вала, окружавшего площадку городища со всех сторон, но и были хорошо заметны в толще нижележащих горизонтов культурного слоя благодаря более светлой окраске и относительной рыхлости заполнявшей ямы земли. Очевидно, к верхнему культурному слою должно относиться также и некоторое количество малых ям — следы вбитых в землю кольев и др. Но выделить их из нескольких сотен более древних ям не представлялось возможным, так как малые ямы (диаметром 0.05—0.2 м) не прослеживались в толще культурного слоя. Ямы среднего горизонта культурного слоя могли быть выделены лишь в отдельных случаях. Так, например, к этому слою относятся, по-видимому, углубления от столбов круглой постройки, расположенной в северной части площадки городища, время которой было определено по находкам характерной керамики, сделанной на уровне пола постройки. К нижнему культурному слою может быть отнесено несколько узких и очень глубоких (до 0.5—1 м) ям, открытых в пределах отмеченной выше седловины. Здесь нижняя граница среднего культурного слоя отстояла от поверхности материка на 1 м и выкопанные

в материке глубокие и узкие ямы явно не могли относиться ни к среднему, ни к верхнему слоям. В других случаях ямы от столбов, относящихся к постройкам нижнего и среднего горизонтов культурного слоя, нельзя было отделить друг от друга.

3

Нижний культурный слой на городище Тушемля сохранился, как указано выше, лишь по краям площадки и в пределах седловины около вала. При его разборке найдено значительное количество культурных остатков — предметы из глины, металла, кости и камня, а также остатки мясной пищи — кости домашних и диких животных. Отдельные находки, относящиеся к нижнему слою, были сделаны в центральной части площадки, где нижний культурный слой не мог быть отделен от верхнего и где вещи различного времени встречались совместно. Остатков каких-либо сооружений, бесспорно относящихся к нижнему культурному слою (жилищ, очагов и др.), обнаружить в процессе раскопок не удалось. Но, как уже указывалось, к нижнему слою несомненно относится значительное количество ям от вертикально стоявших столбов. В большинстве случаев это были конические по форме ямы очень небольшого диаметра (0.05—0.1—0.2 м), достигавшие значительной глубины (0.2—0.3—0.4, в отдельных случаях до 1 м в материке). Ямы такого рода не выкапывались, а так сказать «выдалбливались» в плотном материке, а затем в них вколачивались столбы, нижние концы которых затесывались на конус. Можно предполагать, что постройки людей, оставивших на Тушемле нижний культурный слой, имели столбовую конструкцию. Такая конструкция построек была свойственна тогда населению и других областей Поднепровья, а также смежных областей Верхнего Поволжья и, по-видимому, бассейна Западной Двины.²

Время нижнего культурного слоя определяется по облику относящихся к нему бронзовых украшений — прежде всего по обломкам двух браслетов, которые условно можно назвать галыштатско-латенскими и датировать V—III вв. до н. э. (рис. 14, 4—5). Оба браслета литые. Один из них узкий, полукруглый в сечении, украшен насечками по наружной стороне. Другой браслет более массивный, украшен крупной зернью — шариками и полусферами выпуклостями, образующими как бы грозди, характерные для раннелатенских древностей. Браслеты такого рода не раз были встречены на территории европейской части СССР на древнейших городищах Поднепровья, относящихся к милоградской и юхновской культурам.³ Они известны также по находкам на городищах верхнего течения р. Оки.⁴ Очень интересным является найденный в нижнем культурном слое Тушемли обломок пластинчатого браслета, изготовленного по восковой модели, с выпуклым зональным орнаментом в виде волнистых линий (рис. 14, 6). Возможно, что в этом предмете следует усматривать продолжение очень древней традиции, восходящей в Среднем Поднепровье еще к предскифскому времени.⁵ Четвертый браслет, обломок которого был найден в нижнем культурном слое Тушемли, также имеет весьма архаичный облик. Это бронзовый проволочный браслет, концы которого (или один конец) свернуты спиралью (рис. 14, 3). К нижнему культурному слою относятся также небольшая пронизка, свернутая из бронзовой пластинки, и массивное колечко с продольной гранью по наружной стороне (рис. 14, 1, 2).

Изделия из железа, происходящие из нижнего слоя, представлены небольшим железным ножом с горбатой спинкой и массивным обухом и двумя наконечниками копий или дротиков (рис. 15, 1—3). Железные предметы весьма примитивны: несколько асимметричны и неровны по толщине. Они как бы вышли из рук неумелого кузнеца. Особенно интересен в этом отношении наконечник копья или кинжала с круглой в сечении, узкой тыльной частью, постепенно переходящей в неправильное удлиненно-листовидное лезвие (рис. 15, 1). Кроме того,

² П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, № 9, 1947, стр. 67, 68.

³ О. Н. Мельниковская. 1) Клад браслетов с городища в д. Горошков. ВДИ, № 1, 1956; 2) Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 36, 37.

⁴ Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, стр. 72, табл. XIV, рис. 16.

⁵ А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясьмин. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 87, 93, 95.

Рис. 14. Находки из нижнего горизонта культурного слоя городища Туשמля. Изделия из бронзы, кости и рога.

в нижнем культурном слое встречено несколько неопределенных железных стерженьков и обломков железных предметов.

Примитивным железным изделиям соответствует обилие изделий из кости и рога. Среди них прежде всего отметим нарядную рукоятку ножа с зональным орнаментом из нарезных линий (рис. 14, 7). Рукоятки подобного типа характерны для дьяковских городищ Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Близкие параллели к нашей рукоятке можно указать, например, среди материалов Старшего Каширского городища.⁶

Среди раннедьяковских материалов можно указать аналогии также и найденным на Тушемле гарпунам архаичного облика, прикреплявшимся к рукоятке с помощью костяной муфточки, из которой они могли выниматься (рис. 14, 10—12). Таких гарпунов найдено 4 экз. Подобные им не встречались на древнейших городищах дьякова типа, например на упомянутом Старшем Каширском на Верхней Оке или на городище у д. Городище на Верхней Волге.⁷ Гарпуны такого же типа, найденные М. Е. Фосс на стоянках каргопольской культуры, были датированы ею на основании ряда аналогий серединой I тысячелетия до н. э.⁸

Далее отметим наконечники стрел, как правило, очень миниатюрные, с одним шипом

⁶ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 20.

⁷ Там же, стр. 26, 27; П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, № 9, 1947.

⁸ М. Ф. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 103, 104.

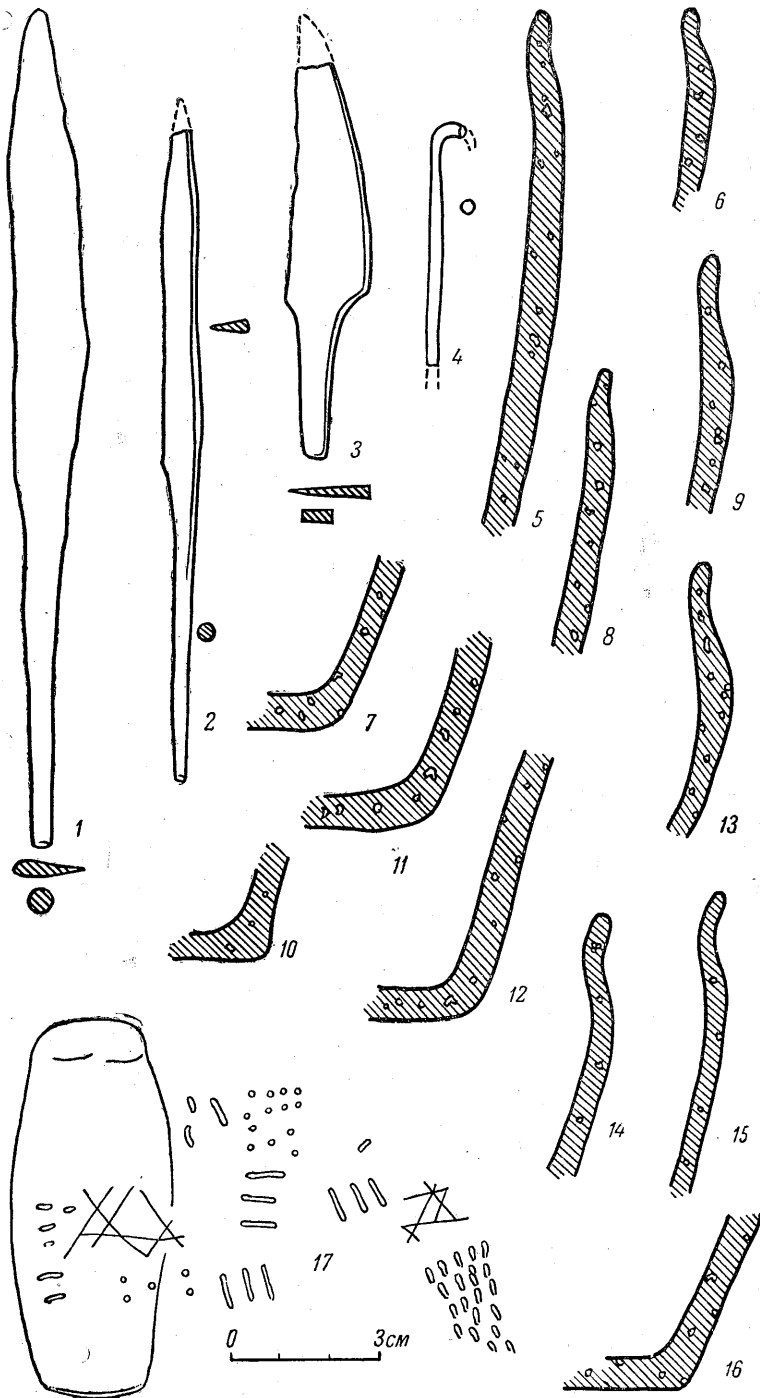

Рис. 15. Находки из нижнего горизонта культурного слоя городища Туשמле. Железные изделия, профили обломков керамики и орнамент на глиняной погремушке.

(4 экз.) или ромбические (2 экз.) (рис. 14, 8, 9, 13), а также различные острия (рис. 14, 15—18, 23). Среди последних имеются иглы с отверстиями для вязания и ремонта сетей. Они найдены в числе 8 экз. Следует указать, что одна из игл была найдена в слое бурой супеси.

Следующей группой костяных орудий являются найденные в числе 6 экз. «тупики» — орудия в виде ножей, служившие для обработки кожи, изготовленные из лопаток крупных

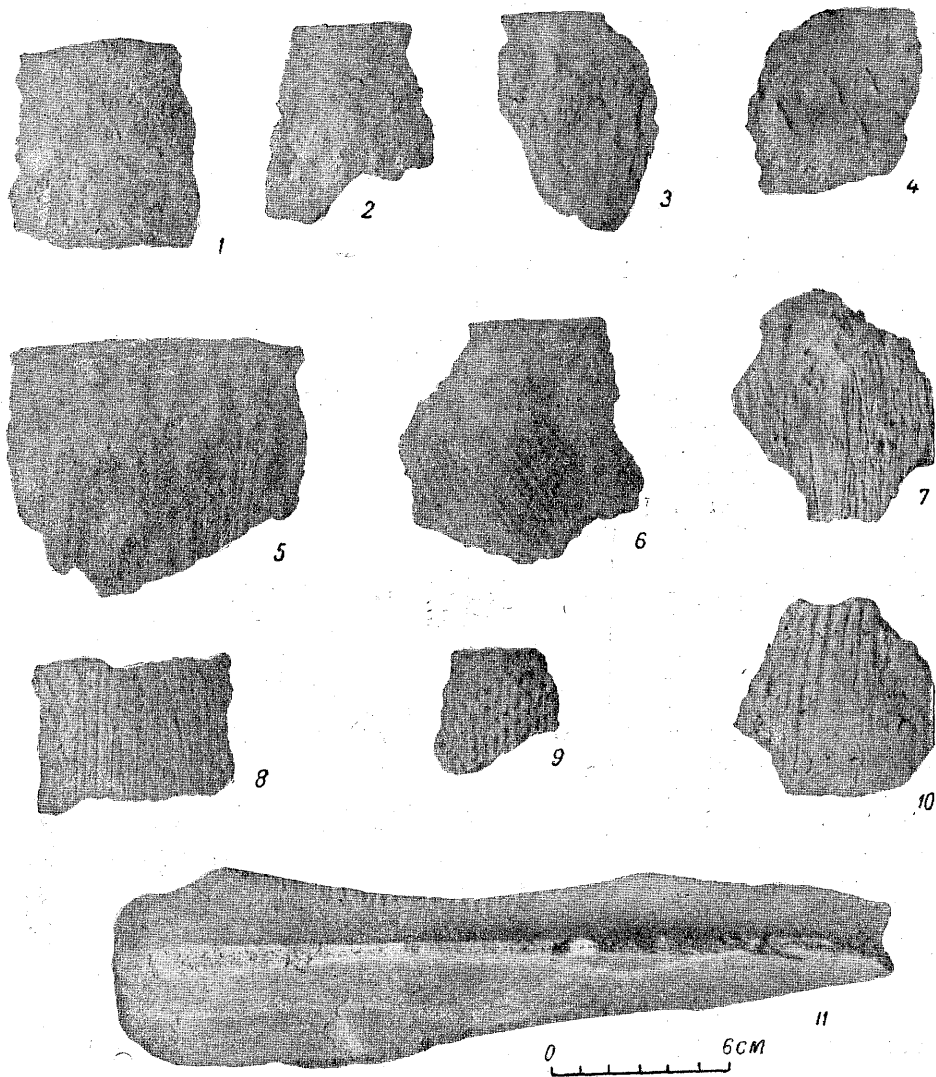

Рис. 16. Обломки керамики и «тупик» из нижнего горизонта культурного слоя городища Тушемля.

животных (рис. 16, 11). В числе 5 экз. найдены костяные трубочки разного размера и диаметра. Одни из них (рис. 14, 20, 22) могли служить для прикрепления к древку описанных выше гарпунов. Миниатюрная трубочка, изготовленная из птичьей кости, являлась, возможно, «манком» — свистком для приманивания птиц (рис. 14, 24). Осталось неизвестным назначение большого медвежьего клыка, от которого были отпилены основание корня и острая часть, а сам он превращен в неправильную четырехгранную призму с гладко отполированными гранями (рис. 14, 19). Имеется также тщательно вырезанный из рога лося

изогнутый стержень с плоским основанием, назначение которого также осталось невыясненным (рис. 14, 26).

Изделия из камня, относящиеся к нижнему культурному слою, представлены лишь одной находкой — маленькой зернотеркой. Ее вогнутая рабочая площадка овально-прямоугольной формы имеет в длину лишь 15 см. Интересно, что на городище совсем не найдено каменных пестов, обычных для ранних городищ дьякова типа.

Керамика, происходящая из нижнего культурного слоя, очень однообразна. Это обломки невысоких плоскодонных сосудов со слегка расширяющимися кверху стенками и слабо профилированным венчиком, лишенных какой-либо орнаментации. Сосуды сравнительно тонкостенные (0.5 см; у венчика 0.4 см), изготовлены из глины с примесью песка и дресвы, их поверхность неровная, бугристая, цвет бурый; обжиг сравнительно высокий, но неравномерный (рис. 18—19).

Судя по обломкам, высота сосудов в среднем не превышала 20 см. Имеются обломки сосудов меньшего и несколько большего размера. Обломков крупных сосудов не обнаружено. Некоторые сосуды имеют по поверхности легкую штриховку (рис. 16, 5—6).

Лишь единичные экземпляры сосудов из нижнего культурного слоя (буквально 3—4 сосуда) имели примитивный орнамент в верхней части стенок. В одном случае это были два ряда неправильных удлиненных углублений (рис. 16, 4), в другом — круглые ямки, в третьем — вдавления, сделанные пальцем. Из нижних горизонтов нижнего культурного слоя, лежащего в пределах описанной выше седловины, происходит несколько фрагментов глиняных сосудов, более толстостенных, чем обычные, поверхность которых была покрыта штриховкой орнаментального характера (рис. 16, 7, 8, 10). Такая посуда типична для древних городищ более западной области Верхнего Поднепровья. Здесь же был найден один черепок с текстильным (сетчатым) орнаментом (рис. 16, 9).

Предположительно с нижним культурным слоем могут быть связаны два конических глиняных грузика с узкими продольными отверстиями (0.2 см), стратиграфическое положение которых на границе нижнего и среднего культурных слоев не дало возможности точно их датировать (рис. 17, 2). Возможно, что в этих грузиках следует видеть раннюю местную форму «грузиков дьякова типа», богато представленных во втором (среднем) горизонте культурного слоя. Никаких других изделий из глины — пряслиц или глиняных фигурок, — обычных на древних городищах других областей лесной полосы европейской части СССР, в нижнем слое Тушемля найдено не было. Интересной находкой является продолговатая, бочонковидная глиняная погремушка (рис. 17, 1), близко напоминающая такие же предметы из Старшего Каширского городища,⁹ а также из лужицких городищ на территории Польши.¹⁰

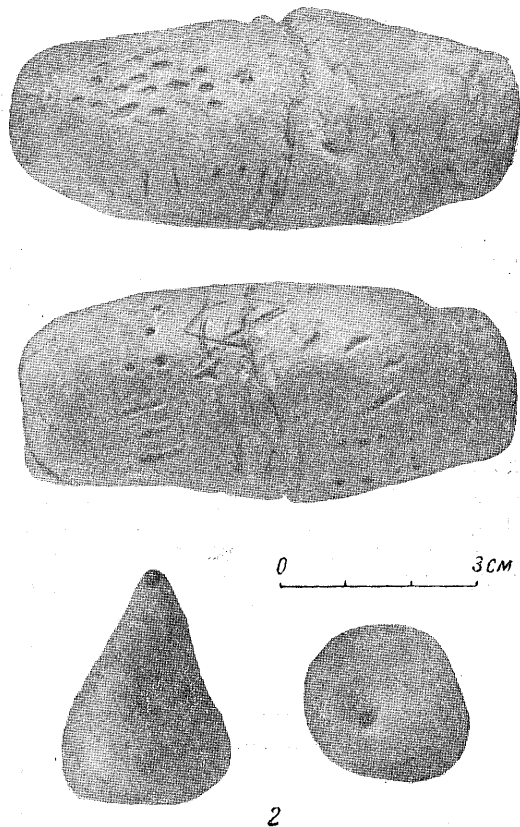

Рис. 17. Погремушка и грузик из нижнего горизонта культурного слоя городища Тушемля.

⁹ В. А. Городцов, ук. соч., стр. 16.

¹⁰ См., например: Z. K o l o s o w n a. Przedmioty kultury i zabawki z grodu kultury l u z y c k i e j w B i s k u p i n i e. III sprawozdanie z prac w i k o p a l i s k o w y c h w B i s k u p i n i e. Poznan, 1950, стр. 209.

Внутри она полая, с маленьким камешком, который при потряхивании погремушки производил негромкий, глухой звон. На погремушке из Тушемли имеется орнамент, представляющий собой как бы строку знаков, возможно, имеющих не только орнаментальное, но и какое-то смысловое значение. Здесь видны фигуры из пересекающихся прямых линий, ряды черточек и ряды точек. Все они были нанесены по сырой глине, еще до обжига этой любопытной поделки (рис. 15, 17).

На рис. 18 дана схема раскопа на городище Тушемля с обозначением месторасположения основных находок. Предметы, относящиеся к нижнему культурному слою, были найдены главным образом по обоим склонам городища в его центральной части, т. е. там, где имелся более или менее мощный нижний культурный слой. Интересно, что в седловине, где нижний культурный слой также достигал значительной мощности, находок почти не было сделано. Это место, примыкающее к валу, очевидно, не было занято жилищами.

В заключение приведем перечень животных, кости которых в небольшом количестве были найдены в нижнем культурном слое Тушемли, преимущественно вблизи склонов городища. Здесь имеются кости обычных домашних животных: коровы низкорослой породы, такой же лошади, свиньи и овцы (козы). Дикие животные, являющиеся продуктом охоты в окрестных лесах, представлены остатками медведя, кабана, бобра, лося и др. (табл. 1). Костный материал был определен и изучен В. И. Цалкиным, которому автор приносит свою благодарность.

Встречены также кости птиц, по-видимому, лесных и водоплавающих, а также кости крупных рыб — щуки, судака и др. Нужно сказать, что костей рыб при раскопках было найдено очень много. Кроме них, в большом числе была представлена чешуя, иногда встречающаяся в виде небольших скоплений. Но сохранность небольших костей и чешуи рыб, свидетельствующих об интенсивных занятиях местного населения рыбной ловлей, была очень плохой. Это была труха, рассыпавшаяся на воздухе и непригодная для определения.

Отдельные кости человека, найденные на Тушемле, происходят, вероятно, из разрушенного в древности погребения эпохи бронзы (см. стр. 70).

ТАБЛИЦА 1

Костные остатки из нижнего культурного слоя городища Тушемля

Наименование вида	Число костей (числитель) и особей (знаменатель)				
	ю.—в. и с.—з. скопления в цент- ральной части площадки	южный склон	стрелка городища	седловина около вала	западная в пункте IV
Домашние животные:					
крупный рогатый скот	88/6	30/2	23/3	49/3	1/1
мелкий рогатый скот	18/2	4/1	6/1	2/1	3/1
лошадь	15/1	13/2	7/1	16/2	1/1
свинья	35/7	3/1	13/2	17/2	2/1
собака	3/1	2/1	—	6/1	—
Дикие животные:					
лось	12/2	2/1	—	5/1	—
кабан	18/3	7/1	11/2	26/3	2/1
лисица	3/1	—	4/1	—	—
медведь	3/1	—	—	7/2	—
заяц	1/1	—	—	—	—
бобр	18/5	6/2	3/1	10/2	3/1
барсук	—	—	—	3/1	—
Кости человека	—	2/1	—	1/1	—

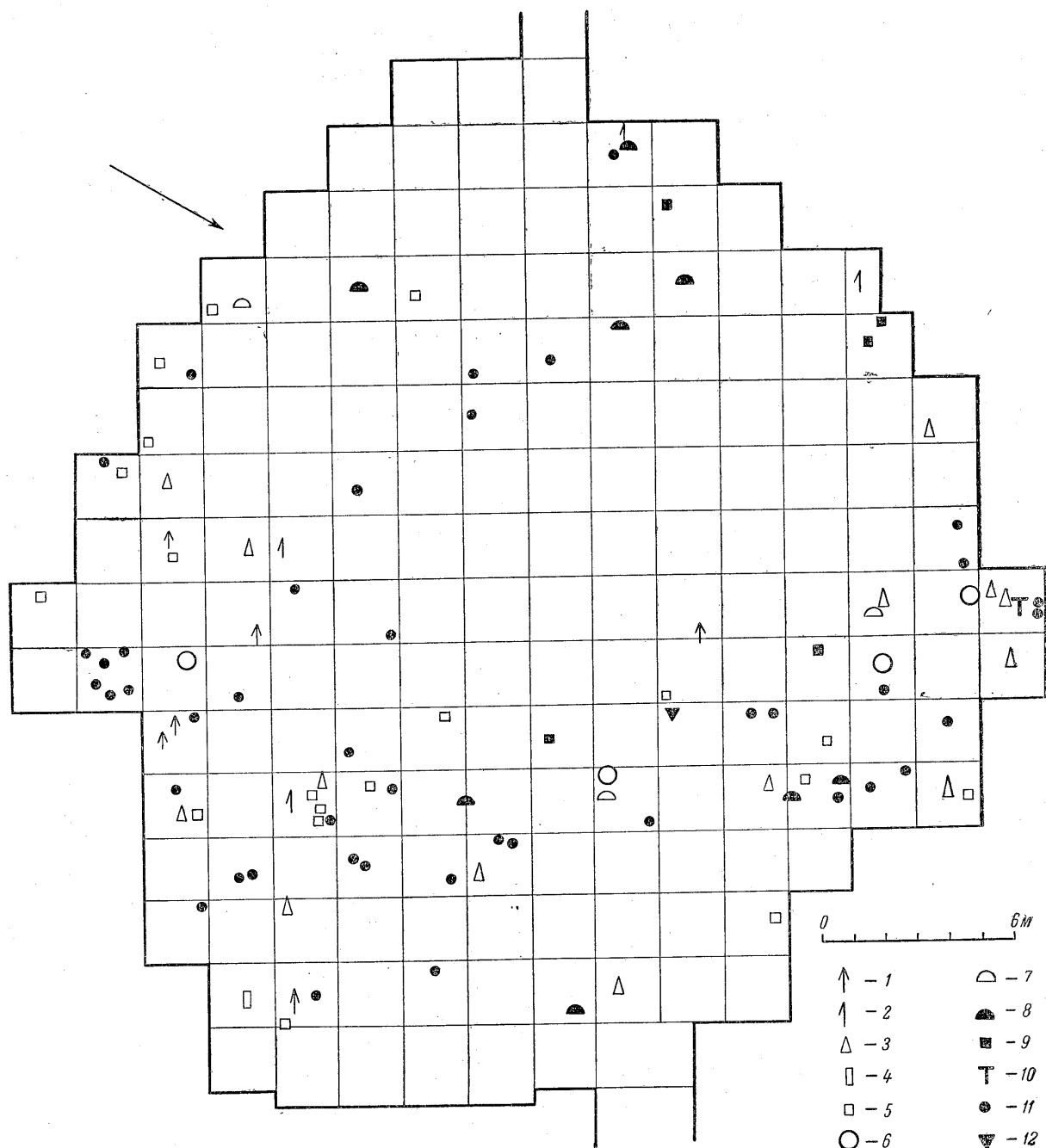

Рис. 18. Расположение находок из городища Тушемля.

Вещи из нижнего горизонта культурного слоя: 1 — наконечники стрел из кости; 2 — наконечники гарпунов из кости; 3 — костяные острия разные; 4 — костяная рукоятка; 5 — другие костяные изделия; 6 — обломки бронзовых браслетов; 7 — ножи и кинжалы железные. Вещи из среднего (второго) горизонта культурного слоя: 8 — ножи и серпы железные; 9 — другие железные изделия; 10 — фибула бронзовая; 11 — «грузики дьякова типа»; 12 — пряслице.

Костный материал — кости животных, птиц и рыб — очень ценен для характеристики хозяйства древних обитателей городища. Их простой количественный подсчет дает возможность представить, из чего складывалась мясная пища. Думаем, что очень большую роль играло рыболовство. Что касается соотношения охоты и скотоводства, то, несмотря на небольшое количество костей, из их подсчета можно сделать вывод, что домашние животные шли в пищу в значительно большем числе, чем дикие. На первом месте среди домашних животных находился крупный рогатый скот, на втором — свинья и далее — лошадь.

4

Находки из второго горизонта культурного слоя городища Тушемля заметно отличаются от описанных выше и свидетельствуют, как и стратиграфия культурных наслоений, о хронологическом разрыве между нижним и вторым культурными слоями.

Прежде всего обращает на себя внимание керамика, совсем иная, чем в нижнем культурном слое. Она представлена лепными сосудами со сравнительно узким, плоским дном, расширяющимися кверху стенками, относительно крутыми плечами и отогнутым наружу венчиком. Посуда сравнительно толстостенная, изготовлена из глины с примесью дровяной золы и шмота, поверхность многих сосудов тщательно выглажена. Обрез венчика, как правило, орнаментирован косой насечкой или зазубинами. Несложные узоры из насечек или ямочных вдавлений изредка встречаются и на теле сосудов, опоясывая его в наиболее широкой части (рис. 19, 3—5). На одном сосуде до обжига, по сырой глине, был нанесен нарезной узор в виде ряда знаков (рис. 19, 2), напоминающий узоры, встречающиеся на зарубинецкой керамике из области верхнего течения р. Десны.¹¹

В нескольких местах у краев городища были найдены скопления обломков керамики, принадлежавшие раздавленным сосудам, которые удалось частично восстановить. Сосуды имеют от 15 до 25 см в высоту при диаметре горловины 12—20 см, толщина стенок равна 0.6—0.8 см (рис. 22, 15—26).

В числе нескольких десятков в нижнем горизонте верхнего слоя найдены обломки сосудов с черной или коричневой выглаженной поверхностью (рис. 19, 11—16). Одни из них имели форму горшков, другие — мисок с резким ребром в верхней части (рис. 22, 14). К сожалению, ни одного лощеного сосуда восстановить из обломков не удалось.

Из этого же горизонта культурного слоя происходит 5 маленьких сосудиков. Наиболее крупный из них с насечками по венчику и орнаментом по стенкам (рис. 20, 2) имеет высоту 4.5 см, остальные совсем маленькие (рис. 20, 12).

В целом посуда из нижнего горизонта верхнего культурного слоя Тушемли несколько напоминает, с одной стороны, позднезарубинецкую керамику Поднепровья и поречья Верхней Десны,¹² с другой — керамику мощинских городищ и соответствующих им курганов из области верхнего течения р. Оки.¹³ Наконец, она имеет общие черты с позднедьяковской посудой Верхнего Поволжья, где неорнаментированная лепная посуда, как и на Тушемле, сочетается с изредка встречающейся лощеной керамикой.¹⁴

Другими характерными находками из нижнего горизонта верхнего культурного слоя Тушемли являются «грузики дьякова типа», найденные на городище в числе свыше 40. Из них 25 грузиков цельные, остальные фрагментированные. Грузики из Тушемли ничем не отличаются от обычных позднедьяковских, происходящих, например, из Ивановского, Санниковского и Березняковского городищ Верхнего Поволжья.¹⁵ Большинство грузиков имеет форму широкого конуса с диаметром основания 4—6 см и высотой 3—4 см. Несколько грузиков большого диаметра (6 см) были совсем плоскими (высота — 1.5—2 см), несколько

¹¹ Ф. М. Заверняев. Селища бассейна р. Судости. СА, № 3, 1960, стр. 185, рис. 4, 10.

¹² П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 146—150.

¹³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

¹⁴ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 105, 129 и др.

¹⁵ Там же, стр. 90, 106, 107 и др.; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 68, 126—132.

других имели суженную, вытянутую вершину. Два грузика — один целый, другой фрагментированный — относятся к высоким. Все разновидности грузиков изображены на рис. 20. Грузики украшены по краю небрежно нанесенными насечками и в отдельных случаях примитивными узорами из ямок (2 экз.) или радиально расходящихся прямых линий (3 экз.), нанесенными по сырой глине, до обжига.

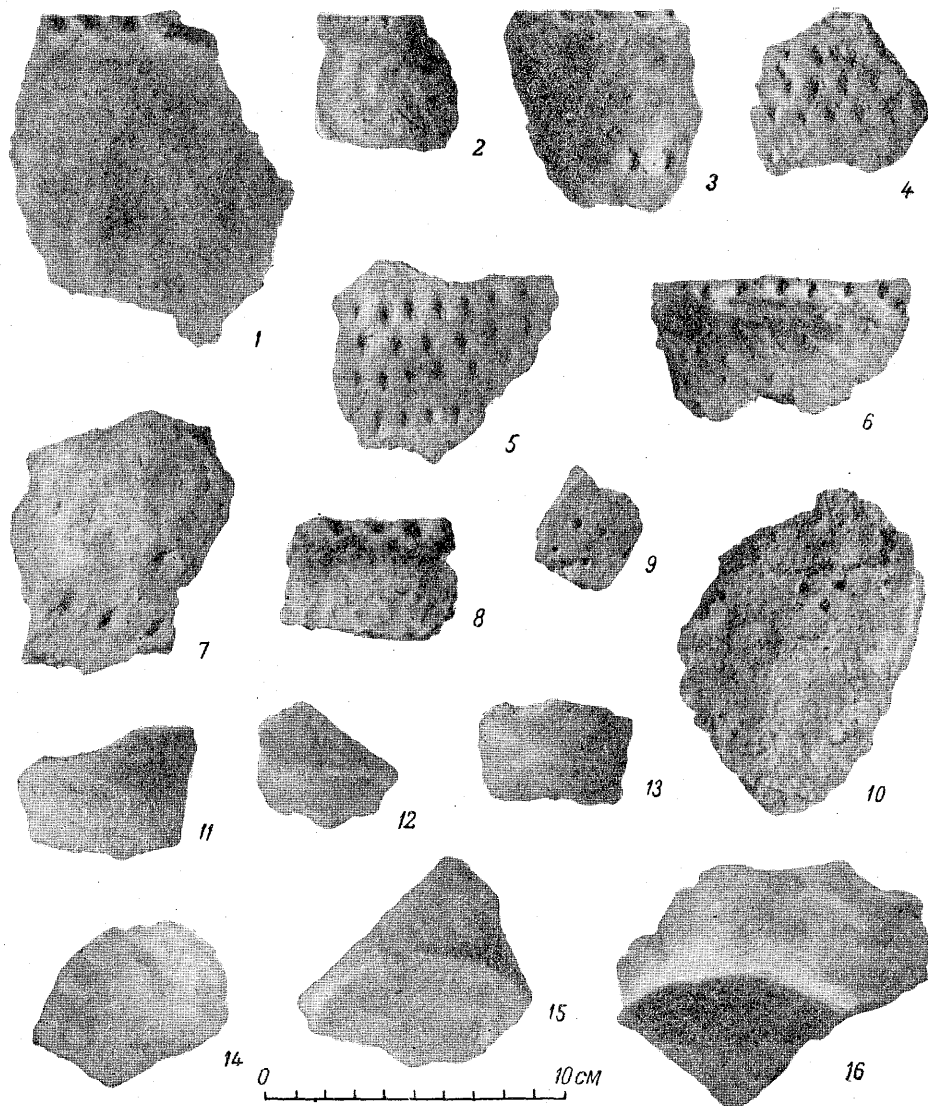

Рис. 19. Обломки керамики из второго (среднего) горизонта культурного слоя городища Туשמליya.

Интересно, что в одном месте в пределах восточной части городища было обнаружено как бы скопление целых и фрагментированных грузиков (рис. 18). Здесь на одном уровне на площади около 4 м² они были найдены в числе 6 экз. На соседних участках встречено еще несколько грузиков. Один из грузиков — самый высокий и орнаментированный четырьмя рядами насечек (рис. 20, 3) — был найден стоящим на своем основании вблизи основного

вала городища среди обломков раздавленного сосуда, характерного для среднего горизонта культурного слоя. Здесь же недалеко от грузика найден маленький сосудик с орнаментом (рис. 20, 2).

Каких-либо данных, обещающих оказать помощь археологам в деле определения функции «дьяковских грузиков», раскопки на Тушемле не дали. Бесспорно лишь, что пряслицами

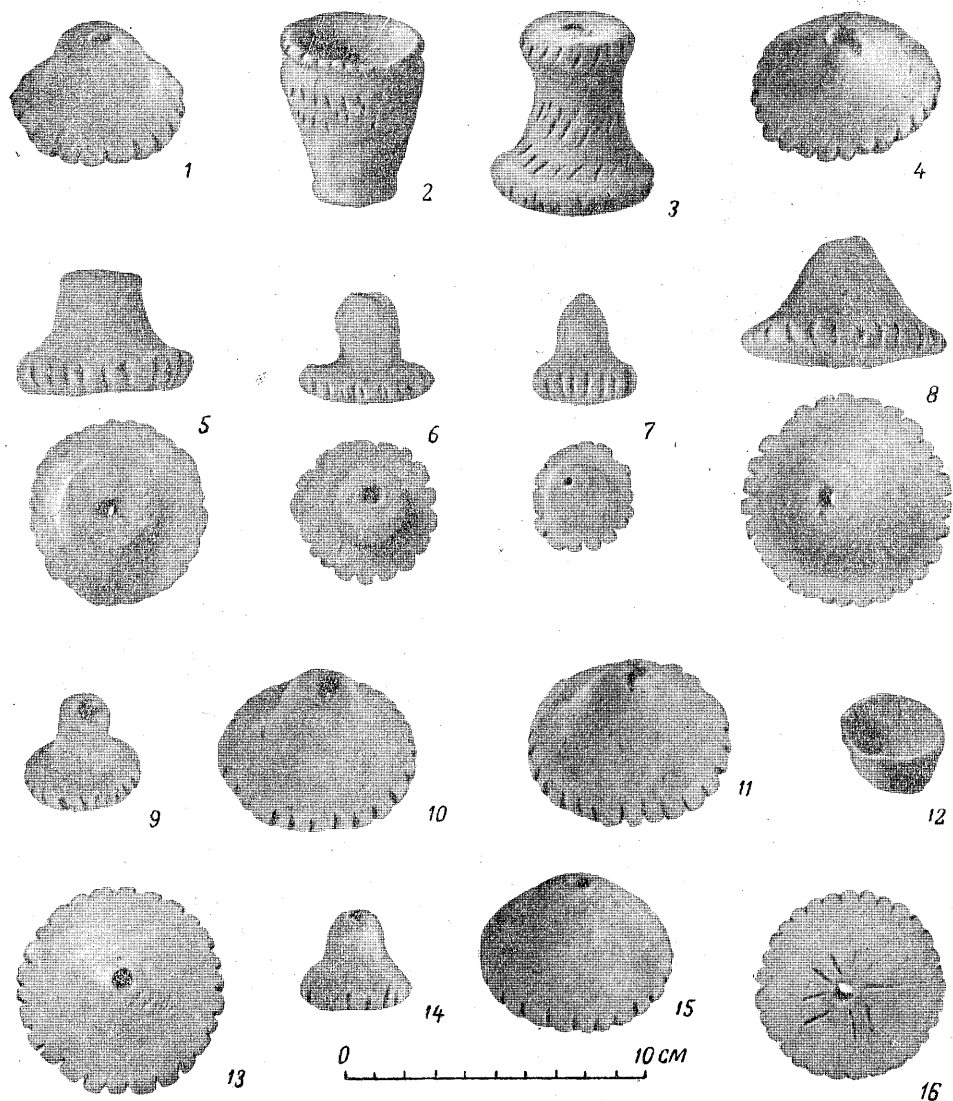

Рис. 20. «Грузики дьякова типа» и маленькие сосуды из второго (среднего) горизонта культурного слоя городища Тушемля.

эти предметы не являлись. Об этом говорит маленький диаметр их продольных отверстий (0.4—0.7 см), а также найденное на городище в нижнем горизонте верхнего культурного слоя настоящее пряслице биконической формы, украшенное нарезанными линиями, с отверстием диаметром 1 см (рис. 21, 2).

На основании аналогий с керамическими материалами зарубинецкой культуры, мощинских городищ и позднедьяковских городищ нижний горизонт верхнего культурного слоя

Тушемли датируется первой половиной I тысячелетия н. э. Некоторые другие находки, сделанные в этом горизонте культурного слоя, отнюдь не противоречат такой дате, а полностью ее подтверждают.

К I—III вв. относится найденная у северо-западного края городища проволочная бронзовая фибула с обернутой ножкой (рис. 21, 1), принадлежащая к типу, хорошо известному по южнорусским, в частности ольвийским древностям. К этому же времени принадлежит обломок бронзовой гривны из перекрученной четырехгранной проволоки, известной по окским древностям (рис. 22, 27).¹⁶ К нижнему горизонту верхнего культурного слоя относятся еще небольшое колечко из тонкой бронзовой проволоки и пронизка, свернутая из тонкого бронзового листа, такая же, какая найдена в нижнем слое, но более удлиненная.

Железные ножи из среднего культурного слоя Тушемли, представленные в числе 8, относятся к ножам с горбатой спинкой, отличаясь от более древних своими крупными размерами (рис. 22). Они находят себе аналогии в материалах Чаплинского городища зарубинецкой культуры¹⁷ и в позднедьяковских древностях. Возможно, что наиболее крупные из ножей могли употребляться в качестве серпов. Но все они фрагментированы, и решить этот вопрос не представляется возможным. К сожалению, стратиграфические условия нахождения большинства этих ножей-серпов являются очень неясными. Возможно, что некоторые из них, например небольшой изогнутый ножик, найденный на стрелке городища, на участке, где общая толщина культурного слоя не превышала 0.3—0.4 см, относятся к нижнему слою (рис. 22, 5). Один из ножей, найденный у главного вала, происходит из слоя бурой сунеси, лежащего между нижним и верхним культурными слоями (рис. 22, 2). По форме он не отличается от других: это такой же горбатый нож с массивным насадом.

Безусловно к среднему горизонту культурного слоя относится обломок серпа (рис. 22, 3). Он был найден на стрелке городища под слоем выброса из ямы, относящейся к верхнему горизонту культурного слоя. Два железных предмета — изогнутая в виде браслета, круглая в сечении, толстая проволока и удлиненная пластинка с отверстиями — по условиям их местонахождения могут быть отнесены как к среднему, так и к верхнему горизонту культурного слоя (рис. 22, 8, 12). Костей животных и изделий из кости в среднем горизонте культурного слоя найдено не было: они здесь почти не сохранились. Исключение составляют несколько костей, главным образом зубов крупного рогатого скота, овцы, свиньи, лося и бобра.

При подчистке поверхности материка в северной части городища были обнаружены остатки круглого сооружения, связывающиеся со средним горизонтом культурного слоя. Они представляли собой горизонтальную площадку правильной круглой формы диаметром 6 м. Ввиду того что поверхность материка имела в этом месте некоторое падение в направлении с юга на север, площадка в южной части была углублена в материк на 0.5—0.3 м. Противоположная, северная часть площадки совпадала с поверхностью материка. Площадка была основательно утоптана. Непосредственно на ее поверхности лежало несколько обломков глиняного сосуда с орнаментом по венчику и плечу, характерного для среднего горизонта культурного слоя (рис. 19, 4, 5). По краю площадки шла канавка шириной от 0.1 до 0.25 м и глубиной 0.15—0.3 м, состоящая как бы из цепочки соединенных между собой ям от вертикально стоявших столбов. Глубина некоторых из этих ям достигала 0.5 м. Стояв-

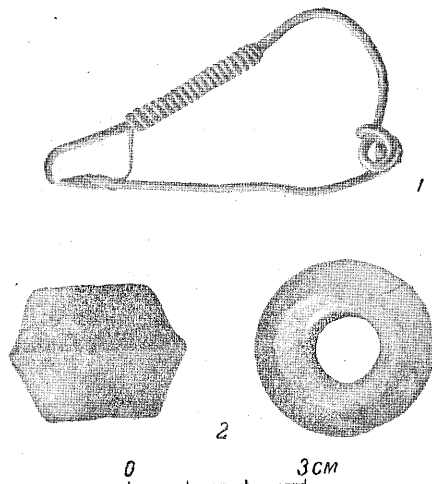

Рис. 21. Фибула и прислице из второго (среднего) горизонта культурного слоя городища Тушемля.

¹⁶ А. Я. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, Київ, 1953, стр. 80, 82; А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. X, 4.

¹⁷ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 138—140.

шие здесь некогда столбы были толщиной от 0.15 до 0.2 м. Расстояние между столбами, судя по наиболее сохранившимся частям канавки, составляло 0.25—0.35 м.

В середине площадки также имелись ямы от столбов разного размера. Большинство из них — большие ямы, как выяснилось впоследствии, они связываются с постройками верх-

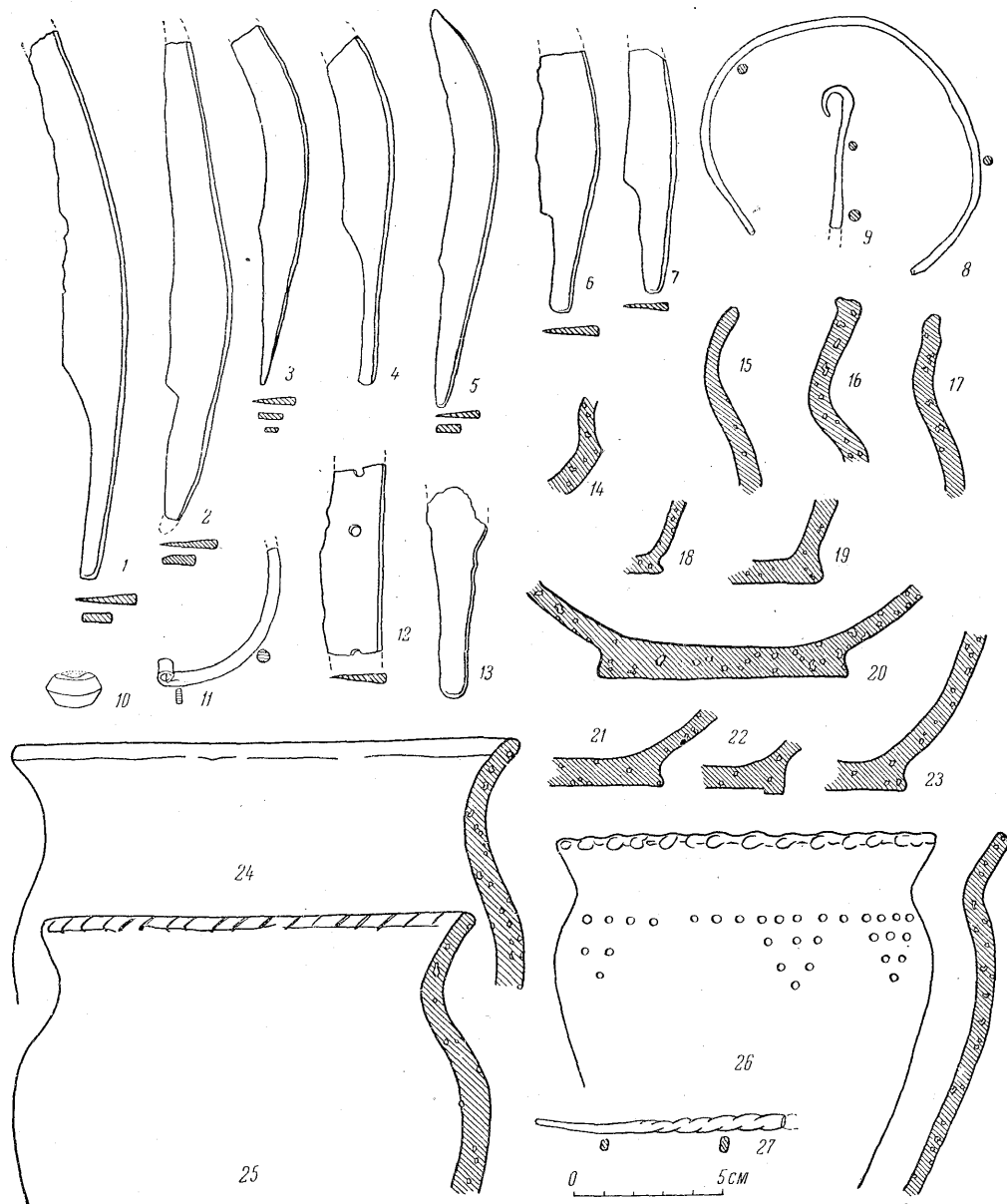

Рис. 22. Находки из среднего (1—9, 12—27) и верхнего (10—11) горизонтов культурного слоя городища Тусмеля.

него горизонта культурного слоя. Они были выкопаны, когда круглое сооружение уже было разрушено. Остатки выброшенного из ям материкового материала лежали поверх площадки, отделяясь от ее поверхности тонким слоем черного цвета. Время других, неглубоких и небольших ям, обнаруженных внутри круглого сооружения, не может быть определено.

С круглым сооружением безусловно связывается вертикальная, коническая яма диаметром 0.5 м и глубиной 0.7 м, расположенная почти в самом центре площадки. Следов какого-либо очага или костра в пределах площадки не обнаружено.

В итоге исследований все сооружение представляется нам в виде круглой площадки с большим, вертикально стоявшим столбом в центре. Площадка была окружена как бы оградой из часто поставленных столбов меньших размеров. Мы рассматриваем это сооружение, как и другие такие же сооружения, обнаруженные нами на городищах Левобережной Смоленщины, в частности в верхнем горизонте культурного слоя Тушемли, как место языческого святилища.

В свете данных, полученных при исследовании верхнего горизонта культурного слоя Тушемли, становится также очевидным, что ямы от столбов, связывающиеся предположительно со средним горизонтом культурного слоя, принадлежали постройке или постройкам столбовой конструкции, которые располагались по краю площадки городища, оставляя середину ее свободной. Но ни одна из этих построек не может быть точно определена.

5

Наиболее интересным открытием, сделанном в результате раскопок на Тушемле, являются остатки сгоревших сооружений, относящихся к последнему периоду жизни на городище — к верхнему горизонту культурного слоя, время которого определяется VI—VII вв. н. э. Остатки сгоревших сооружений состояли из следующих элементов; из ям от вертикально стоявших столбов, составлявших основу стен построек; скоплений обгоревших бревен, главным образом от перекрытий; развалов каменных очагов, и, наконец, из насыпи вала, окружавшего постройку на площадке городища со всех сторон. Анализ всех этих остатков, их расположения и отношения друг к другу позволяет с достаточной полнотой восстановить облик Тушемли накануне уничтожившего ее большого пожара.

На плане раскопа (рис. 13 и 23) видно, что жилые строения, относящиеся к верхнему горизонту, представляли собой, по сути дела, как бы единое сооружение — длинный дом, располагавшийся по овалу вокруг площадки, которая оставалась свободной от построек.

Контуры этого сооружения определяются прежде всего ямами от вертикально стоявших столбов, располагавшимися двумя более или менее правильными рядами вдоль наружной и внутренней стен постройки. Ямы имели значительные размеры; их поперечник в среднем составлял около 0.6—0.7 м, достигая в отдельных случаях значительно большей величины. Глубина ям ниже слоя пожара составляла в среднем 1 м. Большинство из них было значительно углублено в материк. Лишь у вала, там, где некогда была седловина, ямы были выкопаны в культурном слое. Только в отдельных случаях они несколько углублялись в материк. В ряде случаев ямы имели коническую форму. Многие из них до половины глубины были в плане большими, а глубже резко сужались, образуя гнездо для столба, причем в нескольких случаях в таких ямах, удлинённых в плане, были обнаружены гнезда для двух столбов.

Расстояние между ямами от столбов наружной стены постройки составляло 2.25—2.5 м, редко больше, а между ямами от столбов внутренней стены — несколько меньше. Расстояние между наружной и внутренней стенами (т. е. ширина постройки) равнялось 4.2—4.5 м. В большинстве случаев ямы, связанные с наружной и внутренней стенами, располагались одна против другой. В некоторых местах имелись дополнительные ямы, находившиеся или на линии стен, или внутри постройки. В нескольких ямах сохранились остатки обгоревших столбов толщиной до 0.2—0.3 м.

На стрелке городища имелся лишь один ряд столбов, соответствовавший наружной стене постройки. Сюда, следовательно, постройка не распространялась; здесь имелась лишь массивная ограда. В этой части городища были встречены остатки святилища — круглого сооружения, такого же точно, как святилище, относящееся к среднему горизонту культурного слоя. От него осталась только углубленная в материк канавка, идущая по кругу диаметром 5.5 м. В центре круга находилась глубокая яма от большого, вертикально стоявшего столба. Общая толщина культурного слоя не превышала здесь 0.3—0.4 м, стратиграфически

он не расчленился и не содержал находок, позволяющих определить время круглого сооружения. Но само расположение этого сооружения и отношение его к постройке, огибающей площадку городища, наконец, следы пожара на поверхности площадки не оставляют сомнений в том, что постройки и святилище синхроничны.

Сооруженные перед пожаром строения имели столбовую конструкцию. В стоявших вертикально столбах вырубались, очевидно, продольные пазы, в которых удерживались затесанные концы горизонтально расположенных бревен, составлявших стены постройки. Возможно, что постройка разделялась на ряд секций поперечными стенами, следами которых являются некоторые из столбов, находящихся внутри постройки.

К наружной стене постройки на всем ее протяжении примыкала земляная насыпь в виде «завалинки», остатком которой является упомянутый выше невысокий вал, располагавшийся по краю площадки городища. Если мы еще раз обратимся к профилям культурного слоя (рис. 12, профили Д—Е, Ж—З, И—К), то не трудно будет убедиться, что осевшая песчаная насыпь во многих местах сохранила свою первоначальную форму. Там, где насыпь некогда примыкала к наружной стене постройки, она во многих местах на профиле круто обрывается. В направлении к склонам городища насыпь постепенно выклинивается. Постройка непосредственно примыкала к основному валу городища или лишь несколько отступала от него. Деревянная ограда на стрелке городища также была засыпана снаружи землей.

Какую форму имела крыша данного сооружения, осталось точно неизвестным, но скорее всего она была двухскатной. При этом ее наружный скат, обращенный к склонам городища, был засыпан сверху землей или покрыт дерном. Об этом говорит характер обугленности тех бревен, которые представляли собой остатки стропил рухнувшего перекрытия. Во многих местах удалось установить, что бревна от перекрытия (стропила) были более обуглены не сверху, а снизу. Сверху же они были или очень слабо обуглены, так что на них сохранилась кора, или же не обуглены совсем. В этом случае они представляли собой коричневатую труху. В ряде случаев непосредственно поверх стропил были обнаружены слабо обугленные толстые прутья лещины (орешника), так же сохранившие на себе кору. Все это могло получиться лишь в том случае, если стропила и перекрывавшие их прутья лещины были сверху засыпаны землей, предохранившей их от огня.

На плане раскопа хорошо видно, что стропила и вообще обгоревшее дерево сохранились не по всей площади построек, а лишь в той их части, которая примыкала к наружным стенам и была перекрыта рухнувшими во время пожара наружными скатами крыши, засыпанной здесь землей. В противоположных частях построек, примыкавших к внутренней стене, остатки деревянных стен и стропил, как правило, не сохранились. Отсюда можно сделать предположение, что внутренние скаты крыши не были защищены землей и огонь здесь все уничтожил.

Таким образом, Тушемля являлась очень оригинальным сооружением — своеобразным укреплением с «жилыми стенами».

Если общий характер постройки, сооруженной на Тушемле в последний период ее истории, восстанавливается с достаточной полнотой, то отдельные ее части, детали и особенности могут быть реконструированы в большинстве случаев лишь предположительно. На плане раскопа (рис. 13 и 23) для удобства ориентирования нами поставлены цифры от I до XII, расположенные в таком же порядке, как на циферблате часов. Мы будем пользоваться также буквами, обозначающими на плане раскопа линии профилей (см. рис. 13). Итоги нашего анализа остатков сгоревших сооружений представлены на рис. 23, где двойными линиями обозначены стены постройки, по нашему мнению, бесспорные, прерывистыми линиями — предполагаемые стены, а тонкими линиями — направления основных стропил, опиравшихся нижними концами на вертикальные столбы, стоявшие один против другого. Краткое описание отдельных частей постройки мы будем вести слева направо и далее по кругу, начиная от стрелки городища.

Оборонительная стена на стрелке городища имела протяженность не более 12—12.5 м. Она начиналась, по-видимому, от столба, стоявшего в большой яме около пункта А (рис. 13), а затем шла несколько дугобразно на север до столба, стоявшего в яме, находящейся в 2 м на запад от пункта I (рис. 13 и 23). Вдоль стены, кроме только что упомянутых крайних

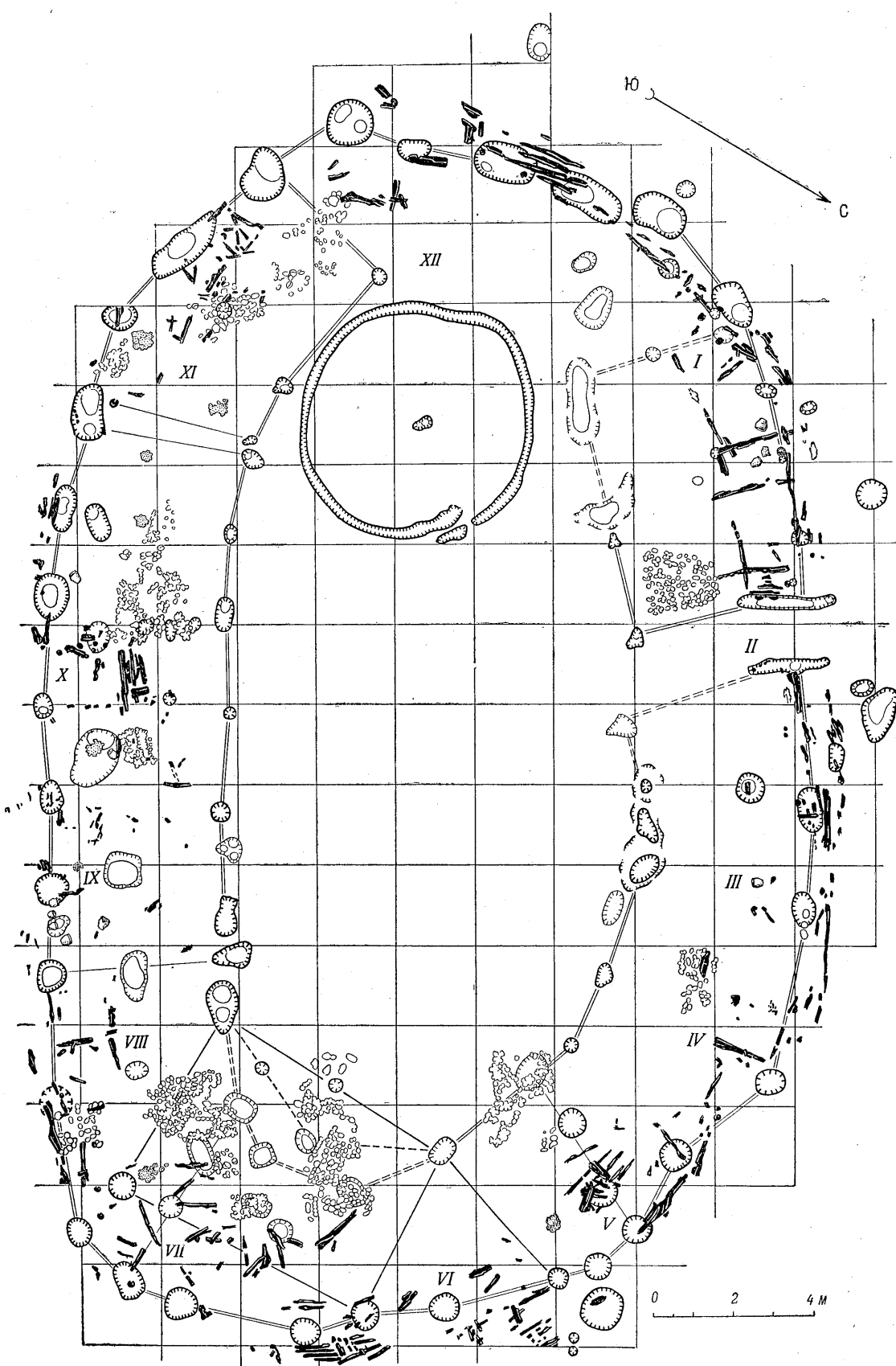

Рис. 23. План остатков сооружений верхнего горизонта культурного слоя городища Туשמליя.

столбов, стояло еще 6 массивных столбов, из которых 3 были двойными. По линии стены сохранились остатки массивных обгоревших бревен хвойного и лиственного дерева, лежащих горизонтально. Здесь был не тын, а забор из горизонтально расположенных бревен, опиравшихся на вертикальные столбы. Снаружи стена была присыпана земляной насыпью.

Последний столб стены (или один из стоящих рядом с ним менее массивных столбов) являлся угловым столбом наружной стороны жилища. Его другой наружный угол упирался в ворота, обозначенные на плане цифрой II. Третий угол этого жилища, примыкавший к воротам со стороны площадки городища, хорошо обозначился не только благодаря яме от столба, но главным образом благодаря остаткам очага в виде груды обгорелого камня, более или менее сохранившей свои первоначальные очертания. Последний, четвертый угол жилища намечается лишь приблизительно, так как место, где он должен был находиться, испорчено позднейшей ямой. По линии средней части стены, обращенной к стрелке городища, имеется небольшая яма от столба, вероятно, имевшего сверху развилку, в которой лежал конец слези, образующей гребень двухскатной крыши. Другой конец слези, обгорелые остатки которой сохранились относительно хорошо, опирался на столб, относящийся одновременно к конструкции ворот. В центре жилища стоял еще один столб, поддерживавший слезу (возможно, составленную из двух частей) и конец одного из стропил, очень хорошо сохранившегося. Именно здесь, над этим стропилом и остатками других стропил, относившихся к данной постройке, сохранились остатки обгоревших прутьев лещины (орешника), составлявшие один из элементов перекрытия. Прутья имели в толщину 1—2 см.

Судя по всем этим остаткам, двухскатная крыша постройки не была симметричной. Она имела короткий и крутой наружный скат и более длинный и пологий внутренний. Главная слеза и стропила наружного ската делались из массивных бревен (до 0.2 м в поперечнике), на них лежали прутья лещины, а сверху — земля, вероятно, слой дерна.

В пределах жилища (рис. 24), у его наружной стены, было найдено 4 глиняных сосуда, хорошо сохранившихся. Прямоугольная яма с отвесными стенками, расположенная рядом с очагом, как и другая такая же яма, находящаяся за воротами, по нашему мнению, является позднейшей, не имевшей отношения к древним постройкам.

Приблизительно в середине северной стороны городища, в пункте, обозначенном на плане цифрой II, находились ворота или, точнее, вход, так как ширина проема составляла всего лишь 1.25 м. Остатками входа являются две параллельно расположенные глубокие и узкие ямы (длина 2.5 и 2.25 м и ширина 0.25—0.4 м), в которых сохранились остатки обугленных бревен, стоявших вертикально одно подле другого по всей длине ям. Снаружи по сторонам входа находились две большие столбовые ямы (из них одна двойная) и две симметрично расположенные небольшие ямы на линии наружной стены. Внутри двора продолжением проема ворот был узкий проход между стенами двух построек. Снаружи дорога поворачивала от ворот направо и вела по краю площадки в направлении к рву между первым и вторым основными валами. Таким образом, чтобы попасть к воротам, нужно было пройти по дну второго рва.

По другую сторону ворот, в направлении пунктов III и IV, располагалась постройка, по-видимому, также жилая, контуры которой обрисовываются достаточно четко. Здесь были найдены глиняный сосуд, остатки очага и обгорелые бревна, главным образом от наружной стены. Сохранились незначительные остатки стропил. Судя по расположению столбовых ям, в этой части постройка была не прямоугольной, а дугообразно изогнутой в плане. Ее внутренняя стена, обращенная к центру площадки городища, была вогнутой, а наружная стена, составленная, как и внутренняя, из нескольких звеньев, — выпуклой.

Менее определенная картина выявилась около вала, на участках, обозначенных цифрами V, VI и VII, где также были жилища, о которых свидетельствуют остатки двух или трех сильно разрушенных каменных очагов и раздавленный землей большой глиняный сосуд. Напомним, что в этом месте располагалась седловина, заполненная нижним культурным слоем и бурой сунесью, общая мощность которых достигала местами 1.5 м. Ямы от столбов, принадлежащие к верхнему культурному слою, были выкопаны здесь в культурных наслоениях, они часто не достигали материка. В этих условиях далеко не всегда было возможно установить наличие ям и решить, какие именно выявленные ямы следует связать со сгоревшей постройкой.

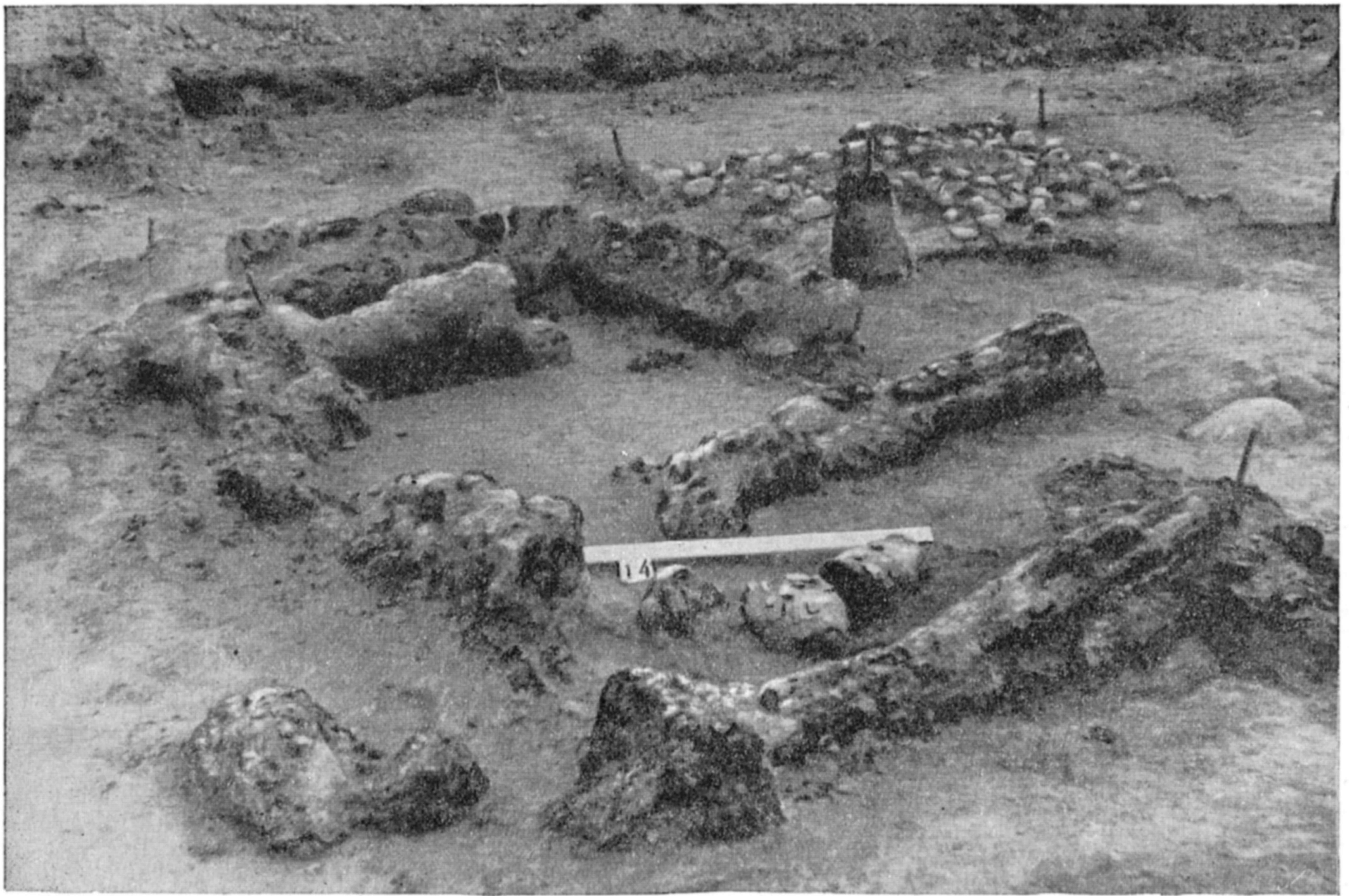

Рис. 24. Остатки постройки между пунктами I и II на городище Туשמליה.

На рис. 23 ямы от столбов, бесспорно относящиеся к сгоревшей постройке, нанесены жирными линиями, тогда как другие ямы, которые могут быть связаны с постройкой лишь предположительно, имеют более тонкие контуры.

Мы склоняемся к мысли, что постройка на участках V—VII имела дугообразную форму, непосредственно примыкая к хорошо выявившемуся наружному ряду ям, в которых стояли столбы, подпиравшие насыпь основного вала (двойная и ординарная прерывистые линии на рис. 23). С этими ямами связываются остатки массивных сгоревших бревен. Менее вероятным является предположение, что постройка на участке VII была прямоугольной и ее задняя стена на некоторое расстояние отстояла от бревенчатой стены, подпиравшей вал (тонкая линия на рис. 23). Наконец, можно предполагать, что здесь, у главного вала, между постройками имелся небольшой интервал (например, у пункта VI), служивший местом прохода на вершину вала.

Все сгоревшие бревна, найденные при раскопках, тщательно осматривались с целью обнаружения на них каких-либо деталей конструктивного значения (пазы, затеска и др.).

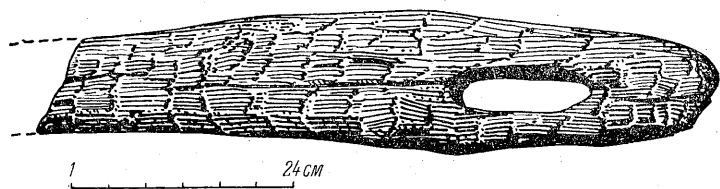

Рис. 25. Бревно с продолбленным отверстием («Ухом») с городища Тушемля.

К сожалению, осмотр не дал положительных результатов: все бревна, особенно их концы, сильно обгорели. Лишь в одном месте у главного вала был найден конец нетолстого бревна с продолбленным в нем сквозным отверстием — «ухом» (рис. 25). Какой деталью было это бревно, осталось неизвестным. Скорее всего оно относится к деталям крыши.

Лучше всего может быть восстановлен план построек на участках VIII, IX, X и XI, т. е. вдоль всего южного склона городища, противоположного воротам. Здесь хорошо видны два правильных ряда столбов, по средней линии между которыми располагаются остатки трех очагов, сложенных из камня. Около каждого из очагов найдены раздавленные землей глиняные сосуды. Некоторые из них сильно пострадали во время пожара — их стенки ошлакованы.

Но и здесь, на этом участке городища, далеко не все понятно. Во-первых, трудно сказать, относятся ли к сгоревшей постройке все семь больших столбовых ям, располагающихся внутри постройки от пункта VIII до пункта XI. Они составляют более или менее правильный ряд, отвечающий несимметрично расположенному коньку крыши. Но стратиграфически некоторые из этих ям (обозначенные тонкой линией) являются сомнительными. Мы допускаем мысль, что некоторые из этих ям древнее сгоревшей постройки. Они должны быть связаны со средним горизонтом культурного слоя.

Во-вторых, только лишь предположительно можно наметить места внутренних стен, разделяющих постройку на отдельные помещения. Одна такая стена, как нам представляется, проходила между пунктами VIII и IX. Другая внутренняя стена, наиболее определенная среди всех других, проходила около пункта X. Здесь обнаружены четыре ямы от вертикальных столбов, располагающиеся по прямой линии от внутренней до наружной стены постройки. Над ямами в культурном слое были найдены обуглившиеся остатки самих столбов, сохранившие близкое к вертикальному направление. Место третьей стены предположительно намечено около пункта XI, где вдоль наружной и внутренней сторон постройки были парные столбы. Наружная боковая стена постройки должна была проходить между двумя последними, стоявшими один против другого столбами (около пунктов А и XII, см. рис. 13).

Если наши соображения правильны, то отдельные помещения, входившие в состав идущей по овалу постройки, при ширине 4.2—4.5 м имели в длину 5—6 м. Возможно, что, кроме жилых, отапливаемых помещений, здесь были и хозяйственные помещения — кладовые или помещения для скота. Одним из таких помещений мог быть участок постройки в пункте IX, где не было очага и где у наружной стены обнаружено 9 целых сосудов, из них 4 неболь-

ших находились внутри сосудов большего размера. Это был, так сказать, склад посуды, вероятно, еще не бывшей в употреблении (рис. 26).

Остатки очагов, обнаруженные внутри построек, представляли собой скопления обгоревшего камня. Степень их разрушения настолько значительна, что в большинстве случаев трудно определить их первоначальную форму. Бесспорно лишь, что это были примитивные открытые очаги в виде площадок, сложенных из мелких булыжников. Среди камней не обнаружено никаких следов глины. Очаги располагались не у стен постройки, а по ее средней оси. Лишь в одном случае, в постройке, находящейся направо от ворот, очаг располагался в углу помещения.

Остатки круглого святилища, относящиеся к верхнему горизонту верхнего культурного слоя, сохранились значительно хуже, чем остатки первого, более древнего святилища, описанного выше.

У первого святилища площадка была спланирована на уровне относительно плотного слоя материковой супеси и хорошо утрамбована, тогда как второе святилище было сооружено на культурном слое толщиной 0.15—0.1 м, лежащем на рыхлом в этом месте, переполненном гравием песчаном материке. Поэтому канавка второго святилища, имеющая 0.2—0.25 м ширины и углубленная в материк на 0.15—0.25 м, сохранилась очень плохо. Здесь почти не были видны гнезда для отдельных столбов. Центральная яма, углубленная в материк на 0.7 м, сохранилась лучше. Вверху ее поперечник составлял 0.3 м, что, по-видимому, соответствовало толщине стоявшего здесь столба. Внутри сооружения имелось еще несколько небольших и неглубоких столбовых ям, дата которых осталась невыясненной. Скорее всего они относятся к более раннему времени. Большая удлиненная яма, нарушившая часть правой стороны святилища, является поздней. Она одновременна четырем другим расположенным рядом подобным же ямам, являющимся следами какого-то строения, относящегося скорее всего к началу нашего века. Остатки материкового песка, выброшенного из этих ям, лежали в слое дерна над культурным слоем. Мы предполагаем, что к этому же времени относятся две прямоугольные ямы, уже упомянутые выше, находящиеся около ворот сгоревшего сооружения.

Раскопки захватили отдельные участки, лежащие около склонов городища, вне пределов сгоревшего сооружения и примыкавшего к нему вала (рис. 13). На уровне слоя пожара здесь были обнаружены большие скопления камней (диаметром 5—15 см). Некоторые камни были сильно обожжены, большинство же не несло на себе никаких следов огня. Возможно, что этими камнями обитатели Тушемли собирались воспользоваться для метания в неприятеля. На северном склоне городища среди камней были найдены верхний камень небольшого круглого жернова и железный серп.

Во время раскопок была сделана попытка выяснить, не было ли вдоль самого края площадки городища каких-либо деревянных сооружений в виде тына или забора. Ответить на этот вопрос не удалось: культурный слой на склонах очень перемешан (см. рис. 12, профиль Д—Е); в нем не видно ям от столбов. Мы полагаем все же, что здесь был какой-то забор, остатком которого является массивное сгоревшее бревно, обнаруженное около пункта Д (см. рис. 13). Более успешными были поиски следов деревянных сооружений на уступе на северном склоне городища. Здесь по краю уступа обнаружены ямы от вертикальных столбов и остатки сгоревшего дерева от бывшей здесь некогда стены.

Если вспомнить, что деревянные стены имелись на гребнях валов, вероятно, всех пяти, что жилые постройки представляли собой своеобразную оборонительную стену, что деревянная стена проходила, вероятно, по краю площадки и, как мы только что видели, по уступу на склоне, то приходится лишь удивляться, насколько мощными были укрепления этого маленького поселка, где могли постоянно жить не более 25—30 человек взрослых обоего пола.

Обращаясь к находкам, сделанным при исследовании верхнего горизонта культурного слоя и соответствующих ему остатков сгоревших сооружений, прежде всего следует разъяснить одно не совсем понятное на первый взгляд обстоятельство.

Выше уже шла речь о том, что в пределах сгоревшей постройки во многих местах были найдены глиняные сосуды. Из них 19 были целыми или раздавленными землей после пожара. Не менее 5—6 глиняных сосудов сильно пострадало при пожаре, и восстановить их не уда-

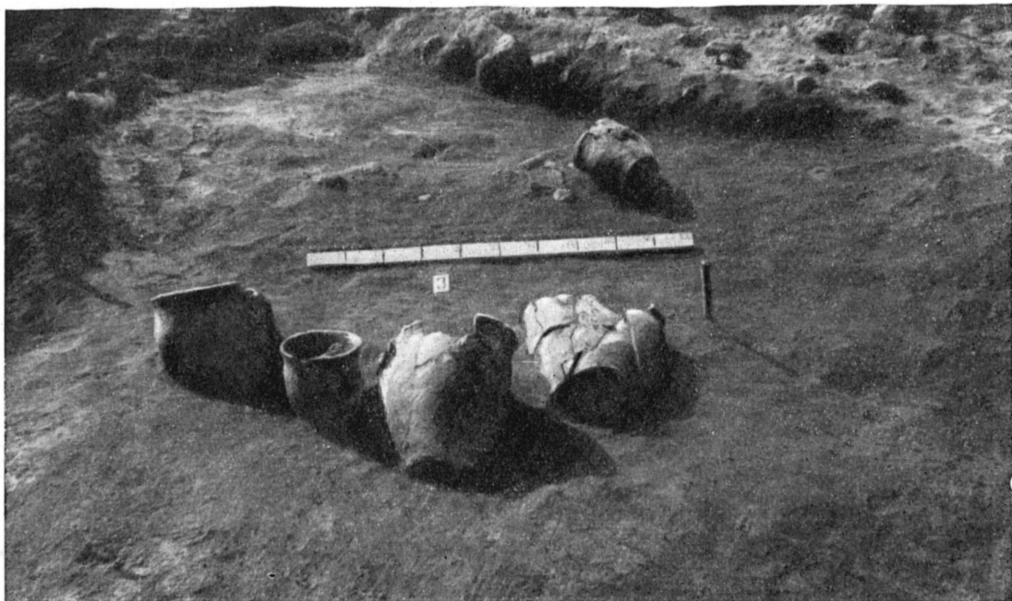
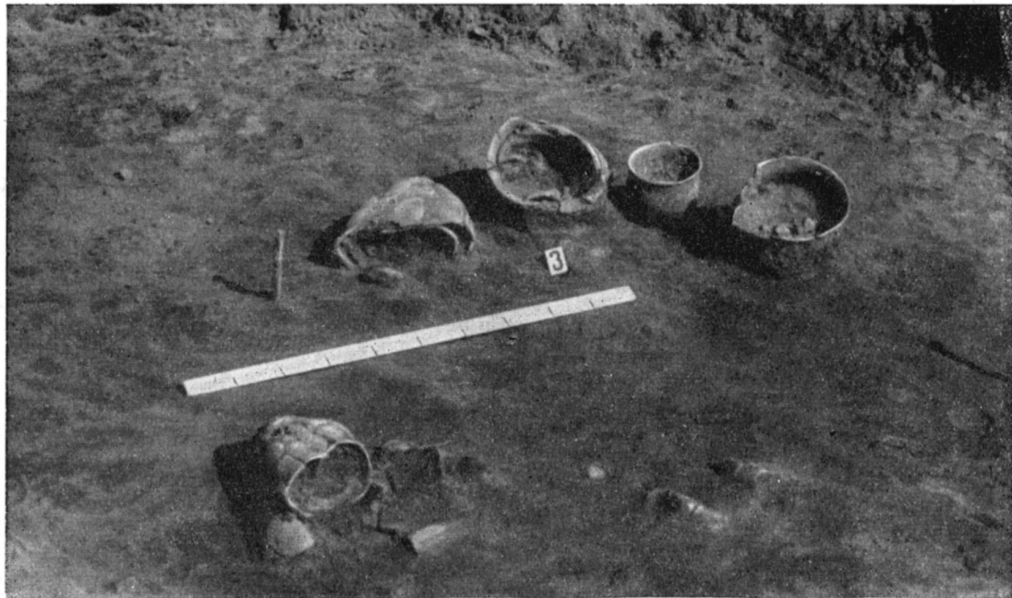

Рис. 26. Группа глиняных сосудов, найденная в пункте IX на городище Тушемля.

лось. Казалось бы, что и другие находки должны быть представлены в слое пожараща весьма обильно. В действительности же в слое пожараща не было сделано почти никаких других находок, если не считать половинки маленького глиняного биконического пряслица и обломок железной кольцевой застежки (рис. 22, 10, 11). Вне пределов постройки на северном крае городища были найдены уже упомянутые железный серп (рис. 27, 2) и верхний камень небольшого, круглого, плоского жернова, пострадавший от огня (рис. 28).

По нашему мнению, отсутствие обычных вещественных находок при наличии многочисленных глиняных сосудов объясняется тем, что городище в последний период его истории не являлось местом постоянного обитания, а было убежищем на случай военной опасности. Но по каким-то причинам оно не было использовано. Собравшиеся сюда люди покинули его, унося с собой весь свой скраб, за исключением неудобной для переноски и малоценной глиняной посуды. Сделанное нами первоначально предположение о том, что отсутствие находок следует объяснить особым функциональным назначением этого городища как культового места, не подтвердилось в процессе раскопок на других городищах Левобережной Смоленщины, где также были найдены круглые святилища. Выяснилось, таким образом, что городище Тушемля не было чем-то особенным. Оно является рядовым городищем, подобным десяткам других, ему синхроничных.

Найденные в слое пожараща глиняные сосуды могут быть разделены по форме на четыре группы.

Наиболее многочисленную из них составляют 13 высоких сосудов с плоским дном, слегка выпуклыми, расширяющимися кверху стенками, несколько суженной горловиной и чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 29, 1—6). Сосуды вылеплены от руки из плохо промытой глины с примесью дровяной стружки и песка, их поверхность шероховатая, они заметно асимметричны. Толщина стенок сосудов независимо от размеров составляет 0.6—0.8 см. 3 сосуда из этой группы имели высоту 15—16 см, диаметр горла 13—15 см, диаметр дна 7—9 см. Высота 6 сосудов 18—22 см, диаметр их горловин 16—18 см, диаметр дна 7—11 см. Еще более крупные 3 сосуда имели высоту 25, 30.5 и 32 см при диаметре горла 22—24 см и диаметре дна 12—14 см. Наконец, к этой группе относится один очень крупный сосуд — огромная корчага, диаметром не менее 40 см, найденная вместе с 2 сосудами средней величины около разрушенного очага между пунктами IX и X. Высота этого сосуда точно неизвестна, так как большинство его обломков сильно ошлаковалось во время пожара и реставрировать сосуд не удалось. Он был в высоту не менее 50 см, толщина его стенок свыше сантиметра. Сосуд предназначался, вероятно, не для приготовления пищи, а для хранения зерна или каких-либо других припасов.

По общему облику сосуда этой группы, особенно небольшие по размерам, нередко напоминают керамику из нижнего слоя городища. Но их сразу же отличает от последней состав глины — более грубый, с крупными зернами примесей. Обжиг керамики плохой и неравномерный.

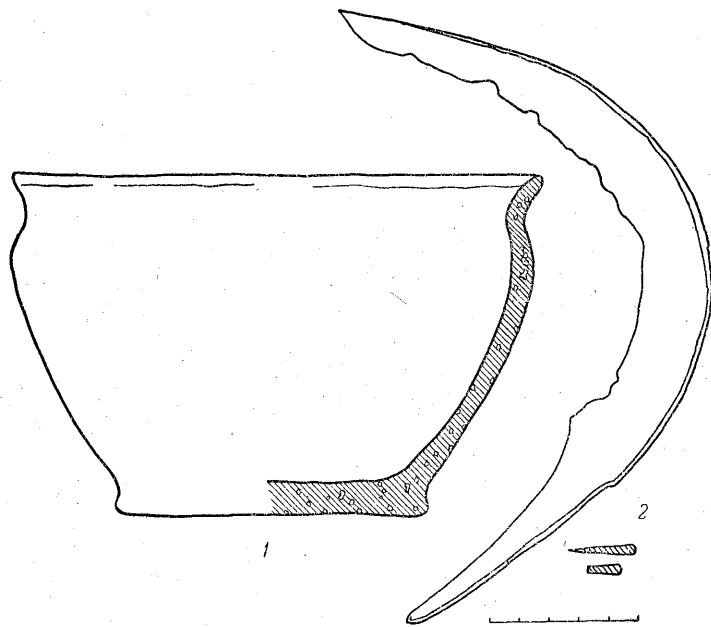

Рис. 27. Находки из верхнего горизонта культурного слоя городища Тушемля.

Во вторую группу входят 3 сосуда баночной формы с темно-бурой, лощеной поверхностью, отличающиеся от первых лучшей выделкой и относительно правильными очертаниями. У них выпуклые стенки и прямой, почти не профилированный венчик (рис. 29, 9, 10). Сосуды отличаются значительными размерами. Их высота 24.5, 27 и 29.6 см, диаметр горла соответственно 23, 24 и 25 см, диаметр дна 13.5, 12 и 16 см, толщина стенок 0.8—1.1 см. Лощение, покрывающее их наружные стенки, сделано весьма небрежно; оно заметно отличается

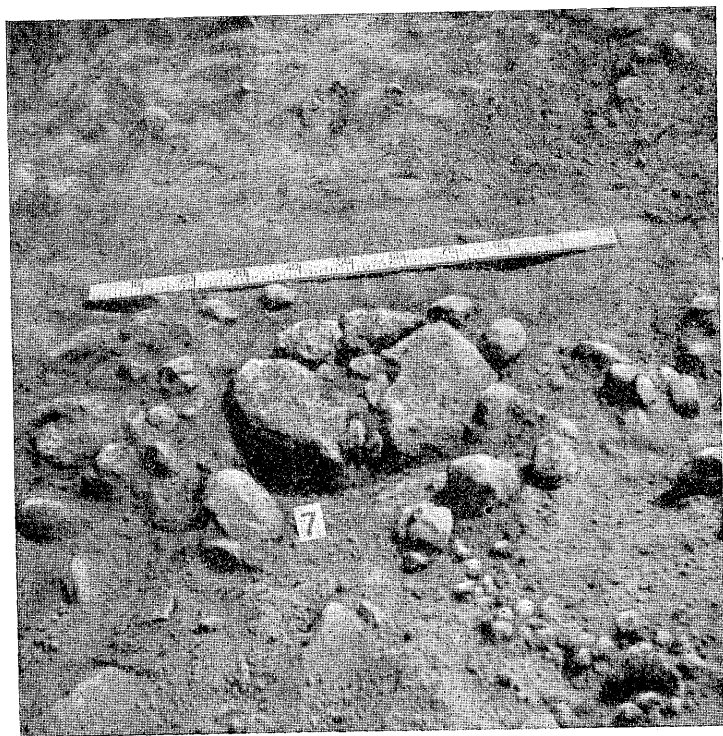

Рис. 28. Круглый жернов с городища Тушемля.

по качеству, скажем, от того лощения, которым покрывалась скифская или зарубинецкая керамика.

Третью группу составляют 3 высокие миски. Одна из них — лощеная, черного цвета, высотой 16 см и диаметром горла 22 см — имеет относительно узкое дно (10 см), расширяющиеся кверху стенки, тупое ребро на 3/5 высоты и прямую, чуть отогнутую наружу шейку. Другая миска, не имеющая лощения, но по форме верхней части напоминающая первую, имеет широкое основание (17.5 см). Ее высота 16 см, диаметр горла 19 см, толщина стенок, как и у первой миски, 0.8—0.9 см. Миска сделана из грубо промешанной глины; она имеет шероховатую поверхность. Третья миска напоминает вторую, но уступает ей по размерам (высота 11.3 см, диаметр 17.5 см, толщина стенок 0.6—0.7 см, дна — 1 см) (рис. 29, 7, 11; рис. 27, 1).

Последняя, четвертая группа керамики представлена одним сосудом — чашечкой для питья в

виде низкой банки с выпуклыми стенками, изготовленной из грубой, плохо промешанной глины. Ее высота — 6.5 см, диаметр горла 8 см (рис. 29, 8).

В процессе раскопок делались попытки проследить, в каком отношении друг к другу находится глиняная посуда, происходящая из среднего и верхнего горизонтов культурного слоя. Для керамики из слоя пожарища характерно отсутствие каких-либо орнаментов на обрете венчика — насечек и зашипов, составляющих неприменную особенность посуды из среднего горизонта культурного слоя. Форма сосудов также несколько различна. По фактуре посуда из обоих горизонтов верхнего культурного слоя почти не различается. Керамика с лощеной поверхностью также почти одинакова в обоих горизонтах верхнего культурного слоя. Исключение составляют реберчатые миски, более профилированные в нижнем горизонте.

Принимая во внимание те изменения, которые происходили в керамике на широких пространствах лесной полосы Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э., мы считаем возможным рассматривать керамический комплекс, относящийся к пожарищу, как дальнейшее развитие керамики, представленной в нижнем горизонте верхнего культурного слоя Тушемля. Интересно отметить при этом, что керамика верхнего горизонта Тушемля заметно отличается от керамики, происходящей из длинных курганов и древних круглых курганов Смоленщины, имеющей в большинстве случаев другие формы, сближающие ее с роменской

керамикою более южных областей Поднепровья.¹⁸ По ряду признаков керамика из горизонта пожараща соответствует посуде из верхнего культурного слоя известного Банцеровского городища, расположенного вблизи Минска и исследованного А. Н. Лявданским в 30-х го-

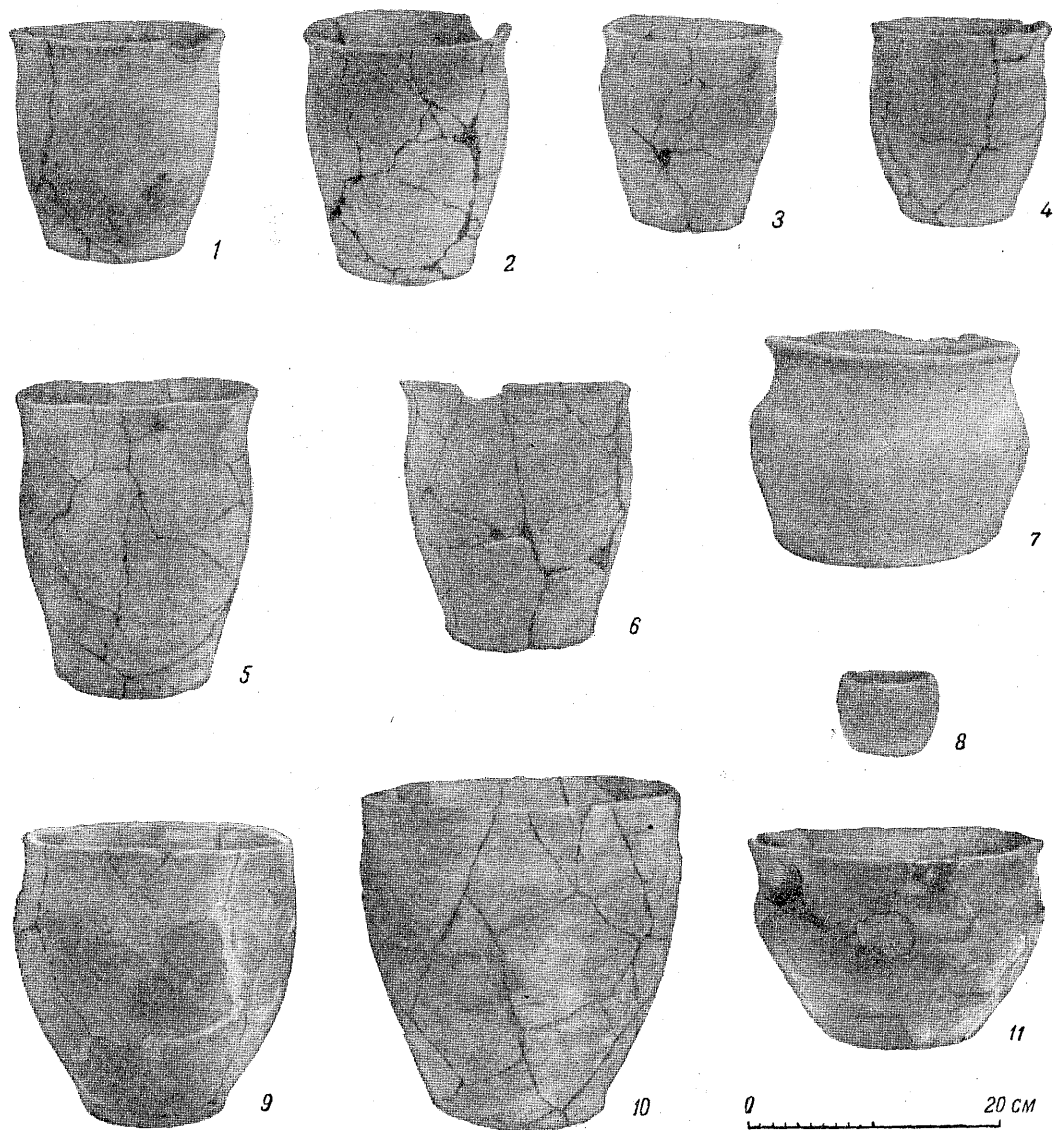

Рис. 29. Керамика из верхнего горизонта культурного слоя городища Тушемля.

дах. На этом городище, как и на Тушемле, было найдено большое число целых сосудов, причем некоторые из них были наполнены сгоревшим зерном. Возможно, что Банцеровское городище было близко Тушемле не только по керамике, но и по характеру построек.

¹⁸ См.: А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губ. Працы арх. камісіі Беларуска. акад. навук, т. II, Менск, 1930, стр. 281, табл. III.

Железный серп, найденный в верхнем горизонте культурного слоя за пределами построек, является очень интересным. Он заметно отличается от серпа из среднего горизонта культурного слоя, приближаясь по форме к средневековым древнерусским серпам, но уступающая им в размерах. Длина серпа от конца лезвия до конца рукоятки составляет 20,5 см, максимальная ширина лезвия 2,6 см. Почти то же самое следует сказать о круглом жернове из песчаника — втором предмете, связанном с земледельческим хозяйством обитателей Тушемли.

Такие жернова в лесной полосе европейской части СССР до сих пор были известны лишь на средневековых памятниках. Его размеры: диаметр 37 см, диаметр отверстия 6,5—7 см, толщина в средней части 10 см. Рабочая поверхность плоская.

Судя по круглому жернову и железному серпу развитой формы, слой пожара относится к весьма позднему времени — последним векам I тысячелетия н. э. Эту дату подтверждают радиоуглеродный анализ и наблюдения, сделанные при раскопках группы удлиненных курганов у д. Слобода Глушица (стр. 33). Первоначально время пожара на Тушемле было отнесено к более раннему времени, что, однако, оказалось ошибкой.

В 1959 г., когда стало очевидно, что во второй половине I тысячелетия н. э. преобладающей формой поселений в области Смоленщины являлись неукрепленные поселения, нами были предприняты детальные обследования окрестностей городища Тушемля с целью поисков селища, а также могильников, соответствующих городищу в последний период его существования. На значительном расстоянии по обоим берегам р. Тушемли ниже и выше городища закладывались траншеи размером 2×4 и 2×6 м, осматривались обнажения и пашня. Незначительные следы разрушенного распашкой древнего поселения, возможно относящегося к интересующему нас времени, были обнаружены выше городища, на правом берегу

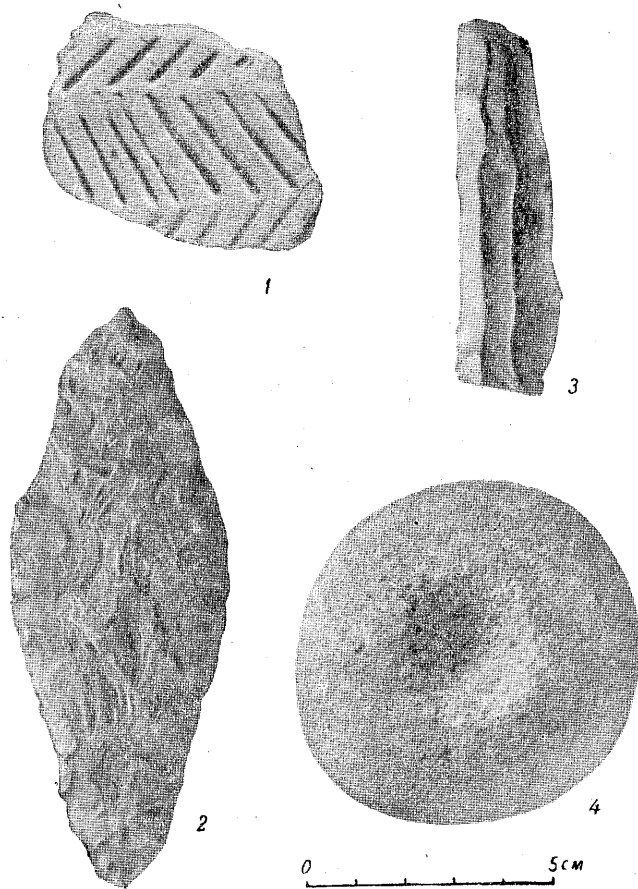

Рис. 30. Обломок неолитической керамики и каменные орудия из древнего погребения городища Тушемля.

Сожа, на усадьбах д. Мокрядино. Там были найдены в небольшом количестве обломки лепной керамики. Никаких других древних памятников встречено не было.

* * *

Как уже было указано, в культурном слое центральной части городища Тушемля были найдены остатки нескольких разрозненных человеческих костей, относящихся, вероятно, к бывшему здесь более древнему погребению. С этим погребением следует связать два изделия из кремня: большую ножевидную пластину и крупный кремневый наконечник копья или кинжала (рис. 30, 2, 3). Во время раскопок было найдено также 3—4 обломка керамики эпохи неолита или раннего металла (рис. 30, 1). Округлый валун с двумя выбитыми углублениями

на противоположных сторонах, почти сходящимися друг с другом, был найден в культурном слое на юго-восточном склоне городища (рис. 30, 4). Скорее всего эта не законченная изготовлением каменная булава принадлежит к тому же времени, что и изделия из кремня.

МОКРЯДИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

1

Городище у д. Мокрядино Княжинского сельсовета Починковского района Смоленской области является одним из древнейших городищ поречья Верхнего Сожа. Оно находится на правом берегу этой реки в 2.5 км на юго-восток от деревни и в 1.2 км в том же направлении от городища Тушемля. В отличие от последнего, называемого местными жителями «ближним городком», Мокрядинское городище известно как «дальний городок». С одного городища через ровное плато коренного берега Сожа, занятое полями, хорошо видны валы другого городища. Тушемля и Мокрядинское городище несомненно тесно связаны между собой и составляют одну группу, какими располагаются обычно городища лесной полосы европейской части СССР. Раскопки на Мокрядинском городище первоначально были предприняты с целью выяснения его отношения к многослойному городищу Тушемля. Когда же оказалось, что Мокрядинское городище синхронично и аналогично по культуре нижним слоям Тушемли, относящимся ко второй половине I тысячелетия до н. э. и началу нашей эры, раскопки были продолжены для получения материала, характеризующего культуру древнейших городищ Левобережной Смоленщины.

В районе городища правый коренной берег Сожа круто обрывается к реке. Сложенный из перемытой морены — песка с галечником, — он изрезан многочисленными оврагами, в настоящее время задернованными и заросшими мелколесьем. Городище занимает удлиненный мыс коренного берега, образованный двумя небольшими оврагами. Мыс вытянут с запада на восток перпендикулярно к долине Сожа. Со стороны плато мыс ограничивают три вала и два рва. Склоны городища имеют значительную крутизну. Высота площадки над уровнем пойменной террасы составляет в среднем 16 м (рис. 31).

В настоящее время Сож протекает под городищем почти у самого основания коренного берега; пойменная терраса сохранилась здесь лишь местами в устьях оврагов. Но в прошлом картина была иной, это видно по следам старых русел, хорошо заметных на поверхности поймы на противоположном берегу реки. Они свидетельствуют о том, что некогда около городища русло Сожа образовывало крутые излучины, то приближаясь к подножью правого коренного берега, то удаляясь от него на 300—400 м. Вершина одной такой излучины подходила вплотную к городищу; по обе стороны от нее по правому берегу реки лежали значительные участки поймы. Но соответствовала ли эта картина времени городища, мы не знаем.

Площадка Мокрядинского городища имеет форму сильно вытянутого полуовала. Ее длина от внутреннего основания вала до стрелки составляет несколько более 60 м, ширина у валов и в средней части — 32—34 м. По площади (около 1500 м²) Мокрядинское городище несколько превышает средние размеры смоленских городищ, имеющих обычно площадь около 1000 м². Площадка Мокрядинского городища не горизонтальна, а имеет значительное падение от основания мыса к его стрелке. Разница уровней основания мыса и стрелки составляет свыше 6 м.

Первый вал городища достигает высоты более 3 м над уровнем площадки. Его увенчивает узкий гребень; склоны вала крутые, хорошо сформованные. Ширина основания вала равна 15—16 м. За ним находится ров шириной 5—6 м и глубиной в средней части до 1 м (от основания вала), а по краям до 1.5 м. Второй вал, высотой 1 м, имеет небольшую протяженность и треугольную в плане форму. Его вершина испорчена двумя старыми продольными траншеями, вероятно, кладоискательскими. Ров, соответствующий второму валу, сохранился хорошо; он имеет в плане дугобразную форму и соединяет вершины оврагов, северного и южного, образовавших мыс, занятый городищем. В этом отношении Мокрядинское городище повторяет конфигурацию Тушемли, где дугобразные рвы точно так же со-

единяют вершины оврагов. Глубина второго рва в средней части составляет 0.5—0.6 м при ширине 4—5 м, в сторону оврагов ров значительно углубляется и расширяется. Непосредственно за вторым рвом видны следы еще одного, третьего, дугообразного в плане вала; его высота сейчас 0.2—0.4 м, ширина основания 2—3 м. Возможно, что третьему валу соответствовал неглубокий ров, ныне совсем запыленный, за исключением небольшой части, примыкающей к вершине южного оврага. Но, может быть, это не остаток рва, а небольшая естественная промоина.

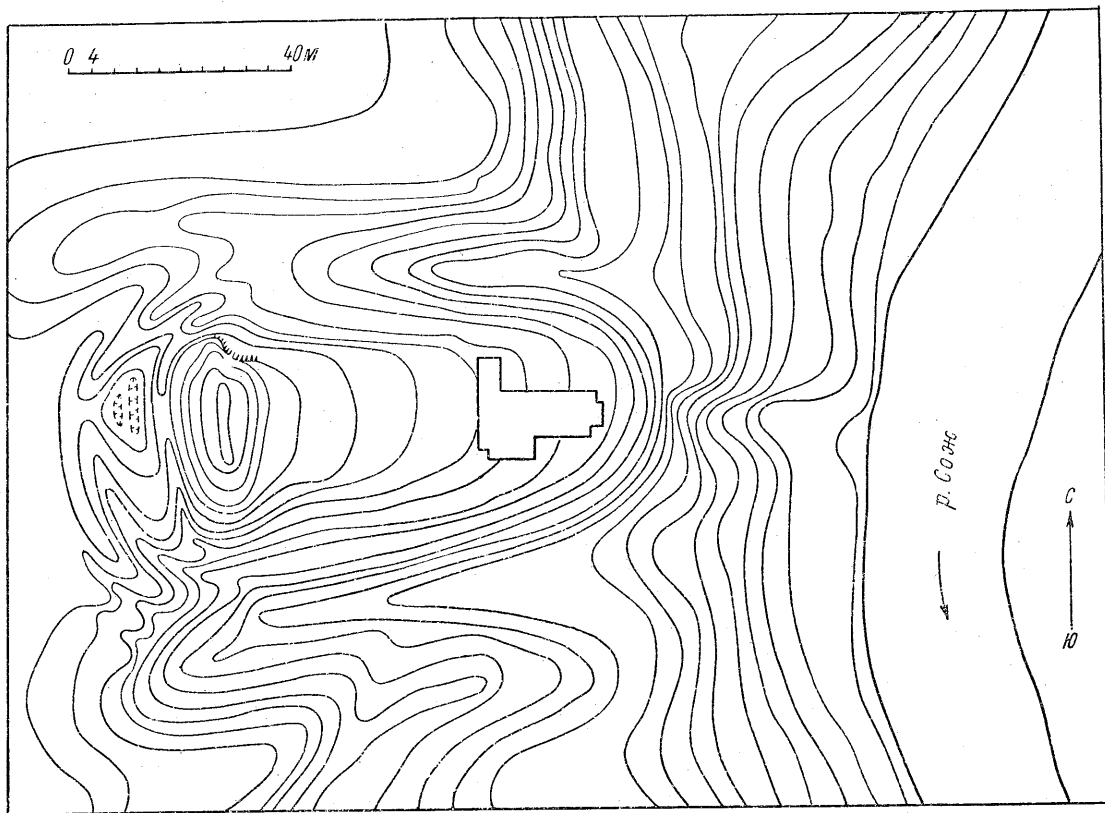

Рис. 31. План Мокрядинского городища.

Не раз уже было отмечено, что наиболее древние городища Смоленщины не имели мощных земляных укреплений. Это обстоятельство, а также сравнительно хорошая сохранность валов и рвов Мокрядинского городища и сходство их с укреплениями городищ более позднего времени поставили вопрос об отношении описанных выше укреплений к культурному слою городища. Для решения этого вопроса было использовано естественное обнажение, образовавшееся на северной оконечности первого вала. Его зачистка показала, что вал в том его виде, который описан выше, относится к последним периодам жизни на Мокрядинском городище. В основе его лежит древний вал, насыпанный непосредственно на древней (погребенной) почве, относящийся к периоду первого заселения этого места. Высота древнего вала около 3 м. Он сложен из материкового материала, выброшенного из рва, а также желтой супеси и дерновин, принесенных откуда-то со стороны. Верхний (поздний) горизонт вала, сложенный из гумусированной супеси, имеет мощность до 1 м (рис. 32).

Культурный слой Мокрядинского городища в средней части площадки достигает толщины 0.5—0.7 м. Около склонов его мощность возрастает в два и более раза, доходя до 1.2—1.5 м. Как видно на профилях культурного слоя (рис. 33), в пределах раскопа он разделялся

на два горизонта, граница между которыми может быть проведена лишь условно. Верхний горизонт представлял собой гумусированную супесь темно-серого, во влажном состоянии — черного цвета, аморфную по строению, мощностью 0.3—0.5 м. Нижний горизонт состоял из такой же супеси, но менее гумусированной, переслоенной многочисленными включениями песка, глины и золы. Среди них имелись бесформенные в плане линзы чистого материкового песка с гравием, чаще же — песка, загрязненного включениями гумуса, золы и угля. Некоторые скопления песка и глины находились в основании культурного слоя. В этих случаях их отделяла от материка тонкая (0.05 м) прослойка слабо гумусированной погребенной почвы. Некоторые из прослоек состояли из кусочков обожженной или полубоженной глины.

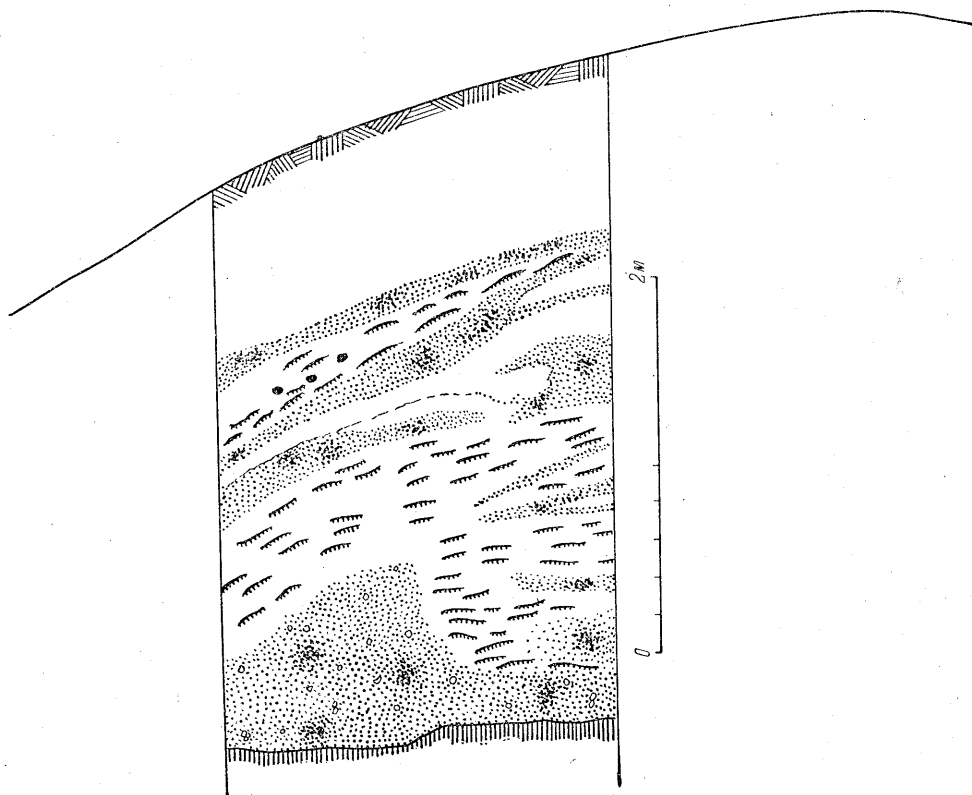

Рис. 32. Профиль части вала Мокрядинского городища.

Первоначально в процессе раскопок все эти многочисленные прослойки представлялись полной загадкой и вызывали очень большие трудности. И лишь позднее удалось установить, что они являются результатом, во-первых, значительных земляных работ, произведенных в разные сроки обитателями бывшего здесь поселения, и, во-вторых, остатками возведенных здесь построек, имевших земляные «завалинки», обмазанные глиной (или илом) стены, а может быть, и такие же крыши. Все это станет ясным из дальнейшего изложения, прежде всего из описания открытых на Мокрядинском городище остатков двух прямоугольных жилищ.

Что касается верхнего горизонта культурного слоя, лишенного прослоек песка и глины, то он в значительной степени образовался, очевидно, уже после того, как основные земляные работы по планировке этого места были закончены и когда поселок был покинут обитателями, в процессе естественной нивелировки площадки, почвообразовательных процессов и за счет оползания земли вниз по склону в направлении стрелки. Все эти процессы, затронувшие верхний горизонт слоя и придавшие ему аморфный характер, не нарушили, однако, стра-

тиграфии городища в целом. В верхних горизонтах культурного слоя были сделаны находки вещей и керамики, относящихся к последнему этапу жизни на этом месте в первые века нашей эры. В нижнем горизонте слоя такие находки ни разу не были отмечены.

Материк, подстилающий культурные наслоения, представляет собой неоднородный по структуре песок с галечником светло-желтого цвета, такой же, как на городище Тушемля.

Раскопки на городище велись в течение трех лет (1957 и 1959—1960 гг.) сравнительно небольшими площадями, примыкающими одна к другой. В общей сложности здесь было вскрыто 230 м². Исследованная площадь располагается на стрелке городища, ближе к ее юго-восточному склону. Она составляет приблизительно шестую часть всей площади городища. В пределы раскопа вошли остатки нескольких сооружений — основания двух уже упомянутых выше жилищ, руины глинобитной постройки с двумя глиняными «жертвенниками», участок с многочисленными ямами от столбов и отдельные участки со следами оборонительной стены, некогда окружавшей площадку городища, по-видимому, по всему ее периметру (рис. 34).

Остатки жилища 1 были открыты на юго-западных участках раскопа, расположенных ближе к центральной части площадки городища. Жилище имело прямоугольную форму и было ориентировано почти точно по сторонам света. Его размеры составляли 7.5×5.5 м.

Так как поверхность мыса, занятого городищем, не была горизонтальной, а имела значительный наклон, для жилища была выровнена горизонтальная площадка, что потребовало сделать большую выемку и снять не менее 10—12 м³ грунта. В результате с запада место жилища оказалось ограниченным крутой земляной стенкой. Ее высота от уровня пола жилища до поверхности материка в северо-западном углу составляла 0.6 м, в юго-западном углу — 0.2 м. В действительности высота стенок была несколько больше за счет почвенного слоя. Северная сторона жилища примерно на половину своей протяженности (в части, примыкающей к северо-западному углу) также была ограничена земляной стенкой, сходящей на нет около средней части стены. Материковый грунт из выемки сбрасывался вниз по склону городища, а также на север и на запад от жилища. Здесь, особенно севернее жилища, он образовал большое скопление, или, точнее, прослойку, лежащую в основании культурного слоя и отделенную от материка тонким слоем погребенной почвы. Выброшенный на поверхность материковый материал был хорошо утоптан. Отсюда можно сделать вывод, что выемка грунта была произведена в первые периоды обитания людей на этом месте.

Определенная таким образом относительная дата сооружения площадки для жилищ отнюдь не является, однако, датой жилища 1. Несомненно, что жилище, сооруженное на этом месте, несколько раз перестраивалось. Об этом убедительно свидетельствует свыше ста ям от столбов, находящихся на его площади и на линии его стен. Следует думать, что при перестройках изменялись формы и размеры жилища. Может быть, изменялись и контуры выемки. Остатки жилища 1, исследованные в 1959—1960 гг., относятся к одному из последних периодов обитания людей в этом пункте, что доказывается рядом данных, речь о которых пойдет ниже.

При планировке площадки для жилища производилась не только выемка грунта, но и подсыпка его в те места, которые лежали за пределами выемки ниже по склону. На плане жилища 1 (рис. 34) часть его пола, образованная путем подсыпки, обведена прерывистой линией. На этом месте был уложен слой глины с песком и гравием, очень плотный, толщиной от 0.05 до 0.2 м, отделенный от материка тонкой, темной прослойкой. На всей площади пола жилища (там, где пол был врезан в песчано-гравийный материк, и там, где его составляла глинистая подсыпка) лежал тонкий (0.03—0.05 м), хорошо утопанный гумусированный слой, переполненный зольными и углистыми включениями. Контуры этого слоя в плане, совпадающие в восточной части жилища с контурами подсыпки, помогли определить границы жилища, во многих местах далеко не ясные вследствие обилия разновременных столбовых ям.

Вполне точно определяется западная сторона жилища, ограниченная земляной стенкой. Вдоль стенки внутри жилища располагались несколько ям от вертикальных столбов, а также углубление в виде небольшой канавки (ближе к северо-западному углу жилища). Большинство ям очень небольшие — 0.1—0.15 м в диаметре и от 0.1 до 0.35 м глубиной ниже уровня пола. В юго-западном углу находились четыре ямы диаметром 0.2—0.25 м и глубиной 0.4 и

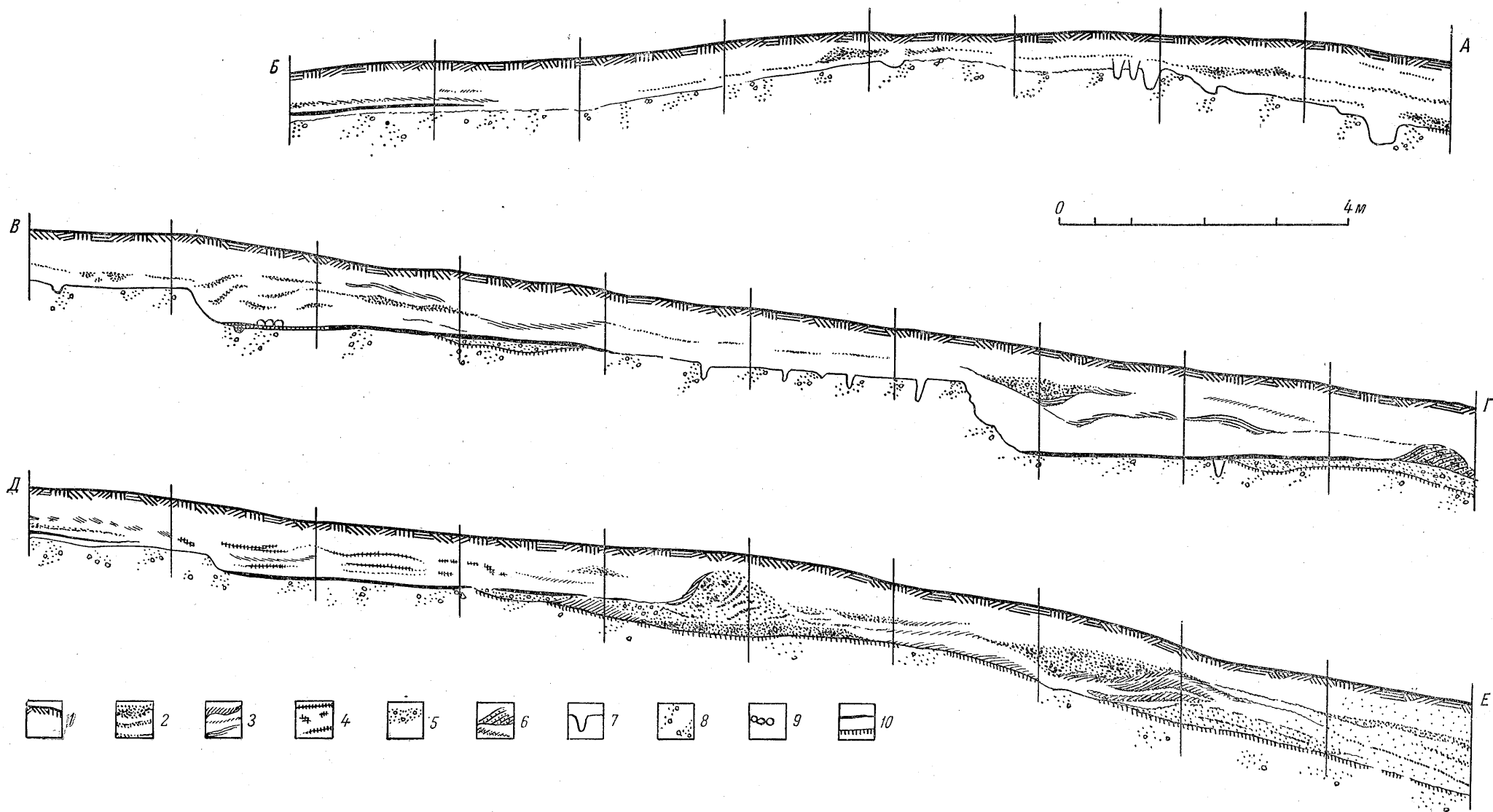

Рис. 33. Профили культурных наслоений Мокрядинского городища.

1 — дерновый слой; 2 — прослойки песка; 3 — прослойки глины; 4 — прослойки обожженной глины; 5 — прослойки материкового гравия в культурном слое; 6 — прослойки песка с глиной; 7 — ямы от столбов; 8 — гравийный материк; 9 — камни; 10 — прослойки гумуса (вверху) и погребенная почва (внизу).

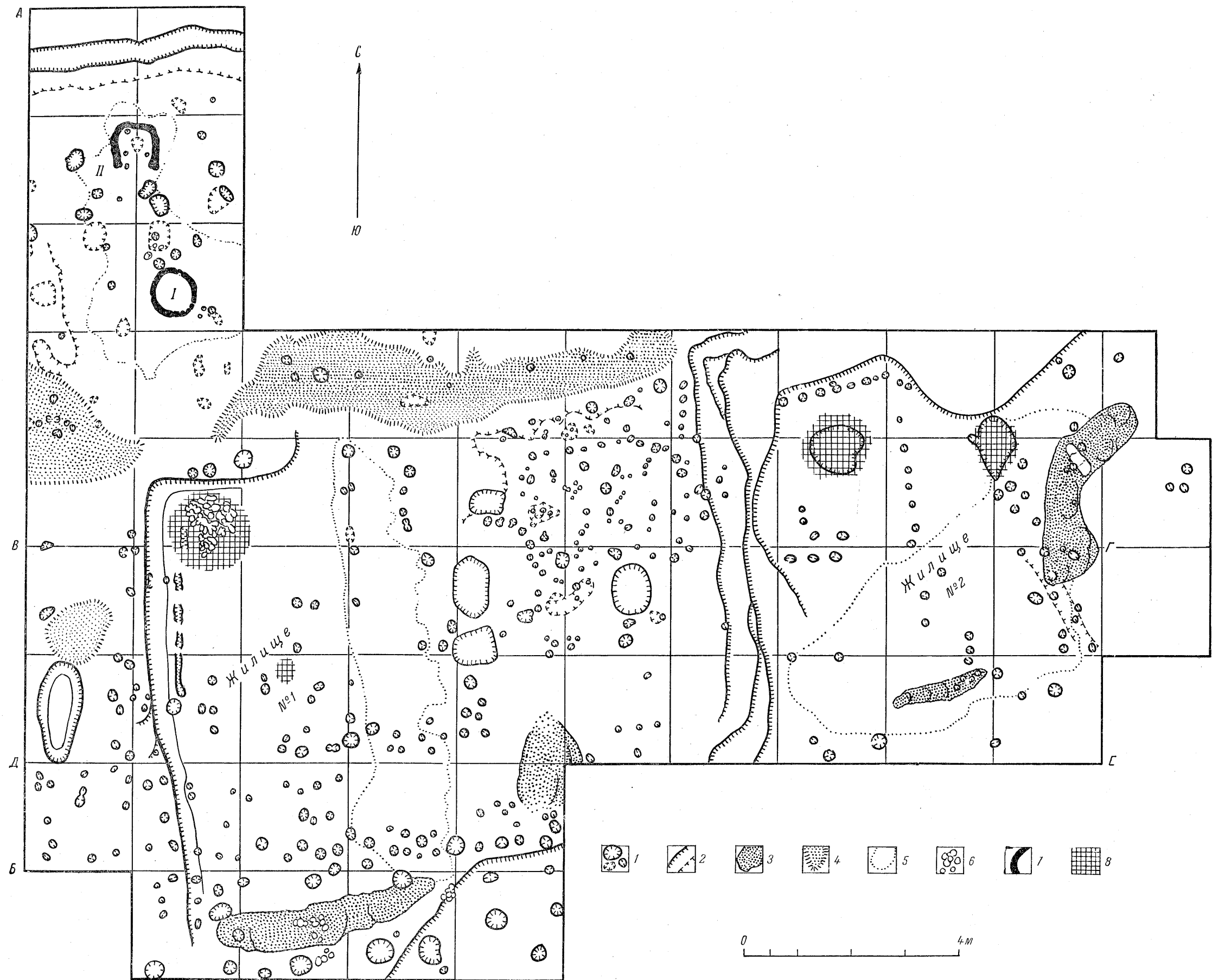

Рис. 34. План раскопа на Мокрядинском городище.

1 — ямы от столбов; 2 — уступ на поверхности материка; 3 — остатки «завалинок» и глиняной обмазки стен жилищ; 4 — скопление песка; 5 — границы подсыпанного и утрамбованного пола в жилищах и около «жертвенников»; 6 — камни; 7 — глиняные «жертвенники»; 8 — обожженная поверхность материка.

0.5 м. Как раз у середины западной стены находилась яма диаметром 0.3 м и глубиной 0.6 м. За пределами углубления вдоль западной стены имелось большое число столбовых ям различного размера, которые, по-видимому, также имели отношение к жилищу. Отдельные из них являются следами не вертикальных, а наклонных в сторону жилища столбов, возможно; принадлежавших к перекрытию.

Северная стена жилища 1, частично ограниченная земляной стенкой, также не вызывает сомнений. Вне пределов жилища на краю выемки были открыты три столбовые ямы (диаметром 0.2—0.3 м, глубиной 0.1 и 0.25 м). В той части, где не было земляной стенки, в северо-восточном углу, также находились ямы от столбов (диаметром 0.1, глубиной 0.2—0.4 м).

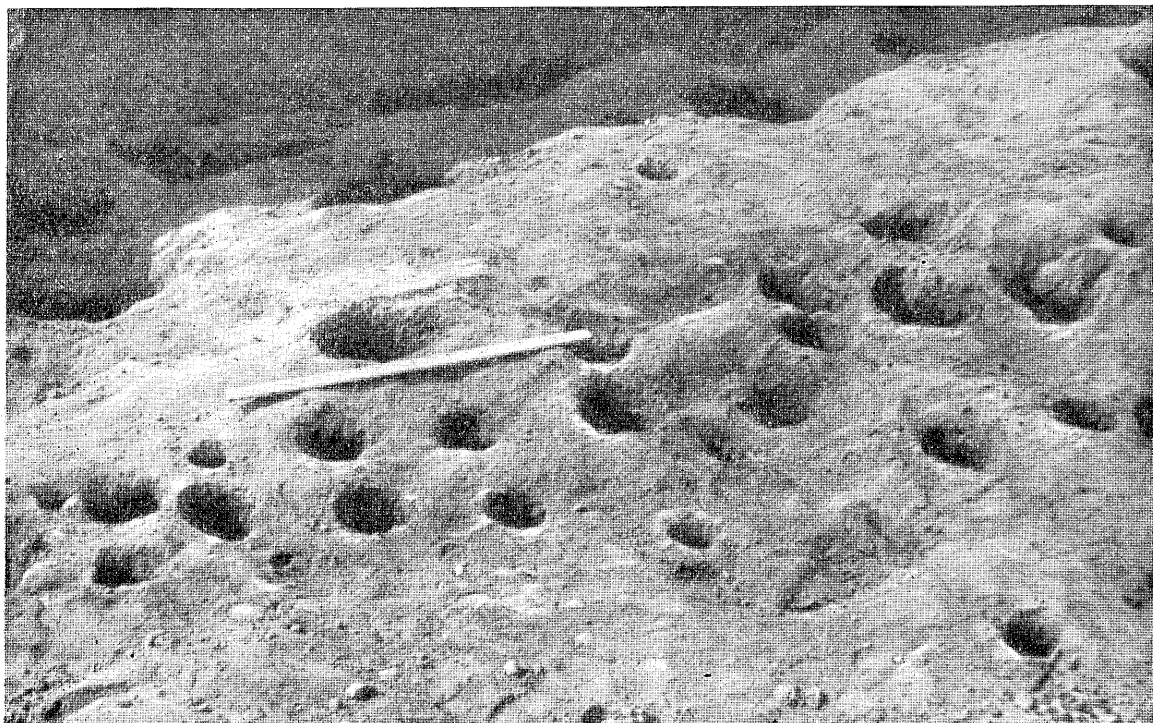

Рис. 35. Ямы от столбов древней оборонительной стены вдоль южного склона Мокрядинского городища.

Несколько менее ясной является южная стена жилища. Здесь отметим, во-первых, две большие (диаметром 0.3 и 0.4 м, глубиной соответственно 0.65 и 0.9 м) ямы в юго-восточном углу. Во-вторых, здесь оказалось скопление белого песка в виде гряды длиной 4 м, шириной 0.5—0.8 м и толщиной 0.15 м, лежащее на 0.05—0.1 м выше материка, в культурном слое. В средней части поверх песка лежало несколько камней. Утрамбованный пол жилища доходил как раз до скопления песка, которое скорее всего следует рассматривать в качестве остатков «завалинки». Что касается большого количества столбовых ям, расположенных в южной части жилища, то они не имели отношения к жилищу, а принадлежали к какой-то постройке, ему предшествующей. В той части пола, где он был подсыпан, эти ямы были обнаружены лишь после снятия слоя подсыпки, их перекрывавшего. Более того, группа глубоких круглых ям (0.3—0.35 м в поперечнике и от 0.4 до 0.6 м глубиной), тянущаяся в виде полосы вдоль южной стены жилища, несколько отступя от нее, и выходящая за восточный край жилища, представляла собой, возможно, следы древней оборонительной стены (рис. 35). Параллельно этой стене в более позднее время была построена другая стена, о чем говорит ряд больших и глубоких ям от вертикальных столбов (диаметром от 0.3 до 0.5 м, глубиной

от 0.5 до 1.2 м), стоявших вдоль западного края площадки и обнаруженных у самого края раскопа.

Последняя, восточная — стена жилища намечается по линии края подсыпки и утрамбованного пола. Возможно, что и с этой стороны к стене примыкала земляная «завалинка», заметная на профиле Д—Е (рис. 33). Однако это лишь предположение, так как обнаруженное здесь нагромождение прослоек песка и глины, названное «завалинкой» отстоит от стены на некотором расстоянии. На профиле В—Г следов такой «завалинки» совсем незаметно.

В итоге исследования жилище 1 представляется нам не в виде полуземлянки, а в виде наземного жилища, основу которого составляли вкопанные в землю столбы. То, что жилище одним углом было врезано в землю, являлось не конструктивной его особенностью, а частным случаем, связанным с необходимостью получить для жилища горизонтальную площадку. Деревянные стены жилища, по-видимому не очень массивные, в нижней части были присыпаны землей, а выше целиком или частично обмазаны глиной, следы которой сохранились внутри остатков жилища и вокруг них в виде многочисленных бесформенных прослоек. Во многих местах глина была обожжена или полуобожжена. При раскопках найдены отдельные куски обожженной глины, сохранившие свою форму; в частности, видно, что глиной были замазаны пазы между бревнами. В глину была замешана рубленая солома (рис. 39, 13).

Ничего нельзя сказать о форме перекрытия жилища. Укажем лишь, что внутри него на расстоянии 0.05—0.1 м над уровнем пола были встречены темные гумусные прослойки, а над ними — прослойки песка и глины (профиль В—Г). По-видимому, деревянное перекрытие было засыпано сверху землей, глиной или покрыто дерном. Ничего нельзя сказать также о месте входа в жилище. Скорее всего он находился с восточной стороны.

В северо-западном углу жилища располагался очаг. Его остатки представляли собой округлое в плане скопление золы диаметром 1.5 м и толщиной 0.05—0.08 м, пол и стены вокруг него были сильно обожжены. В очаге находилось большое количество сильно обожженных камней.

В центре жилища на уровне пола находилось небольшое пятно золы (диаметром 0.5 м), под которым пол также был обожжен. Никакого инвентаря, бесспорно связанного с последним этапом существования жилища, в его пределах найдено не было. Но, как мы увидим ниже, на месте жилища и вокруг него было сделано большое количество разнообразных находок. В очаге встречены мелкие обломки глиняной посуды и кусочки обожженных костей.

Жилище 2, расположенное на стрелке городища в 6 м к востоку от предыдущего, сохранилось значительно хуже. В основных чертах оно походило на жилище 1: было примерно так же ориентировано, имело очаг в том же северо-западном углу, его горизонтальный пол был спланирован путем выемки грунта в одной части и подсыпки его в другой. Второе жилище имело лишь несколько меньше размеры: 4.5×6 м (рис. 34).

Почти наполовину пол жилища 2 был подсыпан из материкового песка с галькой и глиной. Толщина подсыпки достигала 0.1—0.2 м в средней части и 0.3—0.4 м в южной, лежащей ближе к стрелке части жилища. Под подсыпкой лежал слой погребенной почвы. Было обнаружено также, что в восточной части жилища пол образован двумя слоями глины с темной прослойкой между ними. Пол жилища был сильно утрамбован, и непосредственно на нем лежал местами, особенно в южной части жилища, тонкий (0.01—0.03 м), черный слой органического перегноя. Может быть, это была древесная кора, покрывавшая пол, или же придавленная рухнувшей земляной кровлей нижняя, деревянная часть перекрытия.

Как и в жилище 1, западная стена была ограничена земляной стенкой. Ее высота от уровня пола до поверхности материка в северо-западном углу составляла 1 м, в юго-западном — 0.4 м. Стенка сохранилась очень плохо: ее край обвалился внутрь жилища. С северной стороны также находилась оползшая земляная стенка. Более или менее она сохранилась лишь в средней части, где вдоль ее основания имелся ровный ряд небольших (диаметром 0.15 м, глубиной 0.05—0.25 м) столбовых ям, отстоящих друг от друга на расстоянии 0.15—0.2 м. Северо-восточный угол жилища совсем разрушился и потерял свою первоначальную форму.

Место южной стенки жилища определяется границей насыпанного пола, столбовыми ямами и удлиненным в плане скоплением полуобожженной глины, очевидно, оползшей гли-

няной обмазки стен. Юго-восточный угол определяется ямой от столба диаметром 0.25 м и глубиной 0.7 м; недалеко от нее по южной стенке находилась яма меньшего диаметра (0.15 м) глубиной 0.4 м. В юго-западном углу находились две ямы глубиной 0.3 и 0.4 м, а несколько отступая от них по линии южной стены, — столбовая яма диаметром 0.3 м и глубиной 0.6 м. Все эти ямы, как и ямы жилища 1, имели правильную коническую форму. Столбы, затесанные на конус, не вкапывались в землю, а вколачивались в узкие ямы. Если диаметр столба был несколько меньше диаметра ямы, пустоты забивались камнями, которые сохранились на стенках многих ям в виде их «облицовки».

Восточная стена жилища определяется по границе утрамбованного пола столбовыми ямами и большим скоплением полубоженной глины. Вблизи разрушенного северо-восточного угла под полом открыта большая яма глубиной 0.5 м с обожженными стенками и золой на дне. По-видимому, это какой-то старый очаг, предшествующий жилищу 2. В скоплении обожженной глины у восточной стены жилища найдены несколько камней, небольшая овальная зернотерка и большой кусок какого-то глиняного сооружения или детали жилища, например порога. Это была отколовшаяся от основания часть прямого бортика длиной 0.62 м с закругленным углом (рис. 36, 2). Ее материал — глина с примесью растительной трухи.

В северо-западном углу жилища располагался очаг. Это было неправильное овальное углубление в полу диаметром 0.8—1 м и глубиной 0.1 м, заполненное золой. Дно и края углубления были сильно обожжены. Зольное пятно выходило за пределы углубления (диаметр — 1.25 м).

В полу жилища обнаружено большое число ям от столбов диаметром 0.1—0.2 м и различной глубины (до 0.4 м). Одни из них как бы окружали очаг, другие группировались в беспорядке в восточной части жилища, где ямы были выкопаны в плотном слое подсыпки и вследствие этого очень хорошо сохранились. Назначение стоявших в ямах вертикальных столбов остается неясным.

Каких-либо находок, бесспорно связанных с жилищем, здесь, как и в предыдущем жилище, сделано не было.

Между первым и вторым жилищами находился участок размером приблизительно 5 × 5 м, занятый большим числом разнообразных ям главным образом от небольших столбов. С запада он ограничивался жилищем 1, с севера — длинной грядой песка с гравием, выброшенного на поверхность при сооружении жилищ, с востока — жилищем 2 и с юга — началом восточного склона городища. В западной части участка находились три большие ямы с плоским дном: неправильно трапецевидная (размер 0.6 × 0.8 м, глубина 0.15 м), овальная

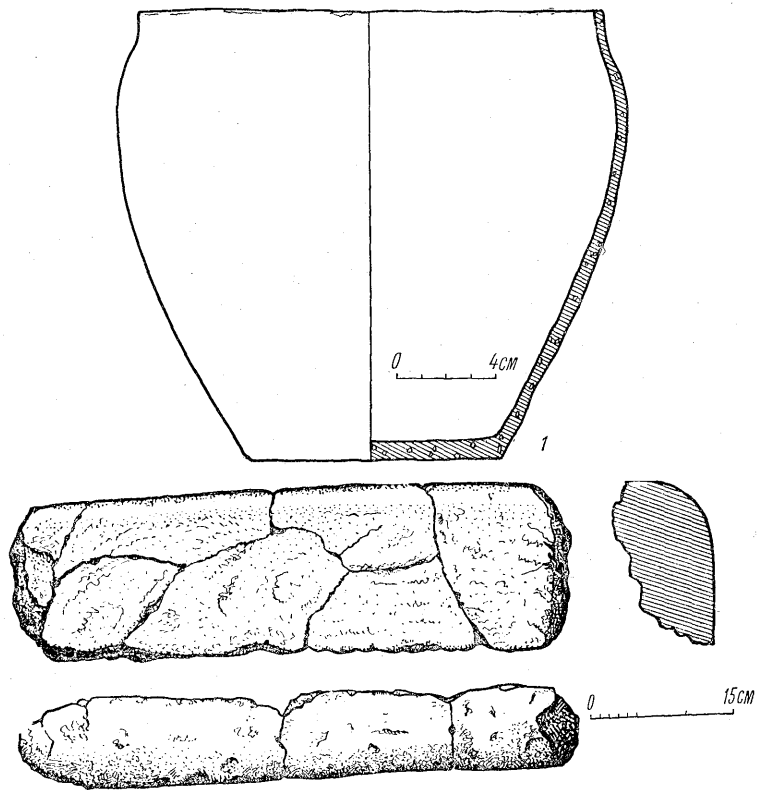

Рис. 36. Глиняный сосуд и часть глиняной детали жилища (?) с Мокрядинского городища.

(0.65 × 1.15 м, глубина 0.22 м) и неправильная большая яма, с одной стороны имевшая пологую стенку, состоявшая из двух частей (глубина 0.27 и 0.14 м). Большая овальная яма с плоским дном (0.7 × 0.9 м, глубина 0.18 м) обнаружена в юго-восточной части участка. Остальные ямы, число которых превышает 120, были столбовыми, разной величины (от 0.1 до 0.3 м в диаметре) и глубины (0.03—0.45 м, большинство 0.1—0.2 м в материке). Находящиеся на склоне и выкопанные в верхней части материка ямы сохранились очень плохо; далеко не все они являются бесспорными. Некоторые маленькие бесформенные ямы были, возможно, результатом деятельности корней росших здесь некогда деревьев. Какого-либо определенного порядка в расположении ям не обнаруживается. Следует отметить лишь правильный ряд ям, идущий вдоль края упомянутого выше выброса, где имелось некоторое понижение уровня материка (наподобие канавки), неизвестно, естественное или искусственное, а также то, что наиболее глубокие ямы располагались преимущественно по краям участка. Вероятнее всего, здесь находилась легкая постройка в виде навеса, неоднократно перестраивавшаяся.

Участок с глиняными «жертвенниками» находился между жилищем 1 и северным склоном городища. Здесь в нижней части культурного слоя, приблизительно на расстоянии 0.15—0.2 м выше материка, были встречены остатки горизонтальной глиняной площадки, лежащей частично на культурном слое, частично на прослойках песка с галечником. Толщина слоя глины, составлявшей поверхность площадки, колебалась в пределах от 0.02 до 0.1 м, причем в некоторых местах, особенно у второго «жертвенника», глина имела несколько слоев — следы многократных подмазок. Контуры сохранившейся части площадки не дают возможности определить ее первоначальную форму. Ничего определенного о форме постройки не говорят и ямы от столбов, нередко очень значительные, глубиной до 0.35—0.4 и даже до 0.75 м. Лишь вдоль западного края площадки ряд ям образует как будто бы прямую линию.

«Жертвенник» I (см. рис. 34), находящийся в северной части площадки, представлял собой как бы круглое блюдо диаметром 1 м с плоским дном, составлявшим одно целое с глиняной площадкой и вертикальными стенками 0.1—0.12 м высоты и 0.04—0.06 м толщины, из грубо промешанной, слабо обожженной глины с органическими примесями (рис. 37). Бортик стенок гладкий, закругленный; дно «жертвенника» несет на себе следы огня. Рядом с «жертвенником», на северо-восток от него, обнаружена груда мелких, сильно пережженных костей, попытка определения которых (кости животных или человека?) не дала положительного результата. Рядом с костями находился камень 0.2 м в поперечнике. Внутри «жертвенника» найдены несколько костей животных, в том числе зуб бобра, зуб волка (?), кости мелкого рогатого скота, а также обломок керамики.

«Жертвенник» II (см. рис. 34), отстоящий от первого на 2 м в северном направлении, имел иной облик. Как уже указывалось, он был сооружен в том месте, где глиняная площадка состояла из нескольких тонких слоев, являющихся следами многократных подмазок. Сам «жертвенник» имел в плане форму подковы, обращенной своими концами (открытой частью) к «жертвеннику» I. Поперечник «жертвенника» II составлял в среднем 1 м. Его стенки очень неровны, несут следы неоднократных подмазок. Не исключено, что сооружение представляло собой первоначально как бы печь с куполом, который рухнул и расплылся, так как это глиняное сооружение было очень слабо обожжено. Внутри жертвенника обнаружено пять ям, из которых четыре являются столбовыми (диаметр и глубина 0.1—0.15 м).

Исследование мокрядинских «жертвенников» не внесло ничего нового в понимание этих загадочных сооружений, известных на многих городища I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. на северо-западе европейской части СССР, в Верхнем Поволжье и в бассейне р. Оки. Отнесение этих сооружений к культовым не имеет под собой никаких серьезных оснований. Единственной находкой, которая могла быть истолкована как культовое сооружение, является «жертвенник» верхневолжского городища Топорок, на котором были найдены весьма своеобразные глиняные бусы, орнаментированные глиняные плитки и вылепленная из глины фигура, напоминающая изображение птицы.¹ Но «жертвенник» городища Топорок имел

¹ Ю. Г. Гендунов. Городище Топорок. Тр. 2-го областного Тверского арх. съезда, Тверь, 1906, стр. 261—275.

свои особенности, выделяющие его среди всех других: у него было большое круглое отверстие в средней части. Все другие известные ныне «жертвенники» — круглые или овальные — имели такое же устройство, как мокрядинский «жертвенник» I.

Очень возможно, что близкой функциональной аналогией всем этим «жертвенникам» являются большие глиняные блюда с вертикальными бортиками, служившие для выпечки хлеба в виде лепешек. По археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э., они известны во всех славянских землях, а по этнографическим материалам — в Болгарии и Югославии.² По форме, составу глины, пропорциям, толщине бортиков они почти не отличались от «жертвенников» но последние были примазаны к полу, тогда как славянские «блюда» были переносимыми. Когда нужно было печь хлеб, в таком блюде, поставленном в очаг, разводился огонь; после того как глина достаточно нагревалась, из блюда выметались зола и угли, туда клались лепешки и оно закрывалось плотной крышкой. Болгарское

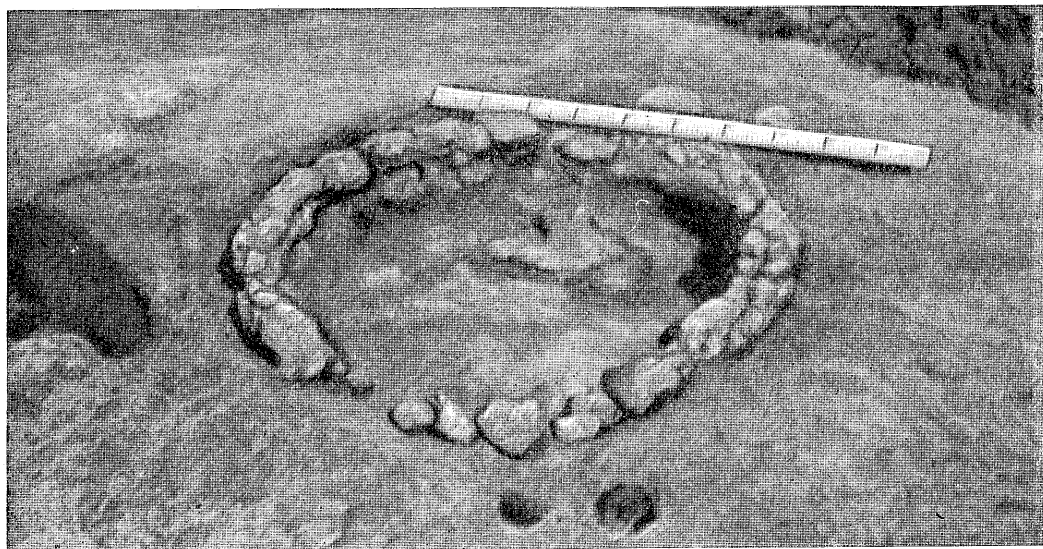

Рис. 37. «Жертвенник» I на Мокрядинском городище.

наименование этого приспособления — «подница». Это как бы переносный под печи. «Подницы» служили не только для выпечки хлеба, но и для подсушивания зерна, бобов и других продуктов.³

У нас нет полной уверенности, что «жертвенники» служили для выпечки хлеба: в этом направлении необходимо произвести специальные исследования; но такое объяснение функции этих глиняных сооружений, по нашему, мнению, является наиболее вероятным.

За «жертвенником» II, к северу от него, раскоп достиг древнего северного края площадки городища, вдоль которого на самой границе площадки и склона открыто углубление в виде узкого рва с крутыми стенками. Его ширина 0.4—0.5 м, глубина в материке 0.22 м; нужно иметь, однако, в виду, что здесь, на склоне, над материком был значительный почвенный слой, так что истинная глубина рва составляла не менее 0.5 м. Судя по форме рва, главным образом его неровного дна, следует думать, что он представляет собой не что иное, как следы стоявшего здесь тына из массивных бревен.

Вдоль южного склона, как мы видели выше (стр. 75), укрепление было иным: там стояли массивные столбы на расстоянии 0.5—1 м друг от друга, пространство между которыми было

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии. Сов. этнография, № 2, 1948, стр. 182.

³ Находки таких же «подниц» были сделаны на раннесредневековых городищах Чехословакии.

заполнено бревнами или плетнем. Возможно, что мы имеем дело с двумя одновременными оградями, но не исключено и то, что в разных частях городища ограда имела различную конструкцию.

2

При исследовании Мокрядинского городища было сделано большое количество разнообразных находок. В культурном слое обильно представлены обломки керамики, куски глиняной обмазки и горелого камня. Встречено много костей животных. Число найденных орудий труда, предметов обихода и украшений составило более 160 экз. (рис. 38).

Подавляющее большинство находок принадлежит к культуре древнейших городищ Смоленщины, относящейся ко второй половине I тысячелетия до н. э. В нижнем горизонте культурного слоя найден материал только этого времени. В верхнем горизонте слоя такой материал также абсолютно преобладал, но в небольшом числе здесь встречены остатки культуры и последующего времени — второго этапа в развитии культуры городищ Смоленщины, представленного на городище Тушемля вторым (средним) культурным слоем. Но в стратиграфии Тушемли и Мокрядинского городища имеется существенное различие. На Тушемле второй слой четко отделялся от нижнего; в заселении городища там был значительный перерыв. На Мокрядинском городище слой с находками второго этапа не выделяется, что относится не только к стратиграфии наслоений, но, что особенно важно, также и к «культурной стратиграфии». Между материалами древнего и второго слоев Мокрядинского городища имеется бесспорная преемственность, что наблюдалось нами и на других городищах Смоленщины, в частности на городище Холмец в верхнем течении Десны.

В свете всего сказанного становится очевидным, что отделить материалы основного и верхнего культурных горизонтов на Мокрядинском городище весьма затруднительно, а в отношении некоторых категорий находок и совсем невозможно. Это относится, в частности, к наиболее массовому материалу — керамике. Кроме характерной посуды, относящейся к нижнему горизонту слоя, и совсем небольшого количества керамики, свойственной второму этапу в развитии культуры смоленских городищ, здесь имеется значительное количество керамического материала, занимающего как бы промежуточное положение между двумя названными группами. Собственно говоря, керамика «промежуточного» типа и характеризует культуру последних обитателей Мокрядинского городища, жизнь на котором прекратилась, по-видимому, в самом начале второго этапа в развитии местной городищенской культуры.

Из табл. 2, на которой дан перечень находок по слоям, видно, что большинство костяных изделий найдено на Мокрядинском городище в нижнем горизонте слоя, а большинство металлических — в верхнем. Несомненно к последним этапам жизни на городище принадлежат железные ножи с черешком и наконечники стрел, бронзовые колоколовидные подвески и некоторые другие изделия. К ним следует еще добавить «грузики дьякова типа» и пряслица из глины. Все они были найдены в самом верху культурного слоя, многие непосредственно под дерном.

На основании плана расположения находок (рис. 38) можно сделать вывод, что в пределах раскопа находки группировались главным образом на месте жилищ. Так располагались в равной мере как древние предметы, так и более поздние. Это наблюдение подтверждает высказанное выше соображение о том, что оба исследованные жилища, возникшие в начальный период жизни на этом месте, существовали в течение продолжительного времени, несомненно неоднократно перестраиваясь.

Обратимся прежде всего к керамическому материалу, представленному исключительно обломками, происходящими из культурного слоя. Подсчеты, произведенные на месте раскопок, показали, что в верхнем горизонте культурного слоя обломков керамики встречается больше, чем в нижнем, приблизительно в полтора-два раза. В верхнем горизонте слоя на некоторых квадратах (2×2 м), примыкающих к месту жилищ, было найдено по 100—150 обломков керамики, преимущественно мелких, в других частях раскопа их число составляло 30—80 штук. В нижнем горизонте слоя в пределах квадрата было найдено по 20—40—60 обломков керамики, обычно несколько более крупных, чем обломки посуды из верхнего гори-

зонта. Ни разу не было встречено значительных скоплений керамики, в том числе скоплений обломков, принадлежавших одному и тому же сосуду. Лишь в одном случае, в центре участка

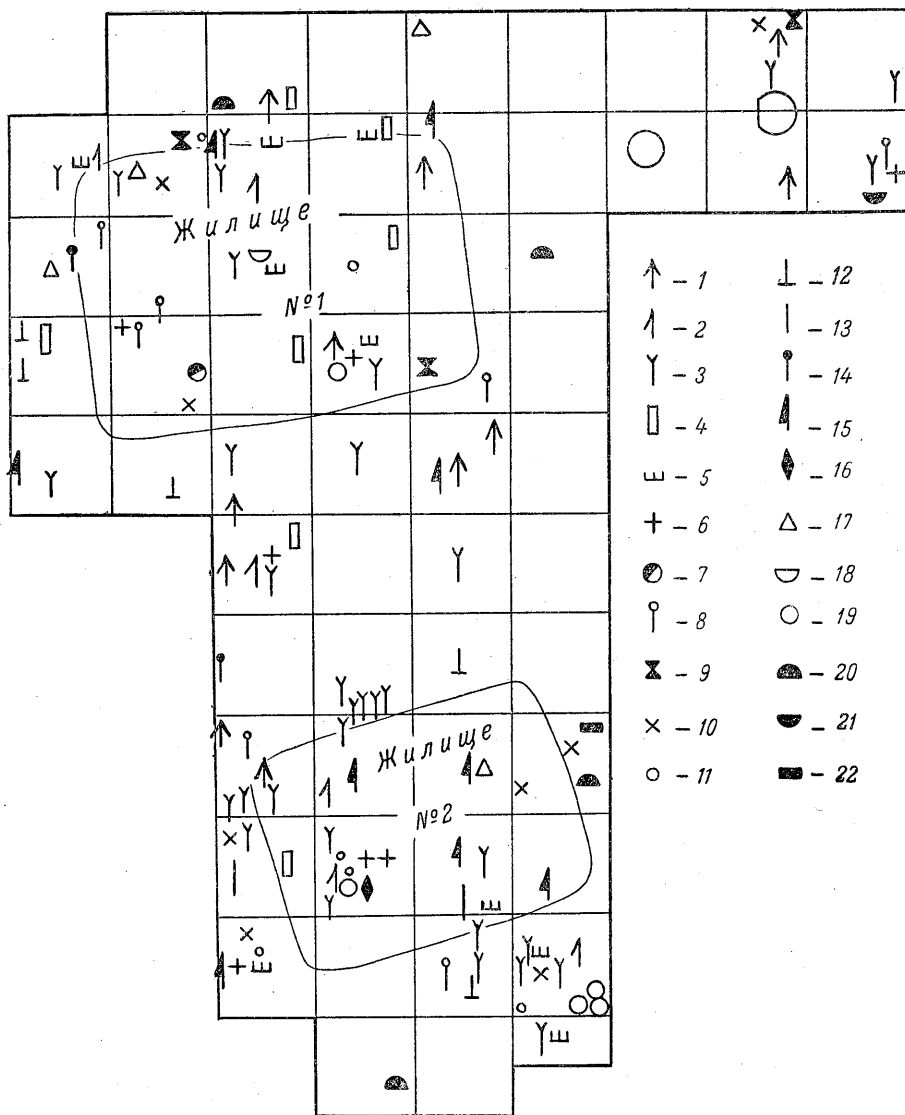

Рис. 38. Схема расположения находок на Мокрядинском городище.

1 — костяной наконечник стрелы; 2 — костяной наконечник гарпуна; 3 — игла костяная; 4 — костяная рукоятка; 5 — ступица; 6 — костяное украшение или амулет; 7 — пряслице костяное; 8 — булавка бронзовая; 9 — коническая бронзовая подвеска; 10 — бронзовое украшение; 11 — кольца бронзовые; 12 — шило бронзовое; 13 — игла бронзовая; 14 — булавка железная; 15 — нож железный; 16 — железный наконечник стрелы; 17 — грузик глиняный; 18 — глиняная литейная формочка; 19 — пряслице глиняное; 20 — зернотерка; 21 — литейная формочка из камня; 22 — брусок.

с ямами, находящегося между жилищами, было обнаружено вместе несколько крупных черепков, составивших полную стенку и часть дна сосуда средней величины (рис. 36, 1).

Как и на других смоленских городищах, на Мокрядинском городище найдена крайне однообразная и однотипная керамика. Это обломки тонкостенных, плоскодонных горшков

ТАБЛИЦА 2

Перечень находок на Мокрядинском городище

Наименование находок	Из верхнего горизонта	Из нижнего горизонта	Всего	Наименование находок	Из верхнего горизонта	Из нижнего горизонта	Всего
Изделия из кости и рога:				игла	—	2	2
наконечники стрел	2	9	11	куски проволоки, стержни, обломки острия	8	4	12
наконечники гарпунов	4	2	6	Изделия из железа:			
булавки и тонкие острия	1	31	32	ножи	8	1	9
иглы	—	1	1	куски проволоки, обломанные стержни	6	1	7
рукоятки	2	5	7	булавки	—	2	2
«тупики»	—	9	9	кольца	1	—	1
костяные пряслица	—	1	1	наконечник стрел	2	—	2
трубочки, украшения и амулеты	1	6	7	Изделия из камня:			
массивные острия	—	4	4	литейная форма	—	1	1
другие костяные изделия	2	1	3	зернотерки	2	2	4
Изделия из меди и бронзы:				камень со знаком	—	1	1
булавки	3	4	7	брусок	—	1	1
кольца разного диаметра и назначения	4	2	6	Изделия из глины:			
колоколовидные подвески	3	—	3	пряслица	5	—	5
другие украшения	2	5	7	«грузики дякова типа»	5	—	5
шпилья	1	4	5	литейная форма	1	—	1
				Итого	63	99	162

с вышуклым, несколько расширенным кверху туловищем и слабо профилированным, слегка суженным горлом и венчиком (рис. 39, 1—3). Посуда вылеплена от руки из грубой, плохо промешанной глины с примесями песка или дровяной стружки иногда в очень крупных зернах. Поверхность сосудов неровная, со следами небрежного сглаживания рукой или тряпкой; цвет серый, серо-бурый, неравномерный в разных частях сосуда. Обжиг довольно высокий, но также неравномерный. Никакой орнаментации на посуде нет. Как исключение, имеется несколько обломков керамики, происходящих из нижнего горизонта слоя, поверхность которых покрыта слабой штриховкой орнаментального характера.

Судя по обломкам, диаметр горла сосудов колебался в пределах от 15 до 20 см, редко выходя за эти пределы; диаметр дна составлял 8—12, редко 15 см, толщина стенок — 0,4—0,5 см. Шейка с закругленным сверху венчиком обычно несколько тоньше, чем стенки сосуда, а плоское дно — несколько толще. Карнизик у дна сосудов отсутствует (рис. 40, 4, 5, 7); некоторые сосуды имели как бы уплощенное дно, т. е. закругленный переход от стенок к дну. Высота сосудов, по-видимому, равнялась их диаметру.

Сосуды, отнесенные нами к «переходному» типу, отличались прежде всего более выраженной шейкой и венчиком, изгиб которых напоминал латинское «S» (рис. 39, 4, 7). У большинства из них шейка продолжала быть невысокой, увенчанной тонким, закругленным сверху краем. Наряду с ними появились сосуды с шейкой высотой до 2—3 см, расширяющейся кверху, прямой или отогнутой. Для них характерны более толстые стенки, одинаковая толщина стенок и шейки, намечающийся карнизик у дна (рис. 40, 6, 8). У некоторых сосудов этого типа на венчике, превращающемся из округлого в уплощенный, имелась поперечная или косая насечка, обычно неглубокая и занимающая лишь отдельные части венчика (рис. 39, 5, 6).

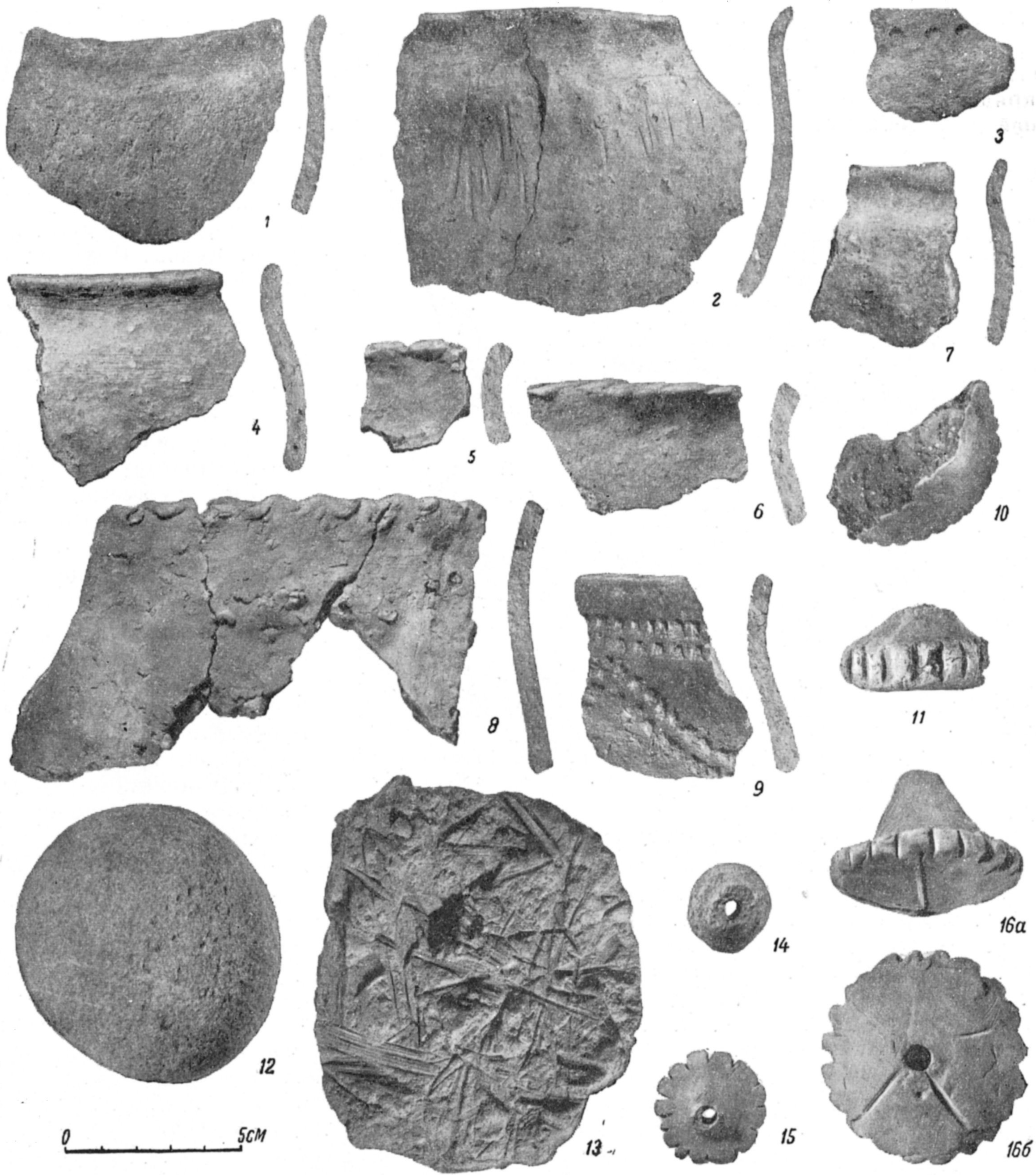

Рис. 39. Обломки керамики, «терочник», кусок глиняной обмазки, пряслице и грузики из глины, найденные на Мокрядинском городище.

выпуклые, расширяющиеся кверху стенки, слабо выраженные плечики и шейку. Отогнутый наружу уплощенный венчик несет на себе насечки или защипы. На плечиках 2—3 сосуда имелись орнаментальные ямочные вдавления. По размерам сосуда, по-видимому, не выходили за пределы приведенных выше цифр, характеризующих керамику древнего типа (рис. 39, 8, 9; рис. 40, 8, 10).

Небольшое количество керамики, характерной для второго этапа культуры смоленских городищ, свидетельствует о том, что верхняя хронологическая граница жизни людей на Мокрядинском городище захватила лишь самое начало этого этапа, первые два-три века нашей эры. Обломков керамики с лощеной поверхностью на городище встречено не было.

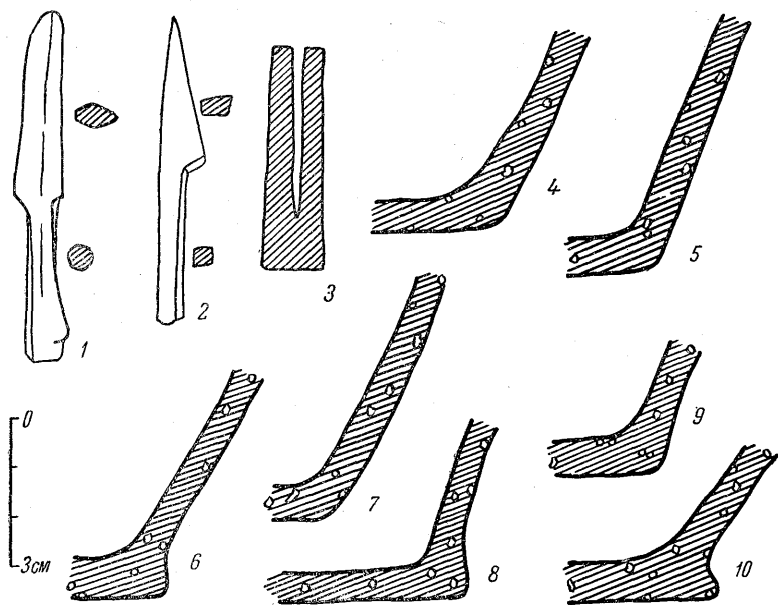

Рис. 40. Костяные изделия, профили дниц глиняных сосудов с Мокрядинского городища.

количество обрезков кости и рога, костей со следами обстругивания, с нарезками и т. д., свидетельствующими о том, что костяные и роговые поделки изготовлялись в значительном числе. Но ассортимент костяных изделий был очень невелик. Из орудий труда в него входили лишь наконечники стрел, гарпуны, остря и «тупики».

Наконечники стрел отличались в большинстве случаев очень небольшими размерами. Длина лезвия семи наконечников составляла всего лишь 3—4 см и только у двух достигала 5 см. Два наконечника представляли собой заготовки, размеры которых не могут быть приняты во внимание. Форма наконечников разнообразна. Наиболее крупный из них имел листовидное лезвие с уплощенноромбическим сечением, другой более крупный ромбический в сечении наконечник имел вытянутотреугольное лезвие с одним крупным жальцем в основании (рис. 41, 2—3). Один наконечник, представленный заготовкой, имел два асимметричных жальца (рис. 41, 11). Большинство маленьких наконечников имело узкое, остроконечное лезвие, ромбическое или овальное в сечении, у отдельных экземпляров снабженное в основании маленькими жальцами (рис. 40, 1, 2; рис. 41, 1, 4, 5). Один из них должен был иметь одно жальце, обломившееся в процессе его изготовления (рис. 40, 2).

Наконечники гарпунов, найденные в числе шести, более или менее однотипны. Они относительно массивны, длиной до 12 см; стержень, увенчанный сверху одним зубом, имел круглое или овальное сечение; основание наконечников, вставившееся во втулку, укрепленную на древке, было ограничено одним или двумя выступами (рис. 41, 8, 9, 12, 13). Костяные

Изделия из кости и рога, найденные в числе 80, происходят главным образом из нижнего горизонта культурного слоя. Изделия, найденные в числе 12 в верхнем горизонте, морфологически не отличаются от других. Это такие же наконечники стрел, гарпуны, рукоятки железных ножей, что и происходящие из нижнего горизонта. Поэтому костяные и роговые предметы, обнаруженные в обоих горизонтах культурного слоя, при описании будут объединены как материал, характеризующий культуру древнейшего этапа смоленских городищ.

Большинство костяных изделий найдено сломанными, пришедшими в негодность или же еще не законченными изготовлением. В культурном слое встречено большое

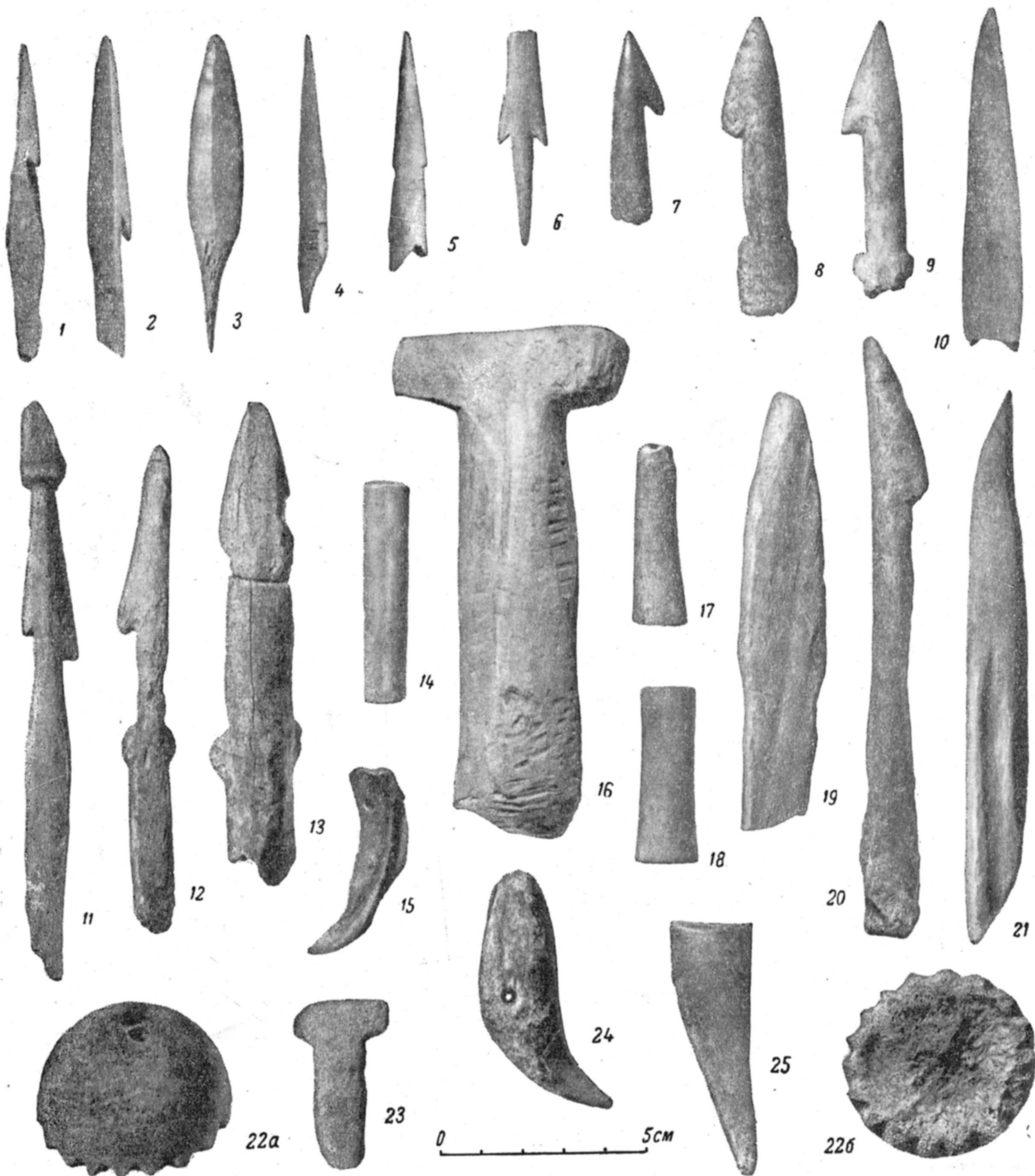

Рис. 41. Изделия из кости и рога с Мокрядинского городища.

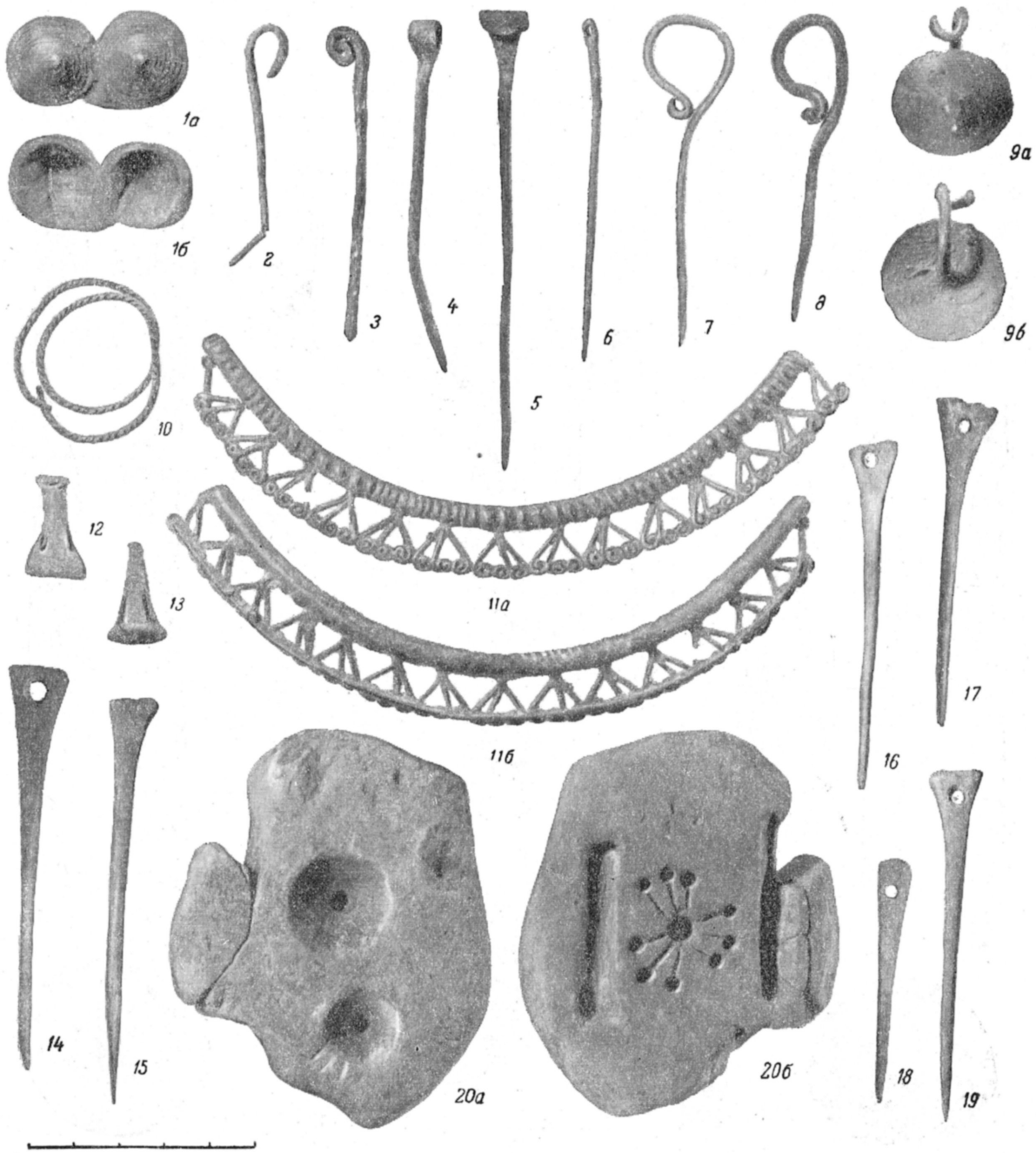

Рис. 42. Изделия из бронзы, камня и кости, найденные на Мокрядинском городище.

втулки, служившие для укрепления наконечников на древке, на Мокрядинском городище не найдены, но они хорошо известны по материалам других смоленских городищ, в частности соседнего городища Тушемля.

Самой многочисленной группой орудий из кости являются тонкие острия с хорошо отточенными и зашлифованными концами. Головки многих из них снабжены сквозным отверстием. Таких острий, целых и обломанных, было найдено более 30 экз. (рис. 42, 14—17, 19). Все они, кроме одного, происходят из нижнего горизонта культурного слоя.

Назначение этих острий, имевших в древности очень широкое распространение, остается невыясненным. Их называют иногда булавками, что является, возможно, справедливым и в отношении некоторых острий Мокрядинского городища, имевших приблизительно такие же размеры, как и металлические булавки. Наиболее вероятным является предположение, что острия служили иглами, употреблявшимися при плетении и ремонте рыболовных сетей. Интересно, что на Мокрядинском городище в трех случаях острия были найдены сразу по несколько штук. Особенно выразительна в этом отношении находка, сделанная непосредственно за пределами западной стенки жилища 2, где на пространстве в 1 м² было найдено шесть острий. Четыре острия обнаружено около южного угла этого же жилища, несколько штук — за его восточной стеной. Можно думать, что острия употреблялись сразу по несколько штук, что могло быть при плетении и ремонте сетей. Кроме обычных острий, было найдено одно небольшое костяное острие с отверстием, имевшее вид настоящей иголки, которая могла употребляться для шитья грубых тканей (рис. 42, 18).

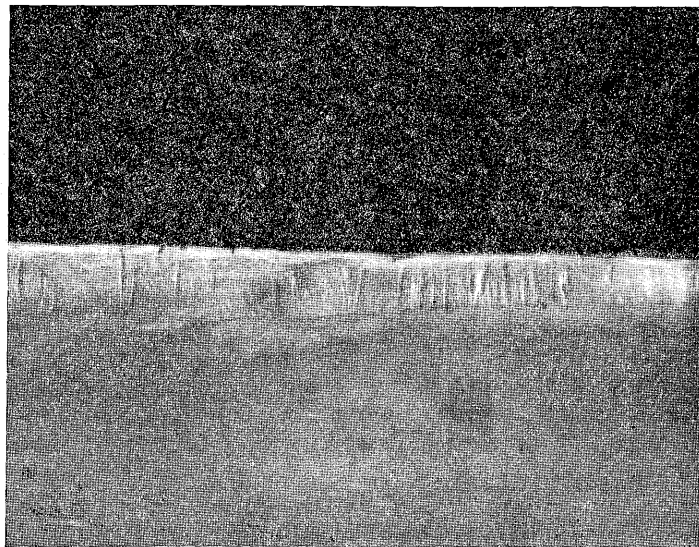

Рис. 43. Микроснимок лезвия «тупики» из ребра крупного животного, найденного на Мокрядинском городище.

Из трех массивных костяных острий, найденных на Мокрядинском городище, одно являлось, по-видимому, кочедыком (рис. 41, 21). Назначение двух других остается неясным; не исключено, что их следует включить в число заготовок для изготовления наконечников стрел. Следует еще упомянуть поделку из зуба свиньи, корневая часть которого была искусно обточена и превращена в тонкое, как у иглы, острие (рис. 44, 36).

Орудия для обработки кожи — «тупики», найденные на Мокрядинском городище в числе девяти, сделаны из ребер крупных животных. Они имеют вогнутый край, искусственно заостренный под углом от 30 до 45°. Микроскопический анализ «тупиков», произведенный С. А. Семеновым, показал, что на их рабочем лезвии отчетливо видны следы изнашивания в форме коротких царапин, расположенных перпендикулярно к лезвию (рис. 43), характер которых подтверждает, что эти орудия служили для выскабливания кожи и срезания с нее мездры, шерсти или щетины.

Очень любопытно, что на соседнем городище Тушемля «тупики» изготовлялись не из ребер, а из лопаток крупных животных, что только в одном случае отмечено на Мокрядинском городище. Здесь можно говорить, вероятно, о разных общинных традициях или привычках в области изготовления орудий для обработки кожи.

В числе 7 экз. найдены на Мокрядинском городище костяные и роговые рукоятки для металлических орудий, главным образом ножей и шильев. Три маленькие рукоятки сделаны

из небольших трубчатых костей, у которых были отпилены эпифизы, та естественная пустота кости использована, как отверстие для черенка металлического ножа или пила (рис. 40, 3; рис. 41, 14, 17, 18). Рукоятка маленького железного ножа, такого же, как нож, изображенный на рис. 44, 24, была сделана из отростка лосиного рога (рис. 41, 25). Последние две рукоятки должны быть отнесены к фигурным, снабженным навершиями, хорошо известным по материалам дьяковских городищ. Но одна из этих роговых рукояток представлена лишь небольшим обломком, а вторая — заготовкой, еще очень далекой от законченного изделия (рис. 41, 16, 23).

Остальные изделия из кости и рога найдены по одному экземпляру. Это маленькое полукруглое пряслице из головки трубчатой кости (рис. 44, 16), другая полукруглая головка трубчатой кости без отверстия, по краю которой вырезаны зубчики (рис. 41, 22), костяная трубочка, обломок ложки (?) из тазовой кости кусок рога со следами употребления. Трапециевидная подвеска с отверстием и зубчиками по краю вырезана из плоской части лопатки небольшого парнокопытного (рис. 44, 35). Найдены, наконец, клыки медведя и кабана с отверстиями для подвешивания (рис. 41, 15, 24) и еще два медвежьих клыка без отверстий, но гладко отполированных от употребления. На табл. 2 они помещены в графу «амулеты», хотя, быть может, их назначение было совсем иным (например, они могли служить лопатками).

Изделия из бронзы, найденные приблизительно в одинаковом количестве в верхнем и нижнем горизонтах Мокрядинского городища, представлены украшениями. Исключение составляют лишь две иглы с ушком и пять острий с уплощенной тыльной частью, которые мы рассматриваем в качестве шильев.

Иглы изготовлены из круглого бронзового стержня, их длина 8 и 13,5 см (рис. 42, 6; рис. 44, 1). Они обе найдены в нижнем горизонте культурного слоя на месте жилища 2. Бронзовые шилья различны по размерам: их длина 10,5, 9,5, 8,5, 5,3 и 4,5 см, максимальный диаметр сечения соответственно 4,3, 3,3 и 2 мм (рис. 44, 2—5). Самое маленькое шило представляет собой, по-видимому, острие сломанной иглы, тыльный конец которого был расплюсчен в виде треугольной лопаточки. Все другие шилья, более массивные, не несут следов вторичного использования. Их уплощенные тыльные концы прочно держались в рукоятках. За исключением одного, все шилья найдены в нижнем горизонте культурного слоя.

Бронзовые булавки, обнаруженные в числе семи, представлены четырьмя типами. Из верхнего горизонта культурного слоя происходят три булавки с верхней частью, изогнутой в виде пастушеского посоха (рис. 42, 7, 8; рис. 44, 6). Длина булавок 7—8 см. Две булавки из нижнего слоя имеют верхние концы, сильно расплюсченные и согнутые в трубочку (рис. 42, 4—5). Их длина 8 и 10 см. У двух последних булавок, также из нижнего слоя, верхний конец согнут — у одной в виде маленькой плоской спирали в два-три оборота, у другой в виде крючка (рис. 42, 2—3); острия обеих булавок обломаны.

До настоящего времени хронологические рамки бытования булавок с концами в виде пастушеских посохов определялись очень широко, и эти булавки обычно не рассматривались в качестве датирующих предметов. Очень возможно, однако, что такой вывод не был правильным и что булавки этой формы в области Верхнего Поднепровья нужно датировать рубежом I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. и первыми веками I тысячелетия н. э. Во всяком случае нахождение всех трех булавок этого типа в верхнем горизонте культурного слоя Мокрядинского городища вряд ли можно объяснить простой случайностью.

То же самое, по-видимому, следует сказать о полых конических подвесках, найденных в верхнем горизонте культурного слоя в числе 3 экз. Две из них имеют треугольные прорезы, третья сплошная (рис. 42, 12, 13; рис. 44, 15). Такие подвески уже не раз были находимы на древних городищах в верховьях Днепра и Волги, но время их оставалось неопределенным. На Мокрядинском городище они должны быть датированы, вероятнее всего, рубежом I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. и первыми веками нашей эры.

На месте жилища 1, на границе нижнего и верхнего горизонтов культурного слоя, найдена вогнуто-коническая серьга «скифского типа» с крючком, сделанная из светлой бронзы. Диаметр серьги 27,5 мм (рис. 42, 9; рис. 44, 19). Подобные находки в области Верхнего Подне-

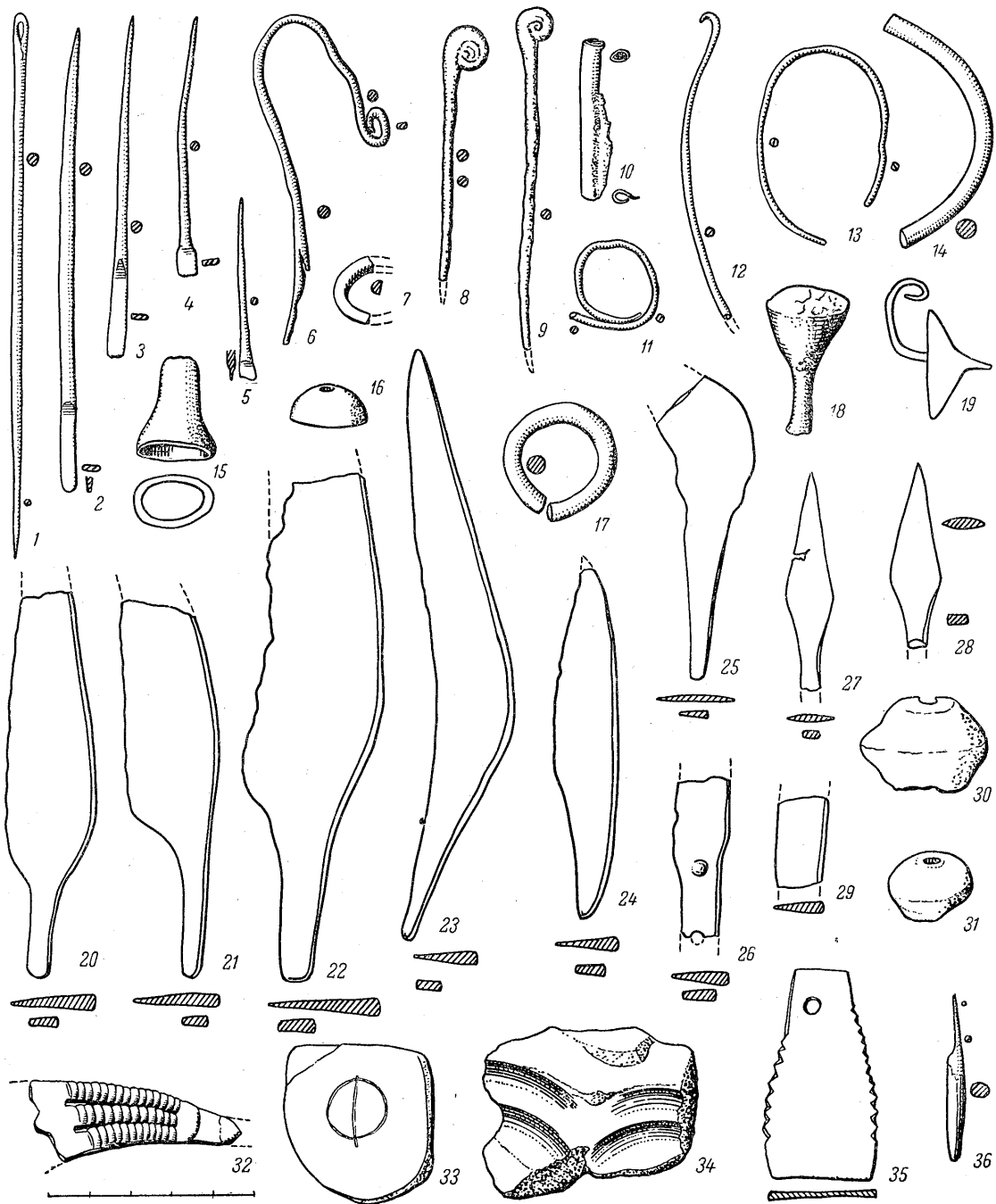

Рис. 44. Изделия из бронзы, железа, глины, камня и кости с Мокрядинского городища.

провья делались уже не раз.⁴ Находка «скифской» серьги на Мокрядинском городище представляет, однако, особый интерес в связи с тем, что здесь, в северной части раскопа, в нижнем горизонте культурного слоя найдена часть сложной литейной формы из песчаника, служившей для изготовления таких серег, а также других украшений (рис. 42, 20). Следовательно, эти серьги изготовлялись на месте, а не были привозными. В связи с этим встает вопрос о правильности их датировки VI—V вв. до н. э. на основании среднеднепровских аналогий скифского времени. Возможно, что в области Верхнего Поднепровья эти изделия относились несколько к более позднему времени. Но вряд ли они выходили за рамки конца IV века до н. э.

Этим же временем может быть датирована часть браслета, сделанного из круглого в сечении, литого, бронзового прута (поперечник 4,5 мм; рис. 44, 14). Браслеты этого типа, гладкие или украшенные насечками, хорошо известны по материалам городищ милоградской культуры, по древнейшим верхнеокским городищам и по находке на городище Тушмяля. Они изготовлялись в области Верхнего Поднепровья в глиняных формах, сделанных по восковым моделям.⁵ Обломок такой формы, в которой были изготовлены сразу четыре браслета, найден и на Мокрядинском городище, около жилища 2 (рис. 44, 34).

Следует отметить, что на городище обнаружены и другие доказательства местного производства бронзовых изделий: кусочки бронзовой проволоки, капельки пролитого металла и др. Самыми показательными среди них являются бронзовый конус запечатлевший очертания «воронки», имевшейся на двусторонней форме, и обломок глиняного тигля (рис. 44, 18). Думаем, что плиточку мягкого песчаника с процарапанным «знаком» в виде окружности, разделенной пополам прямой линией, следует рассматривать в качестве недоделанной литейной формы, у которой изображение предмета было лишь намечено (рис. 44, 33).

Самыми интересными бронзовыми предметами, найденными на городище, являются обломки трех сложных украшений, свидетельствующих о высокой технике обработки цветного металла и позволяющих составить некоторое представление о той «варварской» роскоши, которая была свойственна женскому убору.

Часть украшения, состоящая из двух конических спиралей и соединяющего их обломка стрежня, является концом браслета (рис. 42, 1). Такие браслеты составляют специфику древних городищ Смоленщины. Большое их число, а также обломки глиняных форм для их изготовления по восковым моделям найдены Е. А. Шмидтом на городище у д. Новые Батеки (стр. 144). Половина подобного же, но значительно более примитивного браслета происходит из городища Надежда в области верхнего течения Оки.⁶

Другое, еще более богатое украшение является частью шейной гривны или крупной нагрудной бляхи сложного узора. Оно представляет собой массивное бронзовое кольцо диаметром 16—18 см, с наружной стороны имитирующее спираль, на одних отрезках узкую, на других более широкую. С внешней стороны кольцо окаймлено как бы фестонами, состоящими каждый из трех плоских спиралей на длинных «ножках», соединенных в основании. С обратной стороны плоские спирали соединены друг с другом тонким стержнем наподобие проволоки. На первый взгляд изделие представляется спаянным из многих частей, в действительности же оно отлито целиком в форме, сделанной по восковой модели. На рис. 42, 11 этот интересный предмет изображен с двух сторон — верхней и нижней.

Третье сложное бронзовое украшение, представленное небольшим обломком, скорее всего точно так же является частью массивной шейной гривны (рис. 44, 32). Обломок представляет собой пластинку, в широкой части плоскую, в средней имитирующую три спирали, отделенные друг от друга узкими прорезами, в узкой части опять плоскую. Пластинка обломана как с широкого, так и с узкого концов. Если принять наше предположение о том, что это обломок гривны, то последняя относилась, очевидно, к типу серповидных, имеющих широкую переднюю часть и постепенно суживающиеся концы.

⁴ Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, вып. 68, 1957; О. Н. Мельникова. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957.

⁵ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 138.

⁶ Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской области. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 95.

Последней группой бронзовых украшений являются разнообразные кольца. Одно из них, представленное обломком, плоское внутри и полукруглое снаружи, могло быть перстнем (рис. 44, 7), другое, из толстого, круглого в сечении дрота (может быть, из сломанного браслета), принадлежит скорее всего к поясным кольцам (рис. 44, 17), третье, из тонкой проволоки с одним заостренным концом, является случайной формой (рис. 44, 11). Наиболее интересным является височное кольцо из тонкой, четырехгранной, скрученной проволоки. Оно относится к верхнему горизонту культурного слоя (рис. 42, 10).

Изделия из железа встречены главным образом в верхнем горизонте культурного слоя. Оттуда происходят все ножи, за исключением одного, два наконечника стрел. Обломки железных предметов, куски проволоки, шлаки также были найдены преимущественно в верхнем горизонте культурного слоя.

Исключение составили найденные в нижней части слоя две железные булавки с головками в виде небольших плоских спиралей, точно таких же, как и булавки из бронзы, происходящие из нижнего горизонта культурного слоя. Обе булавки очень плохо сохранились (рис. 44, 8, 9).

Если руководствоваться формой, то наиболее древними из ножей, найденных на Мокрядинском городище, следует признать два ножа с горбатой спинкой и массивным черешком: один средней величины (длиной 14,5 см), другой маленький (длина около 9 см). Оба они были найдены, однако, в верхнем горизонте слоя, правда, уже на границе с нижним горизонтом (рис. 44, 23, 24). Четыре обломанных ножа, более крупных, с узкими черешками должны относиться к верхнему горизонту (рис. 44, 20—22). Именно таковы ножи, найденные во втором (среднем) слое городища Тушемля, относящемся к первой половине I тысячелетия н. э. Один из сломанных ножей имел какое-то специальное назначение: его лезвие было обоюдоострым и изогнутым (рис. 44, 25); один из обломков имел на широком черешке остатки двух заклепок. Возможно, что это более поздний предмет; он был найден в самом верху культурного слоя, непосредственно под дерном (рис. 44, 26).

Оба наконечника стрел имеют лезвие ромбической формы.⁷ Черешки у них сломаны (рис. 44, 27, 28). Найдено несколько железных стержней разной величины. Один из них, изогнутый и полукруглый в сечении, является обломком браслета или большого кольца. Имеется также половина небольшого железного кольца, также полукруглого в сечении. Тот и другой обломок происходят из верхнего горизонта культурного слоя.

О том, что население городища занималось обработкой железа, говорят шлаки и особенно прямоугольный брусочек железа размером $1,5 \times 2,5 \times 4,5$ см, представляющий собой часть крицы, некогда разрубленной на части в горячем виде. Отметим, что эта находка была сделана в нижнем горизонте культурного слоя. Большинство шлаков было найдено в верхнем горизонте.

Остается познакомиться с найденными на городище предметами, изготовленными из камня, а также с глиняными пряслами и грузиками. Среди них отметим прежде всего четыре нижних камня маленьких зернотерок из нижнего и верхнего горизонтов культурного слоя. Три из них, хорошо сохранившиеся, имели длину 20, 19,5 и 18 см и ширину соответственно 13, 14 и 14 см (рис. 45). Четвертая зернотерка обломана, но она была приблизительно таких же размеров.

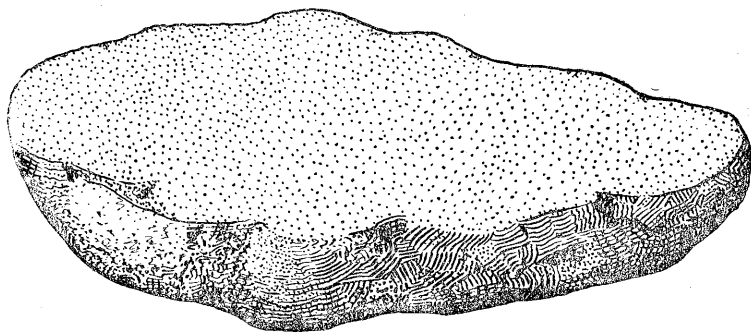

Рис. 45. Зернотерка с Мокрядинского городища.

⁷ Один из них был найден в уже выброшенной из раскопа земле, относящейся к верхнему горизонту, и неизвестно, из какого квадрата он происходит.

Как и на городище Тушемля (нижний слой), на Мокрядинском городище встречено очень небольшое число каменных пестиков, и все они несут на себе настолько слабые следы употребления, что возбуждают сомнение в их назначении. Имеется лишь один бесспорный пест, или «терочник», округлой формы (рис. 39, 12). Также в единственном числе найден небольшой каменный брусок для точки ножей из естественной сланцевой плитки.

Одним из наиболее ярких признаков второго этапа в развитии культуры смоленских городищ являются «грузики дьякова типа». На Мокрядинском городище они найдены в числе пяти в самой верхней части культурного слоя. Цельным сохранился лишь один из грузиков (рис. 39, 16), остальные представлены обломками (рис. 39, 10—11). Грузики имели обычную форму, по краю они орнаментированы грубыми, небрежно нанесенными насечками. Цельный грузик имеет выпуклое основание, что встречается очень редко. Оно украшено четырьмя радиальными линиями, прочерченными по сырой глине, до обжига.

Возможно, что к группе грузиков следует отнести еще два, включенных нами в число пряслиц. Одно из них асимметрично-биконическое, имеет по ребру такую же насечку, как грузики. Другое, также с насечкой, имеет форму колесика с широкой втулкой (рис. 39, 15). Оба предмета сделаны из той же глины, что и грузики. Остальные три пряслица — одно цельное и два фрагментированных — имеют небольшие размеры и лишены орнамента. Цельное прясло округлое, другие округло-биконические (рис. 44, 30, 31). Все они найдены в верхнем горизонте культурного слоя.

Кости животных, представляющие собой остатки мясной пищи, найдены главным образом в нижних горизонтах культурного слоя. Как видно из табл. 3, они принадлежат преимущественно домашним животным: крупному и мелкому рогатому скоту, свинье и лошади. Костей диких животных имеется сравнительно немного. Найдено также несколько десятков рыбных костей, принадлежащих крупным экземплярам (щуке, судаку и осетру). Их число не определяет, однако, роли рыболовства в экономике обитателей городища, так как найденные рыбы кости — это случайно сохранившиеся, лежащие в прослойках золы. В массе же рыбы кости в культурном слое не сохранились.

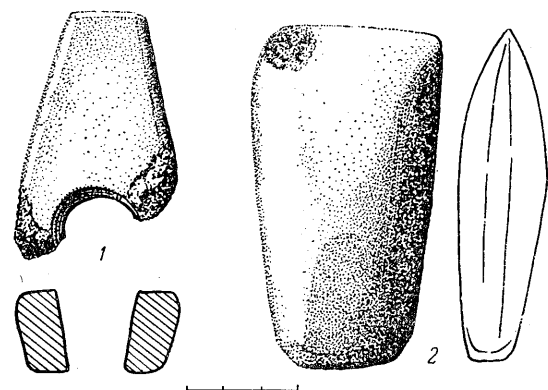

Рис. 46. Древние каменные орудия, найденные на Мокрядинском городище.

ТАБЛИЦА 3

Костные остатки животных, найденные на Мокрядинском городище

Наименование вида	Число костей (числитель) и особей (знаменатель)		Наименование вида	Число костей (числитель) и особей (знаменатель)	
	раскоп 1957 г.	раскоп 1959—1960 гг.		раскоп 1957 г.	раскоп 1959—1960 гг.
Домашние животные:			медведь	9/1	14/1
крупный рогатый скот	68/4	93/6	олень	2/1	11/1
мелкий рогатый скот	33/4	102/6	зубр или тур	3/1	1/1
свинья	75/6	189/25	заяц	—	2/1
лошадь	51/3	77/3	бобр	12/2	32/5
собака	2/1	2/1	выдра	1/1	—
Дикие животные:			водяная крыса	1/1	—
лось	4/1	27/3	лисица	—	3/1
кабан	10/2	2/2	куница	—	1/1

Как и на Тушемле, во время раскопок на Мокрядинском городище было найдено несколько предметов более раннего времени — эпохи неолита или раннего металла, происходящих, возможно, из разрушенного погребения. К ним относятся крупный кремневый наконечник копья или кинжала листовидной формы, диоритовый, полированный, клиновидный топорик и половина сверленного топорика (рис. 46). Керамики эпохи неолита или раннего металла на городище найдено не было.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩАХ У ДЕРЕВЕНЬ ГОРОДОК И ПРУДКИ

Впервые обследованные А. Н. Лявданским¹ древние городища у деревень Городок и Прудки, находящиеся в бассейне р. Хмары, являются ближайшими к городищу Тушемля однотипными с ним памятниками. Предпринятые на них раскопки преследовали ограниченную цель: нужно было выяснить, имеются ли на этих городищах остатки построек, подобных открытым на Тушемле. Небольшие раскопки, произведенные в 1957 г., дали на этот вопрос вполне положительный ответ. Они показали, что оба городища похожи на Тушемлю не только по внешнему виду, но и по характеру некогда возведенных на них деревянных сооружений, в том числе круглых святилищ.

1

Д. Городок находится в 4.5 км к юго-востоку от г. Починок Смоленской области, на берегу р. Лучесянки, правого притока р. Хмары. Древнее городище расположено в западной части деревни, на отроге правого, высокого берега реки, при устье неширокого, старого оврага. Оно хорошо видно как из деревни, так и с противоположного берега р. Лучесянки благодаря своим высоким, хорошо сохранившимся валам.

На соседнем участке коренного берега, ниже по течению р. Лучесянки, находится современное деревенское кладбище. По словам местных жителей, на валу городища некогда стояла деревянная часовня.

Лучесянка имеет неширокую, но хорошо разработанную долину. Ширина поймы около городища составляет не более 40—50 м; левый коренной берег реки пологий, правый крутой, более 10 м высоты. Упомянутый выше старый овраг, имеющий в устье ширину до 20 м, выходит к линии коренного берега под острым углом, образуя мыс, использованный для сооружения укрепленного поселения (рис. 7, стр. 27). Мыс ориентирован почти точно с юга на север. С востока его ограничивает крутой склон к реке, с запада — такой же склон в овраг. С юга со стороны плато коренного берега, городище ограничено системой валов и рвов (рис. 47).

Площадка городища в плане имеет более или менее правильную яйцевидную форму. Ее длина от основания первого вала до стрелки составляет 32 м, ширина в средней части — 25—26 м. Ровная поверхность площадки имеет наклон от основания мыса к стрелке. Разница уровней у основания первого вала и на стрелке составляет 1.5 м. Средняя высота площадки над поймой равна 12.5 м.

Среди древних смоленских городищ лишь очень немногие имеют такую мощную и хорошо сохранившуюся систему укреплений, какой обладает городище у д. Городок. Как видно на плане (рис. 47), широкое основание мыса коренного берега было перегорожено здесь тремя высокими, дугообразными валами и таким же числом рвов. Над уровнем площадки городища первый вал возвышается почти на 4 м; дно первого рва, сильно заплывшего, лежит ниже уровня гребня вала на 4.5 м. Высота второго вала над дном первого рва составляет около 3 м, над уровнем второго рва — более 2 м. Гребень третьего, самого низкого вала лежит на 2 м выше дна второго рва и на 1.5 м выше дна третьего, наиболее сильно заплыв-

¹ А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, вып. 3, 1926, стр. 220—222.

шего рва. Вся эта система укреплений занимает площадь, более чем в три раза превышающую размеры площадки городища.

Второй и третий валы городища своими концами выходят к склонам к реке и в овраг. Их протяженность достигает 50—60 м при ширине основания 8—10 м. Концы первого, наиболее широкого в основании (12—14 м) и высокого вала, постепенно снижаясь, охватывают по периметру всю площадку городища до самой стрелки. По краям площадки этот вал сильно расплылся, ширина его основания составляет 6—8 м, а высота в средней части площадки — 1 м, около стрелки — 0.3—0.4 м. Если смотреть на площадку с гребня вала, она представляется в виде «чаши». Жители д. Городок называют ее «провалом» и рассказывают легенду о якобы стоявшей здесь когда-то, а потом провалившейся под землю церкви, на месте которой будто бы и была сооружена упомянутая выше кладбищенская часовня.

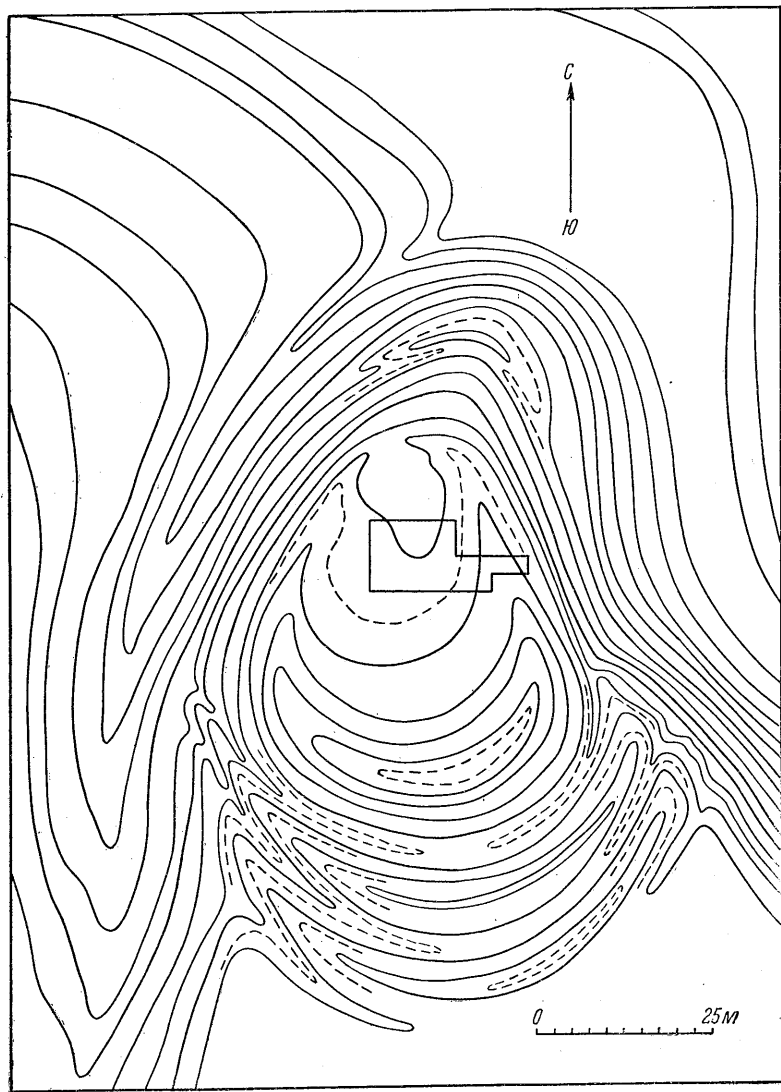

Рис. 47. План городища у д. Городок. Сечение горизонталей через 1 м.

Современное русло р. Лучесянки отстоит от подножья городища в среднем на 20 м. Пойма здесь несколько заболочена благодаря выходам почвенных вод около устья оврага. Городище хорошо задерновано; оно никогда не распахивалось. Лет пятьдесят назад, еще на памяти пожилых людей, его площадка была занята старым лесом.

На городище была исследована площадь размером 104 м², находящаяся в центральной части площадки, ближе к стрелке. Она имела форму прямоугольника со сторонами 10 × 8 м,

Вследствие того что склон мыса коренного берега на стрелке городища был менее крутым, чем по сторонам, на половине его высоты был сооружен дугообразный в плане небольшой вал. Он сохранился сравнительно плохо. Его высота в настоящее время составляет около 1 м, а протяженность — 12—13 м. Можно предполагать, что в других местах верхние части склонов мыса были искусственно обработаны с целью придания им максимальной крутости. В настоящее время падение верхней части склонов доходит до 45°; в древности они были несомненно еще более крутыми и недоступными.

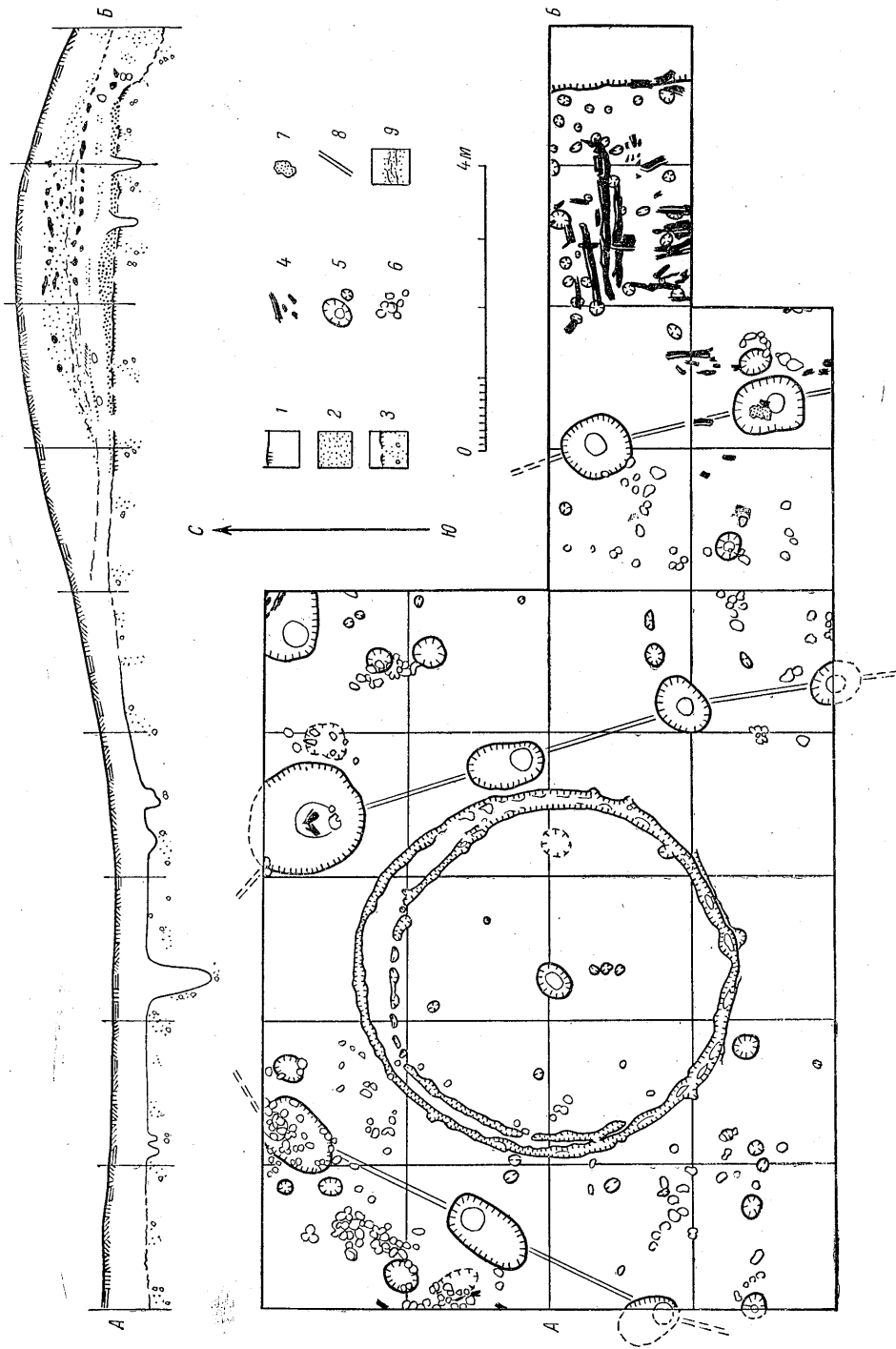

Рис. 48. План раскопа и профиль культурных наслоений на городище у д. Городок.

1 — дерновый слой и культурный слой; 2 — песок; 3 — материк, перекрытый прослойками погребенной почвы; 4 — сторевшее дерево; 5 — ямы от столбов; 6 — камни; 7 — разбитый сосуд; 8 — направление стен деревянной постройки; 9 — песок с прослойками гумуса.

к которому с востока было прирезано еще шесть квадратов со сторонами по 2 м с целью исследования вала, проходящего вдоль восточного склона городища (рис. 48).

Публикуемый на рис. 48 профиль культурных наслоений рассекает площадку городища поперек приблизительно в ее средней части, начиная от основания вала, идущего вдоль западного склона городища, и до восточного склона городища, где вал был прорезан на всю его ширину. На профиле особенно хорошо видна вогнутая поверхность площадки.

В средней части площадки культурный слой имеет толщину 0.5 м, считая вместе с толстым (до 0.2 м) дерновым горизонтом. Слой аморфный, темно-серого (во влажном состоянии черного) цвета, по структуре песчаный, окрашенный гумусом, углем и золой. Его подстилает плотный, светлый песок. В толще культурного слоя делались находки обломков горелых камней, разрушившихся костей и обломков керамики разного времени — всех трех этапов в развитии культуры смоленских городищ, причем стратиграфически они не отделялись друг от друга. Как позже выяснилось, это явилось результатом строительных работ, произведенных на городище в последний период его истории. Во время этих работ древний культурный слой был сильно потревожен и во многих местах земля была выброшена на поверхность. Слой не был нарушен лишь вдоль склонов, где его перекрыла насыпь вала, окружившего площадку городища в результате работ последнего строительного периода, что хорошо видно на профиле (рис. 48). Здесь древний слой имел толщину около 0.2 м. Местами он лежал не на материке, а на прослойке загрязненного песка, на которой сохранились следы старой почвы. Прослойка является результатом земляных работ, предпринятых первыми обитателями этого места, судя по находкам, относящимся к последним векам до нашей эры. Никаких находок средневекового времени на городище сделано не было.

Вал, окружавший площадку городища в последний период его истории, был насыпан из песка с пятнами гумуса. В основании вала и в его толще встречено большое количество остатков полуобгоревших деревянных бревен различной толщины и длины. Некоторые из них достигали в длину 1.5, даже 2 м при толщине 0.1—0.3 м. Особенно много таких бревен находилось под валом. Одни из них (большинство) лежали вдоль вала, другие — поперек. Встречено также несколько частей не толстых бревен в вертикальном положении. Бревна принадлежали деревьям разных пород — лиственным, в том числе дубу и иве, и хвойным.

Небольшие размеры площади, исследованной на месте вала, не дают возможности представить, как выглядело некогда это укрепление. Ясно лишь, что это была не просто валообразная насыпь, а такое земляное сооружение, основу которого составляла деревянная стена или две параллельные стены. В материке в этой части раскопа было обнаружено большое количество ям от нетолстых, вертикально стоявших столбов. Диаметр ям колебался в пределах 0.1—0.3 м, глубина составляла 0.15—0.2—0.3 и даже 0.4 и 0.55 м. Но нельзя было определить, какие из этих многочисленных столбов относятся к первым периодам жизни на городище, а какие — к тому строительному периоду, от которого сохранился вал, окружавший площадку городища. Для этого наш раскоп нужно было значительно расширить.

Исследованная на городище площадь составляет приблизительно пятую часть площадки. При выборе места для раскопа мы исходили из плана городища Тушемля. Раскоп был заложен на том месте, где, по нашим предположениям, должно было находиться круглое святилище. Оно действительно оказалось на этом месте, причем в отличие от святилища Тушемля его остатки очень хорошо сохранились. В пределы раскопа вошли также части постройки столбовой конструкции, такой же, как на городище Тушемля, располагавшейся по краю площадки. Как и на Тушемле, все эти сооружения погибли в результате пожара, многочисленные следы которого в виде обгоревших бревен, угля и золы были видны по всей площади раскопа.

Круглое святилище находилось в северной, суженной части площадки городища, около стрелки. Его остатки представляли собой горизонтальную, хорошо утрамбованную площадку диаметром 5 м. В центре ее была обнаружена коническая яма от массивного столба диаметром 0.45—0.55 м, глубиной в материке 0.95 м. По краю площадки, точно по окружности, располагались слившиеся между собой ямы от столбов меньшего размера.

Еще до расчистки этих ям, когда они имели вид полосы темных пятен, хорошо видных на фоне светло-желтого материка (рис. 49), было отмечено, что здесь сохранились остатки не

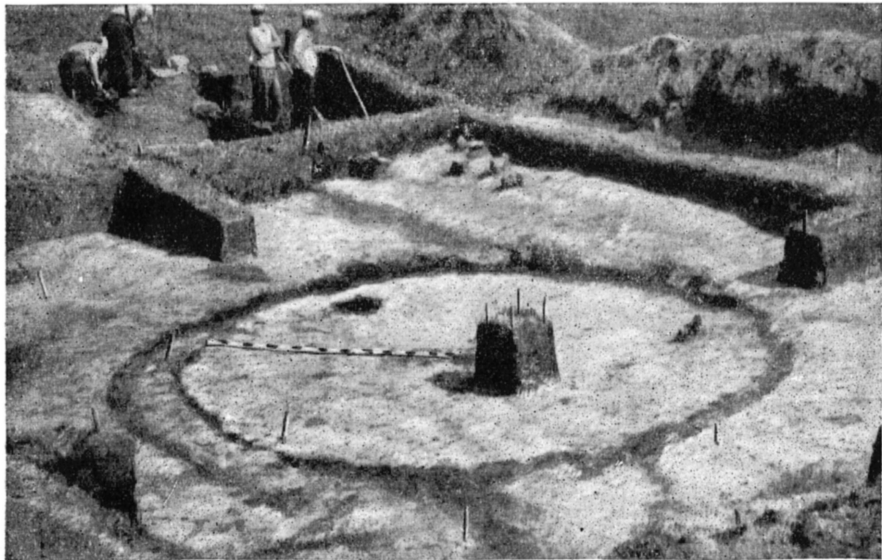

Рис. 49. Остатки круглого святилища на городище у д. Городок.
Вверху — вид до расчистки; *внизу* — деталь после расчистки.

одной окружности, образованной столбовыми ямами, а двух, очевидно, одновременных, совпадающих в южной части и расходящихся в северной. Более древней была несомненно наружная, хуже сохранившаяся окружность, а более новой — внутренняя. После расчистки хорошо было видно, что по окружности стояли не круглые столбы, а пластины, т. е. бревна, расколотые пополам (рис. 49 и 50). При этом во всех случаях они были повернуты выпуклой

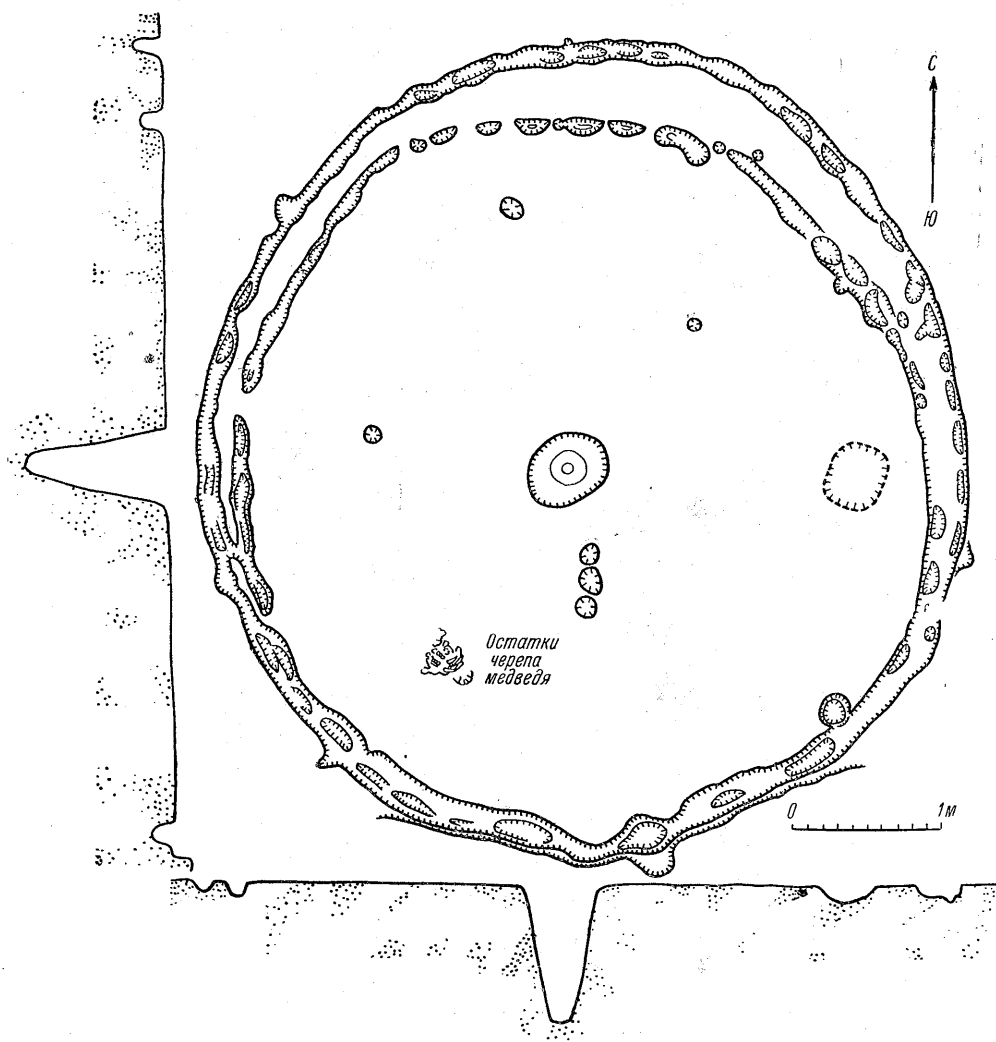

Рис. 50. План остатков круглого святилища на городище у д. Городок.

стороной внутрь, а плоской наружу. Диаметр расколотых бревен (ширина) составлял 0.2—0.25 м, их толщина половину этих цифр. Ямы для них были выкопаны в соответствии с формой и размером бревен, так, как это обычно делалось в древности. Расстояние между бревнами составляло от 0.05 до 0.1 м, другими словами, это была весьма плотная ограда, вход в которую, судя по местоположению святилища, должен был находиться в его южной части, обращенной к центру площадки городища. Внутри окружности в разных местах было открыто еще восемь столбовых ям, в большинстве случаев небольших и неглубоких. Можно думать, что к святилищу они отношения не имели.

В юго-западной части святилища, на расстоянии 1.3 м от центрального столба, в толще культурного слоя, на 0.05—0.1 м над материком, т. е. на уровне древней поверхности, была сделана замечательная находка, проливающая дополнительный свет на святилища и религиозные представления обитателей смоленских городищ. Здесь были найдены остатки черепа большого медведя с нижней челюстью, сохранившей правильное отношение к черепу. Кости сохранились очень плохо, местами в виде трухи. Черепная коробка разрушилась. Лучше сохранились зубы, в частности четыре клыка. Именно их расположение в правильном анатомическом порядке позволило утверждать, что нижняя челюсть не была отделена от черепа. Это обстоятельство представляется нам очень важным: перед нами не просто череп, а остатки головы медведя, которая увенчивала, вероятно, центральный столб святилища. Это был идол, вырезанный из толстого древесного ствола и снабженный настоящей медвежьей головой.

Остатками постройки, располагавшейся по краю площадки городища, являлись ямы от столбов, куски обгоревших бревен и скопления камней от разрушенных очагов. Все это имело такой же точно характер, как и на Тушемле. Лишь обгоревшего дерева на городище у г. Городок найдено было сравнительно немного, что, впрочем, имеет свои объяснения, на которых мы остановимся ниже. Постройка огибала святилище на таком же небольшом расстоянии, как и на Тушемле. Между стенами постройки и святилищем оставался лишь узкий проход.

Ямы от столбов, относящихся к постройке, были такими же, как и на Тушемле. Это были не узкие и глубокие ямы, соответствующие размерам столба, а большие, широкие ямы. Большинство из них были двухъярусными: сверху до половины глубины яма в плане была большой, ниже она сужалась до диаметра столба. Общая глубина ям в материке варьировала в пределах от 0.5 до 1 м. Их размеры в верхней части варьировали от 1×0.6 до 1.2×0.7 м.

К востоку от круглого святилища постройка была открыта на 8 м по длине. Вдоль стены, обращенной внутрь, к площадке городища, на этом пространстве неходились четыре столбовые ямы на расстоянии 2.5 м друг от друга. Каждой из них соответствовала яма наружного ряда (одна из последних оказалась за пределами раскопа). Расстояние между внутренней и наружной стенами постройки составляло 4 м. К стрелке ширина постройки несколько сужалась.

Посередине постройки, на равном расстоянии от внутренней и наружной стен, были открыты еще три ямы диаметром до 0.4 м и глубиной 0.4—0.5 м; стоявшие в них столбы служили, вероятно, опорами для конька двухскатной крыши. Несколько небольших ям, открытых в пределах постройки и рядом с ней, возможно, являлись более древними, не имеющими никакого отношения к постройке.

Внутри постройки были рассеяны камни от разрушенных очагов, первоначальное местоположение которых выяснить не удалось. Это небольшие (0.1—0.15 м в поперечнике) валуны, которых очень много под городищем в русле р. Лучесянки. Многие из них в той или иной степени были обожжены.

Вдоль линии наружной стены в юго-восточном углу раскопа встречено значительное количество остатков сгоревших бревен хвойного и лиственного дерева (ель, ива). Здесь же около столбов лежала грудка черепков от разбитого глиняного сосуда, который удалось полностью восстановить. Отдельные обломки сгоревших бревен были встречены около столбовых ям также и в северо-восточном углу раскопа.

К западу от круглого святилища была открыта лишь небольшая часть постройки, ограниченная тремя ямами от столбов внутренней стены. Здесь имелось также несколько ям меньшего размера, отношение которых к постройке осталось невыясненным; повсюду было большое количество обгорелых камней от разрушенного очага и отдельные куски обгорелого дерева.

Если мы обратимся к профилю культурных наслоений (рис. 48), то станет очевидным, что постройки городища у д. Городок имели одно существенное отличие от построек городища Тушемля. На последнем наружная стена постройки, выходящая к склону городища, была засыпана землей, вероятно, до самой крыши, которая также была покрыта землей или дерном. На городище у д. Городок вал, идущий вокруг площадки, не был непосредственно свя-

зан с жилищем. Их разделяло свободное пространство, своего рода коридор, шириной свыше 1.5 м. На профиле видно, что при сооружении построек и вала это пространство было засыпано слоем песка толщиной 0.15—0.2 м, представлявшего собой, возможно, выброс из соседних ям, о чем говорят находящиеся в песке прослойки гумуса. Во время пожара, уничто-

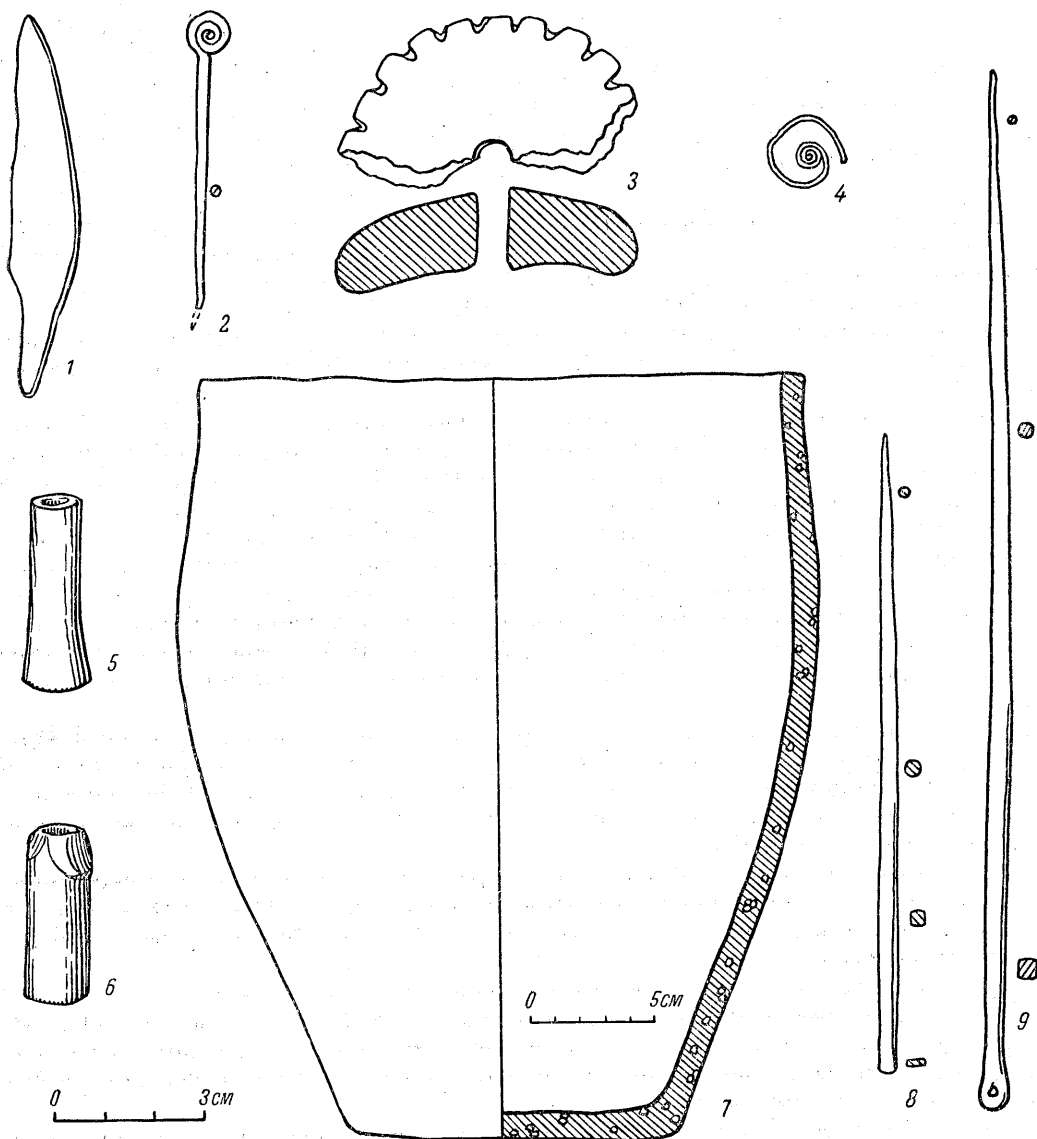

Рис. 51. Находки из городища у д. Городок.

жившего все постройки на городище, пространство между постройкой и валом было засыпано слоем угля, что хорошо видно на профиле. Позднее все это было перекрыто осевшей после пожара насыпью вала. Такое же точно отношение построек и вала нами было открыто на городище у д. Слобода Гулшица, материалы которого публикуются ниже.

Во время раскопок на городище у д. Городок было сделано сравнительно небольшое количество находок. Керамический материал, как уже указано, представлен здесь формами,

характерными для всех трех этапов в развитии культуры смоленских городищ. Однако очень ранней керамики, такой, какая происходит из нижних горизонтов культурного слоя Тушемли и Мокрядинского городища, здесь встречено почти не было. Керамический материал из нижнего слоя городища у д. Городок напоминает керамику верхних горизонтов Мокрядинского городища, относящуюся к концу первого и самому началу второго этапа в развитии культуры смоленских городищ. Поздняя керамика, принадлежащая к последнему периоду жизни на городище, не отличается от посуды верхнего культурного слоя Тушемли. Здесь встречены обломки как грубых лепных сосудов, так и сосудов с вылощенной поверхностью. Глиняный сосуд, найденный в обломках в пределах постройки, около юго-восточного угла раскопа, полностью восстановленный, имеет баночную форму со слегка выпуклыми стенками и прямым, непрофилированным горлом. Его высота 91 см, диаметр горловины 24 см, диаметр дна 13 см, толщина стенок около 1 см. Поверхность сосуда, имеющая темно-бурую окраску, сверху донизу вылощена. Лощение было плохим, как и на некоторых сосудах верхнего слоя Тушемли (рис. 51, 7).

Описанный сосуд — не единственная находка, которую бесспорно можно связать с исследованной частью сгоревшей постройки. В пределах раскопа была сделана еще одна находка, относящаяся к этому же времени. Это два обломка круглого жернова, такого же, какой был найден на Тушемле. Интересно, что они были обнаружены в разных частях раскопа. Один из них находился в земле, заполнявшей самую большую столбовую яму в северо-восточной части раскопа, другой среди камней от разрушенного очага в юго-восточной части раскопа. Очевидно, жернов был разбит еще до сооружения постройки. По размерам он был несколько меньше тушемлинского — его диаметр составлял 30—35 см.

Из вещей, относящихся к культуре более раннего времени, отметим прежде всего прекрасную бронзовую фибулу среднелатенской схемы, по-видимому I в. до н. э.—I в. н. э. (рис. 52). Фибула имеет в длину 10,8 см, она очень хорошо сохранилась и покрыта благородной патиной. Вероятно, к этому же времени относятся маленькая бронзовая, проволочная серьга, один конец которой свернут в спиральку, большая железная игла (длина — 21 см) и железное шило (рис. 51, 4, 8, 9). Глиняные изделия, характерные для рубежа I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., представлены одним фрагментированным «грузиком дьякова типа», но не обычной формы, а плоским, несколько выпуклым с одной стороны и вогнутым с другой.

Еще к более раннему времени, вероятно к III—II вв. до н. э., принадлежат маленький железный ножик с горбатой спинкой и бронзовая булава с головкой в виде спирали. Ее ранний возраст определяется не только типологически, но и по данным стратиграфии. Булава была найдена непосредственно на поверхности материка, около круглого святилища.

Не может быть определено время узкого, пластинчатого бронзового браслета (три обломка), двух костяных поделок — цилиндрика и рукоятки шила или ножа, а также каменного бруска для точки ножей. Они могут относиться как к последним векам до нашей эры, так и к началу нашей эры.

Кости животных найдены на городище в небольшом числе и в очень плохой сохранности. За редкими исключениями, они принадлежат домашним животным: крупному и мелкому рогатому скоту, лошади и свинье. Найдены также кости бобра. Они были обнаружены главным образом под валом, в древнем культурном слое.

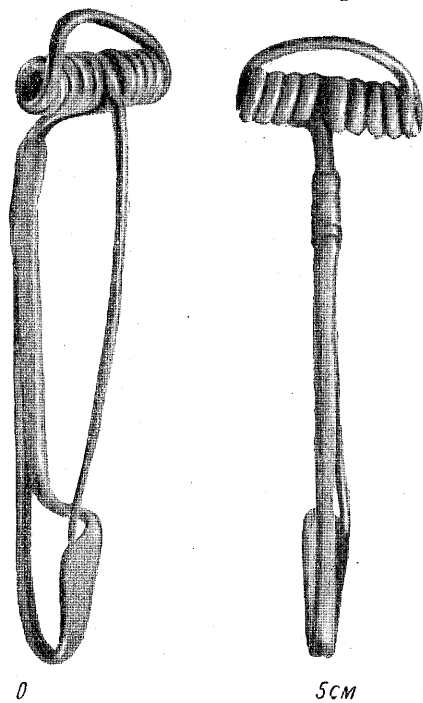

Рис. 52. Бронзовая фибула с городища у д. Городок.

Второе городище находится в 200—300 м к западу от д. Прудки, вправо от полевой дороги, ведущей на Монастырщину. Оно занимает отрог невысокого коренного берега маленькой речки Осокино, правого притока Хмары. Мыс, на котором расположено городище, образован двумя небольшими оврагами, выходящими к линии берега под прямым углом. От русла р. Осокино городище отделялось некогда полосой заболоченной поймы шириной 25—30 м. В 1959 г. речка была запружена, и в настоящее время городище живописно располагается непосредственно на берегу большого водоема.

Площадка городища у д. Прудки имеет в плане яйцевидные очертания. Ее длина от основания первого вала до стрелки составляет 35 м, средняя ширина 26—28 м. Площадка несколько поката от основания к стрелке; ее высота над уровнем поймы составляет 8—8.5 м.

Первый вал городища, ограничивающий площадку с юга и отделяющий ее от плато коренного берега, достигает высоты 3 м и имеет в плане дугообразную форму. Его концы переходят постепенно в невысокую насыпь (0.4—0.5 м), окружающую площадку со всех сторон. За рвом, соответствующим первому валу, имеется второй вал, параллельный первому, более низкий, также со рвом. Возможно, что имелась и третья линия укреплений, ныне распаханная. Склоны городища, в древности ровные и крутые, сильно испорчены. На гребне первого вала и на площадке видны многочисленные заплывшие ямы и насыпи недавнего происхождения — следы бывшего здесь кладбища.

Несмотря на такие неблагоприятные обстоятельства, в 1957 г. на городище была заложена траншея 16 м длиной и 2 м шириной, которая рассекла стрелку и центр площадки по ее длинной оси на том месте, где, судя по планам других городищ, могло располагаться круглое святилище.

В пределах траншеи культурный слой имел толщину до 0.7—0.8 м, однако большая, верхняя его часть должна быть отнесена не к древнему времени, а к бывшему здесь кладбищу. Находки, сделанные в траншее в тех местах, где древний слой сохранился, показали, что он имеет такой же характер, как и культурный слой городища у д. Городок: в нем представлены в небольшом числе обломков все три типа керамики древних смоленских городищ без заметного деления их по слоям. Кроме керамики, найдены несколько железных предметов (острие, крупное кольцо или браслет), заготовка костяного наконечника стрелы или гарпуна и обломок глиняной поделки, вероятно литейной формочки.

При подчистке материка, такого же плотного, песчаного, как и на городище у д. Городок, в северной части траншеи, т. е. ближе к стрелке городища, были открыты остатки круглого святилища (рис. 53). Они представляли собой круглую площадку диаметром около 7 м, окруженную ямами от вертикально стоявших столбов. В центре круга, как и на святилищах,

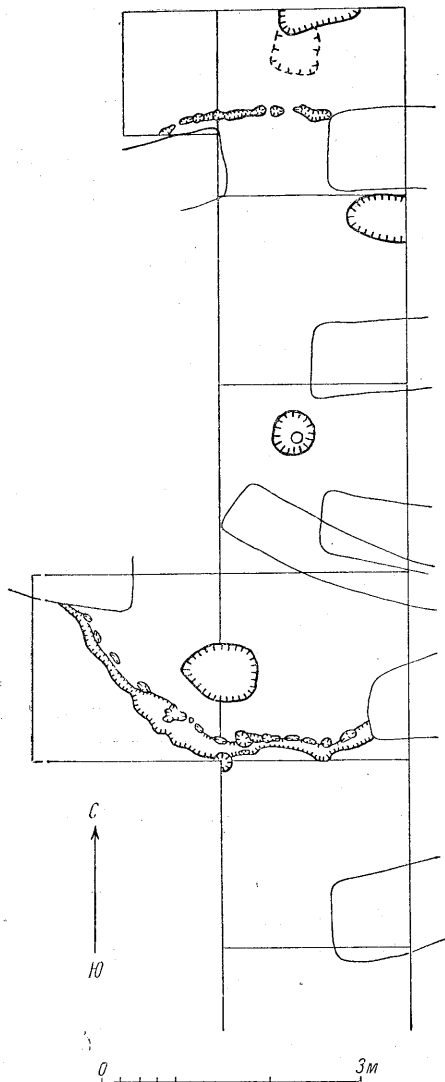

Рис. 53. План траншеи на городище у д. Прудки.

заготовка костяного наконечника стрелы или гарпуна и обломок глиняной поделки, вероятно литейной формочки.

При подчистке материка, такого же плотного, песчаного, как и на городище у д. Городок, в северной части траншеи, т. е. ближе к стрелке городища, были открыты остатки круглого святилища (рис. 53). Они представляли собой круглую площадку диаметром около 7 м, окруженную ямами от вертикально стоявших столбов. В центре круга, как и на святилищах,

открытых на других городищах, оказалась большая (диаметр в верхней части 0.45 м), круглая яма, уходящая в материк на 0.95 м, книзу коническая по форме. Здесь стоял очень большой столб, как мы полагаем, — изображение божества.

Столбы, стоявшие некогда вокруг святилища, так же как и на Городке, являлись пластинами, обращенными выпуклой стороной внутрь круга. Они были, по-видимому, не очень толстыми — 0.15—0.2 м в поперечнике — и стояли друг от друга на расстоянии 0.1 м и чаще, т. е. почти вплотную. Сохранность ям от столбов была плохой. Поверхность площадки лежала, очевидно, значительно выше материка, в толщу которого углублялись лишь самые концы столбов (на 0.05—0.1 м).

В пределах открытой части святилища обнаружены две большие ямы: одна размером 0.8×0.65 м и глубиной в материке 0.19 м, другая, по-видимому, таких же размеров и глубиной 0.52 м. За пределами святилища открыта часть еще одной древней ямы. Следями каких сооружений они являлись, осталось неясным.

ГОРОДИЩЕ У д. ВОШКИНО

Городище у д. Вошкино Мурыгинского сельсовета Починковского района Смоленской области, расположенное на берегу р. Россажи, в ее верхнем течении, выделяется среди городищ Левобережной Смоленщины своими значительными размерами и особенно сложной, многоярусной и многоярусной системой укреплений. Исследование городища должно было ответить на вопрос, не отличается ли оно от других городищ также и по своей культуре. Небольшие раскопки, осуществленные на городище в 1961 г., показали, что это предположение не является основательным. Культурные остатки, найденные на городище, не выделяют его среди других, синхроничных ему памятников. Оба его культурных слоя — нижний, относящийся ко второй половине I тысячелетия до н. э., и верхний, давший материал типа верхнего слоя Тушемли, — целиком и полностью укладываются в культурно-стратиграфическую картину, нарисованную по материалам других смоленских городищ.

Городище у д. Вошкино впервые было описано А. Н. Лявданским, опубликовавшим его схематический план.¹ Оно занимает оконечность узкого и длинного отрога левого берега Россажи, образовавшегося в излучине реки, слева от устья широкого старого оврага. Отрог коренного берега, вытянутый с запада на восток, имеет крутые склоны. Его высота над поймой 12—13 м. Подножье отрога с севера и востока огибает русло реки, с юга находится овраг, некогда заболоченный. Д. Вошкино находится к востоку и югу от городища в 300—400 м.

Обзор городища показал, что его план, опубликованный А. Н. Лявданским, очень неточен. Это получилось, по-видимому, в результате того, что в 20-х годах территория городища была покрыта кустарником. В настоящее время площадка городища и его южный склон свободны от древесной растительности, но валы, отделяющие городище от плато коренного берега, и весь его северный склон заняты непроходимой чащей мелколесья. Наша попытка снять точный план городища ввиду этого не увенчалась успехом. Прилагаемый план также является лишь приблизительным. На некоторую точность может претендовать лишь изображение площадки городища (рис. 54).

Площадка, несколько покатая от основания к стрелке, имеет неправильную, яйцевидную в плане форму. Ее длина около 65 м, ширина 40 м. По своим размерам Вошкинское городище в полтора раза больше Тушемли и других однотипных ему городищ. С запада, со стороны плато коренного берега, площадку ограничивают три вала, им соответствуют три рва. Высота валов в средней части достигает 1.5—2 м, глубина рвов — 1 м. Последний, третий ров сильно заплыл.

Концы первого вала, постепенно снижаясь до высоты 0.5 м, идут по краю площадки, охватывая ее с юга и севера почти по всему периметру. Концы второго и третьего валов, также снижающиеся до небольшой высоты, спускаются на склоны и имеют продолжение

¹ А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, вып. 3, 1926, стр. 219, 220.

в виде уступов шириной до 3—4 м, со всех сторон огибающих склоны городища на уровне одной трети и двух третей их высоты. Кроме того, уже на самой площадке имеется невысокий и расплывшийся замкнутый вал, огибающий по овалу внутренний «двор» городища, размером 15×8 м.

Таким образом, городище имело четыре линии укреплений. Все они, впрочем, не были особенно мощными. Валы и рвы городища у д. Вошкино по своим размерам уступают укреп-

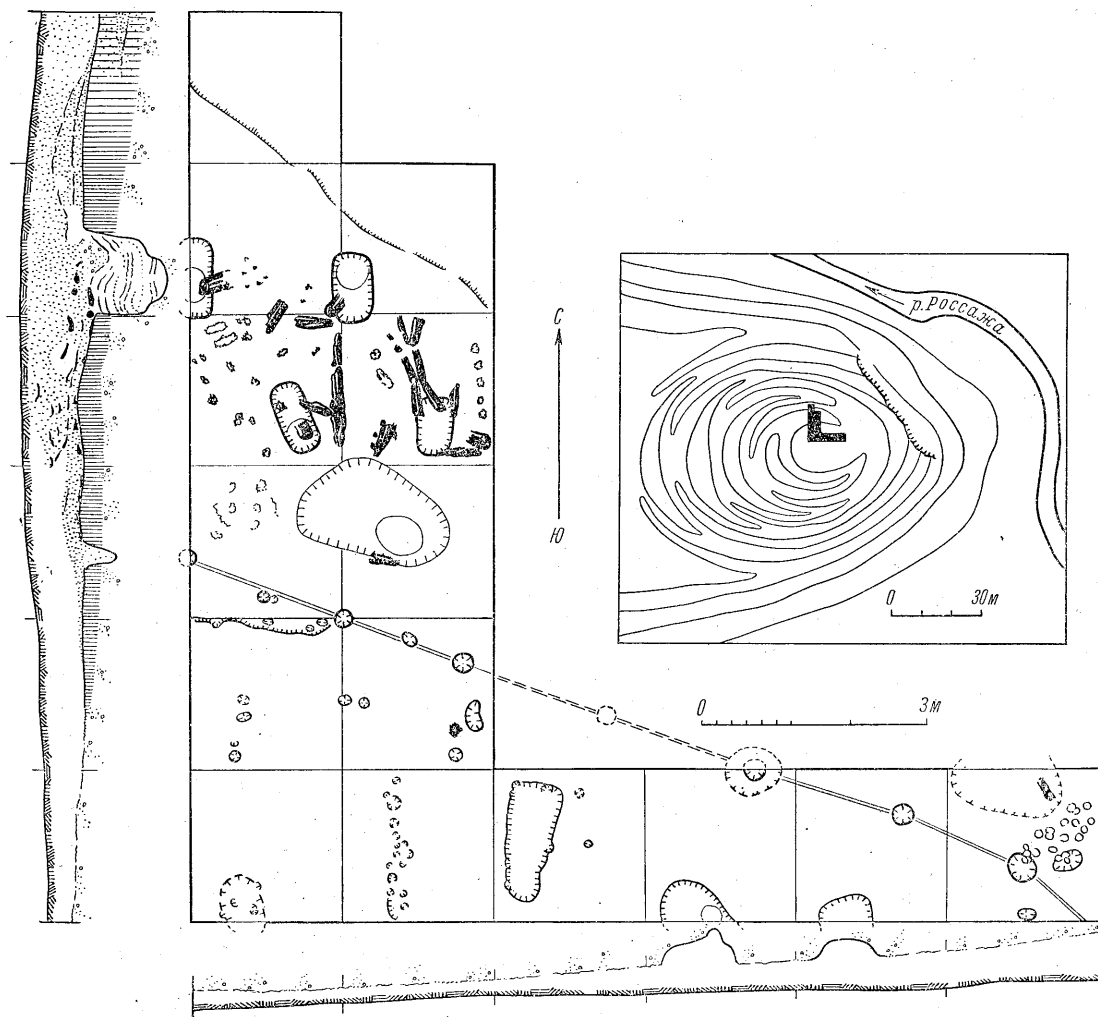

Рис. 54. План городища у д. Вошкино. План и профили раскопа.

лениям большинства смоленских городищ, за исключением маленьких, таких, например, как городища у деревень Акулилки и Слобода Глушица (см. стр. 108).

Стрелка городища подмывается рекой во время половодья. Здесь находится крутой обрыв, на вершине которого видна темная полоса культурного слоя мощностью до 1 м. Около обрыва, на площадке городища, видны следы старого засыпанного раскопа площадью 40—50 м². По словам местных жителей, некогда, задолго до Октябрьской революции, здесь копал местный помещик. В других местах на площадке городища, по склонам и на валах, никаких повреждений незаметно.

Ограниченная задача, поставленная перед исследованием городища у д. Вошкино, была решена следующим образом. В пределах внутреннего «двора» городища были заложены примыкающие друг к другу под прямым углом две траншеи: продольная, длиной 12 м и шириной 2 м, и поперечная, длиной 8 м и шириной 4 м, к которой у края городища был прирезан еще один квадрат размером 2×2 м. Продольная траншея проходила почти через центр внутреннего «двора», вдоль его длинной оси, с запада на восток, несколько ближе к его северному краю. Поперечная траншея, идущая от западного конца продольной траншеи в северном направлении, пересекала северо-западный сектор «двора» и внутренний вал. Данные, полученные в результате раскопок, дали достаточное представление о бывших на городище деревянных сооружениях, относящихся к тому же времени, что и сооружения Тушемли (рис. 54).

На профиле продольной траншеи видно, что внутри «двора» имеется культурный слой толщиной 0.2 м в западной части и 0.65 в восточной, лежащей ниже по склону, ближе к стрелке городища. По материалу слой является песчаным, по структуре — аморфным. Он имеет темно-серую окраску и содержит мелкие обломки древней лепной керамики. Материк, подстилающий культурный слой, представляет собой плотный суглинок желтого цвета, на солнце быстро сохнущий и превращающийся в очень плотный и твердый грунт. Граница между культурным слоем и материком повсюду очень отчетлива.

Профиль поперечной траншеи, прорезавшей внутренний вал, значительно более сложен. Здесь четко обрисовывается два горизонта культурного слоя: верхний, речь о котором только что шла, и нижний, отсутствующий в средней части двора, сохранившийся вдоль его северного края и под валом. Толщина нижнего слоя колеблется в пределах от 0.25 до 0.5 м, возрастающая по направлению к краю городища. Его окраска у края более светлая за счет включений песка. Судя по находкам древней керамики, нижний слой относится ко второй половине I тысячелетия до н. э. и соответствует нижнему слою городища Тушемля.

Непосредственно над древним слоем лежала насыпь вала, сложенная из мешанного песка с пятнами гумуса. Под внутренней полкой насыпи было много остатков сгоревших бревен, а под ними — большие куски обгоревшей сверху коры. Древний слой прорезали ямы от столбов деревянного сооружения, связанного с валом. Очевидно, после первого периода обитания городище было заброшено. Несколько столетий на нем никто не жил. Вал и остатки связанных с ним деревянных построек, синхроничные верхнему культурному слою, относятся, как мы увидим ниже, к тому же самому времени, что и деревянные постройки Тушемли, т. е. к третьей четверти I тысячелетия н. э. Верхний культурный слой образовался за счет разрушения нижнего слоя, оползания насыпи вала и позднейших почвообразовательных процессов, происходивших в пределах чашеобразного внутреннего «двора» городища. Именно поэтому обломки керамики, происходящие из культурного слоя в пределах «двора», все без исключения относятся к древнему времени, к нижнему культурному слою.

На профиле хорошо видно, что внутренняя полая вала, начиная от столбовой ямы и далее к центру «двора», покрывала большое количество сгоревшего дерева — массивные обугленные бревна, лежащие в различных направлениях. Еще лучше они видны на плане раскопа (рис. 54). Все это очень напоминает Тушемлю, где остатки сгоревшей деревянной постройки, к которой снаружи был присыпан вал, также оказались в значительной степени под полкой расплывшейся насыпи.

В пределы поперечной траншеи попали четыре столбовые ямы, относящиеся к бывшей здесь постройке и конструкции внутреннего вала. Они имели овально-прямоугольную форму, их длина на уровне материка 0.8—1 м, ширина 0.4—0.5 м. На уровне поверхности нижнего культурного слоя их размеры были в полтора раза больше. Глубина ям в материке от 0.35 до 0.9 м, а от уровня поверхности древнего культурного слоя — от 0.65 до 1.25 м. Три ямы из четырех имели характерную «тушемлинскую» форму — с половины глубины они резко сужались, образуя округлые «гнезда» для нижних частей столбов.

Хорошо сохранились обугленные остатки всех четырех столбов, стоявших в ямах. Это были бревна хвойного дерева толщиной 0.2—0.3 м. Длина сохранившихся частей составляла 0.4—0.5 м. Нижние части бревен, находившиеся в земле, полностью сгнили, верхние сгорели и распались.

Расположение столбов не вполне ясно. По-видимому, они относятся к двум рядам — наружному, соответствующему внешней стене постройки, к которой была присыпана насыпь вала, и среднему ряду столбов, на который опиралась крыша постройки. Что касается столбов, принадлежащих к внутренней стене постройки, то их остатки в виде столбовых ям были прослежены на большом расстоянии в пределах обеих траншей. Это были сравнительно небольшие (диаметром 0.3 м), но очень четкие и глубокие (0.25—0.65 м в материке) ямы с однородным гумусным заполнением. Они располагались по одной линии на расстоянии 1.5—2 м одна от другой. Всего было открыто шесть таких ям. В пределах поперечной траншеи, в промежутках между столбовыми ямами внутреннего ряда, на равном расстоянии от них, имелись еще и небольшие столбовые ямы.

Ширина постройки составляла около 4 м, т. е. столько же, сколько и на Тушемле. Столбы, поддерживавшие крышу, стояли не вдоль ее продольной оси, а ближе к наружному краю. Следовательно, здесь, как и на Тушемле, была асимметричная двухскатная крыша. Более короткий наружный скат был засыпан землей, составляя продолжение насыпи вала, примыкавшей к внешней стене постройки.

По всему полу постройки в пределах поперечной траншеи под остатками сгоревших бревен прослеживались остатки больших кусков березовой и сосновой коры, лежащих горизонтально и обгоревших сверху. Очевидно, здесь, как и на городище у д. Слобода Глушица, пол был устлан кусками коры. Остатков разрушенных каменных очагов, обычных для городищ тушемлинского типа, в пределах поперечной траншеи встречено не было, но они оказались в самом конце продольной траншеи, где вместе с ними найден кусок обгоревшего бревна.

На основании расположения остатков постройки и насыпи вала можно думать, что овальный внутренний «двор» городища был очень небольшим — не более 16—18 м в длину и 10—12 м в ширину. Круглого святилища в его пределах, по-видимому, не было. Может быть, оно располагалось вне «двора», на стрелке городища, на пространстве между внутренним валом и следующей линией укреплений. Судя по расположению валов, здесь было место, достаточное для круглого святилища диаметром 6—7 м. Но как раз это место было испорчено старым кладоискательским раскопом.

В пределах продольной и поперечной траншей внутри «двора» было открыто еще много ям, в большинстве случаев очень незначительных, неясных и неглубоких. Вероятно, большинство из них относится к постройкам первого периода в заселении городища и лишь некоторые могут быть синхроничными сгоревшей постройке.

В средней части поперечной траншеи под нижним культурным слоем была открыта неправильная овальная яма длиной 2.1 м, шириной 1.35 м и глубиной в материке 0.7 м. Она имела пологие стенки. В западной части ее заполнение было черным, гумусным, изобилующим обломками керамики древнего типа. Здесь же был найден костяной гарпун. В восточной части заполнение было мешанным. Оно состояло из черной, гумусированной земли и обожженного песка. Находок здесь не было. Яма принадлежит к первому периоду в заселении городища.

Вещественный материал, происходящий из раскопок на городище у д. Вошкино, очень невелик (рис. 55). Он относится исключительно к нижнему горизонту культурного слоя. Керамический материал может быть сопоставлен с керамикой из нижних горизонтов Тушемли и Мокрядинского городища. Это обломки плоскостенных, слабо профилированных, тонкостенных сосудов баночной формы. Они изготовлены из глины с примесью дресвы и песка, имеют бугристую, неровную поверхность, хорошо обожжены. Посуды «переходного» типа, характеризующей верхний слой Мокрядинского городища, здесь совсем не встречено. Очевидно, жизнь на городище в первый период его заселения прекратилась еще до нашей эры.

Из обломков керамики удалось восстановить полные профили трех сосудов. Обломки двух из них найдены в средней части продольной траншеи, третьего — в большой яме, находящейся в центре поперечной траншеи. Первый сосуд из продольной траншеи (рис. 55, 3) имел высоту 15 см, диаметр горла 15.8 см, диаметр 9.3 см, толщину стенок 0.5 см. У дна заметен намечающийся карнизик. На основании материалов Мокрядинского городища мы мо-

жем сделать вывод, что возраст этого сосуда не самый ранний. Такой же облик имеет сосуд из ямы, обнаруженной в поперечной траншее. У него лишь более вытянутые пропорции (рис. 55, 4). Второй сосуд из продольной траншеи представляет собой небольшую чашечку высотой 5.5 см (рис. 55, 5).

Среди обломков керамики имеются части сосудов больших размеров, приблизительно до 25 см в диаметре и такой же высоты. Никакого орнамента на керамике нет. Лишь на двух-трех фрагментах под венчиком виден отпечаток тонкой веревки, которой сосуд был связан еще до обжига. Такие же отпечатки веревки отмечались среди материала в других городищах — Мокрядинского, Новых Батек и др.

Кроме керамики, в нижнем слое найдены уже упомянутый выше костяной гарпун обычного типа (рис. 55, 1), обломки гарпуна с двумя зубами и небольшой железный нож с горбатой спинкой (рис. 55, 2). Из продольной траншеи происходит обломок точильного бруска из песчаника. Найдены также в небольшом количестве кости животных: диких — бобра и медведя — и домашних — лошади, коровы, свиньи и овцы (козы?).

Каких-либо находок, относящихся к сгоревшим постройками тушемлинского типа, на городище сделано не было. Если бы на нем не было древнего слоя, городище у д. Вошкино не отличалось бы от городища у д. Слобода Глушица, т. е. относилось бы к группе городищ, не имеющих культурных наслоений.

Возраст пожара на городище по C_{14} составляет 980 ± 90 лет.

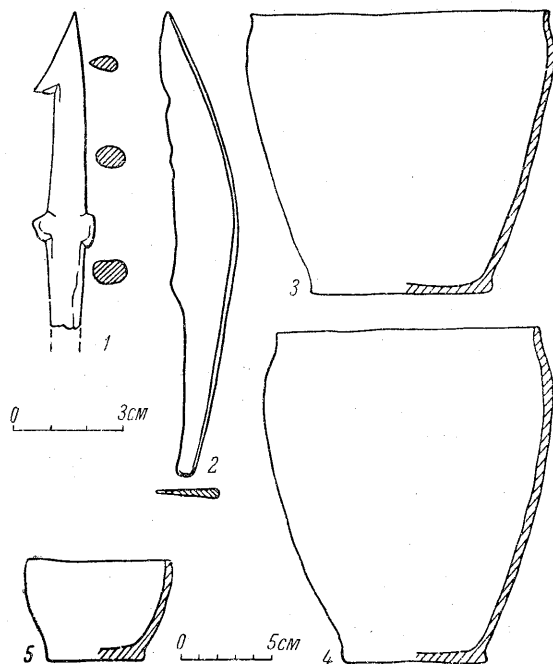

Рис. 55. Находки, сделанные на городище у д. Вошкино.

ГОРОДИЩЕ У Д. СЛОБОДА ГЛУШИЦА

1

Древнее городище, находящееся на левом берегу р. Сожа, между д. Слобода Глушица и с. Княжее, принадлежит к обширной группе смоленских городищ, характеризующихся отсутствием культурного слоя.

В верхнем течении р. Сожа имеется несколько таких городищ. Одно из них, очень маленькое по размерам, расположено совсем недалеко от с. Княжее, в д. Акулинки, на маленьком ручейке, притоке Сожа. Другое находится вблизи д. Барсуки, в верховьях р. Выпренки, впадающей в Сож как раз напротив городища у д. Слобода Глушица. Недалеко, хотя и вне бассейна р. Сожа, городище без культурного слоя было найдено в верховьях р. Лосни, левого притока Днепра у д. Яцково. Два, по-видимому, таких же городища, но более крупных, ныне разрушенных, находилось в бассейне р. Хмары у д. Рудня.¹

Для всех этих городищ и подобных им, здесь не отмеченных, находящихся вне района наших работ, кроме отсутствия культурного слоя, характерны невысокие, замкнутые валы, окружающие площадку со всех сторон. На некоторых городищах имеется по одному такому валу, на других — по два. Окруженные замкнутыми валами внутренние «дворы» городищ

¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, вып. 3, 1926, стр. 257—259.

имеют круглые или правильные овальные очертания независимо от формы возвышенности, на которой расположено городище.

Казалось бы, что городища, лишенные культурного слоя, не могут служить объектом археологического исследования. Но после раскопок на Тушемле, где имелись подобный же замкнутый вал и остатки деревянных построек, покрытые культурным слоем, почти не содержащим обычных находок, встал вопрос, не одновременны ли городища без культурного слоя верхнему горизонту Тушемли. Вместе с тем появилась надежда отыскать на городищах без культурного слоя какие-либо следы деревянных сооружений.

Городище у д. Слобода Глушица привлекло к себе особенное внимание потому, что рядом с ним находятся еще два древних памятника. На соседнем мысу коренного берега Сожа расположена обширная группа из круглых и длинных (удлиненных) курганов, исследование которых было начато Е. А. Шмидтом в 1952 г.² Выше по течению Сожа на несколько сот метров тянется культурный слой древнего селища с лепной керамикой. Непосредственное соседство этих трех памятников настойчиво ставило вопрос об отношении их друг к другу. Для его решения прежде всего были продолжены раскопки курганов, относящихся к концу VII— началу IX в. н. э. При этом выяснилось, что курганный могильник захватывает крайние селища, некоторые курганы насыпаны из культурного слоя, а керамика селища заметно отличается от посуды из курганов, приближаясь к керамике из верхнего горизонта городища Тушемля. Когда это важное наблюдение было сделано, необходимость исследования городища стала совершенно очевидной.

Городище у д. Слобода Глушица расположено на небольшом мысу коренного берега Сожа, слева от устья старого оврага. Сразу же за оврагом находится упомянутая выше курганная группа, и здесь же начинается территория селища. Высота берега над поймой составляет здесь 14—15 м. С городища открывается широкий вид на долину Сожа, русло которого описывает в ее пределах причудливые меандры.

От плато коренного берега площадка городища отделена изогнутыми, серповидными в плане валом и рвом. Вал охватывает площадку почти со всех сторон — со стороны основания мыса, с боков и со стороны стрелки. Он отсутствует лишь на небольшом участке над южным склоном городища, обращенным к реке. Высота вала в основании мыса равна 1.5 м, ширина — 6—8 м. Концы вала, охватывающие площадку городища по бокам, постепенно снижаются до высоты 0.25—0.3 м при ширине 3—4 м. Глубина рва, сильно заплывшего, составляет около 1 м.

Кроме основного вала, на городище заметен невысокий и расплывчатый второй вал. Он окружает со всех сторон внутреннюю часть площадки, имеющую форму более или менее правильного овала, вытянутого по средней оси мыса с северо-востока на юго-запад. Ширина основания этого замкнутого вала достигает 4 м, высота — не более 0.3—0.5 м. В основании мыса расстояние от основного вала до внутреннего вала составляет 6—7 м; над склоном, обращенным в овраг, и на стрелке — на 2—3 м меньше. Над склоном, обращенным к реке, между внутренним и основным валами имеется неглубокий ров.

Средняя часть площадки — окруженный валом внутренний «двор» городища — имеет в длину 20 м, в ширину 17 м. Поверхность «двора» горизонтальная, с чуть заметным падением к стрелке (рис. 56). Почти в центре «двора», ближе к стрелке городища, имеется большая яма; как рассказывают, это следы кладовисательных раскопок пятидесятилетней давности.

Исследование городища было начато в 1959 г., когда его площадка и валы были прорезаны двумя траншеями шириной в 2 и 4 м. В ходе раскопок снимался слой почвы толщиной до 0.3—0.4 м, раскапывалась насыпь внутреннего вала и производилась зачистка поверхности материка. Раскопки сразу же показали, что городище у д. Слобода Глушица представляет собой сооружение того же типа, что и городище Тушемля в последний период его существования. Были открыты не только следы ям от столбов, относящихся к деревянным постройкам на площадке и деревянным конструкциям в валах, но и скопления камней от разрушенных очагов, а также куски обгоревшего дерева. Более того, в некоторых местах, где

² Е. А. Ш м и д т. Раскопки длинных курганов в Смоленской обл. КСИМК, вып. 54, 1954.

были постройки, в подпочве встречены прослойки, слабо окрашенные гумусом, углем и золой, представляющие собой некоторое подобие культурного слоя.

В 1960 г. раскопки на городище продолжались. Были исследованы вся площадь «двора», значительная часть внутреннего вала, часть наружного вала и отдельные участки, лежащие между внутренним и основным валами. Всего на городище было исследовано 395 м.² Ценность городища у д. Слобода Глушица как источника для изучения «архитектуры» смоленских городищ типа верхнего горизонта Тушемли заключается в том, что на нем представлены остатки лишь одного строительного периода.

После того как на всей площади «двора» городища был удален почвенный слой, открылись три параллельные замкнутые линии ям от вертикальных столбов, идущие концентрически по овалу. Две внутренние линии ям относятся к деревянной постройке столбовой конструкции, погибшей от огня. Третья линия связана с насыпью внутреннего вала. Повсюду в нижних горизонтах почвенного слоя лежали скопления камней со следами огня, куски обуглившихся бревен и большие куски также обуглившейся коры (рис. 57).

Обратимся сначала к остаткам деревянной постройки. Располагаясь по замкнутому овалу, она огибала внутреннюю часть «двора», имевшую в длину 10,5 м и в ширину 7 м. Внутренняя стена постройки, обращенная в этот маленький «дворик», имела своей основой 13 столбов, отстоявших друг от друга в среднем на 2 м. Ямы, оставшиеся от столбов, имели округлую в плане форму, диаметр от 0,3 до 0,5 м и глубину в материке от 0,4 до 0,8 м. Лишь одна из ям, обозначенная на плане около цифры I (рис. 57), имела глубину 0,2 м. Все ямы были заполнены гумусированной, относительно рыхлой землей, резко отличающейся от плотного, светло-желтого песчаного материка.

Наружная стена отстояла от внутренней на 3, 3,5 и 4 м. Постройка была более узкой около стрелки и более широкой с противоположной стороны. Так как по длине наружная стена значительно превышала внутреннюю, ее основу составляли 26 столбов, по-видимому, несколько более массивных, чем предыдущие, о чем говорят большие средние размеры ям и их глубина. Большинство ям имело в поперечнике 0,4—0,6 м и глубину в материке от 0,6 до 1 м. Шесть ям имели такую же форму, как столбовые ямы городища Тушемли: до половины глубины они были большими, а затем резко сужались, представляя собой гнезда для столбов диаметром 0,2—0,25 м. Две такие же ямы были и во внутреннем ряду. В целом постройка на городище у д. Слобода Глушица производит впечатление более легкой, чем постройка Тушемли, что объясняется, вероятно, ее меньшими размерами.

Столбы наружной стены отстояли один от другого на более или менее одинаковое расстояние — на 1,9—2 м. Их ряд ничем не прерывался, и нам неясно, где мог находиться проход, ведущий во внутренний «дворик» городища.

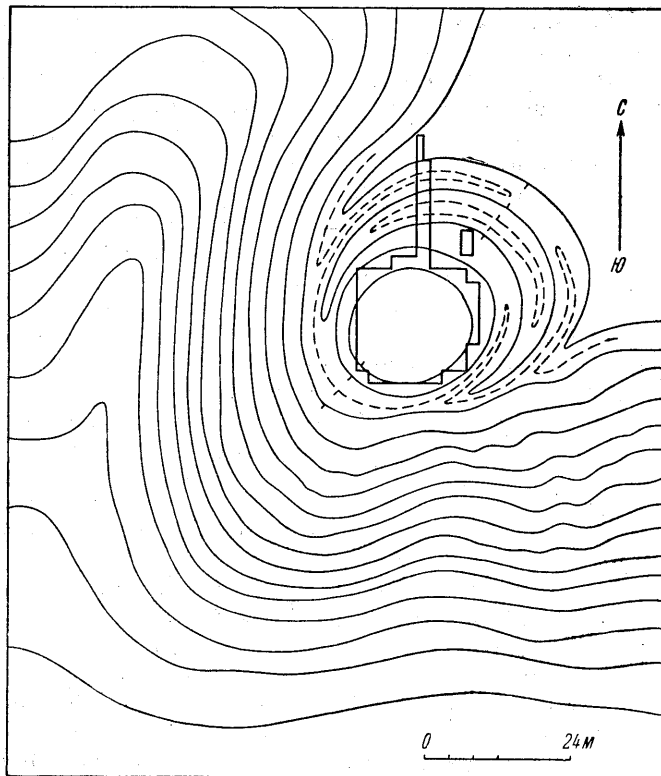

Рис. 56. План городища у д. Слобода Глушица. Сечение горизонталей через 1 м.

Кроме основных ям, в пределах постройки открыто еще одиннадцать небольших столбовых ям. Одни из них (южнее цифры I, около цифры VIII, севернее цифры VI и западнее цифры X) относились к конструкции внутренней и наружной стен, другие (у цифр I, V и XII) являются, возможно, следами переборок, разделявших постройку на отдельные секции.

На плане раскопа хорошо видно, что все другие остатки — камни, обгорелое дерево, куски древесной коры, обнаруженные при раскопках, располагались преимущественно внутри постройки. Это относится прежде всего к остаткам нескольких каменных очагов. Все они оказались настолько разрушенными, что нельзя определить не только их первоначальное расположение, но и количество. Вероятно, их было не менее шести, но лишь два компактных скопления камней могут рассматриваться как более или менее сохранившие первоначальное положение (около цифр V и VII). В этих скоплениях камни лежали в два-три ряда, плотно примыкая один к другому. В промежутках между ними было много золы. Все другие скопления камней представляются случайными. Но они бесспорно относятся к очагам, так как камни носят следы сильного огня, они растрескались и распались на части, некоторые превратились в дресву. Это вряд ли могло случиться лишь в результате пожара. Размеры камней в поперечнике составляют 0.1—0.15 м. Это валуны, которых очень много в русле Сожа, в 1.5—2 км ниже городища.

Очень плохо сохранилось и сгоревшее дерево. Беспорядочно разбросанные большие куски угля, нередко до 0.15—0.2 м в поперечнике и до 1 м длины, являются, по-видимому, остатками как деревянных стен, так и стропил крыши, форма которой остается неясной. Наблюдений, сделанных на Тушемле, позволяющих думать, что крыша была засыпана землей или закрыта дерном, здесь сделано не было. Постройка была сооружена из деревьев различных пород — березы, ивы, ели, сосны и редко дуба.

Особенностью остатков постройки на городище у д. Слобода Глушица, не отмеченной на Тушемле, являются большие куски коры — березовой, сосновой и др., лежавшие на полу постройки, главным образом в глубине, у ее внешней стены. Наиболее сохранившиеся куски коры изображены на плане (у цифр I, V, VII и IX). Необходимо указать, что коры было значительно больше, но она сохранилась плохо и в большинстве случаев представляла заметные прослойки обугленного тлена, которые нельзя было не только зафиксировать на плане, но и расчистить. Значительное количество плохо сохранившейся коры изображено на плане у цифры VII, между цифрами VIII и IX, где она впервые была обнаружена, и у цифры XI.

Первоначально кора была отнесена к остаткам рухнувшего перекрытия. Но когда были найдены более крупные, толстые и хорошо сохранившиеся куски березовой и сосновой коры, лежавшие всегда горизонтально и непосредственно на полу, оказалось, что все они обуглены только сверху, снизу же их поверхность представляет собой тлен без каких-либо следов огня. Следовательно, кора лежала на земляном полу постройки еще до пожара. Об этом же говорили камни от очагов, лежавшие поверх коры в ряде мест. При дальнейших исследованиях такая же точно кора в большом количестве была обнаружена на Вошкинском городище, также однотипном с Тушемлей. Очевидно, корой устилался земляной пол постройки вдоль ее наружной стены.

Третья, наружная линия столбовых ям относится, как уже указано, к конструкции внутреннего вала. От наружной стены постройки ее отделяло расстояние, равное 1.25—1.5 м. Исследованию подверглось более $\frac{3}{4}$ протяженности третьей линии столбов; лишь небольшой ее участок на стрелке оказался за пределами раскопа. Всего в исследованной части имелось 19 столбов (из них 2 не были раскрыты), стоявших на расстоянии 2—2.5 м один от другого. Столбы этого ряда были несколько меньше предыдущих. Диаметр ям составлял 0.3—0.4 м, глубина — 0.3—0.7 м.

Эта линия столбовых ям открылась лишь после того, как в пределах раскопа была снята насыпь внутреннего вала, состоявшая из чистого, светло-желтого песка. До этого все ямы, за исключением двух-трех, были закрыты внутренней полкой вала. Изучая соотношение между столбами и песчаной насыпью, что лучше всего сделать по профилям (рис. 58), нетрудно представить себе, как выглядела внутренняя линия укреплений. Она представляла собой деревянную изгородь, вероятно, достаточно массивную, основу которой составляли вкопанные в землю столбы. Снаружи к изгороди примыкал земляной вал. Следовательно, устройство

внутренней линии укрепления было здесь несколько иным, чем на Тушемле, где насыпь вала непосредственно примыкала к наружной стене деревянной постройки. Конструкция укреплений на городище у д. Слобода Глушица примерно такая же, как на городище у д. Городок, где между наружной стеной постройки и деревянной стеной, ограничивающей насыпь вала, также имелся неширокий проход (стр. 99).

Когда деревянная стена сгорела и песчаная насыпь вала осела, ее шлейф занял значительную часть пространства, отделявшего наружную стену постройки от вала. Но до стены постройки выклинивающийся шлейф осевшей насыпи доходил лишь в некоторых местах.

О том, что узкое пространство между стеной постройки и валом до пожара было свободно от насыпи, говорят найденные там на уровне старой поверхности отдельные куски коры, такие же, как обнаруженные в пределах постройки, т. е. обгоревшие сверху (на плане раскопа они обозначены около цифр IV, X и XII). От них отличается большой кусок толстой березовой коры, найденный под насыпью вала за линией столбов (на плане он обозначен около цифры I). Следов огня на его поверхности заметно не было, его предохранил слой песка. В одном месте (около цифры XII) поверхность старой почвы между стеной и валом была сильно обожжена, чего бы не случилось, если бы ее покрывала песчаная насыпь.

Мы сделали попытку рассчитать, какой высоты была насыпь вала до того момента, когда она осела, исходя из ширины ее основания, количества песка и того, что ее наружный склон не мог быть круче 45° . Наши расчеты дали цифру не менее 1.5 м, но насыпь несомненно была выше, так как значительная часть песка не осталась на месте, а развеялась по всей площади городища. Нельзя не признать, что форма внутреннего вала не была особенно рациональной: по наружному склону легко было взобраться на его вершину. Но выглядел он именно так. В основном по такому же принципу сооружались внутренние линии укрепления на Тушемле и других исследованных нами городищах.

Почти половина маленького внутреннего «дворика» городища у д. Слобода Глушица испорчена старой кладойскательной ямой. В его сохранившейся центральной части обнаружены четыре неглубокие столбовые ямки (глубиной 0.15—0.3 м), не позволяющие сделать какие-либо заключения об их назначении. В одном конце «дворика» находилось скопление камней, подобное открытым скоплениям внутри постройки. Если бы тут было святилище, то по аналогии с городищами Тушемля, Городок и Прудки оно должно было бы находиться на месте кладойскательной ямы. Но в этом случае святилище было очень маленьким, не свыше 3.5 м в диаметре. Скорее всего, его здесь не было или же во «дворике» стояло лишь изваяние божества.

Пространство, заключенное между валами — основным и внутренним, общей площадью до 150 м² не было раскопано целиком. В северной части городища его прорезала траншея шириной 2 м. В северо-восточной части был сделан шурф размером 8 м². Мы воспользовались также данными разведок Е. А. Шмидта, заложившего в 1952 г. небольшую траншею в юго-восточной части городища. Во всех случаях между валами ничего не было обнаружено. Здесь лежал почвенный слой толщиной 0.2—0.25 м и под ним — чистый материк. Очевидно, никаких построек между валами не было.

Наружный вал был исследован на небольшом пространстве в северной части городища (рис. 57). Как и внутренний вал, он был насыпан из чистого песка. В основании насыпи лежала гумусированная прослойка. Это погребенная почва, а также почва, выброшенная сюда из рва. В насыпи, особенно в ее нижней части, лежали крупные куски угля — остатки сгоревших бревен. Высота насыпи в профиле составляла 0.6 м, ширина основания — 6 м.

Когда насыпь была снята, под ее центральной частью было обнаружено шесть столбовых ям диаметром 0.2—0.25 м и глубиной 0.4—0.6 м. Они располагались двумя правильными рядами, отстоящими друг от друга на 1.2 м. Ямы представляют собой остатки двух параллельных деревянных стен, между которыми была насыпана земля. Если исходить из современного объема насыпи, эта дерево-земляная ограда должна была иметь до 3 м в высоту.

Ров, ограничивающий наружный вал, на северном склоне городища был совсем небольшим, не более 0.5—0.6 м в глубину при ширине около 5 м.

При исследовании городища у д. Слобода Глушица очень хотелось иметь хотя бы какие-нибудь находки. С этой целью особенно тщательно просматривались гумусированные

прослойки, места скопления камня, целиком разобранные в результате раскопок, и др. Однако никаких находок сделано не было, не обнаружено ни одного черепка, относящегося ко времени городища. Несколько обломков керамики и ее скопление, встреченные в слое древней почвы под насыпью вала у восточного края раскопа (вблизи цифры I), принадлежали к раннему периоду — ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Радиоуглеродный анализ возраста сгоревшего дерева показал 950 ± 120 лет.

2

Выше уже указывалось, что керамический материал, происходящий из культурного слоя древнего селища, находящегося у д. Слобода Глушица непосредственно рядом с городищем, в значительной части однотипен керамике из верхнего слоя Тушемли. Следовательно, можно допустить, что городище у д. Слобода Глушица, устройство которого повторяет Тушемлю, принадлежало населению этого селища. Городище было скорее всего городком-убежищем, куда люди собирались в часы опасности. Может быть, одновременно городище было и местом языческого святилища.

Судя по остаткам культурного слоя, сохранившимся под некоторыми насыпями курганного могильника, находящегося через овраг от городища, а также по тем курганам, которые были насыпаны из этого слоя, древнее поселение начиналось непосредственно рядом с городищем по другую сторону оврага. Отсюда его следы прослеживаются вверх по реке примерно на 650—700 м почти до самой д. Слобода Глушица.

На месте селища крутой и высокий берег Сожа постепенно переходит в пологий, возвышающийся над поймой всего лишь на 3—4—5 м. По краю берега на пашне видны следы культурного слоя. Здесь же можно собрать обломки керамики, как древней, нас интересующей, так и более поздней — средневековой и старинной русской. Судя по окраске поверхности пашни, интенсивность культурного слоя на указанном пространстве не была однородной. Местами признаков слоя совсем незаметно. На некоторых участках встречается лишь средневековая и более поздняя керамика, а древняя отсутствует.

К сожалению, сохранность селища оказалась очень низкой. Оно не может служить объектом археологических раскопок, так как его культурный слой повсеместно сильно разрушен. Разрушение культурного слоя селища началось уже давно, когда здесь распо- лось несколько хуторов с огородами, садами и пашней. Их следы в виде канав и межей, ям от построек и одичавших садовых деревьев заметны и поныне вдоль края берега Сожа. Впоследствии весь этот участок стал полем. Он распахивается уже много десятков лет.

Мы неоднократно производили обследование территории селища, стремясь обнаружить участки, где сохранился древний культурный слой. С этой целью осматривалась свежая пашня и закладывались шурфы как на пашне, так и по краю берега, за границами пашни. В шурфах, заложенных в средней части селища, древняя керамика не была встречена. В дальнем конце селища, лежащем выше по течению Сожа, в шурфах, заложенных у края берега, древняя керамика была найдена, но стратиграфически она не отделялась от средневековой и более поздней. Очевидно, и здесь слой был когда-то перемешан.

Нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. На территории селища, в отдалении от могильника, состоящего из длинных и круглых курганов, у края берега Сожа имеется еще четыре отдельно стоящих кургана. Два из них расположены в средней части селища, в 350—400 м выше могильника. Это расплывшиеся округлые насыпи высотой несколько более 1 м и диаметром 20 м. Два другие кургана находятся в дальнем конце селища, вверх по течению Сожа. Они уже давно разрушаются рекой, подмывающей здесь берег, и сохранились меньше чем наполовину. Их насыпи сложены из темной, гумусированной земли, представляющей собой культурный слой, содержащий в большом числе древнюю лепную керамику. Но насыпаны эти курганы не на культурном слое, или же на месте курганов древний слой был очень незначительным и неинтенсивным. Следовательно, и здесь мы находим подтверждение того, что древнее селище отнюдь не занимало весь очерченный выше участок берега. Может быть, на этом участке было не одно, а два одновременных селища, расположенных на некотором расстоянии одно от другого.

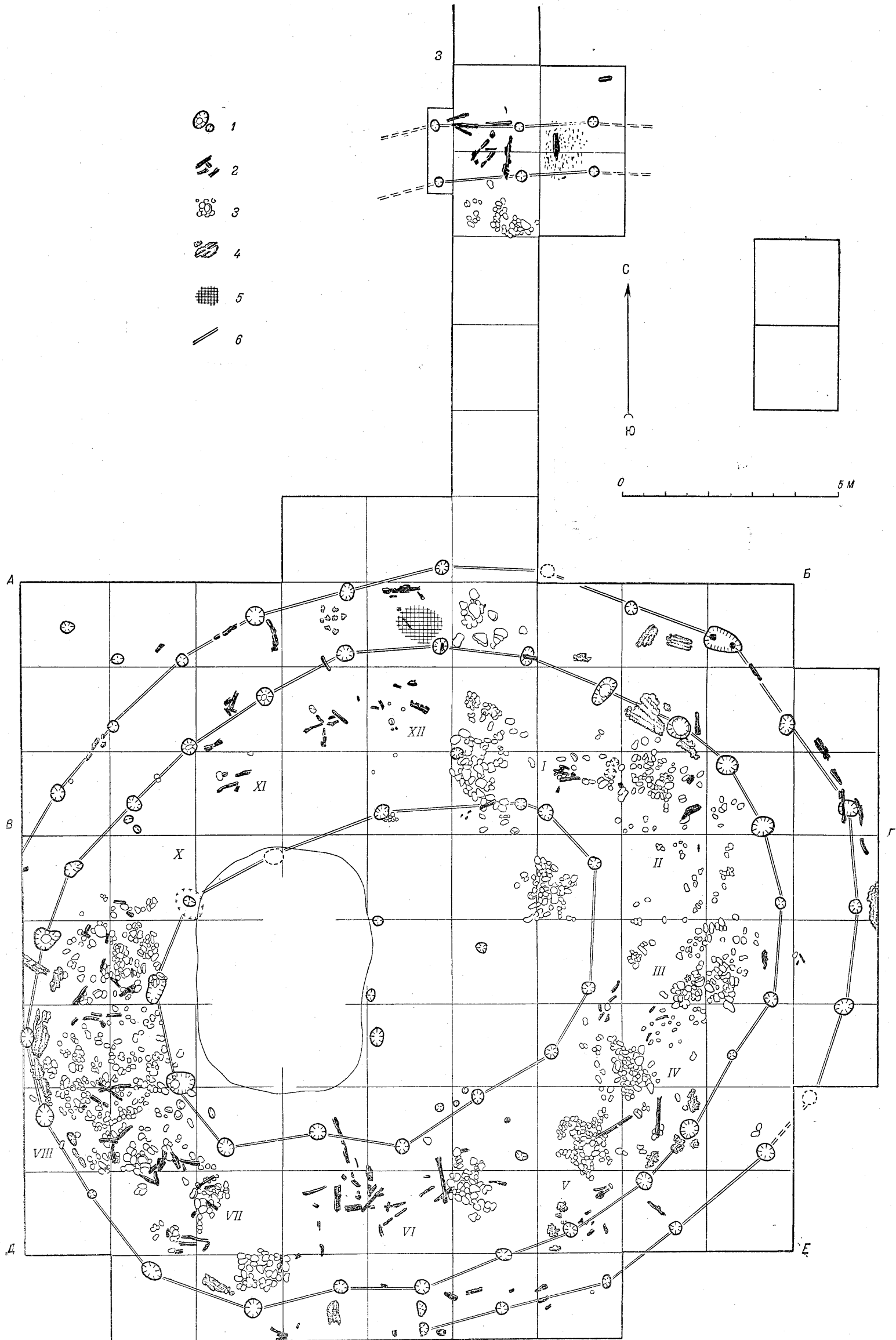

Рис. 57. План раскопа на городище у д. Слобода Глушица.

1 — ямы от столбов; 2 — сгоревшее дерево; 3 — камни; 4 — куски коры; 5 — следы огня на поверхности материка; 6 — направление стен деревянной постройки.

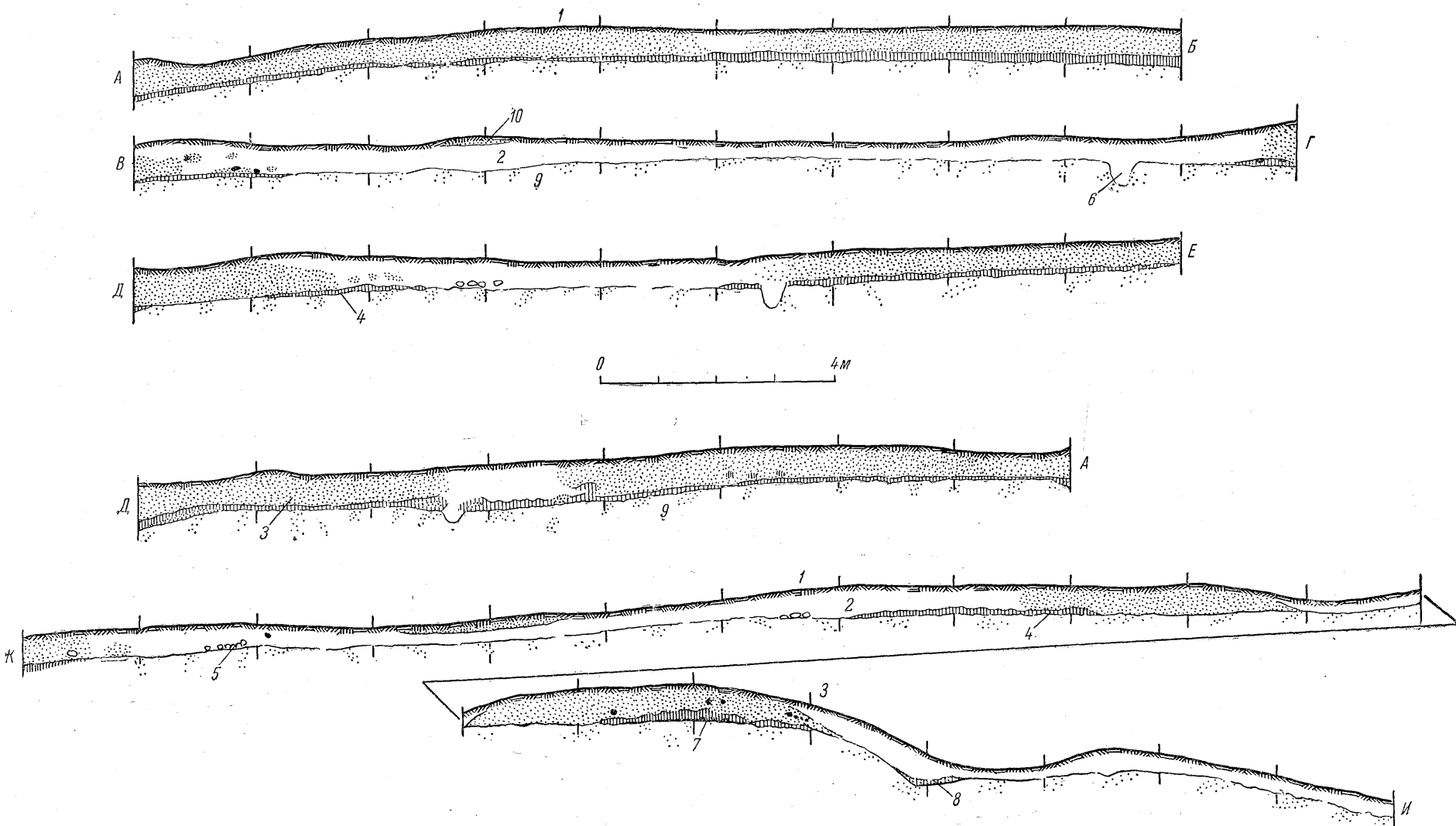

Рис. 58. Профили культурного слоя городища у д. Слобода Глушица.

1 — дерновый слой; 2 — почвенный слой; 3 — песок; 4 — гумусные прослойки; 5 — камни и сгоревшее дерево; 6 — ямы от столбов; 7 — углистая прослойка; 8 — илистый песок; 9 — материк; 10 — выброс из кладовисательской ямы.

В древности в средней и дальней частях селища было, по-видимому, несколько курганов. На пашне в двух-трех местах видны еле заметные всхолмления темной окраски. Следовательно, древний культурный слой и обломки керамики, заметные на пашне, могут находиться в некоторых местах, так сказать, в «третьем залегании», т. е. происходить из разрушенных курганов, относящихся, вероятно, к тому же времени, что и курганная группа около городища, а именно к самому концу I тысячелетия н. э.

Неудача с изучением селища заставила нас обратить внимание на принадлежащий к нему материал, сохранившийся в культурном слое, лежащем под насыпями некоторых удлиненных и круглых курганов, расположенных через овраг от городища, а также на находки «во вторичном залегании» — из насыпей этих курганов. Между курганами культурный слой не сохранился: он был снят еще в древности при сооружении насыпей. В этой связи было исследовано еще несколько курганов. Всего, считая вместе с курганами, раскопанными Е. А. Шмидтом в 1952 и 1953 гг., в могильнике исследовано 18 насыпей. Материалы этих раскопок публикуются Е. А. Шмидтом в настоящем томе.

Керамический материал, происходящий из насыпей курганов и сохранившихся под ними участков культурного слоя, оказался очень значительным: он насчитывает несколько тысяч обломков. Все они принадлежат лепным, толстостенным сосудам баночной формы, изготовленным из глины с примесью шамоты или дресвы. Значительная часть керамики не отличается от посуды верхнего горизонта Тушеми. Это слабо профилированные сосуды с прямыми, неорнаментированными венчиками, хорошо обожженные, с бугристой поверхностью. Наряду с ними имелись и гладкостенные сосуды лучшей выделки, поверхность которых иногда подвергалась лощению. Здесь же встречается керамика и более ранняя, с профилированным венчиком, обрез которого в отдельных случаях украшен насечками или заплатами. Обжиг этой керамики сравнительно слабый. Она однотипна с посудой из нижнего слоя Кольчевского городища и из селища в устье р. Хмары.

Кроме обломков посуды, в насыпях курганов и в культурном слое под ними найдено несколько вещей из железа, бронзы и глины (рис. 59, 1—14) Это два железных, сильно сто-

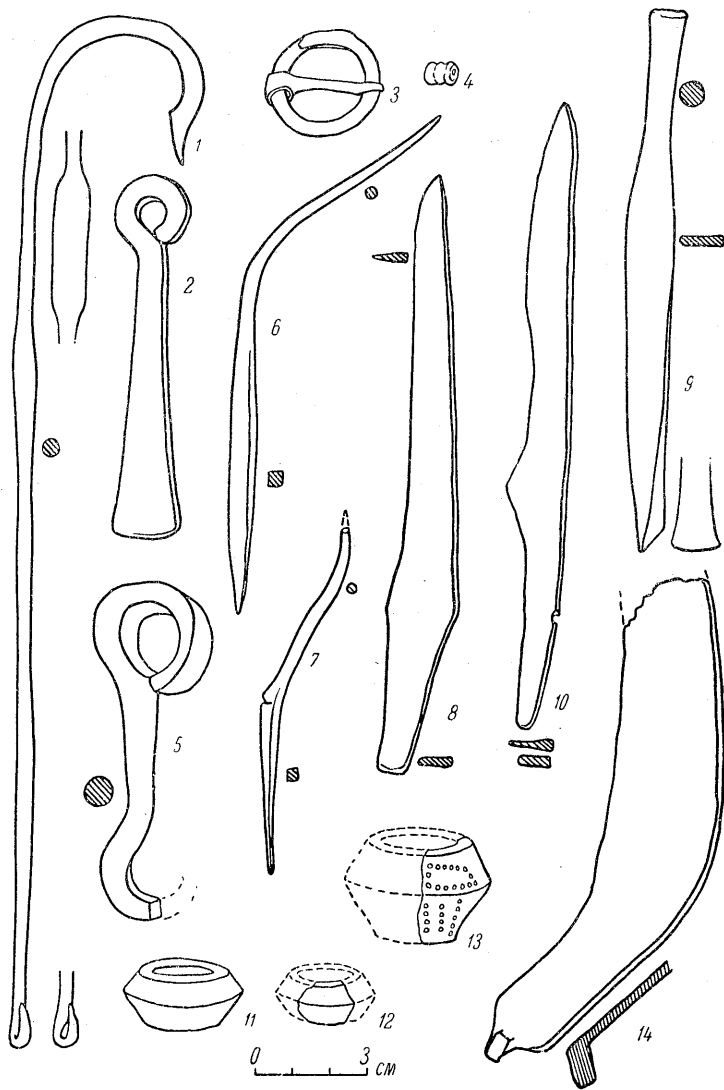

Рис. 59. Предметы, относящиеся к древнему селищу у д. Слобода Глушица.

ченных ножа с массивными черешками, имеющих слегка горбатые спинки, два шила обычной формы, массивный обломок удил. Очень интересен небольшой крючок-гарпунчик. Он принадлежал к снаряжению рыболова. Довольно необычным предметом по своей форме является железное долото (или зубило). Наконец, обнаружены огниво в виде удлиненной, трапециевидной пластинки с кольцом и обломок косы-горбуши.

Если сюда прибавить железный серп и круглый жернов, найденные на Тушемле, то, собственно говоря, мы имеем почти полный набор основных орудий, характеризующий жизнь сельского поселения третьей четверти I тысячелетия н. э., когда в основных чертах уже сложился тот облик хозяйства, который присущ деревне раннего русского средневековья. Отсутствует в нашем собрании лишь топор, в наличии которого сомневаться не приходится. Трудно сказать что-либо определенное о железном сошнике. Его могло еще не быть в то время у балтийских племен Верхнего Поднепровья.

СЕЛИЩЕ У д. УСТЬЕ

Селище второй половины I тысячелетия н. э., остатки которого были исследованы в 1957 и 1962 гг., расположено на левом берегу Сожа, в 250—300 м ниже устья р. Хмары и в 1 км к северу от д. Устье Починковского района Смоленской области. От городища Тушемля селище находится ниже по Сожу в 5 км в юго-восточном направлении.

Долина Сожа ниже впадения Хмары заметно расширяется. Пологий левый коренной берег отстоит от современного русла реки более чем на 0.5 км. Вдоль берега здесь тянется неширокая полоса песчаных возвышенностей, представляющих собой, вероятно, древний береговой вал, когда-то превратившийся в дюну. Ныне возвышенности задернованы и заняты мелколесьем. Там, где леса нет, их склоны размываются в высокие паводки и раздуваются ветром. Особенно сильно разрушается северная оконечность возвышенностей, ближайшая к устью Хмары, где располагаются остатки древнего селища.

Место это представляет собой широкий, полукруглый в плане мыс возвышенности, покатым в сторону Сожа и Хмары. Его высота над поймой составляет не более 1.5—2 м. Пологие склоны сильно разрушены; поверхность мыса ровная, задернованная; она никогда не распаивалась. Площадь распространения культурного слоя невелика, не более 50—60 м в поперечнике. Половина ее испорчена глубокими вымоинами. В многочисленных обнажениях непосредственно под дерном виден культурный слой, по структуре песчаный, темно-бурого цвета. В средней части, на стрелке мыса, толщина слоя составляет 0.2—0.25 м, в стороны он выклинивается и имеет менее интенсивную окраску, сливаясь со светлым песком, из которого сложены возвышенности.

В небольшом числе в слое встречаются обломки лепной керамики, главным образом грубой, толстостенной и лишь изредка лощеной, серого цвета. По общему облику она напоминает керамику верхнего слоя Тушемли, но является, по-видимому, несколько более ранней. Края некоторых сосудов здесь были украшены насечками или защипами, а лощеная керамика лучшего качества, чем посуда верхнего слоя Тушемли, она приближается к лощеной посуде из среднего слоя этого городища. Каких-либо культурных остатков более позднего времени на селище не обнаружено. В небольшом числе в культурном слое встречаются отщепы и осколки кремня, единичные кремневые орудия и мелкие обломки неолитической керамики. Стратиграфически эти находки ничем не выделяются. Неолитический слой был, очевидно, совсем незначительным и во время существования селища оказался полностью разрушенным. Таким образом, памятник можно рассматривать как однослойный, более того, как остатки древнего поселка, существовавшего на этом месте в течение весьма непродолжительного отрезка времени.

Во время обследования селища в 1957 г. на нем была вскрыта небольшая площадь. При этом выяснилось, что в культурном слое, выше по склону, находки встречаются еще реже, чем по краю возвышенности, разрушаемому водой и ветром. Вместе с тем оказалось, что здесь сохранились следы постройки столбовой конструкции с остатками очагов из камня. Они представляют большой интерес, в частности, потому, что все другие известные ныне

селища в верхнем течении Сожа, относящиеся к этому же времени, очень сильно распаханы и вряд ли пригодны для археологических раскопок.

В 1962 г. раскопки на селище были продолжены. В его центральной части, непосредственно около разрушенных половодьями и ветром участков, была вскрыта площадь, равная 100 м². В пределы раскопа вошла часть остатков жилища — длинного дома столбовой конструкции, а также участок, занятый ямами типа погребов (рис. 60).

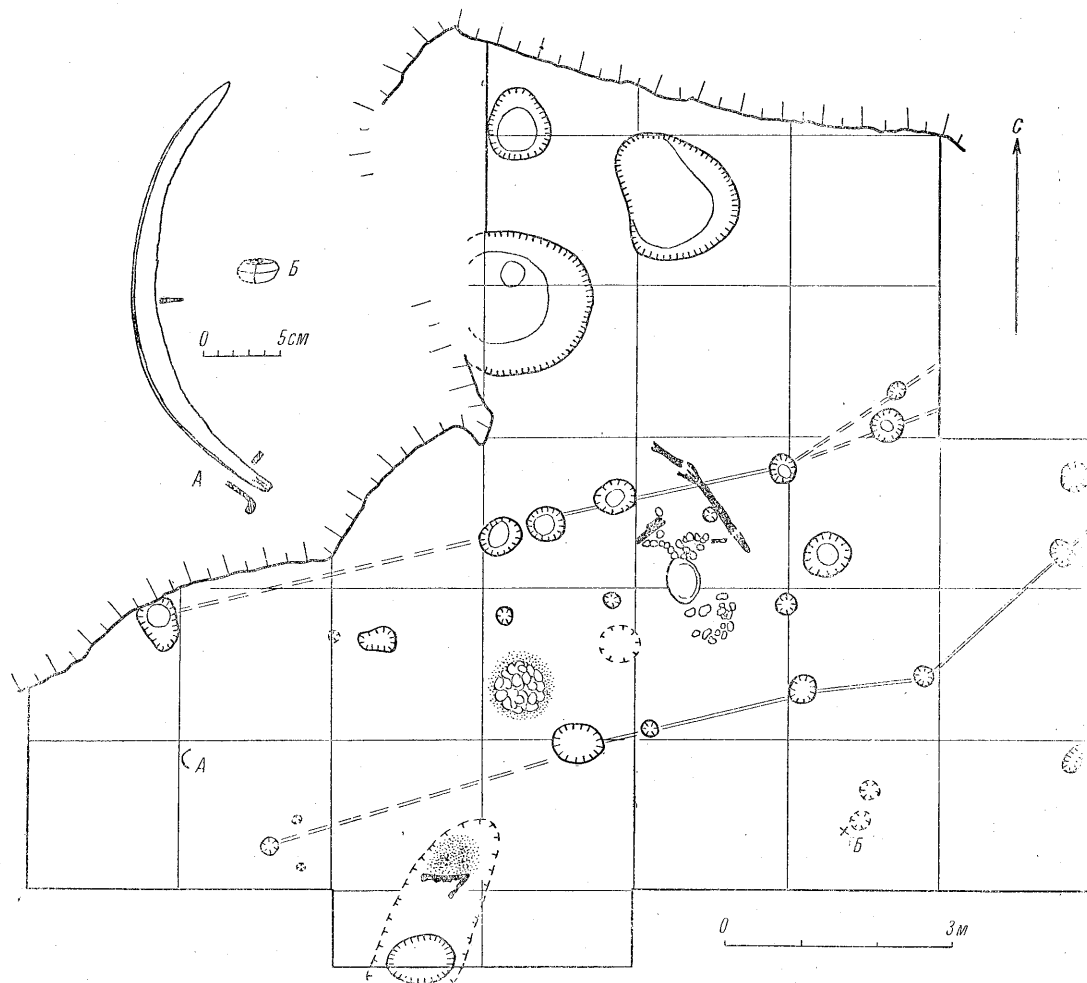

Рис. 60. План раскопа на селище у д. Устье.

А — железный серп; Б — пряслице.

Толщина культурного слоя в пределах раскопа колебалась от 0.18 до 0.25 м (считая вместе с тонким дерновым слоем). Лишь на участке около ям она достигала 0.35 м, очевидно, за счет грунта, в свое время выброшенного из ям на поверхность. На месте жилого сооружения толщина культурного слоя также несколько превышала средние цифры (0.3 м). Здесь слой был более интенсивно окрашен гумусом и углем. Граница между культурным слоем и подстилающим его светлым песком всюду была очень четкой. То же самое следует сказать о ямах — столбовых и других. Все они были очень хорошо видны как на уровне поверхности песка, так и глубже, в его толще.

Остатки постройки, открытые в южной части раскопа, представляли собой два параллельных ряда столбовых ям, соответствующих двум продольным стенам постройки. Ширина постройки составляла 3 м, длина открытой части постройки — 10 м. Вдоль северной стены постройки находилось шесть столбовых ям более или менее одинакового размера. Их поперечник на уровне поверхности материка составлял 0.35—0.5 м, глубина в материке — 0.25—0.35 м. Около одной из ям, у восточного края раскопа, находилась маленькая столбовая ямка — 0.22 м в поперечнике и 0.3 м глубиной. Вдоль южной стены жилища открыто также шесть ям: две из них такие же, как ямы северной стены, остальные несколько меньших размеров. Расстояние между ямами было различным, но среди них нетрудно выделить основные, отстоящие одна от другой на 1.5—2 м. Восточная стена жилища оказалась за пределами раскопа, вследствие чего длина дома осталась невыясненной. Западная стена также неясна.

В середине жилища, вдоль его продольной оси, открыты четыре ямы, расположенные более или менее по одной линии. Можно думать, что это следы столбов, некогда поддерживавших крышу. Две из них были очень небольшими и неглубокими (диаметр 0.22 м, глубина 0.15 и 0.25 м), третья и четвертая — такие же, как большинство ям, расположенных вдоль стен. По линии остатков сгоревшего бревна находились еще две небольшие ямы от столбов — возможно, следы внутренней поперечной перегородки.

В средней части раскопа, в пределах жилища, был открыт хорошо сохранившийся очажок, сложенный из камней. Камни лежали на уровне пола, т. е. на 0.05 м выше материка, и образовывали плотную кладку толщиной до 0.1 м, округлой в плане формы, 0.65 м в поперечнике. Все камни были сильно обожжены, они потрескались, распались на части, некоторые превратились в дресву. Земля под очагом и вокруг него, а также подстилающий культурный слой материковый песок были сильно обожжены. Верхний слой материкового песка приобрел красный цвет и спекся в плотную массу. Очевидно, на этом маленьком очажке горел сильный огонь. Рядом с очагом в полу находилось округлое неровное углубление приблизительно 0.6 м в поперечнике и 0.15 м глубиной. Несколько восточнее лежал большой валун с ровной поверхностью, относящийся скорее всего к «обстановке» жилища. Интересно отметить, что его верхняя часть выходила на современную поверхность. Размеры валуна 0.4×0.5 м, высота 0.25 м. Вокруг него лежали мелкие камни, не составлявшие, однако, какой-либо кладки.

Около камней, у северной стены жилища, в основании культурного слоя сохранились следы сгоревшего дерева. Это был не уголь, как на Тушемле и других городищах, а черные, углистые пятна, сохранившие, однако, очертания кусков сгоревших бревен. Одно из них, самое большое, имело в длину 1.8 м. Очевидно, стоявшая здесь постройка погибла от пожара.

Около предполагаемой западной стены постройки был найден железный серп, а в юго-восточном углу раскопа — обломок биконического глиняного пряслица (рис. 60, А и Б).

Большие ямы, открытые в северной части раскопа в 1.5—2 м от жилища, мы рассматриваем как погреба или ямы-хранилища. Одна из них была раскопана полностью. Она имела неправильные округло-подтреугольные очертания; ее размеры в поперечнике 1.5—1.8 м, глубина в песке 0.4 м. В узкой, восточной части яма имела пологую стенку, образующую нечто вроде ступеньки, противоположная стенка — круглая. Дно ямы ровное, горизонтальное. На дне найдено несколько обломков большой толстостенной глиняной миски, венчик которой украшен зацепами. Вторая яма, уходящая под западную стенку раскопа, открыта лишь наполовину. Она была, по-видимому, несколько больше первой. Ее глубина в песке 0.5 м. В яме ничего не найдено. Рядом с этими ямами была еще одна, меньшая по размерам, округлая яма с плоским дном. Ее поперечник 0.8—0.95 м, глубина 0.5 м.

Трудно сказать, для чего служили эти ямы, выкопанные в непрочном песчаном грунте. О подобных ямах, открытых в большом числе на Чаплинском городище, относящемся к зарубинецкой культуре, мы высказывали предположение, что они служили для хранения корнеплодов, в частности репы, игравшей по-видимому, очень важную роль в пищевом рационе древних восточноевропейских племен. Возможно, что ямы, открытые на селище у д. Устье, имели такое же назначение.

В южной части раскопа открыто незначительное пологое углубление (0.1—0.2 м), в пределах которого оказались пятно обожженного песка, следы сторевшего дерева и овальная яма глубиной 0.3 м.

Керамический материал, найденный во время раскопок в культурном слое, очень велик. Это несколько десятков обломков толстостенной, грубой посуды в форме горшков с узким дном, расширяющимися кверху стенками и слегка суженным и отогнутым наружу венчиком. Половина обломков венчиков украшена косыми насечками или защипами. Найдено два-три фрагмента сосудов с лощеной поверхностью, подобных лощеным сосудам из верхнего слоя городища Тушемля, но несколько более тщательной выделки.

Судя по форме железного серпа и по керамике, сохраняющей некоторые черты посуды первой половины I тысячелетия н. э., развившейся под влиянием зарубинецкой керамики (насечки, защипы, форма венчика, лощение), следует думать, что селище у д. Устье относится к несколько более раннему времени, чем верхний горизонт Тушемли. Такая же или очень близкая керамика происходит из Колычевского городища (нижний слой), Лахтеевского городища и селища у д. Слобода Глушица.

Жилую постройку, остатки которой были открыты на селище около устья р. Хмары, нельзя не сопоставить с постройками, найденными на городищах верхнего слоя Тушемли. Бесспорно, что они очень близки между собой как по конструкции и форме, так и по размерам. Наиболее интересно то, что эта постройка, как и постройки на городищах, по-видимому, огибала со всех сторон внутренний «двор» поселения, в пределах которого располагались хозяйственные ямы-хранилища. Следовательно, круговая планировка, открытая на смоленских городищах, была вызвана не только задачами обороны, она отражала и определенную бытовую традицию.

ГОРОДИЩА У ДЕРЕВЕНЬ ЛАХТЕЕВО И КОЛЫЧЕВО

1

Городище у д. Лахтеево Смоленского района, находящееся в верховьях р. Мошны, правого притока Сожа, в 1923 г. было исследовано А. Н. Лявданским. У края городища, обращенного к реке, им была вскрыта небольшая площадь и по обнажениям исследован профиль одного из валов. Наше внимание привлекла керамика, происходящая из раскопок А. Н. Лявданского.¹ По общему облику она напоминает посуду из среднего слоя Тушемли, отличаясь от нее более грубой фактурой. Так как памятники этого типа в нашем материале были представлены далеко не достаточно, в 1961 г. на Лахтеевском городище были произведены небольшие раскопки. Исследовать это городище было интересно еще и потому, что оно имеет необычную форму: его площадка состоит из нескольких частей, расположенных террасообразно, одна ниже другой.

Городище расположено в 1.2 км к востоку от д. Лахтеево, на узком отроге правого коренного берега р. Мошны. Отрог вытянут с запада на восток. Его северный склон и стрелка обращены к р. Мошне, образующей здесь крутую излучину и подмывающей свой коренной берег. Южный склон спускается в долину маленького правого притока Мошны — ручья Шклянки. Склон городища здесь задернован, его крутизна составляет приблизительно 35°. Коренной берег имеет до 10 м высоты. Отрог берега, на котором расположено городище, сильно покат от основания к стрелке (рис. 61).

Городище имеет с напольной стороны два массивных вала. Первый в средней части кем-то раскапывался, очевидно, уже после 1923 г. Его высота составляет более 3.5 м, ширина основания — 15 м, а протяженность, соответствующая ширине отрога коренного берега, 26 м. В плане вал имеет форму дуги. Его концы охватывают с двух сторон верхнюю площадку городища. Ров, находящийся между первым и вторым валами, сильно заплыл. Второй вал сохранился лишь с северной стороны, где его высота достигает 2.5 м, а ширина ос-

¹ А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, вып. 3, 1926, стр. 195—199.

пования — 10 м. Другая половина этого вала была когда-то снесена; второй ров был при этом засыпан. Представляется, что здесь стояла какая-то постройка, вероятно дом, при сооружении которого место было выровнено. Может быть, с этим была связана и яма в цент-

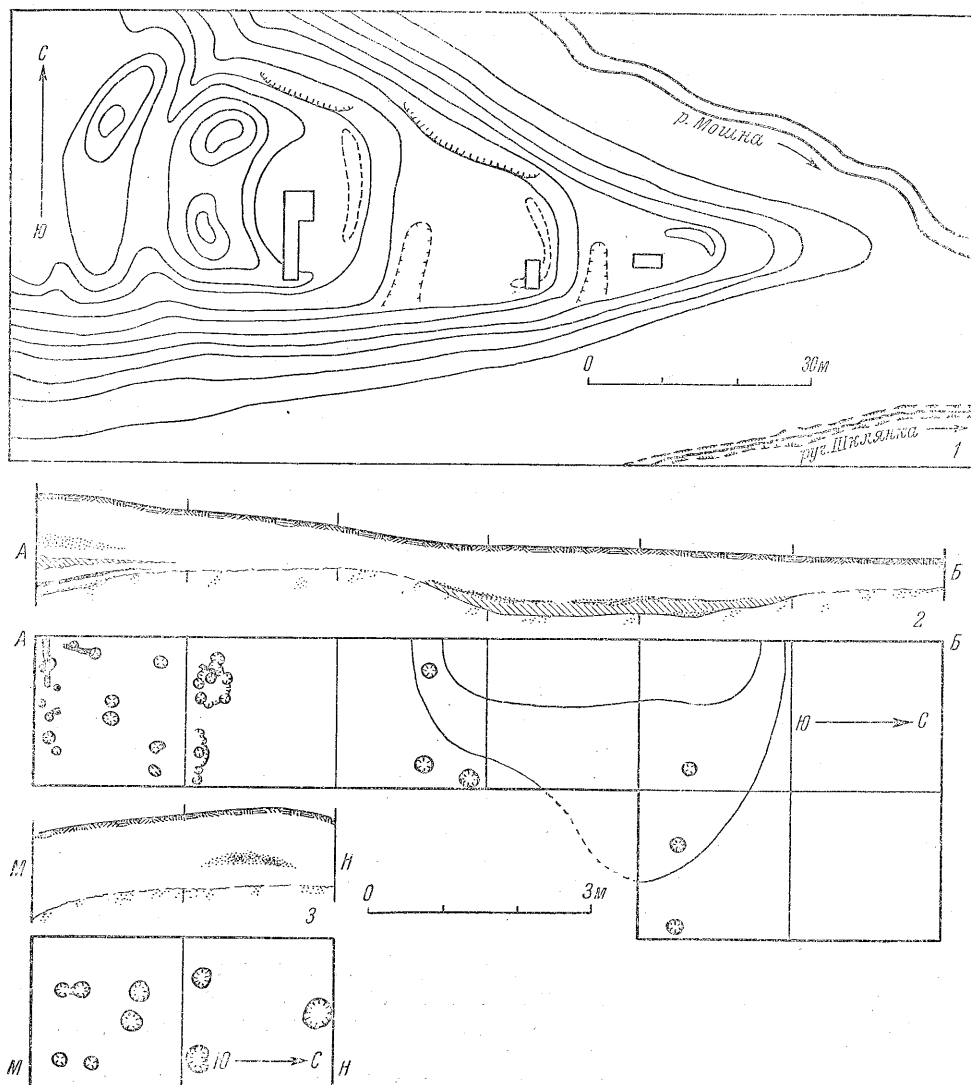

Рис. 61. План Лахтеевского городища (1). План и профиль раскопов на первой площадке (2). План и профиль раскопов на второй площадке (3).

ральной части первого вала. На плане А. Н. Лявданского изображен еще и третий, невысокий и узкий вал. Его следов ныне незаметно: пашня подходит к самому подножью второго вала.

Площадь городища, имеющая форму вытянутого треугольника, длиной 60 м и шириной в основании 25 м, спланирована в виде трех маленьких площадок, лежащих одна ниже другой на 1.5—2 м.

Первая площадка (считая от вала) имеет неправильную овальную форму и размеры 22×16 м. На краю ее восточного склона заметны следы невысокого, расплывшегося вала, профиль которого по обнажению наблюдал А. Н. Лявданский. Его раскоп находился в северной части этой площадки, у самого склона, в то время сильно подмываемого рекой.

Вторая площадка, лежащая ниже первой и отделенная от нее довольно крутым скатом, имеет размеры 20×20 м. На ее поверхности у подножья первой площадки, с южной стороны, видна неглубокая западина — может быть, следы рва, а по противоположному краю сохранился невысокий (0.4—0.5 м) вал.

Третья, самая нижняя площадка имеет треугольные очертания. Ее длина около 20 м, ширина в средней части 12 м. У основания склона второй площадки также заметна впадина в виде небольшого, заплывшего рва, а на конце сохранился вал до 4 м высоты.

На плане А. Н. Лявданского изображена еще и четвертая, самая нижняя, узенькая площадка. Мы ее не обнаружили. Не найдены нами также и две невысокие валообразные насыпи, идущие на пойме от стрелки мыса к руслу реки. Нужно, впрочем, отметить, что русло р. Мошны находится сейчас гораздо ближе к стрелке мыса, чем в начале 20-х годов, и возможно, что следы валообразных насыпей на пойме вследствие этого исчезли.

В настоящее время площадка городища покрыта густым мелколесьем. Лишь в некоторых местах, главным образом вдоль южного склона, обращенного к долине ручья, имеются небольшие, свободные от леса участки. Они были использованы для разведочных раскопок. На верхней площадке городища была заложена траншея размером 32 м^2 ; на второй и третьей площадках — по шурфу в 8 м^2 каждый (рис. 64).

Траншея, имевшая в длину 12 м, прорезала поперек южную половину верхней площадки недалеко от основания главного вала. Своим южным концом траншея захватила вал, огибающий площадку. В этой части ширина траншеи составляла 2 м, в противоположной части, в центре площадки, — 4 м.

Раскопки на первой площадке показали, что культурный слой в этой части городища имеет мощность от 0.5 до 0.7 м. По материалу он супесчаный, коричнево-серой окраски, слабо гумусированный, аморфный по структуре. В целом слой может быть охарактеризован как очень бедный. В пределах раскопа, кроме нескольких десятков отдельных черепков, главным образом мелких, были найдены скопление обломков одного крупного глиняного сосуда с гладкой поверхностью (сосуд собирается далеко не полностью), железный нож и обломок второго ножа и бронзовая подковообразная застёжка. Под культурным слоем лежит плотный, суглинистый материк светло-коричневого цвета, оподзоленный в верхней части.

Южная часть траншеи разрезала полу вала, идущего от оконечности главного вала городища вдоль южного края верхней площадки. На профиле видно, что вал был сложен главным образом из гумусированной супеси, по цвету не отличающейся от культурного слоя, но в его толще имелись также и прослойки песка и глины. Трудно сказать, были они одновременными или же их следует связать с несколькими строительными периодами. Высота вала над материком составляла 1.3 м. Под валом в материке обнаружено большое количество ям от вертикальных столбов небольшого диаметра (0.15—0.5 м), но значительной глубины (от 0.2 до 0.7 м). Очевидно, вал имел какую-то деревянную конструкцию. Ее остатки является несколько обугленных плах, найденных в толще насыпи вала, в ее нижних горизонтах. А. Н. Лявданским, раскоп которого находился на противоположном краю площадки, также было обнаружено несколько столбовых ям.

В центральной части траншеи уровень материка значительно понижался. Здесь в материке оказалась западина неправильной формы, очень пологая, уходящая под западную стену траншеи и, по-видимому, под главный вал городища. Ее глубина ниже среднего уровня поверхности материка составляет 0.4—0.5 м. На дне западины лежит слой черного торфообразного и углистого гумуса толщиной до 0.2 м, а выше его — прослойка песка и глины толщиной до 0.1 м. В черном слое найдено несколько небольших обломков глиняных стенок и дна домницы с прикипевшими к ним кусками железного шлака.

Мы полагаем, что западина имеет естественное происхождение. Лежащий на ее дне черный слой с обломками домницы по времени предшествует городищу. Прослойки песка

и глины образовались при сооружении вала или во время каких-либо других земляных работ, связанных с возникновением на этом месте укрепленного поселения.

В средней части траншеи в материке открыто шесть круглых столбовых ям диаметром 0.18—0.3 м и глубиной 0.2—0.4 м. Три из них как будто бы располагаются в один ряд на равном расстоянии друг от друга. Следями какого сооружения являлись эти ямы, сказать трудно.

Шурф размером 2×8 м, заложенный в южной части второй (средней) площадки, также разрезал насыпь вала, ограничивавшего площадку со стороны склона к ручью. На поверхности эта расплывшаяся насыпь была почти незаметна: она полого возвышалась не более чем на 0.2 м. Как и насыпь на верхней площадке, она была сложена из аморфного, гумусированного материала. В середине ее толщи была небольшая песчаная линза. Высота насыпи над материком составляла 1.1 см. В шурфе найдены несколько десятков обломков керамики и раколотые кости животных. В материке оказалось несколько столбовых ям разного диаметра и глубины (диаметр 0.15—0.4 м, глубина 0.2—0.97 м), относящихся, очевидно, к деревянной конструкции вала.

Шурф на нижней площадке был заложен в ее средней части Культурного слоя здесь не оказалось. Сверху лежала светло-коричневая, суглинистая, оподзоленная почва толщиной до 0.3—0.4 м, а под ней — материк. В материке обнаружена столбовая яма около 0.5 м диаметром и 0.6 м глубиной. В почвенном слое встречено несколько обломков керамики.

Керамический материал, происходящий из различных горизонтов культурного слоя свидетельствует о том, что наслоения на первой и второй площадках Лахтеевского городища в значительной степени перемешаны. Как в траншее, так и в шурфе в нижних горизонтах культурного слоя была встречена преимущественно древняя керамика — тонкостенная, неорнаментированная, такая же, как в нижнем культурном слое Тушемли или Мокрядинского городища (рис. 62, 1—2). Очевидно, к этому же времени — ко второй половине I тысячелетия до н. э. — относятся костяные орудия, найденные на Лахтеевском городище А. Н. Лявданским. Это характерный наконечник стрелы, острия, иглы и др.

Но в этом же нижнем слое была найдена керамика и другого облика, характерная для верхних горизонтов культурного слоя и относящаяся, по нашему мнению, к середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. Были обнаружены также обломок керамики XI—XIII вв., сделанный на гончарном круге, и лезвие средневекового железного ножа.

В верхних горизонтах слоя поздняя керамика численно преобладала над древней, но последняя продолжала встречаться вплоть до самого верха. Были найдены несколько средневековых русских черепков и бронзовая застеежка, также древнерусская.²

Нет никакого сомнения, что аморфность слоя на Лахтеевском городище является, во-первых, результатом больших земляных работ, совершенных в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э., когда городище было спланировано в виде трех площадок, каждая из которых была окружена валом. Древний культурный слой был при этом в значительной степени разрушен. Во-вторых, аморфность и бедность слоя объясняется и тем, что в своей верхней части он образовался главным образом за счет оползания насыпей валов уже после того, как городище было покинуто. Может быть, здесь производились какие-либо работы и в период средневековья. Но количество находок того времени очень невелико.

Керамический материал, характеризующий верхний культурный слой Лахтеевского городища, представлен обломками сосудов трех типов.

Сосуды первого типа в известной мере можно сравнить с керамикой из среднего слоя Тушемли. Это были сосуды со сравнительно узким дном, выпуклым, расширяющимся кверху уловцем и суженным, отогнутым наружу венчиком, украшенным грубыми ногтевыми вдавлениями. На одном из сосудов был интересный орнамент в виде ромбов (рис. 62, 4, 5). Сюда же относятся маленькие сосудики без орнамента.

Но по своей фактуре эта керамика отличается от посуды среднего слоя Тушемли, приближаясь к посуде ее верхнего слоя. Она толстостенная; в глине имеется примесь крупных зерен дровы, отчего поверхность сосудов бугристая. Ногтевые вдавления на венчике также

² В. И. С и з о в. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902, табл. 1, рис. 21.

очень грубы и небрежны. Совсем отсутствует насечка, украшающая венчик. Мы предполагаем, что эта керамика является более поздней, чем посуда из среднего слоя Тушемли. В нашем материале подобная же посуда представлена на селищах в устье р. Хмары, у д. Слобода Глушица и на Кольчевском городище, в его нижнем слое.

Но необходимо указать еще на одну особенность этой керамики. Некоторые сосуды были покрыты орнаментальной штриховкой, характерной для керамики белорусских и литовских городищ (рис. 62, 4). Штриховка иногда покрывала лишь часть сосуда.

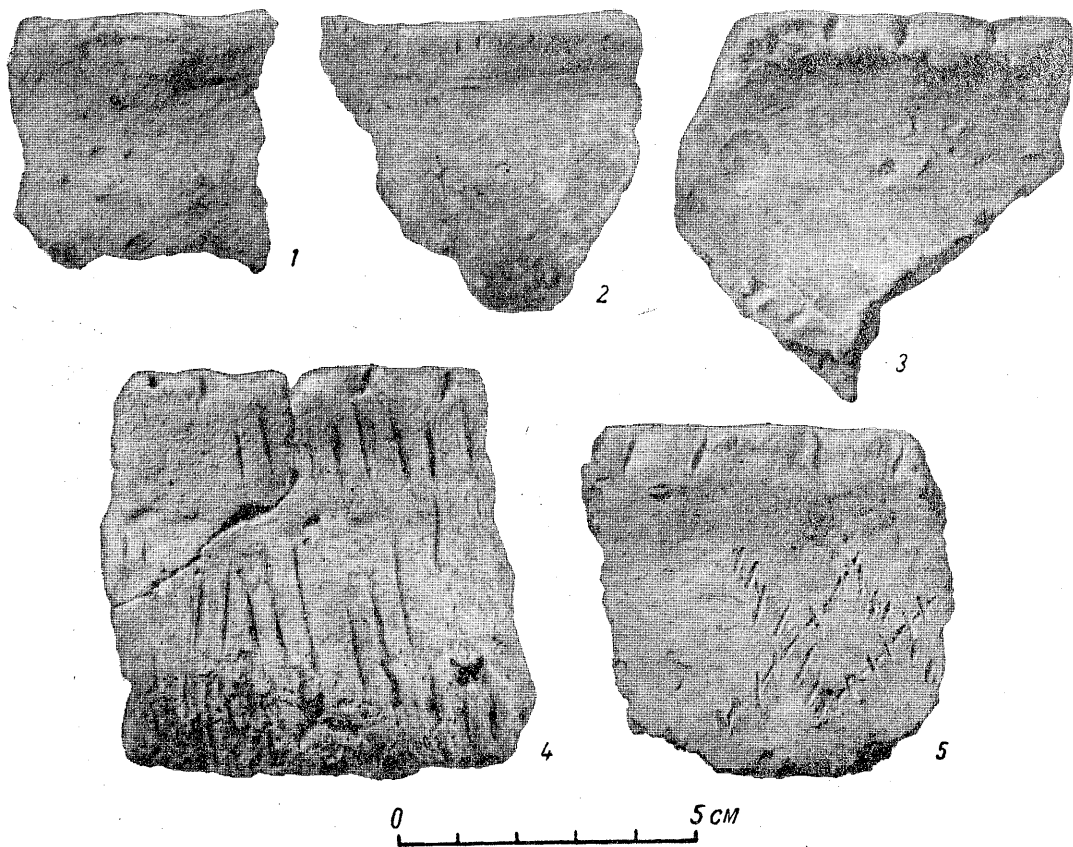

Рис. 62. Обломки керамики из Ляхтевского городища.

Своеобразные черты представлены более определенно в сосудах второго типа. Одни из них имели форму слабо профилированных горшков без орнамента, другие — характерные биконические очертания (рис. 63, 1). По составу глины, цвету и обжигу они не отличались от сосудов первого типа, но имели тщательно заглаженную поверхность. Точно такая керамика в Верхнем Поднепровье хорошо известна по материалам могильника с трупосожжениями около Нового Быхова (предположительно VIII в. н. э.) и из первого Колочинского городища.³ Мы предполагаем, что на Ляхтевском городище она является наиболее поздней (не считая средневековую). Об этом говорят найденные в пределах траншеи два скопле-

³ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, 1954; Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин 1 в Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 77, 1959.

ния такой керамики, являющиеся остатками разбитых сосудов, форму одного из которых удалось восстановить.

Третий тип керамики представлен двумя-тремя маленькими обломками мисок, несколько напоминающих зарубинецкие, но не лощеных, а с заглаженной поверхностью.

Таким образом, судя по керамическому материалу, культура Лахтеевского городища в середине и второй половине I тысячелетия н. э. отличалась от культуры исследованных

нами памятников более южного района Верхнего Посожья, приближаясь к тому, что известно в более западных и юго-западных областях. Ввиду этого, а также принимая во внимание плохую сохранность культурных наслоений городища, раскопки на нем были прекращены.

2

На городище у д. Кольчево также были проведены лишь разведочные раскопки. Городище имеет интенсивный культурный слой, относящийся к XI—XIV вв. и скрывающий в себе остатки феодальной усадьбы, погибшей некогда от пожара. Нижний культурный слой с находками обломков керамики, несколько более ранней, чем посуда верхнего культурного слоя городища Тушемля, сохранился на городище, по-видимому, далеко не везде и не полностью. Средневековые укрепления Кольчевского городища нарушили древнюю систему укреплений, о характере которой ныне можно только догадываться.

Городище находится в 0.5 км к востоку от д. Кольчево Мурыгинского сельсовета Починковского района Смоленской области. Оно занимает оконечность отрога левого берега широкого и глубокого оврага, по дну которого протекает маленький безымянный ручеек, впадающий в Сож. Площадка городища имеет в плане обычную треугольно-яйцевидную форму. Ее длина 35 м, ширина около вала, т. е. в наиболее широком месте, 30 м. Высота городища над дном оврага 11—12 м.

От плато коренного берега городище отделено большим и крутым валом кокошниковидной формы высотой более 4 м. Полы вала, снижаясь до высоты 0.3—0.4 м, окружают площадку по всему ее периметру. На стрелке этот вал более отчетлив, его высота

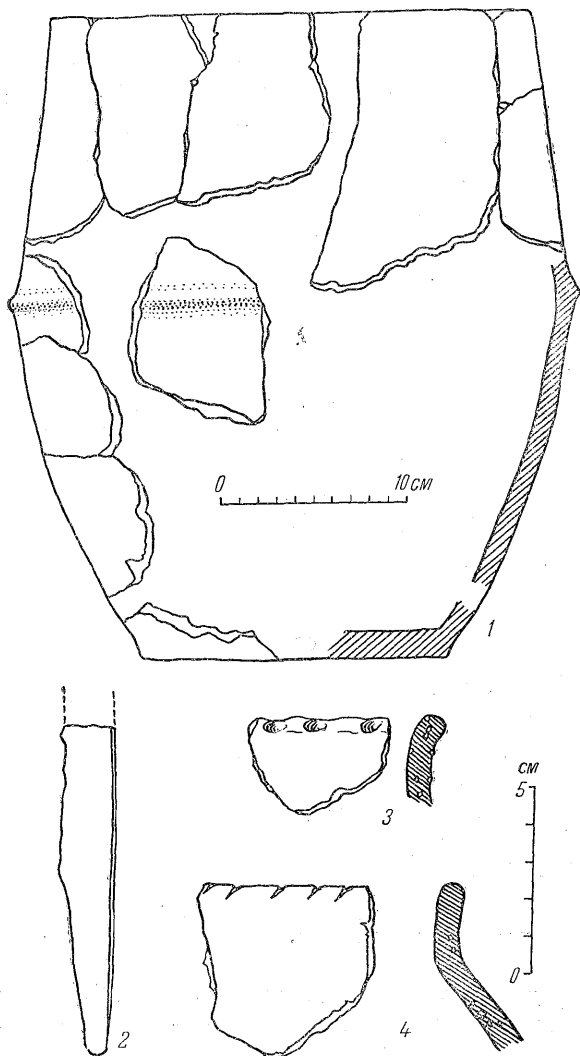

Рис. 63. Реконструкция сосуда из Лахтеевского городища (1). Железный нож и обломки керамики из Кольчевского городища (2—4).

0.5 м. За основным валом имеется широкий и глубокий ров (свыше 5 м глубины). За рвом у обоих склонов отрога видны следы невысокой, валообразной насыпи, отсутствующие в средней части отрога. Никакого значения для обороны такие насыпи иметь не могли. Мы склонны думать, что в древности городище имело три сравнительно небольших вала и три рва. В период средневековья первый вал был значительно увеличен, а на месте первого рва, второго вала и второго рва был выкопан большой ров. Валообразные насыпи у склонов представ-

ляют собой остатки третьего вала, разрушенного в средней части при сооружении средневековых укреплений. Остается совсем неизвестным, к какому времени относится уступ — следы линии укреплений, огибающей склоны городища на половине их высоты, особенно отчетливый на стрелке. Уступ может быть и древним, и средневековым.

Принимая во внимание, что по своей форме Колычевское городище близко напоминает Тушемлю, Городок и охарактеризованное выше городище у д. Прудки, можно было ожидать, что на нем сохранились остатки таких же сооружений, как и на перечисленных городищах. Чтобы ответить на этот вопрос, на площадке Колычевского городища, на стрелке, в направлении длинной оси площадки, была заложена траншея длиной 10 м и шириной 2 м, конец которой заходил на вал, окружавший площадку по краю. На продольном профиле траншеи было хорошо видно, что древний и средневековый слой здесь четко отделяются один от другого. Древний слой толщиной 0.3—0.4 м имеет темно-серую, почти черную окраску, он песчаный, аморфный по строению и содержит очень мало находок — обломков керамики, обожженных, расколотых камней и перегнивших костей животных. Средневековый слой, в основе такой же, как и древний, легко отличается от последнего благодаря переносившим его мелким вкраплениям обожженной и полуобожженной глины, являющимся остатками глиняной обмазки полов и стен построек. Средневековый слой изобилует обломками керамики и другими находками. Средневековому слою соответствует верхний горизонт насыпи вала, проходящей по краю площадки. Основным материалом насыпи послужил древний культурный слой, очевидно, взятый с площадки городища. Нижний горизонт вала, мощностью до 0.5 м, относящийся к древнему времени, сложен из мешанного, загрязненного гумусом песка. Он лежит непосредственно на нижнем культурном слое.

На поверхности плотного, суглинистого материка были обнаружены ямы от вертикальных столбов. Большинство из них были небольшими в диаметре (0.1—0.2 м) и неглубокими (0.1 м). Три ямы до половины глубины были большими, овально-прямоугольными в плане, до 1 м в длину и 0.5 м в ширину. В нижней части размеры ям снижались до размеров столба диаметром 0.25—0.3 м, причем в одной из ям были гнезда от двух столбов. Общая глубина ям в материке достигала 0.55 и 0.65 м, но их контуры были хорошо видны в толще древнего культурного слоя, так что полная их глубина составляла 1 м. Две из ям находились под внутренней полостью вала, а третья, открытая лишь частично, отстояла от них на 4 м. Форма ям, их размеры, расстояние между ямами, равное 4 м, то, что снаружи от ближайших к краю площадки ям располагалась насыпь древнего вала, — все это заставляет вспомнить остатки столбовой постройки Тушемли. Мы не сомневаемся, что на Колычевском городище была такая же постройка. Каких-либо следов круглого святилища в пределах траншеи обнаружено не было.

Насыпь древнего вала лежала поверх нижнего горизонта культурного слоя, а ямы постройки прорезали его толщу. Следовательно, нижний культурный слой Колычевского городища является более ранним, чем постройка тушемлинского типа. Небольшой керамический материал из нижнего слоя оказался в основных чертах таким же, как на селище в устье р. Хмары. При общем сходстве колычевской керамики с посудой из верхнего слоя Тушемли на ней имеются такие более древние элементы, как ямочки (типа зацепов) на венчиках некоторых сосудов. Кроме керамики из нижнего слоя происходит обломок прямого железного ножа (рис. 63, 2).

Средневековый культурный слой, как уже указано, дал большое число разнообразных находок. Здесь найдено несколько железных ножей, шпора с шипом, наконечник копья с узким пером, наконечник стрелы, сломанный топор, замок, ключи, много гвоздей, обломки стеклянных браслетов и большое число обломков керамики, обычной для смоленских городищ XI—XIII вв.

РАСКОПКИ НА БОЛОТНЫХ ГОРОДИЩАХ

Болотными городищами называются древние укрепления, расположенные в труднодоступных, заболоченных местах. Такие места использовались в целях обороны в разные периоды начиная с глубокой древности и кончая средневековьем. В европейской части

СССР особенно много болотных городищ известно на территории Белоруссии и смежных с нею полесских и верхнеднепровский областей, бывших в делеком прошлом страпой обширных болот. В Белоруссии имеются болотные городища I тысячелетия до н. э., относящиеся к милоградской культуре и культуре штрихованной керамики и болотные городища I тысячелетия н. э. Многие древнерусские города и феодальные усадьбы также сооружались среди болот и речных протоков. Таковы Борисовское городище на р. Березине, «Воинщина» под Смоленском и многие другие.

Древние укрепленные поселения, защищенные болотами, известны и на Смоленщине. Но, кроме них, здесь имеются болотные городища особого типа, не известные в других местах, за исключением нескольких пунктов на севере Белоруссии. Это очень однообразная по устройству, расположению и размерам группа древних укреплений, беспорно относящихся к одному и тому же или близкому времени. Такие городища располагаются обычно на невысоких всхолмлениях среди болот и представляют собой совсем небольшие круглые или овальные площадки, окруженные одним-двумя невысокими валами и соответствующими им рвами. Общее чертой этих городищ является отсутствие культурного слоя. Попытки их исследования, предпринятые А. Н. Лявданским в 20—30-х годах, не дали никаких положительных результатов. Лишь на некоторых болотных городищах были найдены отдельные обломки грубой лепной керамики как будто бы второй половины I тысячелетия н. э., а также угли и обгоревшие камни. Отсутствие культурного слоя указывало на то, что городища не являлись местами постоянного обитания. Миниатюрные размеры (15—20 м в поперечнике) и небольшая высота валов не позволяли рассматривать их и в качестве укреплений оборонительного характера. По мнению А. Н. Лявданского, смоленские болотные городища скорее всего служили для обрядовых, религиозных целей.¹

В 1960—1961 г. были исследованы два болотных городища: одно около д. Асташково Починковского района Смоленской области, другое в Смоленском районе у д. Шанырево. Раскопки позволили выяснить некоторые особенности устройства городищ, более точно установить их время и, самое главное, определить их отношение к другим смоленским древностям второй половины I тысячелетия н. э.

Городище у д. Асташково находится в области верхнего течения Сожа, на его левобережье, не более чем в 5—6 км от Тушемли, городища у д. Слобода Глушица и Мокрядинского городища. От д. Асташково оно отстоит на 2,5 км в северо-восточном направлении. Лес, в пределах которого городище расположено, по имени одной из соседних деревень называется Карманическим. А. Н. Лявданскому это городище было известно лишь со слов местных жителей. Ни он и ни кто-либо другой из археологов его не обследовали.

Городище занимает часть длинной и узкой песчаной гряды, тянущейся через болото в направлении с северо-востока на юго-запад. Высота гряды над болотом не более 1,5 м, ширина 25—30 м. Городище имеет овальную форму, его площадка окружена замкнутым, расплывшимся валом и рвом. Длина площадки внутри вала 14,5 м, ширина 12 м. Высота вала над уровнем площадки составляет не более 0,5 м, ширина основания вала 4 м. Ров сильно заплыл, его глубина от вершины вала около 1,5 м, а от поверхности песчаной гряды 0,5 м. В юго-западной части ров прерывается на 2—2,5 м. Здесь, очевидно, был вход на городище (рис. 64).

Все северо-восточная половина городища — его площадка и валы — попорчена большими ямами. Это местные охотники выкапывали лисьи норы. Противоположная половина городища сохранилась относительно хорошо. Здесь был заложен раскоп размером 42 м².

Со стратиграфией городища можно ознакомиться по его поперечному профилю (рис. 64). Верхний слой (7) — мешанный песок с пятнами гумуса — является позднейшим образованием, связанным с ямами в северо-восточной части городища. В юго-западном направлении этот слой выклинивается, не достигая полы вала. Второй слой (5), лежащий на площадке внутри вала и перекрытый старым почвенным слоем, образовался за счет оползания вала и почвообразовательных процессов в течение многих лет уже после того, как городище было

¹ А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. II, вып. 3, 1926, стр. 159—173, 187—190.

заброшено. Это слабо гумусированный, слоистый песок. Никаких находок в этом слое сделано не было. Сильно расползшаяся насыпь вала (6), исследованная лишь частично, сложена из чистого песка с включениями глины. В ней имеются отдельные пятна гумуса и мелкие угли. Под насыпью сохранился слой древней почвы, на поверхности которого под внутренней полостью вала обнаружены скопления углей от сгоревших прутьев, по-видимому, плетня (1, 4). Особенно обильными они были в юго-восточной части раскопа. Здесь скопления угля шли полосой (1.3 м ширины) параллельно валу. После того как уголь и погребенная почва были сняты, на поверхности светложелтого песчаного материка не было обнаружено никаких пятен, которые могли бы рассматриваться в качестве следов стоявших здесь столбов. Следует полагать, что вал с внутренней стороны был ограничен плетнем либо каким-то сооружением из плетня, сгоревшие следы которого сохранились лишь там, где они оказались погребенными под полостью расползшегося вала. Следов от таких кольев, составлявших основу этого плетня, в песке могло не сохраниться.

На площадке городища с внутренней стороны от полосы скоплений угля поверхность материка была сильно прокалена, до красного цвета (2). В пределах площадки, как и под валом, никаких столбовых ям или их следов не обнаружено.

Городище у д. Шапырево, впервые описанное А. Н. Лявданским,² находится на берегу небольшой речки Березинки, впадающей в Днепр слева, в 18—20 км выше Смоленска.

² Там же, стр. 270, 271.

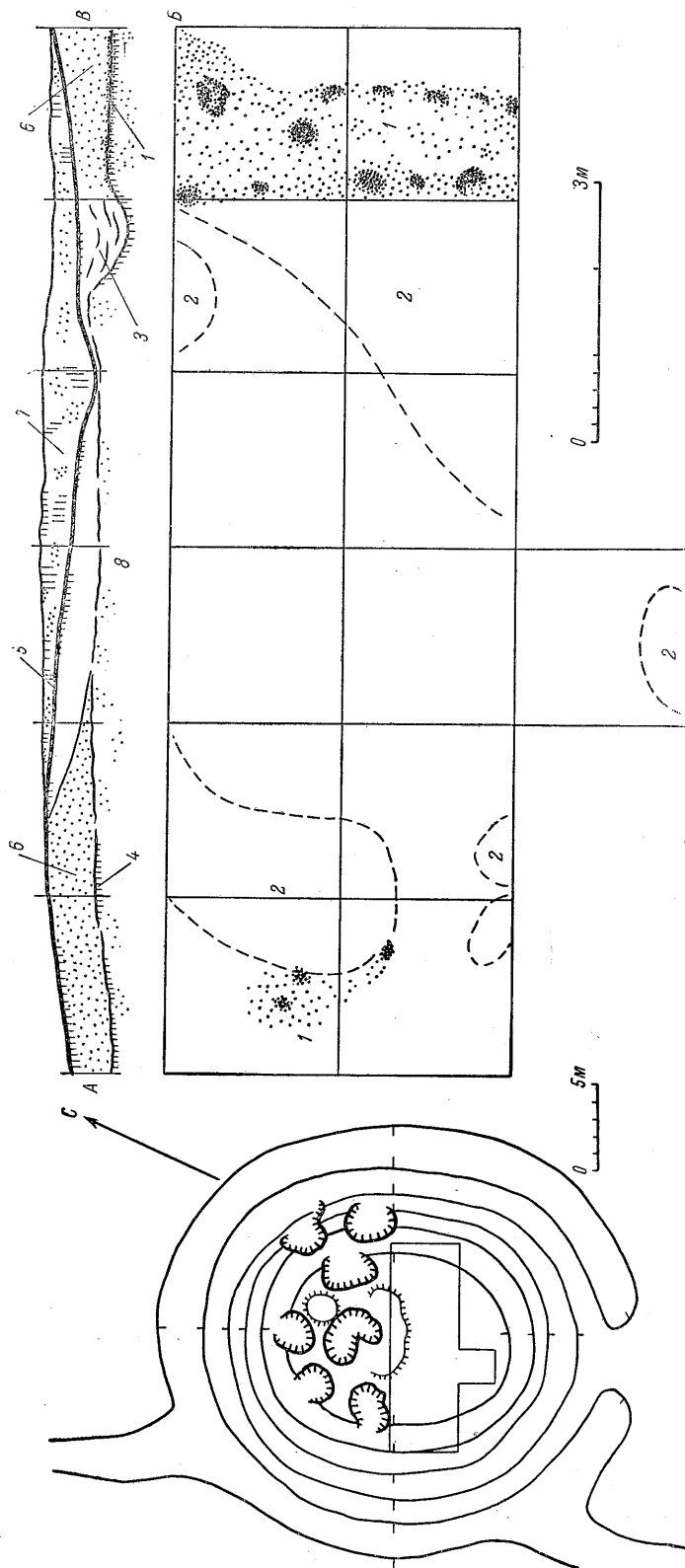

Рис. 64. Асташковское болотное городище. План городища, план и профиль раскопа.

1 — углистые пятна на уровне древней почвы; 2 — участки, где поверхность почвы сильно обожжена; 3 — углубление со слоистым заполнением; 4 — погребенная почва; 5 — современная почва; 6 — насыпь вала; 7 — вынос из современных ям; 8 — песчаный материк.

Вдоль левого берега Днепра здесь лежит широкая, пятикилометровая, заболоченная низина. Городище расположено на краю низины, среди болот, ныне в значительной части осушенных, недалеко от левого берега реки. От д. Шапырево оно находится в 1 км в юго-восточном направлении.

По своему расположению, форме и размерам городище у д. Шапырево является характерным образцом болотных городищ смоленского типа. Оно занимает южную оконечность невысокой песчаной гряды, тянувшейся вдоль реки на расстоянии 150—200 м от ее русла. Городище имеет правильную овальную форму. Его площадка, ориентированная почти

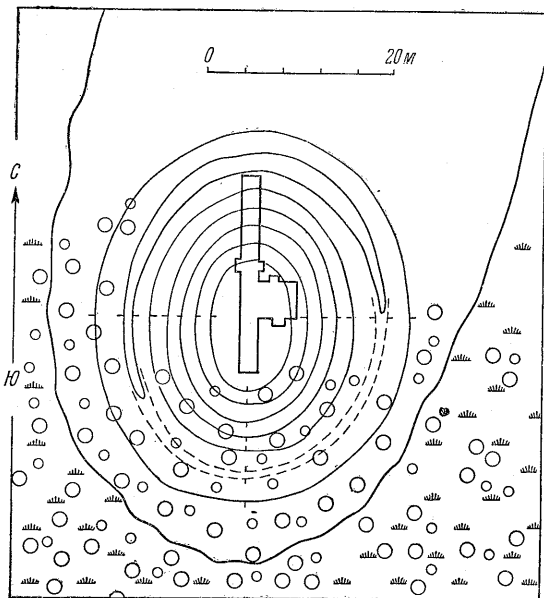

Рис. 65. План болотного городища у д. Шапырево.

точно с юга на север, окружена двумя замкнутыми валами с неглубоким рвом между ними. Длина площадки 14 м, ширина 9 м. Высота валов над уровнем площадки 0.75—0.8 м. Внутренний вал несколько выше наружного, особенно с южной стороны, где городище окружено болотом. Ширина основания валов 6—7 м (рис. 65).

Площадка городища, ровная и хорошо задернованная, никогда не распахивалась. На ней не видно ни ям, ни старых раскопов. Хорошо сохранились и валы городища. Местное население хорошо знает городище, называя его Городком.

Исследование городища было произведено следующим образом. Вдоль площадки, по ее длинной оси, была проложена траншея шириной 2 м и длиной 21.2 м, прорезавшая всю площадку и с северной стороны внутренний вал, ров и часть внешнего вала. В северо-восточном секторе площадки к траншее был прирезан квадрат размером 4×4 м, к которому впоследствии были сделаны небольшие прирезки. В результате был получен продольный профиль городища и исследовано более трети площади, заключенной внутри валов. Всего было вскрыто 60 м² (рис. 66).

Культурный слой на городище отсутствует. На поверхности площадки лежит тонкий (0.15—10.2 м) почвенный слой, слабо гумусированный, подзолистый, светло-серой окраски. Его подстилает светло-желтый, почти белый песок. Граница между почвенным слоем и песком очень нечетлива.

В почвенном слое, сразу же под дерном, т. е. на глубине 0.1 м, на площади 1 м² было найдено восемь небольших обломков кружалной средневековой керамики. Все они принадлежали одному сосуду XII—XIII вв. с сильно профилированным венчиком и орнаментом из полосы ногтевых вдавлений.³ В этом же слое, ближе к северному краю площадки, найдено три обломка грубой, толстостенной посуды, вылепленной от руки из глины с примесью крупных зерен дресвы, отчего поверхность керамики является очень неровной, шероховатой. Цвет керамики бурый, неровный; обжиг хороший. Два таких же обломка, несколько более крупных, найдено под обращенной к площадке полый внутреннего вала, в гумусированной прослойке, речь о которой будет идти ниже. К сожалению, все эти обломки являются частями стенок сосудов, при этом разных; нет ни одного обломка венчика. Но по составу глины, обжигу, характеру поверхности эта керамика является отнюдь не ранней, а, вероятно, самой поздней лепной керамикой IX—X вв. Она отличается от посуды из верхнего горизонта городища Тушмя. К этой же группе керамики относится, ве-

³ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960.

роятно, найденный в почвенном слое на площадке городища обломок небольшого лепного, относительно тонкостенного сосуда из глины без крупной дресвы.

Кроме обломков керамики, в почвенном слое найдены три небольшие кусочка обожженной «печицы», а в основании слоя — несколько кремневых орудий и отщепов.

Наиболее интересным открытием, сделанным у д. Шапырево, являются следы деревянных построек на площадке и деревянных конструкций внутреннего вала, позволившие реконструировать облик бывшего здесь сооружения (см. рис. 10, 66).

Вокруг площадки, вдоль вала был обнаружен ряд ям от вертикальных столбов. Их следы были хорошо видны в материковом песке в виде округлых пятен 0.25—0.35 м в поперечнике, уходящих в материк на 0.5—0.6 м и даже в двух случаях на 0.85 м. В двух случаях ямы в верхней части были несколько большего размера, а затем резко сужались. Другими словами, здесь наблюдалась такая же картина, как на городищах типа Тушемли. В трех ямах на фоне их серого заполнения можно было видеть более темное, гумусированное пятно, уходящее до самого дна, — след стоявшего здесь столба диаметром до 0.2—0.25 м. Всего было открыто шесть ям от столбов, стоящих по овалу на равном расстоянии друг от друга. Как и на городищах тушемлинского типа, это расстояние составляло 2—2.25 м. Всего вокруг площадки должно было стоять 15 или 16 столбов.

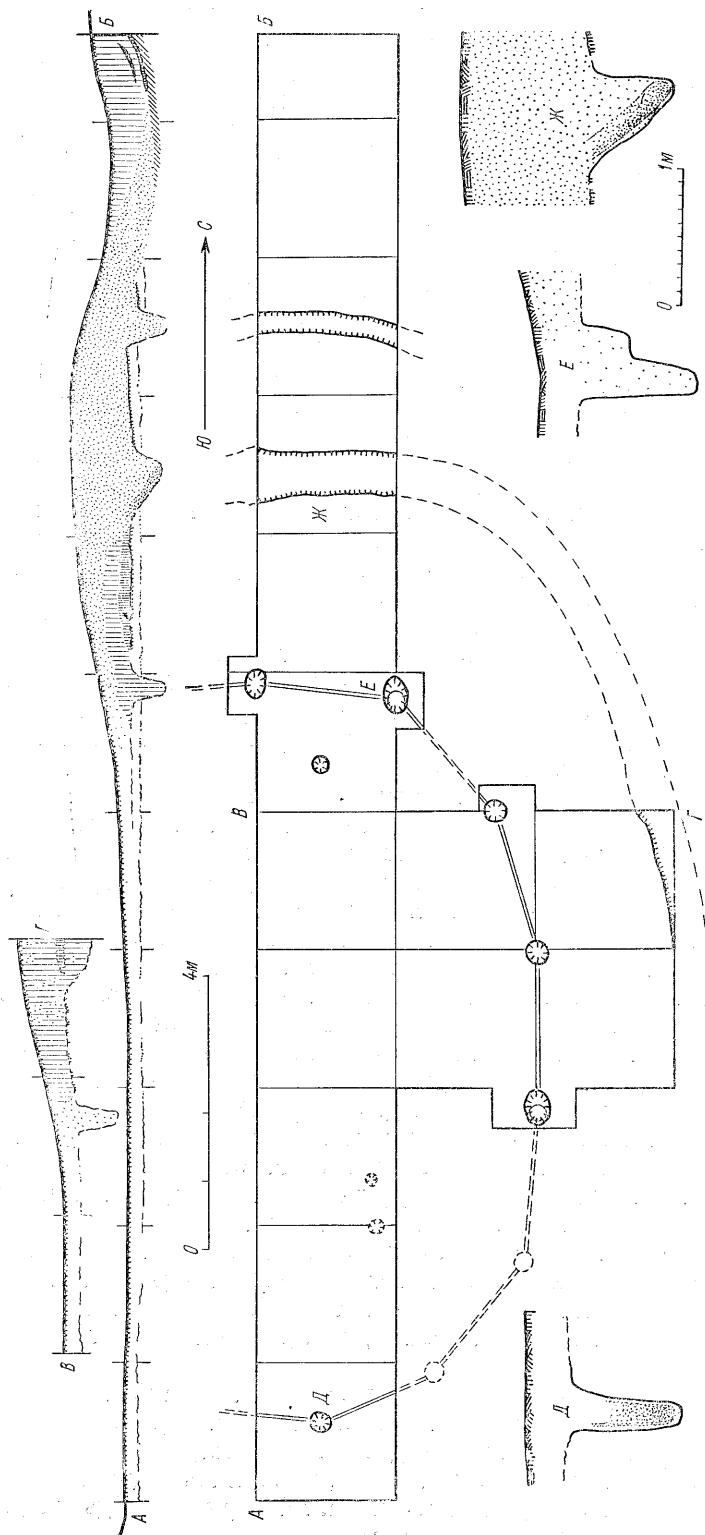

Рис. 66. План и профили раскопа на городище у д. Шапырево.

А—Б и В—Г — направление профилей; Д, Е — профили ям; Ж — профиль ровника.

Под центральной частью насыпи вала в материке обнаружена канавка, идущая параллельно линии столбов на расстоянии 2.1—2.5 м. Ее ширина на уровне поверхности материка 0.6 м, глубина 0.4—0.6 м. Ко дну она сужается до 0.15—0.4 м. Внутренняя стенка канавки (находящаяся со стороны площадки) является пологой, но очень четкой и определенной; заполняющий канавку мешанный и загрязненный песок окрашен здесь гумусом в серый цвет. Противоположная стенка почти отвесна, но является менее определенной, главным образом потому, что заполнение в этой части почти не окрашено гумусом.

В средней части траншеи в заполнении канавки было обнаружено углистое пятно, оказавшееся следами нижней части обгоревшего бревна, стоявшего наклонно в направлении площадки. Толщина бревна не превышала 0.15 м. Следы других таких же бревен, также стоявших наклонно, вилотную одно к другому, сохранились на дне канавки в виде примыкающих друг к другу «гнезд» от нижних концов.

Нет никаких сомнений в том, что на вершины вертикальных столбов, стоявших вокруг площадки, опирались стропила, очевидно, очень массивные. На них опирались верхние концы поставленных в канавку нетолстых бревен, образующих своего рода наклонный часток. В целом сооружение представляло собой массивный навес. Судя по направлению обугленного бревна, следы которого сохранились в канавке, высота навеса со стороны площадки составляла около 2.5 м над дневной поверхностью.

Правильность предлагаемой нами реконструкции подтверждается стратиграфией насыпи внутреннего вала. На профиле вала видно, что внутри остатков навеса, над поверхностью его пола, обозначенного черной, гумусно-углистой прослойкой, на которой были найдены упомянутые выше обломки лепной керамики, лежит прослойка гумуса толщиной 0.15—0.2 м, а над ней слой слабо гумусированного подзолистого песка толщиной до 0.2—0.25 м. Сверху все это прикрыто насыпью вала. Мы полагаем, что прослойка гумуса является остатками рухнувших бревен, составлявших крышу навеса, а слабо гумусированный слой — остатками дернового покрытия этого деревянного навеса, к которому непосредственно примыкала насыпь вала.

На расстоянии 1.6—1.75 м от описанной выше канавки была обнаружена вторая канавка, параллельная первой. Ее ширина составляла 0.35 м, глубина в материке около 0.4 м. Обе стенки были одинаковыми, почти отвесными. В заполнении сохранилось большое количество мелких угольков от сгоревших толстых прутьев. Очевидно, мы имеем здесь дело с остатками плетня, стоявшего вертикально и представлявшего собой наружную облицовку вала. Если подсчитать количество песка, составляющего вал и заполняющего наполовину ров (вторую половину заполняет гумусированный материал, сползший с наружного вала), то в древности высота насыпи вала, ограниченная навесом с одной стороны и плетнем с другой, равнялась приблизительно 1.5—2 м. Ее продолжением была вершина земляной крыши навеса, поднимавшейся, как уже указано, до 2.5 м. Возможно, конечно, что на вершине насыпи было поставлено еще какое-либо деревянное сооружение — часток или стена из горизонтально расположенных бревен, их следов сохраниться не могло.

Ров, расположенный между внутренним и наружным валами, оказался совсем неглубоким. Его дно лежало не более чем на 0.4—0.45 м ниже уровня площадки. Здесь не было рва как защитного сооружения, а между валами был снят верхний слой земли. Ширина этого рва в древности составляла примерно 4 м.

На дне рва ближе к наружному краю лежала куча камней (валунов) со следами огня. Здесь же были уголь и зола. Над ними была еще одна углистая прослойка, но без камней. Наружный ров нами не исследовался. Можно сказать лишь, что он был сложен из более гумусированного материала, чем внутренний вал, из почвенного слоя, возможно, из дерна.

Внутри площадки поверхность материка была тщательно просмотрена. При этом в северной части обнаружена одна небольшая (диаметр 0.2 м, глубина 0.35 м) столбовая ямка, а в южной части — два неопределенных пятна, уходящих в песок не более чем на 0.1 м, скорее всего случайных. Следовательно, как и на городищах тушемлинского типа, средняя часть площадки была свободна от построек. Размеры этого «двора», овального по форме, составляли в длину 9 м, в ширину 7—7.5 м.

На правом берегу р. Березинки, в 1,5—2 км выше городища, находится место древнего селища, впервые обнаруженное В. В. Седовым.⁴ Кроме средневековой кружалной керамики, на селище встречается и более древняя — грубая лепная, очень похожая на лепную керамику из городища. Возможно, что эти два памятника должны быть связаны между собой.

ДРЕВНИЕ ГОРОДИЩА В ОБЛАСТИ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ДЕСНЫ

Обследование древних городищ в поречье Верхней Десны преследовало двоякую цель. Во-первых, необходимо было установить, имеются ли здесь городища смоленского типа с их трехчленной культурной стратиграфией. При этом нужно было определить, где проходит их юго-восточная граница и начинается область характерных для бассейна Десны городищ юхновской культуры. Во-вторых, не менее важной задачей было выяснить отношение культуры верхнедеснинских городищ к зарубинецкой культуре, распространеннейшей по Десне в первых веках нашей эры. О том, что в бассейне Верхней Десны имеется много древних городищ, не меньше, чем в бассейне Сожа, было известно по материалам С. М. Соколовского¹ и данным Смоленского краеведческого института.

Первая из поставленных выше задач в значительной части была разрешена в результате обследований 1954 г., проведенных Л. Б. Артишевской. Она обследовала группу древних городищ на Десне и ее притоках в Рогнединском районе Брянской области.² При этом было выяснено, что эти городища, известные здесь в числе семи, уже не относятся к юхновской культуре, а принадлежат к культуре смоленского типа, известной по нижнему слою Тушемли или Мокрядинскому городищу. Северная граница городищ юхновской культуры проходит несколько ниже по Десне. Такие юхновские городища, как Благовещенская гора и Торфель,³ расположенные выше Брянска, занимают пограничье двух древних культур — юхновской и смоленской. Пограничная полоса, как и в других местах, была здесь, очевидно, очень нечеткой. Ниже Брянска юхновская культура выступает уже в «чистом виде».

В 1958 г. широкие археологические обследования по берегам Верхней Десны (без притоков) были произведены Е. А. Шмидтом и Ф. М. Заверняевым.⁴ Их материалы полностью подтвердили приведенные выше выводы Л. Б. Артишевской относительно северной границы городищ юхновского типа.

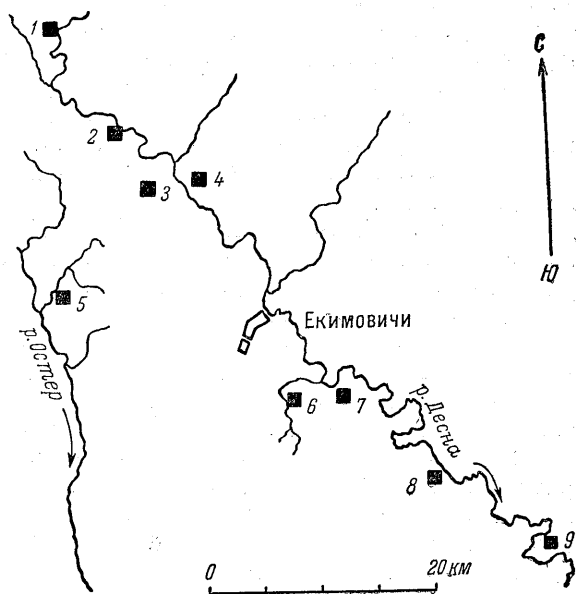

Рис. 67. Древние городища в верхнем течении р. Десны.

1 — д. Дуброва; 2 — д. Холмец; 3 — д. Городчанка; 4 — д. Троянова Слобода; 5 — д. Костыри; 6 — д. Альняговка; 7 — д. Караковичи; 8 — д. Осовик; 9 — д. Высокое.

⁴ В. В. Седов, ук. соч., стр. 142, № 30.

¹ А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы арх. камісіі Беларускага акад. навук, т. III, 1932.

² Л. Б. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, вып. 68, 1957.

³ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953, стр. 108; Е. Н. Горюнов. Городище Торфель. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

⁴ Е. А. Шмидт и Ф. М. Заверняев. Археологические памятники бассейна Верхней Десны. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 3, Смоленск, 1959, стр. 191 и сл.

Вместе с тем обследования 1954 и 1958 гг. показали, что верхнедеснинские городища не имеют такой свиты напластований, какая характерна для городищ Смоленщины. На деснинских городищах встречены лишь ранние материалы и совсем не обнаружены поздние, аналогичные материалам верхнего слоя Тушемли. Лишь на одном из верхнедеснинских городищ — Владимировском — была обнаружена керамика, которую возможно датировать третьей четвертью I тысячелетия н. э.⁵ Здесь не принимаются во внимание средневековые городища, в том числе с остатками культуры роменского типа, выходящие из границы наших интересов.

В 1959 г. с целью получения более определенного ответа на все поставленные выше вопросы нами было произведено обследование деснинских городищ в пределах Ельнинского и Екимовического районов Смоленской области и Рогединского района Брянской области, на участке, непосредственно примыкающем с севера к району работ Л. Б. Артишевской. В 1961 г. было произведено дополнительное обследование Владимировского городища. Кроме городищ, нас интересовали селища зарубинецкого типа, речь о которых пойдет ниже (стр. 134).

Описание обследованных городищ дается в том же самом порядке, в каком они пронумерованы на прилагаемой схеме (рис. 67).

1. Городище у д. Дуброва Ельнинского района Смоленской области. Городище находится на правом коренном берегу Десны в 700 м ниже деревни, на мысу, образованном двумя заболоченными оврагами. Площадка городища имеет яйцевидно-треугольные очертания; ее длина около 60 м, ширина в средней части 40 м; над дном оврагов и пойменной террасой площадка возвышается на 12 м. Со стороны плато коренного берега городище ограничено дугообразным в плане валом высотой около 3 м и рвом.

Культурный слой в средней части площадки имеет толщину 0.4 м. По структуре он суглинистый, темно-бурой окраски; материалом является тяжелый суглинок желтого цвета. В слое встречаются обломки керамики и кости животных. Керамика принадлежит к древнему типу; она аналогична посуде нижнего слоя городища Тушемля.

2. Городище у д. Холмец Екимовического района Смоленской области. Городище расположено в 2.5 км на юго-восток от деревни на правом берегу Десны, слева от устья Анина ручья. Рядом с городищем, непосредственно за его валами, стоял раньше хутор Горюдок, ныне не существующий.

Площадка городища занимает среднюю часть длинного и узкого мыса коренной террасы, ограниченного с одной стороны крутым склоном к Десне, с другой — склоном в долину ручья. Со стороны плато коренного берега площадка городища ограничена двумя валами и двумя рвами. Высота первого вала около 2 м. От узкой и пологой стрелки мыса городище отделено другими двумя валами с рвом между ними. Форма площадки в плане — неправильная яйцевидная; ее длина 42 м, ширина в средней части около 30 м. Над поймой Десны городище возвышается на 10 м. Современное русло Десны отстоит от подножья коренного берега на 40—50 м, но в древности река находилась ближе, о чем говорят многочисленные следы старых русел (рис. 68, 1).

На площадке городища имеется несколько ям военного времени, в стенках которых виден интенсивно окрашенный песчаный культурный слой мощностью до 1 м с обломками керамики, относящейся к типам нижнего и среднего слоя городища Тушемля. Для изучения стратиграфии городища в его средней части был заложен шурф размером 4×4 м. Культурный слой в этом месте имел мощность 0.85 м. По своему строению и по составу находок слой оказался точно таким же, как на Мокрядинском городище.

В верхней части, до глубины 0.4—0.5 м, слой был аморфным, черным по цвету, сильно гумусированным и углистым. Ниже его прорезали многочисленные прослойки песка, гравия, золы и скопления камней. В плотном песчаном материке обнаружили многочисленные ямы от вертикальных столбов небольшого диаметра (0.1—0.15 м), но значительной глубины — до 0.3—0.35 м и в отдельных случаях до 0.5 м, это следы построек «кольевой» конструкции.

⁵ Л. Б. Артишевская, ук. соч., стр. 88, 89.

Керамический материал, обнаруженный во всех горизонтах слоя, относится к культуре древнейших городищ. Лишь в верхнем горизонте, до глубины 0.4 м, была встречена сравнительно в небольшом количестве керамика другого типа, такая же точно, как в верхнем слое

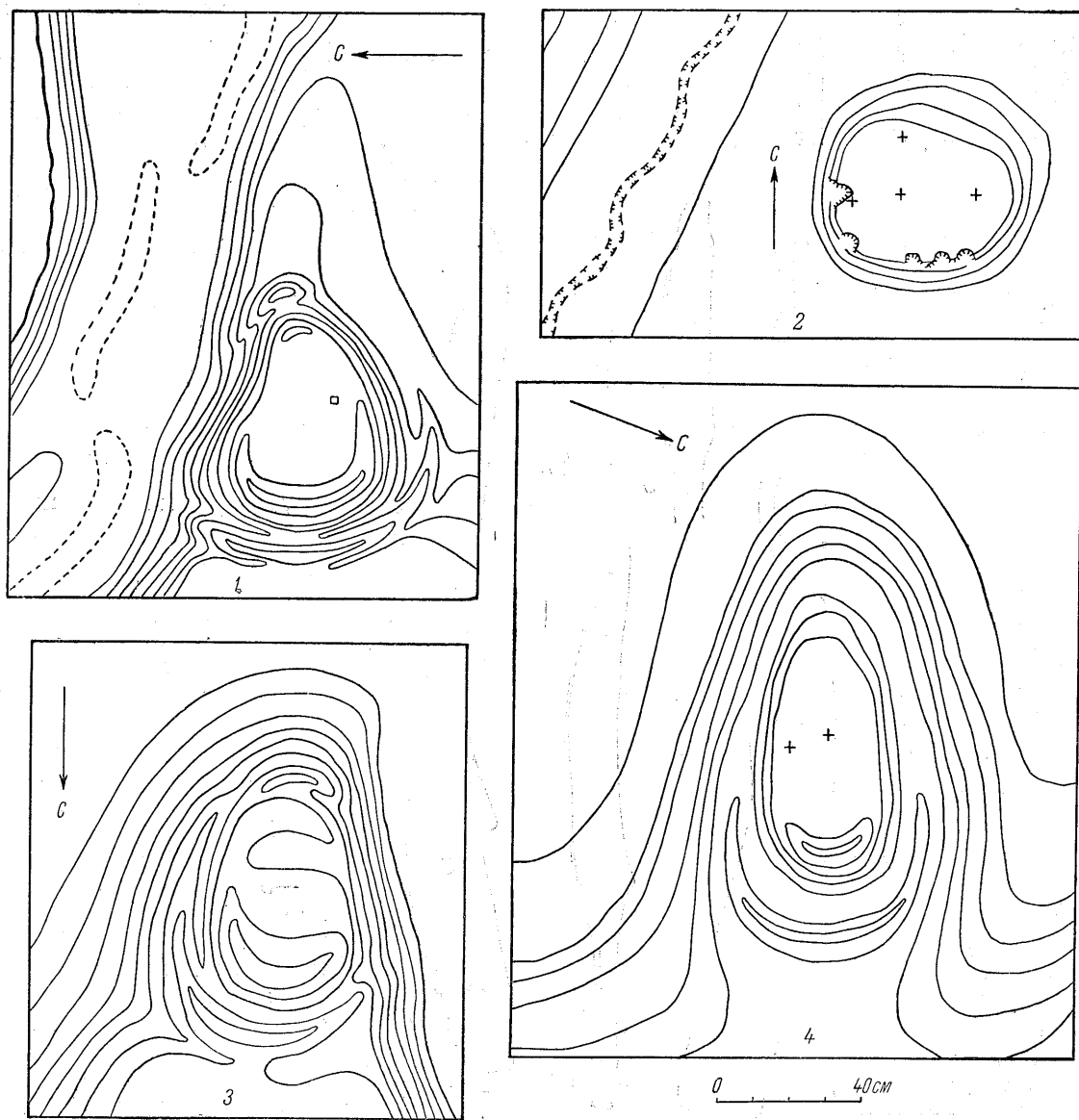

Рис. 68. Планы древних верхнедеснинских городищ.

1 — у д. Холмец; 2 — у д. Городчанка; 3 — у д. Троинова Слобода; 4 — у д. Костыри.

Мокрядинского городища, названная нами «переходной» от древнейшего типа к более позднему, характеризующему средний слой городища Тушемля. Вместе с этой керамикой найдены два небольших обломка глиняных мисок с лощеной поверхностью и пять «грузиков дякова типа». В нижних горизонтах слоя ни такой керамики, ни грузиков встречено не было.

Культурный слой изобилует и другими находками (рис. 69). Найдены четыре железных ножа, проушный топор, два больших железных кольца (браслета?), обломок бронзовой иглы, обломок бронзового украшения, «туники» из ребер и лопаток крупных животных, костяная трубочка и обломки других неопределенных железных, бронзовых и костяных изделий. Проушный топор и большой нож с заклепками на широком насаде были найдены вместе на глубине 0.5 м. В этом же горизонте было бронзовое украшение — по-видимому, бляха, напоминающая некоторые южно-прибалтийские формы первых веков нашей эры.⁶

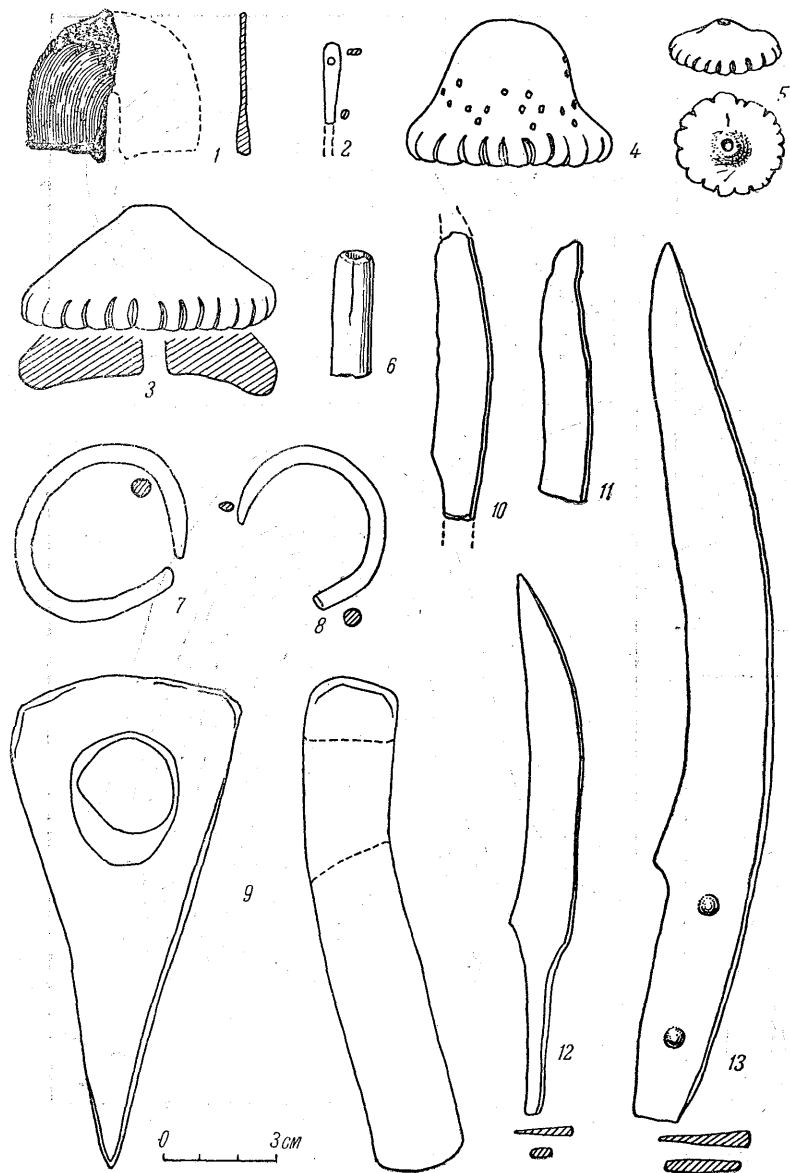

Рис. 69. Находки из городища у д. Холмец.

всю глубину. Найдено несколько десятков обломков керамики, принадлежащей к типу древнейших смоленских городищ.

4. Городище у д. Костыри Екимовического района Смоленской области. Городище расположено недалеко от предыдущего, в этой же части водораздела, на левом берегу р. Ско-

⁶ М. М о о р а. Tutuli de l'âge du fer romain dans la région de la Baltique Orientale. Opetetud Eesti Selti Toimetused, XXX, Tartu, 1938.

ровки (Чернышевки), одного из верхних притоков Остра. Верховья Остра отстоят здесь от долины Десны не более чем на 10—12 км, а несколько севернее — на 4—5 км. От деревни городище отстоит не более чем на 1 км в юго-восточном направлении.

Местом городища является мыс коренного берега, образованный двумя оврагами. Площадка городища имеет овальную форму, ее длина 55 м, ширина в средней части 30 м, высота над поймой р. Скоровки около 20 м. Городище имеет два вала и ров между ними. Продолжением второго вала является горизонтальный уступ, окружающий склоны городища со всех сторон на половине их высоты. У местных жителей городище известно под наименованием «Городки». Оно очень хорошо сохранилось и никогда не распахивалось (рис. 68, 4).

В пределах площадки были заложены два шурфа. В первом, в центральной части площадки, культурного слоя не оказалось. Во втором, у южного склона городища, был обнаружен гумусированный культурный слой толщиной до 0.5 м с находками обломков керамики такого же точно характера, как на городище у д. Холмец.

5. Городище у д. Троянова Слобода Екимовического района Смоленской области. Д. Троянова Слобода находится на правом берегу Десны в 12—13 км выше Екимовичей. Городище находится на противоположном, левом берегу реки, в 1 км выше деревни и в 0.5 км ниже устья левого притока Десны, р. Соложи. Местом городища является отрог коренного берега, образованный двумя оврагами. Его овальная площадка размером 45×35 м укреплена с напольной стороны двумя валами и двумя рвами. Следы двух валов видны на стрелке городища. Памятник сильно пострадал во время минувшей войны (рис. 68, 3). Городище имеет незначительный (0.3—0.4 м) культурный слой с обломками керамики тех же типов, что и на городище у д. Холмец.

6. Городище у д. Высокое Рогнединского района Брянской области. Городище находится на отроге левого коренного берега Десны в 3—3.5 км выше д. Высокое, вблизи д. Жалынец, в густом лесу. Отрог коренного берега, занятый городищем, ограничен тремя невысокими валами и таким же числом рвов. Округло-треугольная площадка имеет в длину 57 м, в ширину 40 м. Склоны городища крутые, особенно в сторону Десны, подмывающей здесь свой коренной берег.

Толщина культурного слоя на площадке городища колеблется в пределах от 0.5 до 1 м. Он черный, углистый, содержит обломки керамики, кости животных и расколотые обожженные камни. Керамика представлена теми же типами, что и на предыдущих городищах. Несколько лет тому назад на городище была найдена часть глиняной реберчатой миски с лощеной поверхностью, поступившая в Брянский областной музей.

В пределах обследованной нами части поречья Верхней Десны имеется еще три древних городища — у деревень Альягровка, Осовик и Караковичи, несколько ниже Екимовичей. Памятники были обследованы в 1958 г. Е. А. Шмидтом и Ф. М. Заверняевым. По их данным, городища содержат такую же точно керамику, что и все предыдущие. То же самое, как мы видели выше, следует сказать о городищах, расположенных ниже по Десне, обследованных Л. Б. Артишевской. Единственным исключением является Владимировское городище, находящееся на левом берегу Десны, в нескольких километрах ниже устья Габьи.

По внешнему виду Владимировское городище не отличается от других древних городищ поречья Верхней Десны. Оно расположено на мысу коренного берега, между двумя оврагами, с напольной стороны ограничено одним валом и рвом, ныне запыленным. Нижний горизонт его культурного слоя содержит такую же точно лепную, тонкостенную, неорнаментированную керамику, какая встречается на всех других древних городищах поречья Верхней Десны и Смоленщины. В верхнем горизонте культурного слоя встречена керамика совсем иного характера: толстостенная, в большинстве случаев с лощеной поверхностью, отличающейся, однако, от лощеной зарубинецкой посуды. По форме это были крупные, плоскодонные баночные сосуды, слабо профилированные, со слегка отогнутым наружу венчиком. На первый взгляд, их можно сопоставить с керамикой из верхнего слоя городища Тушемля. Но еще более похожи они на керамику из поселений VI—VIII вв., известных в большом числе в области среднего течения Десны.⁷

⁷ В. А. Падина. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, № 3, 1960, стр. 317, 318.

Памятники зарубинецкого типа в области Верхнего Поднепровья впервые были обнаружены А. Н. Лявданским в середине 20-х годов. Наиболее интересным среди них является могильник у д. Казичина на правом берегу Днепра, в 25 км выше Смоленска. Погребенные в толще большой дюны остатки этого могильника время от времени выходят на поверхность. Это небольшие скопления пережженных костей, сопровождаемые характерной керамикой, в том числе реберчатыми мисками с вылощенной поверхностью и кое-какими металлическими изделиями первых веков нашей эры, побывавшими в сильном огне.¹

В последнее десятилетие значительное число зарубинецких древностей было обнаружено в поречье Десны, в ее нижнем, среднем и верхнем течении. В большинстве случаев это остатки поселений, но есть и данные о могильниках. В то же время на Верхнем Днепре, выше устья р. Березины, таких находок сделано не было, несмотря на неоднократные поиски. Известные ныне на Могилевщине поля погребений, находящиеся у Нового Быхова, Хотищ и Кистеней,² как выяснилось, относятся не к зарубинецкой культуре, а к культуре более позднего времени. Очевидно, из области Среднего Поднепровья, где находились основные центры зарубинецкой культуры, она распространялась на север не вдоль Днепра, а более восточным путем, главным образом по поречью Десны. О том, что зарубинецкая культура на Десне является пришлой, говорит хронология памятников. Все известные на Средней и Верхней Десне зарубинецкие памятники являются более поздними, чем среднеднепровские. Они относятся к первым трем, а может быть, и четверем векам нашей эры.³

Лучше всего на Верхней Десне изучена группа зарубинецких поселений, обнаруженная Ф. М. Заверняевым в верхнем течении Судости, левого притока Десны. Два из них — поселение в местности «Валы» у г. Почеп (Почепское селище) и поселение у д. Синьково — подверглись значительным раскопкам,⁴ позволяющим определить характерные черты верхнедеснинской зарубинецкой культуры, не только более поздней, чем среднеднепровская, но и обладающей некоторыми своеобразными чертами, развившимися, по-видимому, за счет влияния местных, а также прибалтийских культур начала нашей эры.

Данными, говорящими об относительно позднем времени верхнедеснинских поселений, служат прежде всего характерные формы фибул и других металлических изделий. Фибулы среднелатенской схемы, обычные для зарубинецких могильников Среднего Поднепровья и поречья Припяти, на верхнедеснинских селищах еще ни разу не были встречены. Все фибулы из Почепского селища, из Синьковского селища и других мест относятся к первым векам нашей эры. Это главным образом железные фибулы позднелатенских типов со сплошным приемником (рис. 70, 1—2). Наряду с ними встречена прибалтийская «глазчатая» фибула. Их время — скорее всего II—III вв. н. э. На зарубинецком селище у пос. Жуковка была найдена железная Т-образная подвзвизная фибула, думаем, IV—V вв. н. э. (рис. 70, 4). Первыми веками нашей эры датируются происходящие из деснинских селищ булавки с верхней частью в виде пастушеского посоха. Такая же булавка происходит из упомянутого выше могильника у д. Казичина. То, что могильник расположен на Днепре, нисколько не противоречит сказанному выше о распространении зарубинецкой культуры на север по поречью Десны. В том месте, где находится этот могильник, верховья Днепра и его притоков близко подходят к верховьям Десны.

¹ А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі... Працы арх. камісіі Беларуска. акад. навук, т. II, 1930, стр. 282—285; Е. А. Шмидт. Могильник у д. Казичина около Смоленска. МИА, № 70, 1959.

² Ю. В. Кузаренко. Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. МИА, № 70, 1959, стр. 28, 29.

³ П. Н. Третьяков. Локальные группы Верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, № 1, 1960, стр. 41 и сл.

⁴ Ф. М. Заверняев. 1) Селища бассейна р. Судости. СА, № 3, 1960; 2) Археологические находки возле г. Почеп. КСИИМК, вып. 53, 1954; 3) Почепское селище первых веков нашей эры. СА, № 4, 1960.

Железные изделия деснинских зарубинецких поселений, в частности прямые ножи, также характерны для первых веков нашей эры.

В керамическом материале верхнедеснинских зарубинецких памятников их позднее время сказывается прежде всего в качестве лощеных изделий. По материалам памятников Среднего Поднепровья известно, что позднезарубинецкая керамика по сравнению с более ранней отличается худшим качеством лощения и некоторой грубостью изготовления.⁵ Верхнеднепровская керамика является в массе еще менее совершенной. На формы керамических изделий время наложило свой отпечаток. Некоторые глиняные миски из Почепского селища, изготовленные от руки, без помощи гончарного круга, по своей форме и некоторым деталям напоминают черняховскую кружальную керамику Среднего Поднепровья II—IV вв. н. э. То же самое можно сказать о сосуде из погребального поля, находящегося у с. Разлеты, на правом берегу Десны, в ее среднем течении. По фактуре он ничем не отличается от зарубинецких, по форме же приближается к черняховским. Уже совсем черняховский облик имеет найденный на Почепском селище сероглиняный кувшин. Он, вероятно, сделан не на месте, а привезен с юга вместе с глиняными и стеклянными изделиями римского типа, обломки которых были найдены при раскопках на селище. Следует также указать, что нелощеные лепные сосуды из Почепского и Синьковского селищ нередко напоминают по своей форме и пропорциям славянскую керамику середины и второй половины I тысячелетия нашей эры.⁶

Локальными особенностями верхнеднепровских зарубинецких памятников является распространение изделий из металла верхнеднепровских и прибалтийских типов. Выше уже шла речь о булавах с верхней частью в виде пастушеского посоха и о фибулах южнобалтийских форм, в Среднем Поднепровье почти неизвестных. Большинство этих изделий изготовлялось на Десне из железа — единственного местного металла. В керамике также имелись свои формы, например реберчатые миски с широко раскрытой горловиной. Возможно, местной особенностью являются столбовые постройки, остатки которых открыты А. К. Амбросом на Синьковском селище.⁷

За последние годы несколько зарубинецких поселений было обнаружено в самом верхнем течении Десны, выше г. Брянска (рис. 71).

Наиболее северным среди них является небольшое селище, расположенное на левом берегу Десны, в 1,5 км выше устья р. Соложи. На пологом склоне берега, на 2—3 м выше уровня поймы, в 1959 г. был обнаружен незначительный по мощности культурный слой с характерной керамикой. В 35—40 км ниже по Десне, на ее правом берегу, около д. Спартак Екимовического района Смоленской области, находится второе селище, исследованное нами в 1959 г. Еще ниже по течению Десны, около с. Чернея Рогнединского района Брянской области, расположены два селища: одно на правом берегу, в 0,5 км ниже села, другое — на противоположном берегу у д. Высокое. Следующее, считая по течению Десны, зарубинецкое селище обнаружено на ее левом берегу, у северо-западной окраины пос. Жуковка, в 1 км ниже устья р. Ветьмы. Оно занимает небольшое песчаное всхолмление типа старой дюны, расположенное на краю поймы. Его культурный слой мощностью до 0,3—0,4 м,

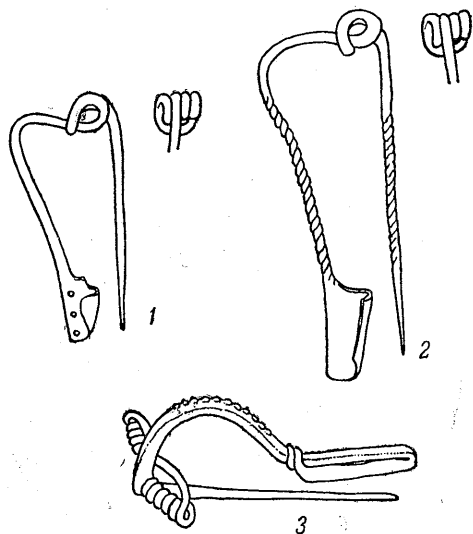

Рис. 70. Фибулы из деснинских селищ зарубинецкого типа.

1—2 — из селища у г. Почеп (раскопки Ф. М. Заверняева); 3 — из селища у пос. Жуковка.

⁵ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 147.

⁶ Ф. М. Заверняев. 1) Археологические находки возле г. Почеп, стр. 144, рис. 63, 1—2; 2) Почепское селище. . . , стр. 184, 185, рис. 3, 1—2, 4, 13—14; Ю. В. Кухаренко, ук. соч., стр. 31.

⁷ Раскопки А. К. Амброса. Материалы хранятся в Институте археологии АН СССР в Москве.

в значительной степени разрушенный, изобилует обломками грубой лепной керамики с заплатами или косыми насечками на венчике. Найдено несколько обломков резко профилированной лощеной посуды. Оттуда же, из культурного слоя, происходит уже упомянутая выше

железная фибула подвязного типа (рис. 70, 3). Наконец, группа из четырех зарубинецких поселений известна на обоих берегах Десны в районе с. Хотылево, в 15—18 км выше г. Брянска.⁸

Все верхнедеснинские зарубинецкие селища расположены в более или менее одинаковых топографических условиях. Они находились в большинстве случаев непосредственно на берегу реки, на краю первой надпойменной террасы или на возвышенностях дюнного характера. Многие из них занимают такие места, которые ничем не выделяются среди окружающей местности, другие приурочены к устьям притоков Десны.

Протяженность селищ довольно значительна. Они тянутся вдоль берега на 100—200 м и на несколько десятков метров в глубину. Их культурный слой обычно очень невелик — 0,2—0,4 м толщины, неинтенсивен и неоднороден на всей площади селища. Большинство найденных сейчас селищ распаханно и уже непригодно для исследования.

2

В 1959 г. были произведены небольшие раскопки на зарубинецком селище около д. Спартак Степаньковского сельсовета Екимовичского района Смоленской области.

Селище расположено на краю пологого, правого берега Десны, в 350 м на северо-восток от деревни. От современного русла реки оно отстоит на 50—60 м. Их разделяет полоса поймы с отчетливыми следами старых русел. В древности вершина излучины реки подходила, очевидно, непосредственно к месту селища. Средняя высота селища над уровнем поймы составляет 1,5 м. Его протяженность вдоль берега более 100 м, ширина до 40—50 м. Вся территория селища ныне распаханна. На фоне супесчаного, желто-серого грунта, на свежей пашне, место селища выделяется более темной окраской. С наиболее интенсивно окрашенными местами связываются скопления обломков керамики.

Селище расположено на краю пологого, правого берега Десны, в 350 м на северо-восток от деревни. От современного русла реки оно отстоит на 50—60 м. Их разделяет полоса поймы с отчетливыми следами старых русел. В древности вершина излучины реки подходила, очевидно, непосредственно к месту селища. Средняя высота селища над уровнем поймы составляет 1,5 м. Его протяженность вдоль берега более 100 м, ширина до 40—50 м. Вся территория селища ныне распаханна. На фоне супесчаного, желто-серого грунта, на свежей пашне, место селища выделяется более темной окраской. С наиболее интенсивно окрашенными местами связываются скопления обломков керамики.

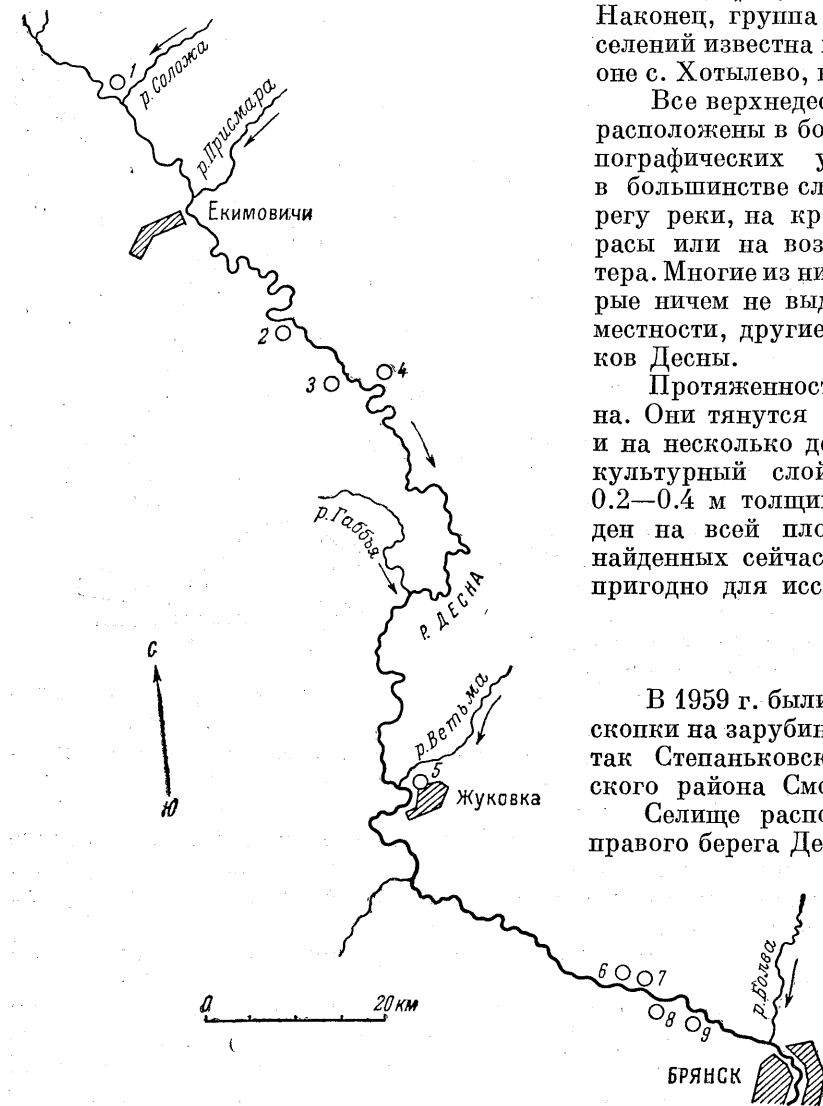

Рис. 71. Зарубинецкие селища в верхнем течении р. Десны.

1 — устье р. Соложи; 2 — д. Спартак; 3 — с. Чернея; 4 — д. Высокое; 5 — пос. Жуковка; 6—9 — с. Хотылево.

территория селища ныне распаханна. На фоне супесчаного, желто-серого грунта, на свежей пашне, место селища выделяется более темной окраской. С наиболее интенсивно окрашенными местами связываются скопления обломков керамики.

⁸ Е. А. Шмидт и Ф. М. Заверняев. Археологические памятники бассейна Верхней Десны. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 3. Смоленск, 1959, стр. 209—211, 214, 216—218.

Обследование селища показало, что толщина его культурного слоя не превышала в среднем 0.2—0.25 м. Слой повсеместно распахан на всю глубину. Поверхность желтого песчано-гравийного материка «исчерчена» плугом. Лучше сохранилась поверхность материка в средней части селища, ближе к краю склона, обращенного к реке, на месте одного из наиболее интенсивных темных пятен с находками обломков керамики. Вероятно, до распашки культурный слой был здесь несколько более толстым (до 0.25—0.3 м). Это место было выбрано для раскопок.

Первоначально параллельно линии берега, т. е. поперек склона в направлении с севера на юг, была заложена траншея размером 4×20 м. Впоследствии в процессе раскопок ширина траншеи в южной части была удвоена. Всего была вскрыта площадь размером в 116 м².

После снятия пахотного слоя на фоне светло-желтого материка обнаружилось несколько больших пятен культурного слоя, более темных, чем пахотный слой, обрисовывающих искусственные углубления в материке. Раскопки заключались главным образом в разборке этого слоя и изучении заполненных им углублений (рис. 72).

В южной части раскопа была обнаружена группа из двух больших и нескольких меньших по размеру углублений в материке. Наиболее крупное из них, обозначенное на плане буквой А, оказалось остатками жилого сооружения, несколько углубленного в землю, форма и конструкция которого не являются достаточно ясны-

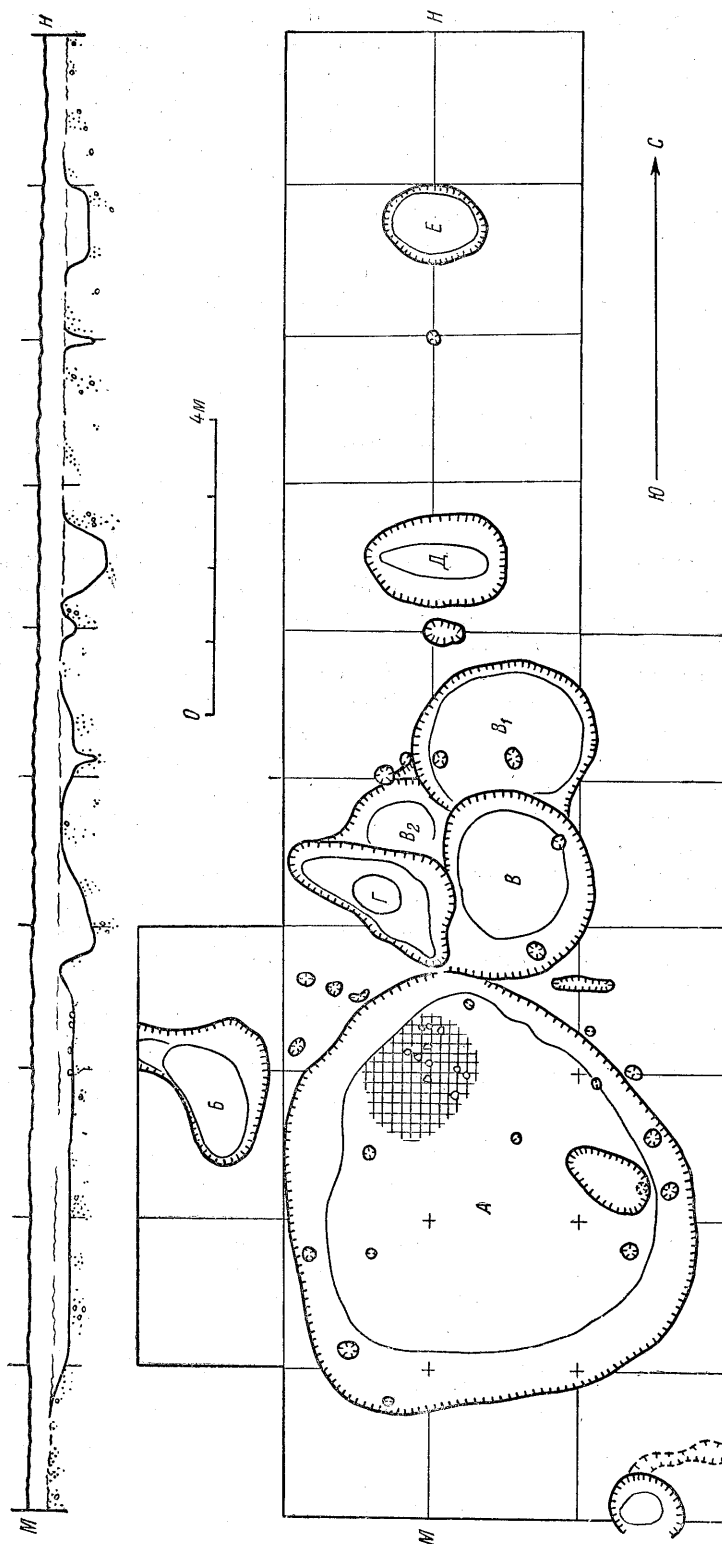

Рис. 72. План раскопа на селище у д. Спартак.

ми. В плане на фоне материка углубление имело неправильные округлые очертания и размеры 5.5×5.5 м. Его стенки были пологими. Их верхняя часть не сохранилась; она была снесена при распашке. Относительно хорошо сохранился пол сооружения. В средней части он был более или менее ровным, хорошо утоптаным; в плотный гравий были втоптаны угольки, кусочки керамики, зола. Уровень пола находился ниже среднего уровня материка на 0.25 м.

В середине и главным образом по краям углубления находилось несколько маленьких ям 0.2—0.3 м в поперечнике и 0.15—0.35 м глубины, в большинстве очень плохо сохранившихся. Мы далеко не уверены, что маленькие ямы, расположенные по разрушенным пологим стенкам углубления, относятся к бывшему здесь жилищу. Не исключено, что они или некоторые из них являются остатками нор грызунов. Другое дело вертикальные ямы, находящиеся в плотном полу жилища или в материке за его пределами. Это несомненно столбовые ямы. Нам бы хотелось думать, что жилище было прямоугольным, ориентированным с северо-запада на юго-восток, несколько углубленным в землю. Его глубина от древней дневной поверхности доходила, вероятно, до 0.5 м. О такой форме жилища говорят его наиболее сохранившиеся северо-восточная стенка и северный угол, где на полу находились остатки очага в виде пятна обожженного грунта диаметром около 2 м, поверх которого лежали прослойка золы и угольков, а также обожженные и растрескавшиеся камни, не составлявшие, однако, ни кладки, ни плотного скопления.

В восточной части углубления в полу имелась яйцевидная в плане яма размером 1.05×0.7 м, глубиной ниже уровня пола 0.4 м, с плоским, горизонтальным дном. Она представляла собой, по-видимому, яму для хранения, обычную для зарубинецких поселений. В ее широкой части с краю на полу находилась небольшая столбовая яма глубиной 0.35 м.

В культурном слое из заполнения жилища найдены обломки характерной керамики, в том числе несколько фрагментов от лощеных реберчатых мисок. В очаге среди камней лежало железное острие из четырехгранного скрученного стержня, толстый конец которого обломан. По-видимому, это булавка или игла большой фибулы (рис. 73, 13). Железные изделия из скрученного четырехгранного прута были широко распространены в верхнедеснинской зарубинецкой культуре. Таким приемом украшены дужки некоторых фибул из Почепского селища.⁹

Второе большое пятно культурного слоя, находящееся непосредственно рядом с первым, в процессе расчистки расчленилось на четыре ямы, примыкающие одна к другой. Одна из них — подтреугольная яма Г (см. рис. 72) размером 2.3×0.6 м и глубиной в материке 0.8 м, с отвесной южной стенкой — является, очевидно, самой поздней. Она нарушает западную стенку ямы В и южную часть ямы В₂. По форме, размерам и характеру заполнения, в котором были мелкие угольки и обломки керамики, на яму Г очень похожа яма Б. Особенно характерно то, что их узкая часть была менее углублена и отделялась от основной части как бы ступенькой. Нет никакого сомнения в том, что ямы Б и Г представляли собой типичные зарубинецкие погребя, имеющиеся в большом числе, например, на Чаплинском городище.¹⁰

Яма В была круглой, 2.2—2.4 м в поперечнике и глубиной 0.3 м, с пологими стенками и ровным горизонтальным дном. Она нарушала край такой же, но несколько менее глубокой ямы В₁ и ямы В₂. Что представляют собой все эти ямы, остатками каких сооружений они являются, сказать трудно. В их заполнении найдено небольшое число обломков зарубинецкой керамики. На дне ям и около них имелось несколько (шесть) небольших столбовых ям. Между ямой В и жилищем открыта длинная, узкая (0.8×0.2 м, глубина 0.45 м) яма с правильными отвесными стенками.

Овальная яма Д размером 2×1.2 м и глубиной 0.6 м, с узким дном также содержала обломки керамики. В ней найдены, кроме того, железный нож с умеренно горбатой спинкой и маленький кусочек желто-красной керамики импортного, причерноморского происхождения (рис. 73, 11). Около ямы Д находилась одна столбовая яма.

⁹ Ф. М. Заверняев. Почепское селище. . . , стр. 183, рис. 2, 1, 3.

¹⁰ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. . . , стр. 123, рис. 3; стр. 131, рис. 8.

Наконец, в северном конце траншеи была еще одна неглубокая, овальная яма с плоским дном (размер 1.4×1.05 м, глубина 0.3 м), обозначенная на плане буквой Е. Она содержала очень большое количество обломков керамики — более 200 обломков от разных сосудов.

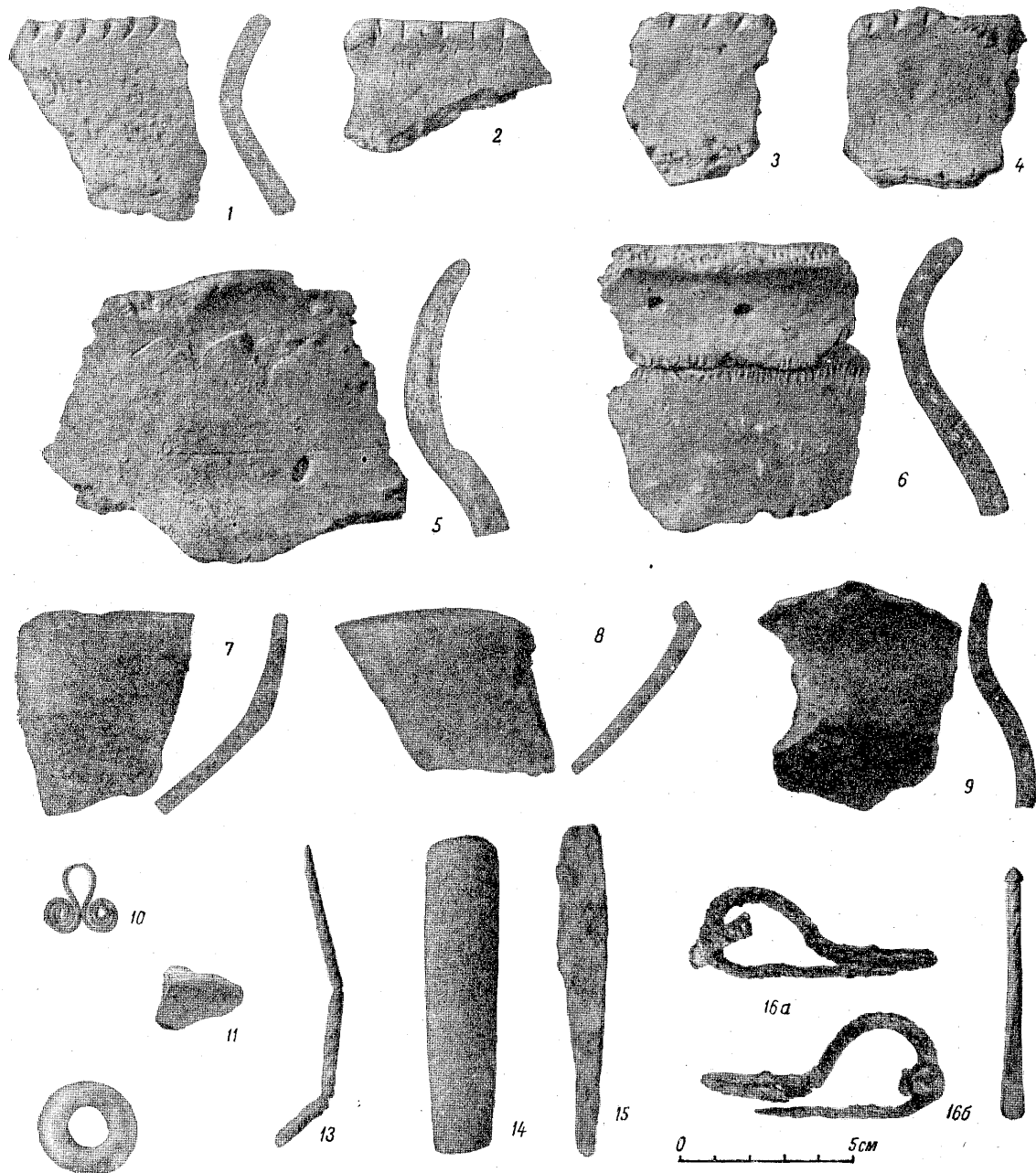

Рис. 73. Находки у д. Спартак (1—15) и у пос. Жуковка (16—17).

Кроме перечисленных выше находок, в пахотном слое в пределах раскопа были найдены обломок железного ножа и очковидная подвеска из тонкой бронзовой проволоки (рис. 73, 10).

Рядом с селищем, в 100 м на юго-восток от него, в пойме, непосредственно на берегу реки, имеется незначительное всхолмление высотой не более 0.5 м. На нем стоят три кургана. Один из них кем-то раскопан уже давно, у него вынута вся середина до уровня грунта. Второй курган на три четверти снесен рекой, энергично подмывающей здесь свой правый берег. Третий небольшой курган, хорошо сохранившийся, был раскопан нами в 1959 г. Предполагалось, что курганы, расположенные на пойме невысоко над водой, могут оказаться очень ранними, относящимися к третьей четверти I тысячелетия н. э. О раннем возрасте курганов говорило и то, что их насыпи сложены из темного, гумусированного материала.

Раскопки кургана оказались, однако, безрезультатными. Его насыпь, имевшая до 8 м в поперечнике и 0.5 м высоты, была снята полностью. Но ни в насыпи, ни под ней, ни в материке никаких следов погребения или трупосожжений обнаружено не было. Зато оказалось, что в насыпи много зарубинецкой керамики, такой же, какая происходит из селища, а под насыпью сохранился культурный слой толщиной 0.15—0.2 м с такими же находками. Число обломков керамики, найденных в кургане, равнялось 900. Кроме керамики, найдены обломки железного ножа, часть другого железного предмета, может быть, массивного ножа с обоймицей, железные шлаки, брусок (рис. 73, 14—15) и точилка для игл из гнейсовой плитки. В северо-западном секторе кургана в подпочву уходили две неглубокие, округлые ямки (до 0.4 м в поперечнике и глубиной 0.2—0.3 м), заполненные культурным слоем. В одной из них на самом дне лежали несколько крупных обломков зарубинецкой керамики и глиняное биконическое пряслице (рис. 73, 12).

Можно думать, что всхолмление в пойме, размываемой рекой, в свое время имело значительно большие размеры и входило в черту селища. Позднее на нем были сооружены курганы, на насыпи которых пошел культурный слой. Небольшая траншея, заложенная возле раскопанного кургана, показала, что местами здесь сохранился культурный слой. Его толщина не превышает 0.15—0.2 м.

Таким образом, раскопки на селище у д. Спартак оказались сравнительно мало интересными. Памятник сильно разрушен, и его дальнейшее исследование вряд ли целесообразно. Бесспорно лишь, что он принадлежит к группе верхнедеснинских зарубинецких поселений, в общих чертах таких же, как селища на р. Судости. Об этом говорят и остатки жилища, и вся совокупность находок, сделанных на селище, прежде всего его керамический материал.

Он состоит из обломков посуды двух групп. Первую, более многочисленную, составляют обломки лепной посуды в виде горшков с плоским дном, расширяющимися кверху выпуклыми стенками и суженным, отогнутым наружу венчиком. Их край украшен косыми насечками или защипами (рис. 73, 1—4). Размеры сосудов средние, обычные для зарубинецкой керамики. Имеется несколько обломков от очень крупных сосудов — зерновиков. Один сосуд этой группы, средних размеров, представленный несколькими обломками, был украшен в верхней части ямочными вдавлениями и отпечатками гребенчатого чекана, напоминающими орнаментацию роменской посуды (рис. 73, 6). Но по составу глины, имеющей примесь дресвы, и по фактуре поверхности он не отличается от остальной керамики. Два-три сосуда этой же группы имели вертикальную штриховку, очень легкую, непохожую на орнаментальную штриховку керамики белорусских и литовских городищ.

Вторую группу, охватывающую не более 5% керамического материала, составляют обломки лощеной керамики, также вылепленной от руки, без помощи гончарного круга. По форме она разнообразна. Здесь имеются обломки тонкостенных мисок с резким ребром в верхней части, характерных для зарубинецких древностей I в. н. э.¹¹ Найдены обломки мисок другой формы — с широко раскрытым горлом, типичных для северного варианта зарубинецкой культуры. Несколько обломков принадлежит горшкам или кувшинам с лощеной поверхностью.

В заключение остановимся еще раз на маленьком обломке донной части лощеного сосуда из желто-красной, хорошо отмученной глины, найденном в яме Д (рис. 72). По заключению Т. Н. Книпович, этот сосуд происходит из Северного Причерноморья и должен быть отнесен ко II—IV вв. н. э. Такие же находки были сделаны на Почепском селище. Очевидно, обитатели зарубинецких поселений имели какие-то связи с отдаленным югом.

¹¹ Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, № 7, 1959, стр. 159, 160.

Е. А. Ш м и д т

ГОРОДИЩЕ У д. НОВЫЕ БАТЕКИ

1

Городище у д. Новые Батеки впервые было упомянуто в археологической литературе в 1906 г. И. С. Абрамовым, отметившим, что оно имеет небольшие размеры, обнесено валом и защищено рекой и болотом.¹

Небольшие раскопки были предприняты на городище в 1922 г. Е. Н. Клетновой, заложившей несколько шурфов на площадке и в рвах между валами. Была установлена мощность культурного слоя и собраны различные материалы: обломки костей животных; фрагменты керамики, как гончарной, так и лепной, кремневые орудия. В своем заключении по поводу раскопок Е. Н. Клетнова писала: «Городище „Ольшанское-Батеки“ следует безусловно признать неолитическим, так как ни одного металлического предмета найдено не было, и притом отнести, пожалуй, не к поздней поре неолита, ввиду грубости всех взятых каменных орудий, а равно и керамики».² Это неправильное утверждение приводится Е. Н. Клетновой и в другой работе, вышедшей в 1925 г.³

Примерно в эти же годы городище у д. Новые Батеки было детально обследовано А. Н. Лявданским. По материалам шурфовки в северной части площадки городища он выделил два слоя, а в центре городища — один слой. Керамику он разделил на две группы: а) лепная, без орнамента, с шероховатыми стенками из темной (изредка красной) глины; сосуды этой группы небольшие; б) гончарная, горшковидная, без орнамента. Наряду с этим были отмечены находки в культурном слое кремневых скребков и наконечника копья.⁴ В дальнейшем в свободной работе о городищах Смоленщины А. Н. Лявданский отнес городище у д. Новые Батеки к первой группе своей классификации, т. е. к древнейшим городищам.⁵ Полемизируя с Е. Н. Клетновой, он отрицал наличие на площадке городища слоев, относящихся к каменному веку.

Затем городище было обследовано в 1951 г. автором настоящей статьи. При осмотре разрушаемых рекой участков культурного слоя был собран значительный подъемный материал, в том числе найдена бронзовая серьга скифского типа с коническим щитком. Стало

¹ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. СПб., 1906, стр. 186.

² Е. Н. Клетнова. Раскопки в Гнездове. Смоленская новь, № 3—4, 1923, стр. 52—60.

³ Е. Н. Клетнова. Великий Гнездовский могильник. Niederlufv sbornik, IV, Praha, 1925, стр. 311, 312.

⁴ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленск. гос. музей, вып. 1, 1924, стр. 25—28.

⁵ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, вып. 3, 1926, стр. 182 и сл.

ясно, что городище является весьма древним и восходит к середине I тысячелетия до н. э. Учитывая то, что городище ежегодно разрушалось размывами р. Ольши и значительная часть площадки была уже уничтожена, Инспекция по охране памятников Управления культуры при Смоленском областном исполнительном комитете предложила автору настоящей статьи провести исследование городища. Раскопки были проведены в 1959 и 1960 гг. на средства Смоленского краеведческого научно-исследовательского института и Смоленского краеведческого музея. В работах принимал участие научный сотрудник Смоленского краеведческого музея А. Е. Минкин.

2

Городище Новые Батеки находится в 1.2 км северо-западнее станции Гнездово, в 0.3 км северо-западнее д. Новые Батеки и на таком же расстоянии на северо-восток от пос. Софиевка. Все эти населенные пункты входят в состав Гнездовского сельсовета Смоленского района Смоленской области. Городище расположено на правом берегу р. Ольши в 2.5 км от места ее впадения в Днепр. Оно было устроено на невысокой песчаной гряде, тянущейся вдоль правого берега Ольши, и занимало ее северную часть. С востока вдоль подошвы городища протекает р. Ольша, с северной стороны за склоном песчаной гряды расположена заболоченная пойма с небольшой старицей, с западной стороны за городищем лежит неширокая болотистая низина, поросшая мелким кустарником, за которой идут песчаные холмы коренного берега, покрытые мелкими соснами. С юго-запада за валами городища тянется песчаная гряда, представляющая в большей части луговину. Севернее городища среди болотистой низины есть несколько небольших песчаных холмов.

Городище имеет удлинненно-овальную форму (рис. 1). Его длинная ось ориентирована с севера на юг. Размеры площадки городища с севера на юг 48 м, а максимальная ширина с запада на восток составляет 23 м. Площадка имеет сравнительно ровную поверхность, хорошо задернованную. Ее средняя высота над уровнем поймы составляет около 10 м. Средняя часть ее вдоль гребня гряды немного выше, тогда как к востоку и западу от средней линии идет едва заметный уклон. Более заметное понижение площадки наблюдалось в северо-западной части. Следы шурфов 20-х годов, заложенных К. Н. Клетновой и А. Н. Лявданским, обнаружить не удалось. Площадка городища была повреждена в южной части двумя большими землянками времен Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., а в северной — небольшими ямами и окопами. Значительная часть площадки городища с северо-запада и запада была уничтожена размывами р. Ольши.

Городище, кроме естественных преград, хорошо защищено искусственными сооружениями. По краю площадки шел кольцевой вал, вдоль восточного склона уничтоженный р. Ольшей. Насыпь вала, состоящая из песчанистого грунта, сильно расплылась и в настоящее время имеет с северной стороны в высоту 0.8—1 м (считая от среднего уровня площадки) и в ширину около 8 м. С западной стороны вал выражен менее ясно: он имеет высоту 0.2—0.3 м при ширине около 3 м. С южной стороны вал особенно мощен; его высота достигает 1.7 м, а ширина — 11 м. Значительная величина оборонительных сооружений с юга и севера объясняется, по-видимому, тем, что здесь холм имел небольшие понижения и естественно был защищен слабо.

За валом шел ров, сохранившийся с тех же сторон, что и вал. Он наиболее ярко выражен с южной стороны, где его ширина равна 7 м и глубина 1.1 м (считая от уровня поверхности холма). С северной стороны ров был несколько меньше, ширина его равнялась 6 м, а глубина 1.5 м. С западной стороны ров выражен сравнительно слабо; здесь его ширина доходит всего до 3 м, а глубина до 0.7 м. Ров в значительной степени заплыл, особенно в западной части городища.

За ровом располагался второй наружный вал. В южной части его высота равнялась 1 м и ширина 5 м; в северной высота 1.1 м и ширина 8 м, в западной высота 0.8 м и ширина 4 м, а на северо-западе он едва прослеживался. За этим валом располагался наружный ров, который в настоящее время хорошо прослеживается только в южной половине городища, где ширина его доходит до 5 м, а глубина до 0.8 м. С западной стороны ров совершенно заплыл, так как он располагался здесь у подошвы холма и в древности, очевидно, был запол-

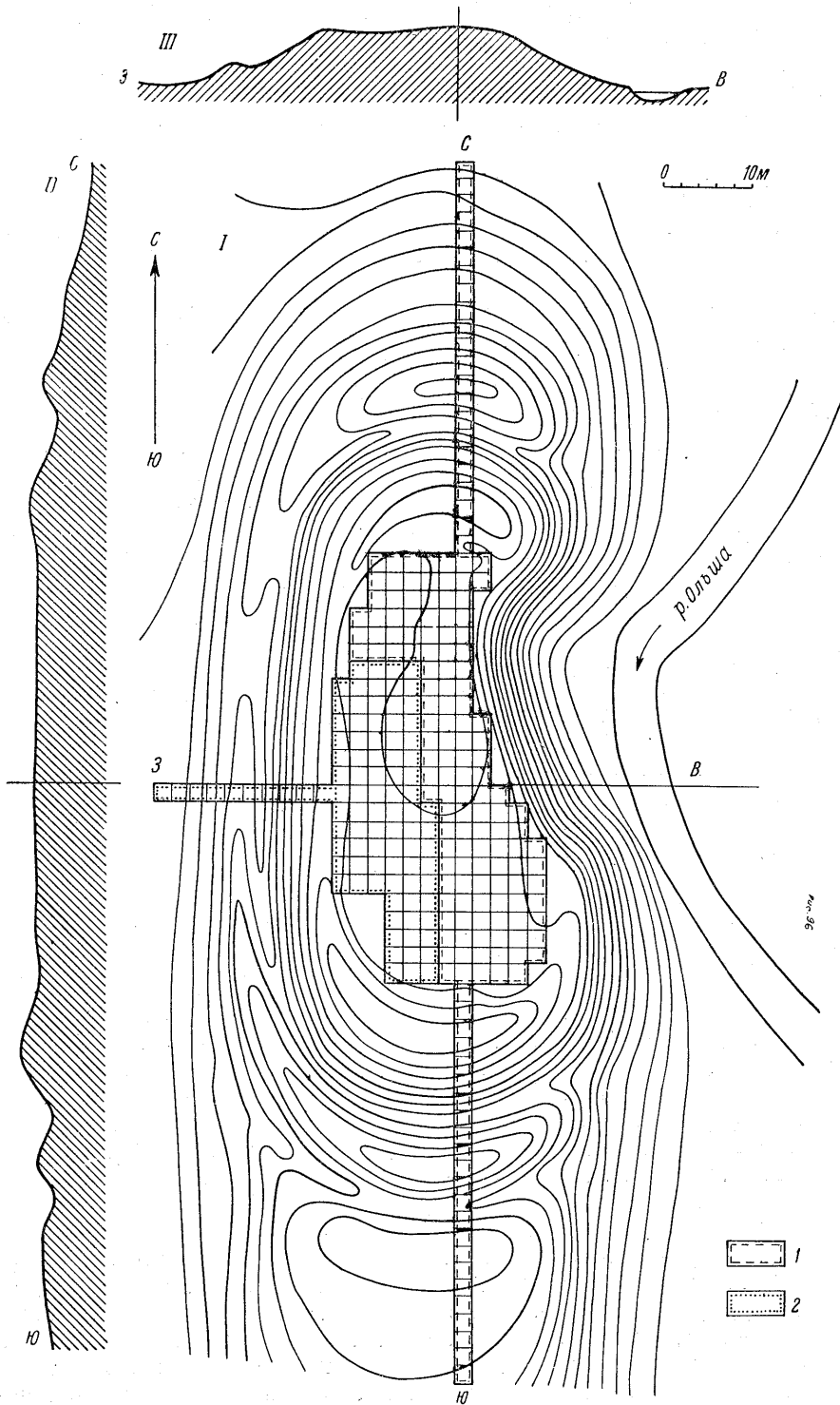

Рис. 1. План городища у д. Новые Батеки. Сечение горизонталей через 0.5 м.

I — план городища с обозначением площади раскопа 1959 и 1960 гг.; *II* — продольный профиль с севера на юг; *III* — поперечный профиль с запада на восток. 1 — раскоп 1959 г.; 2 — раскоп 1960 г.

нен водой. С северной стороны наружный ров едва прослеживается в виде небольшого понижения по склону холма.

Судя по остаткам оборонительных сооружений, можно предполагать, что в прошлом площадка была защищена валами и рвами со всех сторон, но впоследствии на восточной стороне искусственные сооружения, как и часть площадки, были уничтожеными размывами р. Ольши.

Раскопки городища были произведены в течение двух летних сезонов. В 1959 г. была вскрыта восточная половина городища и исследованы укрепления северной и южной сторон; в 1960 г. вскрыта западная часть площадки и исследованы укрепления западной стороны городища. В общей сложности на площадке раскопано 848 м², что составило 212 квадратов по 4 м² каждый. Была раскопана вся площадка, за исключением участка, лежавшего в юго-западной части и совершенно испорченного большой ямой. Нумерация квадратов с юга на север была цифровая (от 1 до 24), а с востока на запад — буквенная (от А до М, см. рис. 4, 6). Раскопки велись по пластам толщиной 0.2 м; после зачистки материка была произведена выборка всех ям. Вали и рвы северной, западной и южной сторон были прорезаны траншеей шириной 2 м с выемкой грунта до материка. При раскопках на площадке оставались бровки: две продольные — с севера на юг и восемь поперечных — с запада на восток.

Напластования культурного слоя на площадке городища были неодинаковы. Если в центре на гребне гряды толщина культурного слоя составляла только 0.2—0.3 м, то по западному краю у вала мощность его достигала 2 м (рис. 2). В центре городища при небольшой мощности культурный слой был однородным, в то время как по краям городища он состоял из большого количества слоев и прослоек, весьма отличных друг от друга как по цвету, так и по структуре и составу находок.

Верхняя часть культурного слоя была перекрыта дерном, толщина которого составляла от 0.07 до 0.11 м. Он представлял собой сравнительно плотный, гумусированный песок, пронизанный корнями трав. В слое дерна встречались единичные мелкие фрагменты глиняной посуды, каких-либо предметов не найдено. Характер обломков керамики (малая величина и отсутствие острых изломов) заставляет сделать предположение, что площадка городища в прошлом запахивалась. Это было скорее всего в конце XIV—начале XV в., когда на городище была постройка, от которой остались ямы и отдельные находки. В начале XX в. все городище было покрыто лесом. Под дерном по всей площадке лежал темно-серый грунт средней плотности, по своему характеру представлявший гумусированный песок с примесью золы и некоторого количества мелких угольков. В этом слое встречались значительные скопления крупных камней — валунов и валунчиков, которые имели отношение к наземным постройкам, существовавшим на городище в последний период его существования. Кроме того, в этом слое встречались обломки глиняных сосудов преимущественно красноватых тонов, много железных, бронзовых и глиняных предметов и сравнительно небольшое количество костей домашних и диких животных довольно плохой сохранности. Толщина этого верхнего слоя (рис. 2, 1), условно названного нами слоем А, достигала 0.2—0.3 м. Местами в средней части площадки слой А залегал прямо на материке, чаще же под ним были тонкие, сероватые зольные и темные, гумусированные прослойки, связанные, как нам кажется, со слоем Б. По периферии площадки слой А заметно отличался от лежащего под ним серого, перемешанного слоя, условно названного нами слоем В (рис. 2, 2). Таким образом, несомненно, что слой А накопился за последний период существования поселения на месте городища.

Залегавший ниже по периферии площадки и особенно четко прослеженный в западной половине городища слой В (рис. 2, 2) отличался своей неоднородностью. Имея общую серую окраску, он включал прослойки и пятна гумусированного песка и золы, отдельные небольшие валуны и гальку, причем какого-либо порядка в наложениях столь неоднородного грунта, особенно в верхней части, замечено не было. Отлагался этот слой не постепенно, а за короткий промежуток времени, так как никаких горизонтальных прослоек в нем нет. Если внимательно проанализировать отдельные включения, то станет совершенно ясно, что здесь мы имеем дело большей частью с грунтом перемещенным. Кроме того, по своему составу, цвету и характеру находок отдельные включения в слое В совершенно тождественны ниже-

лежащим слоям, более древним. Обращает на себя внимание и тот факт, что в средней, более возвышенной части городища нижние слои почти совершенно отсутствуют. Они постепенно выклиниваются от периферии к центру. Это выклинивание не является результатом особых условий отложения культурных слоев; несомненно, оно произошло в результате нивелировки площадки, когда культурный слой с возвышенной части был перемещен на ее пониженные участки, находящиеся по краям городища. Очевидно, выравнивание площадки происходило перед последним периодом заселения городища. Таким образом, слой В не представляет собой чего-то однородного, хотя он и отражает какой-то строго определенный промежуток времени. Керамика в нем разнообразна, и фрагменты сравнительно мелкие. Костей животных, как расколотых, так и целых, много, и они лучшей сохранности, чем в слое А.

Слой В ограничен по всему западному краю насыпью более древнего вала. Здесь мощность слоя В местами достигает 0.75 м, тогда как к востоку он постепенно выклинивается.

Лежащий под ним слой В (рис. 2, 3) составлял в толщину от 0.08 до 0.3 м и имел темный, буровато-серый цвет. Это мелкий, гумусированный песок с примесью торфа и золы; в верхней его части идет более темная, почти черная кайма толщиной 0.01—0.02 м, а местами и более мощная (рис. 2, 5). У западного края городища этот слой как бы поднимается, восходя на вал, и постепенно дальше, к периферии городища, совершенно исчезает.

Следующий слой, Г прослеживается только по краям городища, преимущественно по линиям К—Л—М (рис. 2, 4). Это сравнительно рыхлый, буровато-серый, мелкопесчаный и очень золистый слой, который составляет заполнение на склоне между гребнем холма и земляными валами на краю склонов. Местами заметна горизонтальная золистая слоистость. В слое находились отдельные кости животных отличной сохранности, обломки глиняной посуды имели сероватый или черноватый цвет и сравнительно бугристую поверхность. Верхняя часть слоя Г представляла собою серую, местами почти черную прослойку, очень сильно гумусированную и почти не содержащую находок (рис. 2, 6), тогда как нижняя часть слоя Г была бурой или темно-бурой, как бы торфянистой, постепенно переходящей в древнюю темную почву, от которой ее нельзя и отделить. Эта прослойка вместе с древней почвой обозначена на профиле одним знаком (рис. 2, 7).

Стратиграфическое деление культурных отложений на 4 слоя подтверждается в значительной степени и данными статистического учета разных типов керамики. Четкость этих данных вуалируется тем, что три слоя: А, В и Г — не на всей площади городища остались нетронутыми. Большая часть материала из слоев В и Г, из середины площадки, была перемещена на края и при пересыпании смешалась, войдя в состав слоя Б. Оказавшись между слоями А и В, этот перемешанный слой между тем включает и древнюю керамику из слоя Г. Кроме того, на площадке городища были перекопы, а также норы животных, что в некоторой степени способствовало перемещению древних материалов в верхние слои, а материала из верхних слоев вниз.

Сопоставляя стратиграфию городища с теми пластами, по которым велись раскопки (рис. 2, III), мы можем заключить, что в один и тот же пласт попадали зачастую два разных слоя, что не могло не влиять на общие показатели. Но все-таки массовый керамический материал позволил отделить три слоя: А, Б, В+Г, на чем мы остановимся ниже, при описании керамики.

Наличие трех периодов существования городища подтверждает и стратиграфия оборонительных сооружений. Наиболее четкая картина наблюдается в разрезе внутреннего вала с южной и северной сторон (рис. 3). Вал западной стороны не был таким мощным, и здесь стратиграфические особенности не так четки. В основании вала с южной стороны площадки, на материке, лежит культурный слой мощностью в 0.1 м, который соответствует небольшому периоду существования поселения без земляных укреплений. Этот слой имеет черно-бурый, местами интенсивно черный цвет и сильно гумусирован; он распространяется под северным валом, где мощность его заметно увеличивается, достигая 0.2 м; есть он и на западном склоне под насыпью вала. На краях площадки ему соответствует нижняя часть слоя Г (рис. 2, 7).

Строительство вала началось прямо на этом культурном слое, причем первоначально это было небольшое сооружение только со слабо защищенных сторон, состоящее из серого,

подзолистого песка, с небольшими, темными, изогнутыми полосками. Это, вероятно, остатки дерновин.

С южной стороны сохранившаяся часть этого вала, судя по разрезу (рис. 3, 8), имела высоту 0.52 м⁶ и ширину основания 3.2 м. Перед валом был небольшой ровик, остатки которого имеют ширину 1.2 м и глубину 0.4 м. Время бытования поселка только с этим небольшим валом было непродолжительным, так как на площадке перед ним не скопилось мощного культурного слоя. Возможно, что этот первоначальный вал был только первой фазой строительства укреплений. Затем вал был увеличен за счет присыпки сверху песчаного грунта, высота его достигла 1.22 м, а ширина у основания не менее 5.5 м. Сказать что-либо о размерах рва, вырытого за валом, весьма затруднительно, так как впоследствии на его месте был вырыт более глубокий ров. По краю площадки, с внутренней стороны вала, обнаружены столбовые ямы, которые являются остатками каких-то деревянных сооружений. Этот вал существовал сравнительно долгое время. С его внутренней стороны скопился культурный слой в 0.27 м толщиной, который частично перекрывал внутренний склон вала, поднимаясь к его вершине.

С внутренней стороны вала, в 1 м от его края, была вырыта небольшая канавка глубиной в 0.6 м и шириной около 1.2 м, заполненная внизу культурным слоем, а сверху какой-то торфянистой массой коричневатого-бурого цвета.

Аналогичное строение вала было и с северной стороны (рис. 3). Здесь вал первоначально имел высоту 1.1 м и ширину более 5 м; его внутренний край также перекрывался культурным слоем. По западному краю площадки вал был несколько ниже (до 0.9 м высотой и до 5 м шириной). На площадке периода существования этого вала соответствует большая часть культурного слоя Г.

Следующая перестройка вала заключалась в подсыпке его со всех сторон песчаным грунтом. С северной стороны вал стал высотой 1.3 м и шириной около 10 м, с южной стороны он достигал в высоту 1.5 м, а в ширину более 9 м, с запада высота его увеличилась почти вдвое. При этом основная масса грунта на валу была присыпана сверху и с внутренней стороны. С внутренней стороны вала скапливался также и культурный слой, частично налегавший на его край. Вал этого периода соответствует культурному слою В. В дальнейшем в заселении городища был некоторый перерыв, поэтому верхняя часть слоя В (рис. 2, 5) имеет в понижениях темный цвет и совершенно не содержит находок, а отложения в понижениях и на внутреннем крае вала представляют собой тонкую торфянистую прослойку также без находок.

Третьему периоду сооружения вала предшествует коренная перепланировка всей площадки городища. Значительная часть культурных напластований (нижние слои) перемещается со средней и восточной частей на пониженные края к валам, особенно к западу. Все понижения на площадке нивелируются, и соответственно с внутренней стороны с запада уменьшается высота вала. Эта нивелировка создает большую часть смешанного слоя Б, который перекрывает песчаные насыпи вала с внутренней стороны. Затем высота валов увеличивается за счет присыпки сверху серовато-желтого песка, взятого, очевидно, на склонах и во рвах или же вне пределов городища. Так, с южной стороны высота вала доходит до 2 м, а ширина до 10 м; значительно увеличивается ров: он достигает в глубину 2.6 м и в ширину 7 м. Высота вала с северной стороны становится 1.7 м при ширине более 10 м; ров, идущий с этой стороны, достигает 2 м в глубину и около 7 м в ширину. С западной стороны укрепления не имели формы ярко выраженного вала. Здесь уровень площадки почти достигал гребня бывшего вала, но благодаря подсыпке сверху и выемке грунта со склона крутизна ската и высота его увеличились.

Периоду существования этих укреплений соответствует накопление культурного слоя А, причем этот слой частично напользает на края вала с внутренней стороны.

В это же время вокруг всего городища создается вторая линия укреплений в виде наружного вала. Для его сооружения использована земля из внешнего второго рва. Высота наружного вала с южной стороны была 0.8 м, а ширина у основания 4.2 м. Ров, располо-

⁶ Все изменения высоты валов и глубины рвов даны от уровня первоначального материка.

женный перед ним снаружи, имел глубину 1 м и ширину 4 м. Наружный вал опоясывал все городище, но с западной и восточной сторон он шел по склону городища, опускаясь почти до подошвы холма.

3

Во время раскопок культурных напластований на границах отдельных слоев не было найдено ни следов пожарищ, ни следов дерева, ни глиняной обмазки. Единственными данными, которые можно было использовать для реконструкции жилых и хозяйственных построек, явились ямки в материке и расположение находок, а для самого верхнего слоя (А) — развалы камней от очагов. Если не считать повредивших материк ям недавнего происхождения и углублений XIV—XV вв. н. э. от большой постройки в северной половине городища, то на всей площади материк был густо испещрен многочисленными древними ямками небольшого диаметра, оставшимися от вбитых в землю или вкопанных кольев и мелких столбиков. Определить закономерности в расположении основной массы ямок очень трудно, так как, видимо, постройки часто перестраивались и ремонтировались и это сопровождалось забиванием новых кольев и разного рода опор и подпорок, что сделало всю картину совсем запутанной, особенно в тех местах, где культурный слой не был очень мощным и где большинство кольев достигало материка. Это относится к средней и восточной частям раскопа по линиям от А до И (рис. 4).

Совершенно иной была картина в западной части площадки, находившейся на склоне перед первоначальным валом. Здесь накопление культурного слоя шло несколько быстрее и не все ямки верхнего слоя достигали материка. Поэтому здесь удалось проследить картину первоначальных деревянных сооружений, относящихся к слоям Г и В. Самыми древними являются ряды ям, расположенные параллельно вдоль западного края площадки по линиям квадратов К, Л и М (рис. 4). Они располагались правильными рядами, и расстояние между отдельными ямами было для внутренних рядов 0.2—0.3 м, а для наружного (у вала) в среднем около 0.5 м.

Ямки наружного ряда примыкали с внутренней стороны к валу и совпадали с его краем на всей протяженности. Диаметр этих ямок сравнительно большой — от 0.12 до 0.3 м, а глубина колеблется от 0.25 до 0.5 м в материке, не считая почвенного грунта и нижней толщи основания культурного слоя. Это были довольно массивные столбы, поставленные сравнительно редко, а перед ними скорее всего были положены горизонтально бревна или плахи, к которым присыпался вал и которые должны были удерживать его насыпь от сползания на площадку городища. Подтверждением этому служит совпадение линии столбов с внутренним краем вала, имеющим очень резкую границу, прослеженную по всему западному краю раскопа. Кроме того, наличие здесь большого количества дерева подтверждается характером культурного слоя, имеющего бурый, торфянистый цвет как бы от разложившейся древесины (рис. 3, 4). Таким образом, у нас есть все основания считать этот ряд ям следами стены, с одной стороны поддерживающей и укрепляющей вал, а с другой стороны, как мы увидим дальше, служившей стеной наземной постройки (рис. 5).

Внутренний ряд ям, идущий по линии квадратов К, состоял из разнокалиберных ямок, диаметр которых колеблется от 0.1 до 0.2 м, а глубина в материке — от 0.1 до 0.3 м. Стена, таким образом, не была особенно массивной, но зато отдельные столбики ставились на более близком расстоянии друг от друга (от 0.2 до 0.3 м), и скорее всего они переплетались хвостом и травой и обмазывались снаружи глиной или речным глеем. Линия этого ряда столбиков совпадает с восточным краем максимального распространения культурного слоя Г, а поскольку столбики нигде не прорезают верхнюю, черную кромку этого слоя и не могут исходить из слоя В, то и эта стена бытовала только в период, соответствующий нижнему культурному слою Г.

Расстояние между двумя уже описанными нами стенами составляло от 3 до 3.5 м. Эти две параллельно друг другу идущие стены прослежены на расстоянии 24 м, но, возможно, они имели и большую протяженность. Наличие же примерно в середине этого сооружения большого очага, имевшего овальную форму в плане и слегка углубленного в материк (рис. 4, кв. 10 и 11 Л), и находка в золе этого очага керамики, характерной для нижнего слоя, за-

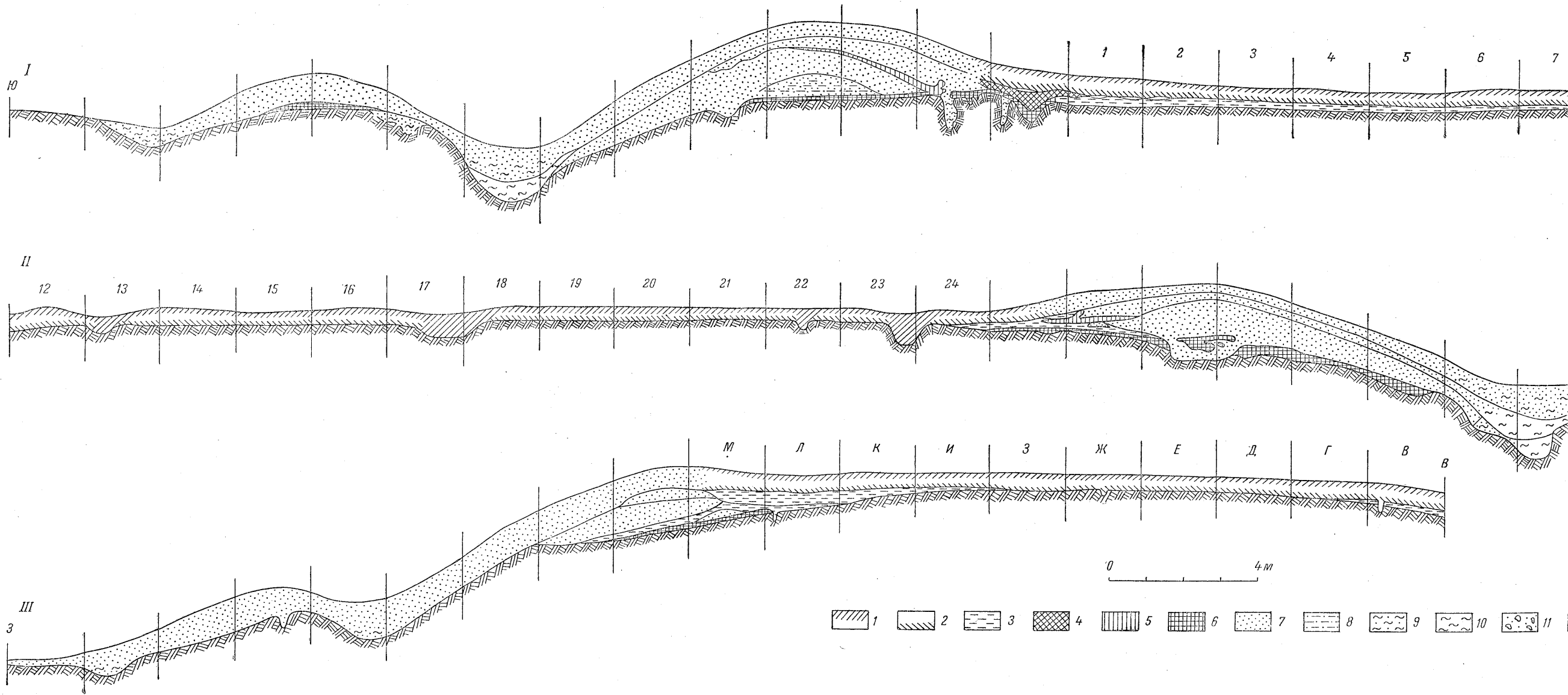

Рис. 3. Разрезы оборонительных сооружений и площадки городища.

I — южная часть продольного разреза с севера на юг; *II* — северная часть продольного разреза с севера на юг; *III* — разрез с запада на восток. 1—24 — линии квадратов раскопа с юга на север. В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М — линии квадратов раскопа с востока
 3 — нижние слои В и Г; 4 — бурая, торфянистая масса; 5 — верхняя темная прослойка слоя Г; 6 — нижняя темная прослойка слоя Г; 7 — песок; 8 — участок вала, сложенный из дерновин; 9 — гумусированный песок; 10 — черный гумусированный грунт

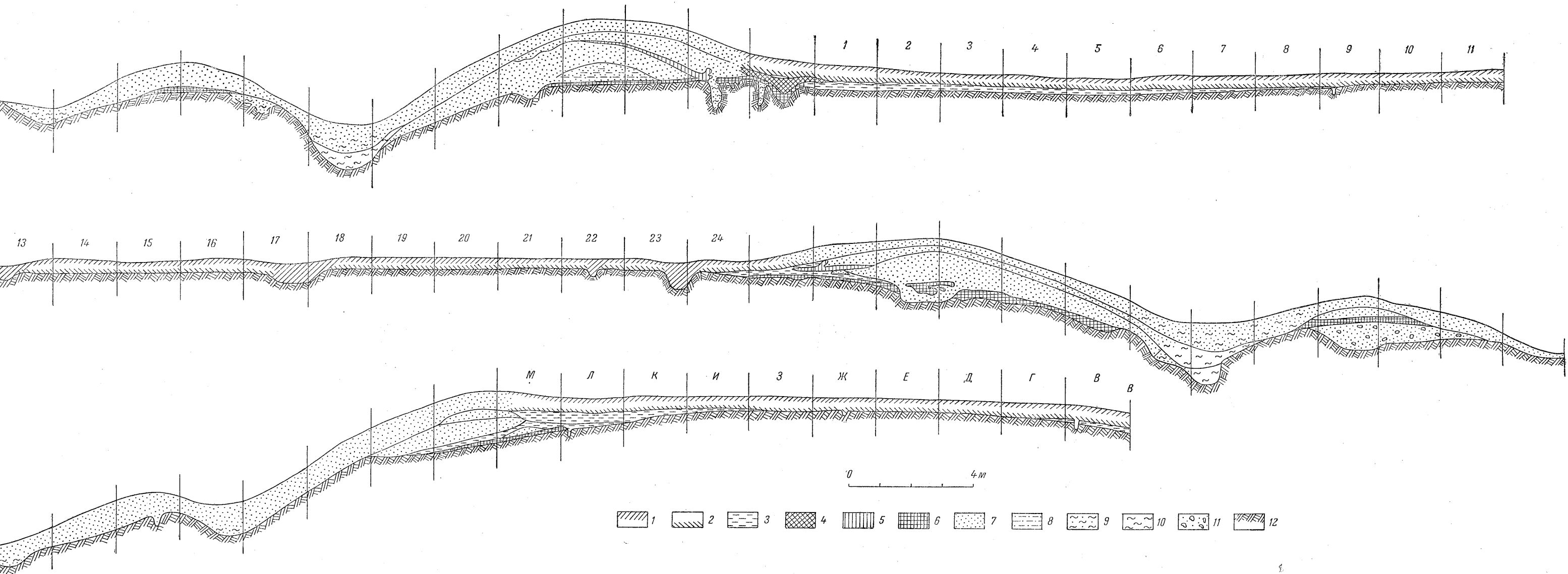

Рис. 3. Разрезы оборонительных сооружений и площадки городища.

I — продольного разреза с севера на юг; II — северная часть продольного разреза с севера на юг; III — разрез с запада на восток. 1—24 — линии квадратов раскопа с юга на север. В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М — линии квадратов раскопа с востока на запад. Цифры в легенде: 1 — верхний слой А; 2 — слой Б; 3 — нижние слои В и Г; 4 — бурая, торфянистая масса; 5 — верхняя темная прослойка слоя Г; 6 — нижняя темная прослойка слоя Г; 7 — песок; 8 — участок вала, сложенный из дерновин; 9 — гумусированный песок; 10 — черный гумусированный грунт; 11 — песок с гравием; 12 — материковый грунт.

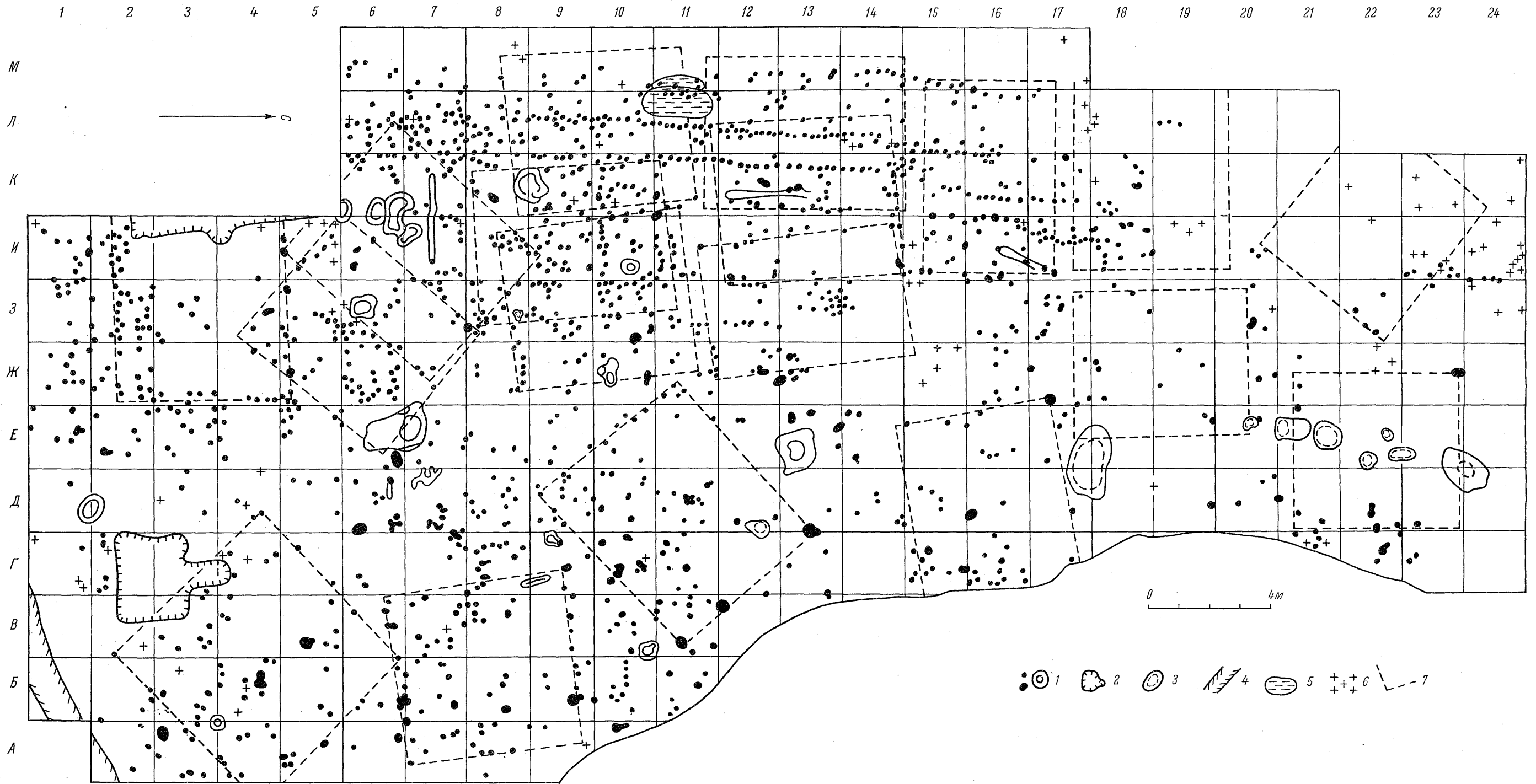

Рис. 4. План размещения ям от столбов на площадке городища и контуры построек верхнего слоя.

1—24 и А—М — нумерация квадратов. Цифры в легенде: 1 — ямы от столбов; 2 — землянки 1941—1945 гг.; 3 — ямы XIV—XV вв.; 4 — ровик, заполненный торфянистым грунтом; 5 — очаг из слоя Г; 6 — находки из слоев В и Г; 7 — контуры построек слоя А.

ставляют предположить, что здесь мы имеем дело с большой деревянной постройкой, которая одной стороной примыкала к валу, являясь укреплением, поддерживающим его насыпь, а в целом служила жилым помещением. Подтверждением этому может служить в какой-то степени и тот факт, что на всем пространстве этого сооружения на его полу накапливалась зола. К концу бытования постройки ее пол стал за счет золы почти горизонтальным.

Ямки среднего ряда, идущего по линии квадратов Л, располагались очень близко друг от друга — от 0.1 до 0.2 м (рис. 4). Поскольку большинство из них было обнаружено лишь

Рис. 5. Ряды столбовых ям в западной половине площадки городища. Вид с севера.

в материке, следовательно, они очень древние и относятся к началу возникновения поселения. Так как ими не прорезается даже нижняя, темная часть слоя Г, то их, вероятно, следует считать остатками первоначальной стены, защищавшей поселение с запада, когда здесь еще не было земляных укреплений.

Часть столбовых ям, идущих с внутренней стороны вала, относилась к слою В. Деревянная облицовка вала, возможно, имела такой же облик, как и в предыдущий период. Однако длинной постройки, идущей вдоль вала, в этот период, по-видимому, уже не существовало. Значительное количество столбовых ям на площадке городища также восходит к постройкам слоя В, но решить, исходя из их расположения, какой облик имели эти постройки и как они располагались, нет никакой возможности.

Единственно, что с полной уверенностью можно отнести к нижним слоям городища и что бытовало в период, предшествующий нивелировке площадки, — это остатки каменной вымостки от очага в квадрате 20 К (рис. 6). А если учесть, что здесь же в северо-западной части были найдены все обломки литейных форм и тиглей, а также литейный брак в виде испорченного бронзового браслета и большое количество капель пролитого металла, все это может послужить некоторым основанием, чтобы считать эти камни частью печи, в которой плавил металл. Эта печь скорее всего располагалась под каким-то навесом.

В последний период жизни на городище укрепления вдоль западного края площадки носили совершенно иной характер. По краю раскопа, по линии квадратов М, на переходе от площадки к западному склону, стояли на расстоянии около 2 м друг от друга массивные столбы, вкопанные на глубину до 1 м в грунт городища. Они служили основой изгороди, являвшейся внутренним деревянным укреплением, в то время как наружные укрепления размещались ниже по склону и были связаны с наружным валом. Последние также представляли собой изгородь, идущую по гребню внешнего вала.

При сборке верхнего культурного слоя (А) на площадке городища были найдены скопления крупных камней — валунов. Обычно камни располагались довольно плотно один к другому, образуя как бы вымостки около 1 м в поперечнике в один слой. Всего таких скоплений было вскрыто 12 (рис. 6), но, кроме того, в четырех местах на площадке было много камней, не составлявших вымосток, но лежащих вместе и на одном уровне. По краю городища у вала также были камни, лежавшие полосой и, видимо, в древности сгруженные к изгороди.

Сопоставляя расположение каменных вымосток с расположением кольевых ям на площадке, мы можем сделать вывод, что в непосредственной близости от камней колья не забивались. В то же время анализ расположения находок из слоя А показывает, что наибольшие их скопления были поблизости от каменных вымосток. А если учесть то, что в пяти случаях у края скоплений камней или неподалеку от них были найдены большие каменные зернотерки, то станет совершенно ясным, что вымостки являются не чем иным, как остатками древних очагов в жилых и хозяйственных помещениях.

Количество обнаруженных очагов ни в какой степени не определяет количества одновременно стоявших на площадке построек. При перестройке жилищ очаги зачастую не разбирались полностью и растрескавшиеся камни не переносились на новые места. Поскольку очаги были на уровне пола, оставшиеся камни постепенно втаптывались в культурный слой.

На раскопанной площадке более или менее явственно прослежены остатки 18 построек, причем часть из них перекрывает друг друга (рис. 6); так, постройки VII, VIII и IX частично своими краями закрывают друг друга, а постройки Ха, Хб, Хв и XIа, XIб, XIв перестраивались почти на одном и том же месте с небольшим отступлением к западу. О таком количестве сооружений можно говорить при том условии, если принимать, что в каждой отдельной постройке было не более одного очага. Таким образом, на сохранившейся части площадки выделяется 14 мест, на которых проводилась в последний период однократная или многократная застройка. На разрушенной части площадки могло быть не более трех сооружений. Рассмотрим каждую постройку в отдельности.

Постройка I (рис. 6)⁷ располагалась в северо-восточном углу городища и была правильно ориентирована по сторонам света. Ее восточная стена четко определяется в южной части рядом кольевых ям, и она скорее всего имела длину 5.4 м. Южная сторона также ограничивается четырьмя ямками, ее размер был 4.8 м. Очаг целиком не сохранился, так как на этом участке культурный слой был перерыв в XIV—XV вв., и найдены только отдельные камни. Большие ямы в материке, лежащие в пределах постройки, более поздние, и в одной из них встречен небольшой монетный клад, зарытый на рубеже XIV и XV вв. На этом участке найдено 16 древних предметов, в том числе две браслета, две бронзовые булавки, обломок серпа, шило, два глиняных грузика и др. Наибольшее их скопление было вдоль западной стенки постройки.

Постройка II располагалась примерно в 1 м юго-западнее первой. Ее северная стенка четко ограничивается рядом грунтовых ямок и составляла в длину 4.6 м. Западная стенка длиной 5.5 м прослежена не так четко. Общая ориентировка стен правильная, по сторонам света. Развал очага занимал более 1 м в поперечнике и был несколько смещен к западной стенке. С этим домом можно связать 13 находок, среди них: железный нож, обломок серпа, железная булавка, браслет, шило, глиняный грузик и др.

⁷ В описании номера построек соответствуют номерам на плане. Размеры построек даны приблизительно так как во многих случаях не все столбовые ямы удавалось проследить в песчаном и гравийном грунте. Поэтому на плане границы домов нанесены прерывистой линией.

Постройка III размещалась в восточной части раскопа, и край ее был разрушен р. Ольшей. Ориентирована она приблизительно по сторонам света (линии стен смещены на 15° против часовой стрелки). Контуры ее прослеживаются довольно ясно по ямкам в материке, а размеры уцелевшей части были по линии С—Ю 5 м, по линии З—В 3.5 м. Остатки каменного очага сохранились хорошо (рис. 6), они занимали пространство около 1 м в поперечнике и были немного смещены к юго-западному углу. Северо-западнее очага встречена большая зернотерка. В пределах жилища найдено 11 предметов, среди них обломок топора, два ножа, браслет, булавка, глиняный грузик и др.

Постройка IV находилась в 3 м южнее предыдущей. Стены ее ориентированы примерно под углом 45° к линии С—Ю. Наиболее четко ряды столбовых ям прослежены вдоль трех стен: с юго-западной стороны было 15 ям примерно на одной линии, с юго-восточной — 9 ям, а с северо-восточной — только 6. Вдоль северо-западной стены полного ряда ям проследить не удалось. Развал камней от очага размером менее 1 м в поперечнике был несколько смещен к северо-западной стене. Общие размеры постройки составляли 6.5×5.3 м. Здесь обнаружено 12 находок; в это число входят каменный пест, две булавки, два браслета, глиняный грузик.

Постройка V располагалась в юго-восточной части площадки и была ориентирована так же, как постройка III. Наиболее четко прослежена южная стена, от которой сохранилось 13 столбовых ямок, вдоль северной стены шел правильный ряд из 10 ямок, западная и восточная стены не дали такого большого количества ям. Размер постройки: по С—Ю 5.5 м, по З—В 5.4 м. Развал камней от очага занимал площадь более 1 м в поперечнике и располагался ближе к северной стене. Общее количество находок, связанных с данным строительным комплексом, достигает 24. В их числе есть зернотерка, пять булавок, три браслета и три «грузика дьякова типа». Большое количество ямок в материке на данном участке, а также их взаимное расположение заставляют предполагать, что на этом участке постройка перестраивалась и сначала она находилась несколько северо-западнее, но проследить ее первоначальные контуры весьма затруднительно.

Постройка VI занимала юго-восточный угол раскопа, ее юго-западная сторона была повреждена землянкой в 1941—1945 гг. Стены ориентированы под углом 45° по отношению к сторонам света, и их следы более или менее четко прослеживаются только с северо-запада и юго-востока. Размеры постройки составляют 6.5×6.4 м. Камни внутри сооружения не образовывали плотного скопления, а были разбросаны на большом пространстве; видимо, еще в древности очаг был основательно разрушен. Всего в пределах сооружения встречено 27 предметов, среди которых есть зернотерка, обломок серпа, пять булавок, браслет, тигелик и четыре глиняных грузика. Постройка на этом месте перестраивалась и, как показывает ряд ямок по 5-й линии квадратов, первоначально имела несколько меньшие размеры.

Постройка VII располагалась на южном краю площадки. Она была ориентирована по сторонам света. Выявлены следы трех стен: южной с 17 кольцевыми ямами в материке, образующими правильный ряд, восточной, от которой сохранилось 20 ям, и северной, связанной с рядом более крупных ям, расположенных реже, чем на других сторонах. Западная стена уничтожена землянкой в 1941—1945 гг. В пределах сооружения был очаг, остатки которого в виде камней располагались ближе к южной стене и имели в поперечнике немногим менее метра. В этом помещении сделано 19 находок, в том числе целый серп, три ножа и глиняный «грузик дьякова типа». Значительное скопление ям в материке южнее данной постройки говорит о том, что она, видимо, перестраивалась. Ее приблизительные размеры: по С—Ю 5.4 м и по З—В около 6 м.

Постройка VIII также находилась в южной части площадки, стены ее ориентированы под углом 45° по отношению к линии С—Ю. Хорошо прослежены следы юго-западной стены, от которой сохранилось 9 столбовых ям; северо-западная и юго-восточная стены крепились, видимо, меньшим количеством столбиков. В северо-восточной части постройки была большая древняя яма, и поэтому следы четвертой стены прослеживаются только частично. Размеры сооружения в плане составляли 5×6 м. Очаг размещался в южном углу; от него сохранилось небольшое количество камней, занимавших площадь менее 1 м в поперечнике. В границах постройки найдено 18 предметов, в том числе два ножа, две булавки, два глиняных грузика.

Эта постройка была скорее всего одной из ранних, а при дальнейшей перестройке она была перекрыта сооружениями VII и IX.

Постройка IX располагалась в юго-западной части городища и одной стороной подходила к краю вала. Культурный слой на этом участке был значительной мощности и большинство столбов от стен не достигало материка, а в однородном культурном слое верхнего горизонта (А) не прослеживалось. Поэтому западная половина сооружения обрисована предположительно. Это относится ко всем последующим сооружениям западной половины площадки. К этой постройке можно отнести ряд ям, прослеженных вдоль северо-восточной стены, намечается также и часть юго-восточного угла (рис. 4, 6). Камни очага лежали довольно плотным скоплением на площади около 1 м в поперечнике. Исходя из реконструируемой конфигурации сооружения, мы можем установить его размеры: 5.4×6.2 м. К жилищу можно отнести более 15 найденных предметов, в том числе ножи, булавки, глиняные грузики и браслеты.

Постройка X занимает участок, буквально усеянный столбовыми ямками. Скорее всего это сооружение перестраивалось на одном месте несколько раз, постепенно отодвигаясь на запад. В пределах постройки найдено три скопления камней, причем два из них дают полную картину остатков очагов, тогда как из третьего скорее всего значительная часть камней была вынута и использована при сооружении нового очага. Кроме того, за пределами постройки, у вала, в верхнем слое, был значительный запас крупных камней, о назначении которых сказать что-либо трудно.

На плане (рис. 6) предположительно отмечено три местоположения жилища X: Xа, Xб и Xв, отвечающих последовательным перестройкам жилища. Размеры построек могут быть определены только приблизительно: Xа — 5.6×5.9 м, Xб — 4.9×6.3 м и Xв — 5.2×5.7 м. Поскольку все три постройки перекрывают друг друга, разделить все находки по отдельным постройкам вообще невозможно. Всего же в пределах этих трех построек найдено 32 предмета.

Постройка XI дала такую же картину, как и сооружение X. Она также перестраивалась, скорее всего три раза, причем каждый раз отодвигалась более чем на метр на запад, к валу. Эта последовательность перестройки отмечена на плане соответственно номерами XIа, XIб и XIв (рис. 6).

Если первоначальная постройка XIа, размером 6.4×4.3 м, размещенная восточнее, где культурный слой был не так мощен, хорошо оконтуривается рядами ямок почти со всех сторон, то постройка XIб, отодвинутая немного западнее, такой четкой картины уже не дает. Ее размеры составляли 5.6×5.2 м; здесь хорошо сохранился очаг, расположенный примерно в середине и имевший более 1 м в поперечнике. Впоследствии это сооружение было еще раз передвинуто западнее (рис. 6, XIв), его новые размеры составили 6.5×4.8 м, очаг был в центре, а севернее очага найдены три зернотерки. Всего в пределах этих трех сооружений, перекрывавших друг друга, встречено 38 предметов, в том числе четыре зернотерки, серп, четыре булавки, две иголки и др.

Постройка XII располагалась в западной части площадки (рис. 6), она также перестраивалась несколько раз, но при этом, видимо, сооружалась на одном и том же месте, поэтому здесь от хорошо сохранившегося очага остались не только камни, но и значительное зольное пятно, рядом с которым находилась большая зернотерка. Вообще же в пределах этого жилища найдено три зернотерки. Постройка занимала площадь около 25—28 м². В последний период существования ее размеры были 6.2×4.3 м. В ее пределах найдено 13 предметов.

Постройка XIII (рис. 6) так же, как и последующая, располагалась в северо-западной части городища, где толщина культурного слоя была значительной и в материке прослежено очень мало столбовых ямок. Поэтому о ее конфигурации можно говорить только по аналогии с предыдущими. Вокруг очага на небольшом пространстве найдена 21 вещь; судя по их расположению, размеры сооружения были не менее 6×5 м. Найдены две зернотерки, серп, два ножа, два «грузика дьякова типа» и др.

Постройка XIV занимала северо-западный угол раскопа (рис. 6). Она несомненно перестраивалась, о чем говорят два развала камней от очага. Возможно, первоначально это сооружение было несколько юго-западнее и груды камней, лежавшая в квадрате 21 Л,

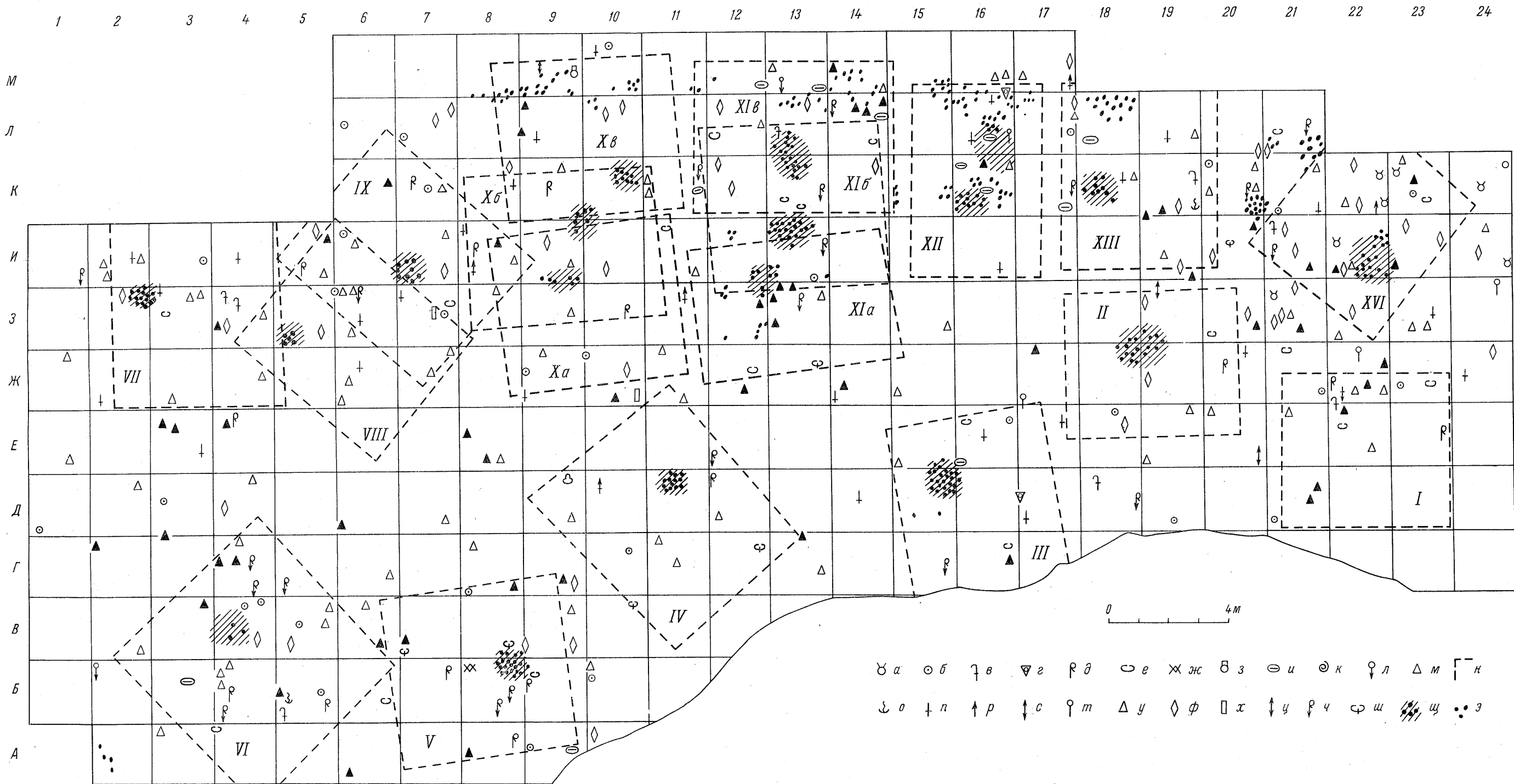

Рис. 6. План размещения построек верхнего слоя с каменными очагами. Схема расположения находок из 1-го и 2-го пластов.

1—24 и А—М — линии квадратов. I—XIV — номера построек. а — формочка для литья бронзовых предметов; б — глиняный грузик; в — серп; г — железный топор; д — железная булава; е — железный браслет; ж — бронзовая подвеска; з — каменный пест; и — каменная вертогерка; к — бронзовый перстень; л — бронзовая игла; м — обломок бронзового предмета; н — границы построек; о — глиняные тигли; п — железный нож; р — наконечник стрелы; с — шило; т — железная игла; у — обломок железного предмета; ф — костяной предмет; х — точильный брусок; ч — кремневое орудие; ц — бронзовая булава; щ — бронзовый браслет; э — каменный очаг; э — камни.

является ее первым разобранным и выброшенным очагом. Размер постройки около 5.5×5 м. В ее пределах найдено 29 предметов. Это серп, нож, булавка, браслет, два «грузика дякова типа» и др.

Найденные во втором пласте обломки глиняных литейных форм были, вероятно, ниже пола жилища XIV и имеют прямое отношение к развалу камней из квадрата 20 К. Этот комплекс не входит в состав сооружений из верхнего слоя.

4

Наиболее частыми находками в культурном слое городища Новые Батеки были фрагменты глиняной посуды. Несмотря на свою многочисленность, керамика в целом поражает своим однообразием. Основ-

ная масса фрагментов принадлежит небольшим слабо профилированным, горшковидным сосудам (рис. 7) высотой от 8.5 до 20 см. Максимальная ширина у сосудов приходится на уровень плечиков, тогда как диаметр венчика бывает несколько меньше (разница от нескольких миллиметров до 2—3 см).

Диаметр дна составляет от $3/4$ до $1/2$ поперечника. Такие горшковидные сосуды имеют усеченно-коническое тулово, расширяющееся кверху, у дна иногда бывает закраина (рис. 7 и 8), но часть сосудов закраин не имеет и переход от тулова к дну у них закруглен (рис. 8, 29—33). Плечики сосудов округлые и находятся в верхней трети сосудов. Венчик короткий, слегка оттянут, поэтому его толщина несколько меньше толщины стенок, он слегка изогнут по отношению к тулову и бывает либо почти вертикальным, либо слегка отогнутым наружу, только в отдельных случаях у небольших сосудов типа мисок венчик загибается, внутрь (рис. 7, 4; рис. 8, 13). Толщина стенок сравнительно невелика — от 0.5 до 0.9 см. Толщина дниц лишь немного превышает толщину стенок. Реже встречаются сосуды более высокие, конусовидно-горшковидные (рис. 7, 3). У этих сосудов высота превышает максимальный диаметр на уровне плечиков на 2—3 см и плечики более покатые.

По составу керамической массы сосуды не совсем однородны. В большинстве случаев к глине или суглинку, добавлялась отощающая примесь в виде дресвы — толченый гранит. Иногда зерна гранита довольно крупные, до 3—4 мм в поперечнике, и количество их достигает 20—25% от всей керамической массы; в качестве отощающей добавки применява-

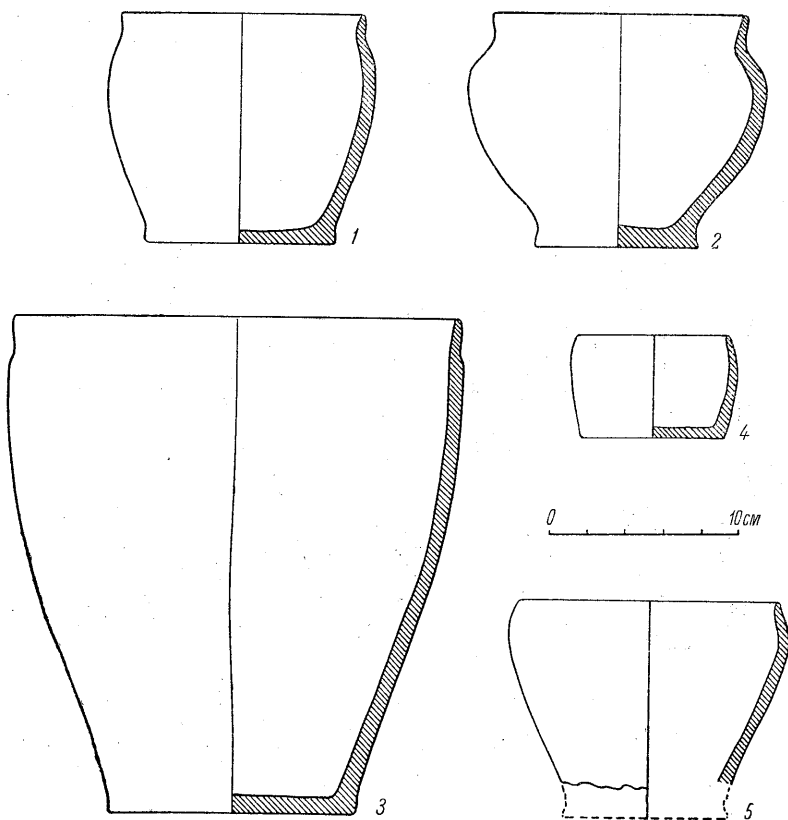

Рис. 7. Глиняные сосуды.

1, 4, 5 — из верхнего слоя А («песчанистые»); 2—3 — из слоя Б («сглаженно-исчерченные»).

лась мелкозернистая дресва, состоящая из кристалликов кварца, шпата и многочисленных чешуек слюды, снаружи и на изломе эта посуда дает золотые блестки. В меньшем количестве примесью к глине служил кварцевый песок. Других отошчающих добавок не найдено. Керамическая масса промята не тщательно, на изломе выделяются отдельные чешуйки и комочки

глины. Однако в случаях использования песка как добавки качество массы бывает несколько лучше.

Все сосуды изготовлялись вручную, методом налепа без оправки на поворотной подставке. Это подтверждается следующими признаками. Внутренняя поверхность сосудов несет следы оправки чем-то шероховатым (тряпкой, травой и т. д.), видна мелкая исчерченность разной глубины в разных направлениях, а вдоль венчика бывают углубления от нажима пальцами при поддержке сосуда. Такая же мелкая исчерченность наблюдается на внешней поверхности, но здесь штрихи имеют большей частью вертикальное направление от венчика к днущу. Венчик и нижняя часть у дна подправлялись в горизонтальном направлении. В изломе очень часто видна линия наращивания верхней ленты, из которой формовался венчик, а иногда сращивание лент было настолько непрочным, что по их границе венчик отчленился или расслаивался. Некоторые сосуды асимметричны. Дно у всех сосудов плоское, изготовлялись они на плоской, ровной поверхности, которая

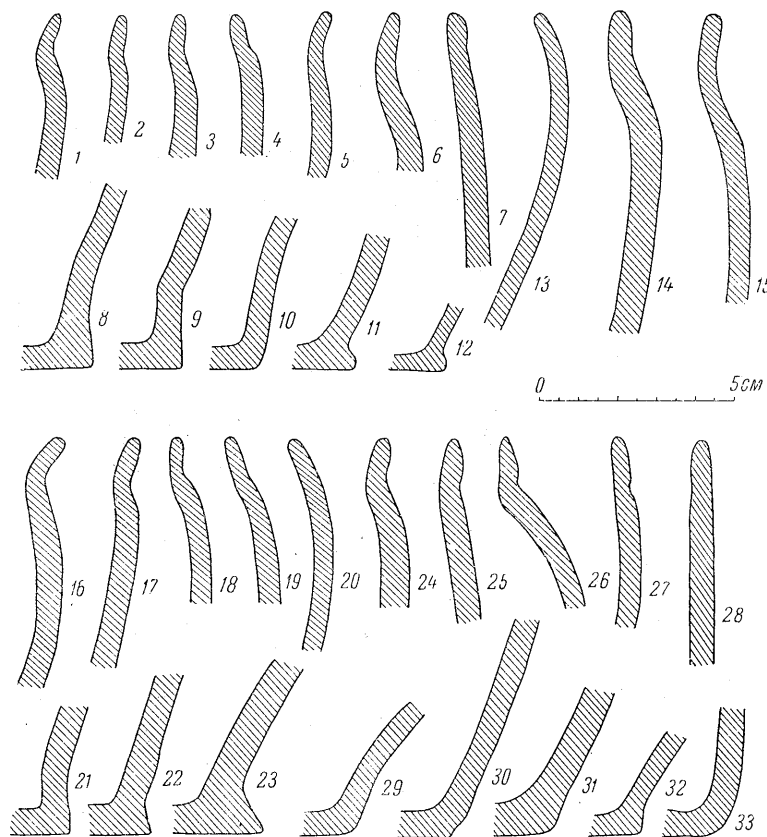

Рис. 8. Профили глиняных сосудов.

1—13 — венчики и днуща сосудов верхнего слоя А («песчанистые»); 14—23 — венчики и днуща сосудов из слоя В («сглаженно-исчерченны»); 24—33 — венчики и днуща сосудов из нижних слоев В и Г («бугристые»).

в отдельных случаях густо посыпалась кварцевым песком, прилинявшим к поверхности дна.

Орнаментация на сосудах — чрезвычайно редкое явление, орнаментированные фрагменты исчисляются единицами и в общей сложности составляют 0.1%. Украшения на сосудах расположены в верхней части сосудов по плечикам, очень часто асимметрично. Их можно подразделить на три вида, отражающие разные хронологические периоды. Наиболее древним, как мы увидим далее, был ямочный орнамент, нанесенный в верхней части сосуда по плечу. Это группы или ряды углублений, сделанных палочкой, имевшие округлые или четырехугольные очертания (рис. 9, 5). Также из нижнего слоя происходят фрагменты с орнаментом в виде прочерчиваний, сделанных палочкой в верхней части сосудов. Эти линии образуют четырехугольники или близкие к ним фигуры (рис. 19, 6). В верхнем горизонте, главным образом на посуде с примесью песка к глине, встречены орнаменты в виде косых нарезок, сделанных ножом или другим острым предметом. Нарезки составляют либо систему параллельных наклонных линий, либо перекрещивающиеся системы рядов (рис. 19, 1).

Возможно, следует считать орнаментом углубления и полосы на сосудах, которые получались в результате уминания и сглаживания стенок глиняного сосуда во время его формовки. Наносились они в верхней части сосуда снизу вверх, а в нижней — сверху вниз, а после окончания формовки сосуда не заравнивались, а только слегка поглаживались или подштриховывались, придавая посуде более нарядный вид.

На некоторых сосудах на изгибе венчика прослеживается отпечаток веревки, которой, вероятно, перевязывался сосуд во время формовки (рис. 9, 2—3). Этот отпечаток веревки служил и украшением, в противном случае его могли еще до обжига загладить.

Проследить изменение форм сосудов в разных горизонтах слоя не удалось. Но общая тенденция развития, очевидно, была — от более стройных и высоких горшков раннего

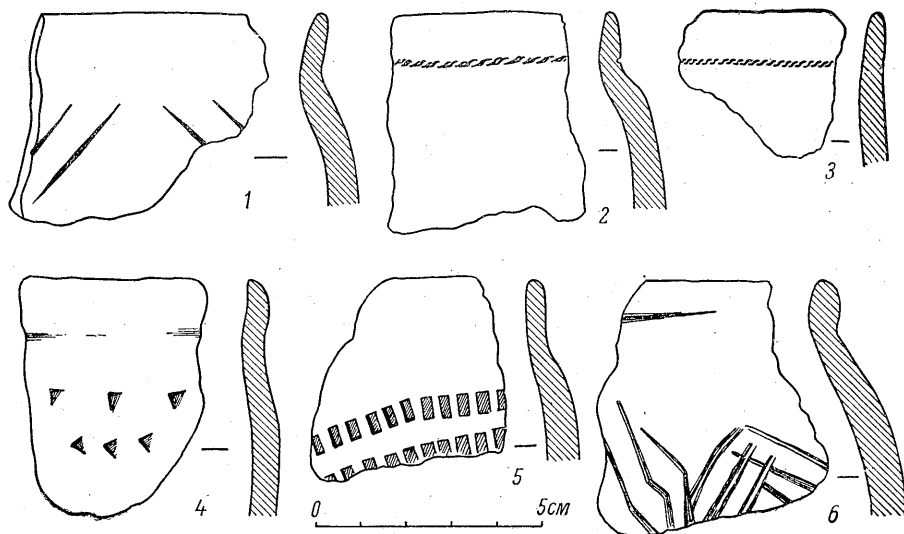

Рис. 9. Фрагменты орнаментированной посуды.

периода к приземистым и чашкообразным, относящимся к позднему времени. Более четко прослеживается изменение технологии производства глиняной посуды за период существования городища, причем эти изменения увязываются с отдельными слоями. Здесь также заметны три этапа, которые мы в соответствии со стратиграфией городища будем разделять на верхний (А), средний (Б) и нижний (В+Г).

Наиболее древний этап (ему соответствуют культурные слои В и Г) характеризуется двумя разновидностями посуды, весьма сходными по форме (рис. 8, 24—33), окраске и обработке поверхности. По общему облику ее можно назвать «бугристой». Разновидности ее таковы.

1. Темно-серая керамика; фрагменты ее немногочисленны. Сосуды обычной формы, вдоль верхней части у венчика имеют мелкую исчерченность — следы подправки рукой или чем-то слегка шероховатым, внизу подправка почти незаметна; черепок на изломе темный, глина с добавкой мелкой дресвы. Обжиг равномерный в условиях недостатка кислорода и при избытке окиси углерода, т. е. восстановительный, поэтому цвет черепков варьирует от серого до почти черного. Толщина стенок — от 4.5 до 8 мм. Поверхность черепка напоминает мелкую наждачную бумагу, что происходит от выступающих мелких зерен дресвы. Кроме мелкой исчерченности, на отдельных фрагментах есть полосы вдоль венчика, проведенные щепкой или каким-то другим предметом. Очень редко эта посуда бывает орнаментирована рядами четырехугольных углублений (рис. 9, 5).

2. Черная, иногда буровато-сероватая керамика, с внешней стороны крупнобугристая; фрагменты ее многочисленны. Сосуды обычной формы со слабо профилированными стенками.

Поверхность стенок местами снаружи несет следы сглаживания в разных направлениях, такие же сглаживания внутри сосуда выделяются резче. Зерна дресвы, выступающие наружу, очень часто бывают покрыты сверху тонким слоем глины, и поэтому отдельные бугорки на посуде снаружи кажутся глиняными. Черепки на изломе одноцветные, буро-серые или черные, глина перемешана плохо и расслаивается на чешуйки. Обжиг восстановительный, но слабый и не всегда равномерный, механическая прочность керамики слабая. Почти вся керамика без орнамента, только отдельные сосуды в верхней части имеют ряды ямочек, нанесенных палочкой. На некоторых есть отпечаток веревки вдоль венчика, в таких случаях венчик более ярко выражен. Общий признак для всей древней «бугристой» керамики — закругленный переход от дна к стенкам сосудов (рис. 8, 29—33).

Керамика среднего этапа (ему соответствует слой Б культурных напластований) имеет красноватые и сероватые или желтовато-буроватые тона. Наиболее типичен способ обработки поверхности, которая является «сглаженно-исчерченной» в отличие от более древней «бугристой». Сосуды этого этапа несколько отличаются и по форме. У дна они имеют резко выступающий карнизик (рис. 8, 22—23), если же в исключительных случаях его нет, переход от дна к стенкам не закруглен, как у более древней керамики, а составляет прямой угол (рис. 8, 21). Керамику среднего этапа можно разделить на три разновидности.

1. Красноватая или буровато-желтая посуда обычной формы, из глины с добавкой крупной дресвы, зерна которой выступают на поверхности. Поверхность сосуда при сглаживании смачивалась, в результате чего зерна дресвы, выступающие наружу, покрывались тонким налетом глины, и поэтому почти все бугорки сверху кажутся глиняными, а на поверхности бывает очень слабая исчерченность. Черепки в изломе большей частью двуцветные: снаружи тонкая прослойка до 1 мм красноватого или желтовато-буроватого цвета, а основная масса черепка черная.

2. Такая же керамика из глины с дресвой разного размера. На поверхности сосудов выступают зерна кварца и полевого шпата. Вся поверхность сверху приглажена, и на ней четко видна мелкая исчерченность, которая снаружи имеет преимущественно вертикальное направление, а внутри сосуда — горизонтальное. Обжиг сравнительно хороший, и в изломе черепки большей частью одноцветные, красноватые или желтовато-сероватые, что обусловлено окислительным обжигом.

3. Керамика того же цвета и формы. Глина перемешана не очень тщательно, примесь дресвы значительная, обжиг хороший, и черепок на изломе одноцветный, красноватый. Поверхность сосудов мелко исчерчена и, кроме того, имеет глубокие вдавления в виде вертикальных полос, сделанных пальцами. Такой характер поверхности сосудов объясняется способом ее обработки. Это наиболее многочисленная группа.

Верхний этап (ему соответствует слой А культурных напластований) характеризуется довольно однородной керамикой красноватого цвета. Изготовлена она из хорошо перемешанной глины или суглинки, к которым добавлен в значительном количестве крупный песок. Форма сосудов обычная, стенки слабо профилированные, со слегка отогнутым наружу венчиком, встречаются также мелкие сосудики и миски с прямым или слегка вогнутым краем (рис. 8, 1—13). Обжиг сосудов хороший, и черепки на изломе одноцветные, красные. Снаружи сосуды сглаживались, но из-за наличия в тесте большого количества песка поверхность их не гладкая, а как бы усыпанная песком, и всю эту посуду в отличие от предыдущей можно назвать «песчанистой». По плечу сосуды иногда украшались нарезками, изредка на поверхности этого рода сосудов были вертикальные полосы — вмятины. У дна всегда есть небольшие карнизики (рис. 8, 8—9, 11—12), исключением являются только небольшие мискообразные сосудики, у которых переход от дна к стенкам может быть и закругленным (рис. 8, 10).

Деление сравнительно однородной по форме и фактуре керамики на три группы хорошо прослежено во время раскопок. Стратиграфически культурные напластования, как уже указывалось, подразделяются на три основных слоя (А, В, Г) и один смешанный (Б). Не на всей площади городища это деление прослеживалось четко, поэтому во время раскопок был проведен точный учет керамики по квадратам и пластам. Пласты в 0.2 м толщиной не совпадали с культурными слоями, зачастую в один пласт попадало два, а иногда и три разных

слоя, однако статистический учет разновидностей керамики по пластам дал довольно четкую картину распределения ее по отдельным слоям. Наилучшим с этой точки зрения был участок на западной стороне площадки, ограниченный линиями квадратов 12 и 14 с севера на юг и линиями З и М с востока на запад. Материалы подсчета керамики с этого участка приведены в табл. 1, где для обозначения групп керамики условно взяты их наиболее характерные признаки, уже отмеченные нами: керамика верхнего этажа названа «песчанистой», среднего — «сглаженно-исчерченной» и нижнего — «бугристой».

Первый пласт на вышеуказанном участке содержал 13.2% обломков «песчанистой» посуды, 83.2% — «сглаженно-исчерченной» и 3.6% «бугристой». Второй пласт дал только 0.4% «песчанистой», 22.3% «сглаженно-исчерченной» и 77.3% «бугристой» посуды. Третий, четвертый, пятый и шестой пласты содержали только «бугристую» посуду, но насыщенность этих пластов керамикой была сравнительно слабой.

ТАБЛИЦА 1

Распределение различных типов керамики по слоям

№№ квად- ратов	1-й пласт			2-й пласт			3-й пласт			4-й пласт			5-й пласт			6-й пласт		
	песчан- стая	сглажен- ная	бугристая	песчан- стая	сглажен- ная	бугристая	песчан- стая	сглажен- ная	бугристая	песчан- стая	сглажен- ная	бугристая	песчан- стая	сглажен- ная	бугристая	песчан- стая	сглажен- ная	бугристая
12 З	7	46	3	—	7	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13 З	10	43	1	—	11	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14 З	7	12	—	—	10	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12 И	10	51	3	—	9	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13 И	21	43	6	—	9	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14 И	7	70	1	—	7	21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12 К	3	38	—	1	9	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13 К	5	67	3	—	7	31	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14 К	1	74	7	1	12	54	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12 Л	19	96	4	—	7	7	—	—	41	—	—	3	—	—	—	—	—	—
13 Л	19	106	—	—	1	72	—	—	18	—	—	28	—	—	3	—	—	—
14 Л	4	68	1	—	8	96	—	—	51	—	—	7	—	—	—	—	—	—
12 М	1	31	3	—	—	17	—	—	8	—	—	2	—	—	—	—	—	3
13 М	4	25	2	—	—	13	—	—	20	—	—	6	—	—	1	—	—	1
14 М	8	22	—	—	11	18	—	—	17	—	—	11	—	—	3	—	—	1
Итого	126 13.2%	792 83.2%	34 3.6%	2 0.4%	118 22.3%	410 77.3%	—	—	169 100%	—	—	47 100%	—	—	7 100%	—	—	5 100%

При рассмотрении каждой группы керамики в отдельности становится ясным, что «песчанистая» керамика целиком происходит из слоя А, «сглаженно-исчерченная» керамика также происходит из слоя А, но является более древней, «бугристая» керамика характерна для слоев В и Г.

Эти наблюдения были проверены и на других участках. Так, например, в юго-восточной части площадки с тонким культурным слоем в 2—3 пласта, где отдельные прослойки не вы-

делялись четко, общая картина оказалась весьма близкой: 1-й пласт содержал 29.1% посуды «песчанистой», 60% «сглаженно-исчерченной» и около 10% «бугристой», 2-й пласт дал 4% «песчанистой» посуды, 49% «сглаженной» и 47% «бугристой», в 3-м пласте, на этом же участке было 16% «сглаженной» и 84% «бугристой» посуды. Другими словами, размещение в культурном слое основных типов керамики изменялось в той же последовательности, как и в первом случае, но толщина отдельных слоев здесь была несколько иной.

При сравнении керамики городища у д. Новые Батеки с материалами из других древнейших городищ Смоленщины становится ясным, что указанные выше особенности были характерны для больших территорий. Однако, учитывая, что городище у д. Новые Батеки заселялось с перерывами, нужно полагать, что всех разновидностей глиняной посуды городищ Смоленщины оно не отражает.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на городище у д. Новые Батеки совершенно отсутствует глиняная посуда, профилированная и украшенная по венчику и плечу защипами и насечками, тогда как на других городищах, особенно на Левобережье Днепра, она встречается в больших количествах. Датируется эта керамика по материалам городища Тушемля первой половиной I тысячелетия н. э.⁸

Кроме вышеописанной гладкостенной, слабо профилированной керамики, в культурном слое городища встречена в незначительном количестве (всего около 10 фрагментов) посуда совершенно иного облика, стенки которой покрыты отпечатками тканей; часть фрагментов происходит от баночных сосудов с почти прямым венчиком. Они были изготовлены из темной глины с примесью мелкой дресвы. Внутренняя поверхность приглажена, и на ней заметна мелкая исчерченность. Наружная поверхность несет следы глубоких отпечатков грубой, частой ткани. Черепки на изломе черные, так как обжиг был восстановительный. Цвет сосудов снаружи темно-серый, а внутри черный. Сосуды крупные, в диаметре около 30 см, толщина стенок около 7 мм. У другой части сосудов к глине примешана крупная дресва. На наружной поверхности видны отпечатки грубой, редкой ткани, которая покрывает все тулово сосудов и плечики, в то время как шейка и венчик остаются гладкими. Кроме отпечатков ткани, эти сосуды украшены рядами ямок, нанесенных палочкой по шейке или штампом по плечу. Цвет этой посуды сероватый или реже красноватый. Черепки на изломе чаще серые. Сосуды крупные — до 40 см в поперечнике, толщина стенок 7—8 мм. Вся текстильная керамика относится к нижним слоям (В и Г).

5

Во время раскопок в культурном слое обнаружено 494 находки.⁹ Распределение их по пластам приведено на табл. 2. В пластах 6 и 7, т. е. в самом древнем слое Г наряду с «бугристой» керамикой встречены наиболее архаичные костяные предметы, глиняная форма для отливки бронзовой ажурной подвески, бронзовое шило и небольшая зернотерка. Немногочисленность находок объясняется тем, что культурный слой Г чрезвычайно тонок и сохранился в нетронутном виде только на небольшой полосе вдоль западного края городища.

Пласты 4 и 5 дают материалы, происходящие главным образом из слоя В, также содержащего «бугристую» керамику. Здесь наряду с немногочисленными костяными и бронзовыми вещами найдены три предмета, изготовленных из железа (два шила и одна игла), два обломка глиняного грузика без нарезок и одна каменная зернотерка. Другими словами, железных предметов в этом слое еще очень мало. Пласты 2 и 3 охватывают несколько слоев, что произошло в связи с выравниванием площадки. В них преобладают находки из слоя Б, но туда попала и часть находок из нижележащих слоев. В этом слое наряду с 58 костяными поделками и 84 бронзовыми вещами найдено 77 предметов из железа. Пласт 1 отражает картину находок верхнего слоя А. В нем преобладают железные предметы (96 экз.) и бронзовые

⁸ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, № 4, 1958, рис. 6, 5, 6 и стр. 177.

⁹ В это число не входят керамика и кости животных, а также вещи XIV—XV вв. н. э. и кремневые орудия каменного века.

ТАБЛИЦА 2

Перечень находок с распределением их по пластам

Наименование предметов	Количество по пластам							всего	Наименование предметов	Количество по пластам							всего
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й			1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	
Костяные изделия:									Изделия из железа:								
булавки или острия	—	13	10	1	—	—	1	25	ножи	14	14	3	—	—	—	—	31
пронизки или бусы	3	7	1	—	—	—	—	11	серпы	6	3	—	—	—	—	—	9
«туники» и лопатки наконечники стрел	1	9	3	—	—	—	—	13	стрелы	1	2	—	—	—	—	—	3
гарпуны	3	—	1	—	—	—	—	4	топоры	1	1	1	—	—	—	—	3
рукояти ножей	—	3	—	1	—	—	—	4	пила	7	3	1	1	1	—	—	13
шилья	—	1	2	1	—	—	—	4	иглы	2	2	2	1	—	—	—	7
подвески	2	2	—	—	—	—	—	4	булавки	9	4	1	—	—	—	—	14
грузики	—	1	—	—	—	—	—	1	браслеты	10	7	1	—	—	—	—	18
кости со следами обработки	5	2	—	—	—	—	—	7	кольца	4	4	—	—	—	—	—	8
Бронзовые изделия:								обломки предметов	42	22	6	2	—	—	—	81	
булавки	13	16	11	1	1	—	—	42	Глиняные и каменные изделия:								
браслеты	18	3	6	2	—	—	—	29	грузики глиняные	24	3	1	—	2	—	—	30
иглы	1	1	1	—	—	—	—	3	формы глиняные	3	3	—	—	—	—	1	7
шилья	2	—	1	2	—	1	—	6	тиглы	1	1	—	—	—	—	—	2
перстни	1	—	1	—	—	—	—	2	зернотерки каменные	8	6	2	1	—	—	—	17
пронизки	9	6	1	—	—	—	—	16	песты	4	1	—	—	—	—	—	5
ножи	1	1	1	—	—	—	—	3	бруски точильные	3	1	1	—	—	—	—	5
подвески	—	1	—	—	—	—	—	1	Итого	227	160	78	16	8	2	3	494
проволока и заготовки	9	4	6	2	2	—	—	23									
обломки предметов	19	11	13	1	2	—	—	46									

(73 экз.), тогда как костяные поделки становятся единичными (15 экз.), зато резко увеличивается количество зернотерок и пестов и появляются в массовом количестве глиняные «грузики дьякова типа» с нарезками.

В соответствии с последовательностью появления и максимального распространения вещей из разных материалов от нижних слоев к верхним нами принята следующая последовательность описания находок: сначала характеризуются изделия из кости, затем — из бронзы и железа, и наконец, — предметы, сделанные из прочих материалов.

Кость широко использовалась для изготовления самых разнообразных предметов. Большие трубчатые кости раскалывались вдоль, и наиболее подходящие куски обрубались и подстругивались. Из них изготовлялись разные орудия труда — наконечники стрел и гарпунов, острия. Ребра и лопатки использовались для изготовления тушиков, стругов и лоцил. Преимущественно изделия из кости были найдены в нижних слоях Г и В. В перемешанном слое Б количество костяных предметов не составляло и 50% от общего числа найденных вещей. В верхнем слое А найдено очень мало костяных предметов — только 15 экз. По мере увеличения количества железных изделий наблюдалось уменьшение количества костяных предметов. Ассортимент изделий из кости невелик, всего около 10 наименований, но количество их было значительным, если учитывать как целые вещи, так и обломки.

Костяные наконечники стрел были как черешковые, так и втульчатые; все они очень небольшие, тщательно обработаны. Один наконечник имел листовидно-ромбическое лезвие

с уплощенным сечением и шпорцем у основания черешка (рис. 10, 1). Длина наконечника 5,6 см. Такие наконечники напоминают раннескифские бронзовые. Они известны на Старшем Каширском городище.¹⁰ Второй наконечник, более массивный и ромбический в сечении, длиной 7,5 см, имел вытянутотреугольное лезвие с двумя жальцами в основании (рис. 10, 2), черешок у него уплощенный. Оба наконечника найдены в самом нижнем культурном слое (Г).

Втульчатые наконечники (?) имеют цилиндрическую форму при длине 2,8 см и толщине 1,5 см и 1,7 см (рис. 10, 11—12). Верхний конец у них плоский и тупой, снизу есть отверстия диаметром 7 мм для древка. Служили они скорее всего для охоты на мелких пушных зверей. Оба таких наконечника также происходят из нижнего культурного слоя. Подобные им имеются на Старшем Каширском городище.¹¹

Наконечники гарпунов обнаружены в числе четырех, из них два целых и два обломка. Имеется еще один гарпун, не законченный выделкой. Все они однотипны и сравнительно массивны, длина их от 10 до 11 см, стержень округлого сечения увенчан сверху одним зубом; основание, вставлявшееся в древко, ограничено двумя массивными выступами, иногда соединяющимися между собой (рис. 10, 4). Гарпуны обнаружены как в нижнем, так и в верхнем слое городища, видимо, они бытовали очень большой отрезок времени, почти совершенно не изменяя своей формы. Такого типа гарпуны найдены и в других местах Смоленщины: на городище Тушемля, Мокрядинском, Ковшаровском в бассейне р. Сожа, на городище у д. Наквасино в бассейне Днепра и т. д. Такие гарпуны весьма характерны для всей лесной зоны европейской части СССР; они есть на городищах на р. Москве, на Оке и ее притоках, на Верхней Волге и Западной Двине и в других местах.

Рукоятки пожей из кости (4 экз.) также происходят из нижнего культурного слоя. Одна из них (рис. 10, 5) имела округлую головку и зональный орнамент из нарезных параллельных линий. От второй рукоятки найдена только головка с выступающим круговым поясом (рис. 10, 6). Такого типа костяные рукоятки характерны не только для смоленских городищ, они широко распространены и в Волго-Окском междуречье. Третья рукоять представляет собой грубо обструганный кусок рога лося, на одной торцевой стороне есть отверстие для черенка ножа; возможно, обработка этого предмета не была закончена. Четвертая рукоять представлена фрагментом, по которому трудно судить о ее форме.

Костяные «тупики» — орудия для обработки кожи — обнаружены в нижнем и среднем культурных слоях. Два из них сделаны из ребер крупных копытных животных с заточкой одной стороны; для изготовления остальных использовались лопатки крупных животных, и тогда могли затачиваться как одна, так и две стороны (рис. 11). Костяные «тупики» являются весьма характерными предметами для древних городищ. Они найдены в нижнем слое на городище Тушемля, на городищах у деревень Наквасино и Демидовка на Днепре, на городище у д. Холм в бассейне Западной Двины и др. Такие орудия постоянно встречаются и на соседних территориях вне пределов Смоленщины.

Костяные шилья найдены преимущественно в нижнем культурном слое. Они массивны и достигают длины 13,5 см. Два из них были цельными орудиями (рис. 10, 21), третье, очевидно, вставлялось в деревянную рукоять, остальные шилья представлены фрагментами, по которым трудно сказать, какую они имели форму.

Небольшие костяные острия являлись самыми распространенными на городище изделиями из кости. Их найдено 25 экз., и все они были встречены в нижнем и среднем слоях. Они изготовлены из небольших, видимо, птичьих костей. Верхняя часть их представляет собой естественную головку кости, острый конец очень хорошо зашлифован и превращен в острие (рис. 10, 3, 7, 18—20). В 9 случаях головки острий имеют сквозные отверстия. Диаметр отверстий различный — от 2 до 5 мм. Эти острия служили скорее всего булавками для скалывания одежды. Подобные острия найдены не только на городищах Смоленщины; они имели широкое распространение в раннем железном веке во всей лесной полосе европейской части СССР.

¹⁰ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1934, рис. X, 10.

¹¹ Там же, рис. X, 2.

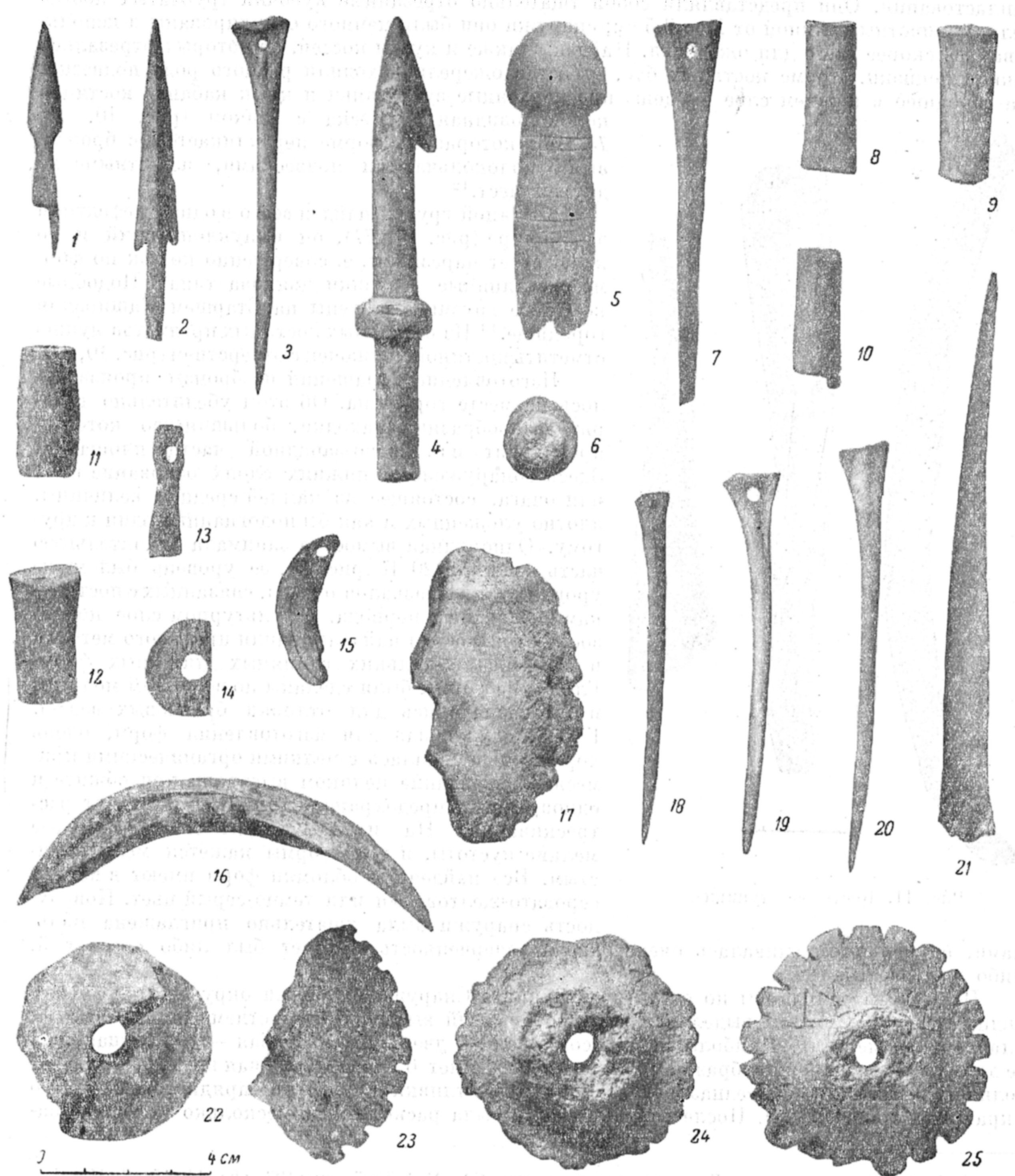

Рис. 10. Изделия из кости и глиняные грузики.

Костяные трубочки-пронизки (рис. 10, 8—10) встречались во всей толще культурных напластований. Они представляли собой тщательно отрезанные кусочки трубчатых костей мелких животных длиной от 2 до 3.5 см; снаружи они были немного отполированы и использовались скорее всего для ожерелья. Найдены также и куски костей, от которых отрезались такие пронизки. Кроме костяных бус, в состав ожерелья входили разного рода подвески. На городище в нижнем слое найдены просверленные зуб свиньи и клык кабана, костяная колоколовидная подвеска с ушком (рис. 10, 13, 15, 16), которая по форме перекликается с бронзовыми колокольчатыми подвесками, известными из других мест.¹²

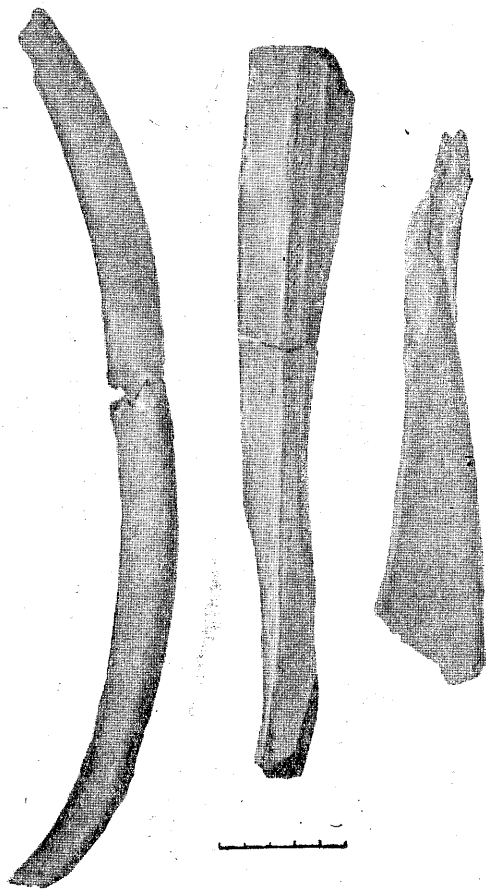

Рис. 11. Костяные «тушики».

Костяной грузик найден всего в одном дефектном экземпляре (рис. 10, 17), он выпуклоплоский и по краю несет нарезки, т. е. совершенно похож по форме на глиняные «грузики дьякова типа». Подобные костяные грузики найдены на Старшем Каширском городище.¹³ Из остальных костяных предметов нужно отметить костяной кружочек с отверстием (рис. 10, 14).

Изготовление украшений из бронзы производилось на месте городища. Об этом убедительно говорят разнообразные находки, большинство которых происходит из северо-западной части площадки. Здесь обнаружено в нижних слоях основание печи или очага, состоящее из камней средней величины, плотно уложенных и как бы подогнанных один к другому. Однорядная вымостка занимала значительную часть квадрата 20 К (рис. 6), ее уровень был ниже уровня других развалов очагов, связанных с постройками последнего периода. В культурном слое поблизости от вымостки найдены капли пролитого металла и обломки нескольких глиняных литейных форм. Глиняные формы были сделаны по восковым моделям и предназначались для отливки бронзовых вещей. Глина, служившая для изготовления форм, очень хорошо перемешалась с мелкими органическими примесями, последние целиком выгорали при обжиге и одновременно предохраняли глиняную форму от растрескивания. На изломе видны многочисленные мелкие пустоты, и тело формы кажется мелкопористым. Все найденные обломки форм имеют в изломе серовато-желтоватый или темно-серый цвет. Поверхность снаружи была тщательно приглажена паль-

цами, на ней прослеживалась очень слабая исчерченность, и цвет был либо сероватый, либо желтоватый.

Все формы одинаковы по своей конструкции. Снаружи они были округлы и лепешковидны; с одной стороны выделялся воронкообразный выступ с отверстием для литья расплавленного металла. Наиболее полно сохранились две формы. Первая — небольшая, вся ее длина вместе с воронкообразным выступом составляет 6.9 см, небольшая ширина — 5.5 см, толщина около 2 см; предназначалась она для отливки какого-то нарядного, ажурного украшения (рис. 12, 29). После отливки форма была расколота на несколько частей, укра-

¹² Л. А. Евтухова. Барвихинское городище. СА, № 3, 1937, стр. 123, рис. 14, 15; В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів на Київщині в 1950 г. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VI, Київ, 1956, табл. II, 5, 7, 8.

¹³ В. А. Городцов, ук. соч., рис. VII, 13, 14.

нение вынута, а обломки формы брошены. Два ее большие фрагмента найдены нами; они и позволили реконструировать как облик формы, так и облик отлитого изделия.

Украшение, изготовленное в форме, можно в какой-то степени сравнивать с изделиями подгорцевской культуры, происходящими с севера Украины. Так, в Бортничих были найдены подвески гроздевидной формы с тремя округлыми бляшками на концах ветвей. Имеются и другие аналогии.¹⁴ Подгорцевская культура датируется VI—III вв. до н. э. Учитывая тот факт, что наша форма найдена на материке и увязывается с самым древним слоем Г, ее можно считать одним из предметов середины I тысячелетия до н. э.

Вторая форма найдена также в обломках. Она значительно крупнее первой, ее длина с воронкообразным выступом 15,3 см, максимальная ширина 11 см, толщина 3,5 см, диаметр воронки 5,5 см. Предназначалась форма для отливки круглого браслета с шишечками. Каждая шишечка представляла собой как бы четырехлепестковый цветок с округлым выступом в середине. Диаметр браслета около 6,5 см. По своему облику он совершенно аналогичен найденному на этом же городище бронзовому браслету (рис. 13, б). Отличает их только расположение выпуклостей в «цветках» по отношению к стержню браслета. Данная форма скорее всего не была использована; еще до отливки она раскололась и была выброшена.

Ближайшей аналогией этой литейной форме являются парные камешные формы из Ольвии (Причерноморье), датируемые III в. до н. э.¹⁵ Наша форма происходит из перемешанного среднего слоя Б.

Кроме двух уже описанных глиняных литейных форм, найдены мелкие обломки, принадлежавшие другим формам. Среди них есть обломок формы, в которой был отлит массивный рубчатый браслет. Реконструировать целиком изделие по данному фрагменту затруднительно, но браслеты такого облика также были встречены на городище (типа рис. 12, 27—28).

Бронзовые изделия изготовлялись не только методом отливки, но и путемковки из бронзовой проволоки и специальных заготовок. В культурном слое найдены большие куски круглой и четырехугольной в сечении проволоки длиной до 35—45 см и массивные бронзовые пластинки. Возможно, значительное количество бронзы поступало в результате обмена не только в виде слитков, а в форме проволоки и разного рода заготовок. Из бронзы изготовлялись главным образом украшения, но есть и отдельные бронзовые бытовые предметы — иглы, шилья, пожки. Поражает обилие утерянных бронзовых предметов.

Рассмотрим основные категории бронзовых предметов.

Браслетов обнаружено 29 экз. (в это число входят как целые, так и обломки). Они разделяются на 5 типов.

1. Плоские, литые браслеты с парными коническими украшениями на концах, найдены в числе двух обломков. Один из них (рис. 12, 26) (сохранилась половина) отлит по восковой модели. Пластина браслета с внутренней стороны гладкая, а снаружи имеет пять продольных, выпуклых полос, рассеченных поперечными линиями. Концы браслета завершались парными, полыми, коническими выступами, имитирующими проволочную спираль.

Второй браслет сохранился в виде маленького обломка (рис. 12, 24), плоская часть его украшена шестью рядами бугорков, а по краям идут два ряда плоских, спиральных украшений. Концы браслета увенчивались парными, полыми, коническими выступами, украшенными спиральным орнаментом. Оба эти браслета происходят из нижних слоев и являются на городище самыми древними; один из них найден непосредственно на материке.

Такие браслеты найдены и на других древнейших городищах Смоленской области: у д. Демидовки (бассейн Днепра) и у д. Мокрядино. У с. Жарынь в бассейне р. Ипути найдены обломки глиняной формы для отливки подобного браслета вместе с фрагментами типичной наиболее древней «бугристой» керамики.

2. Круглые, литые массивные браслеты, украшенные шишечками, представляющими собой четырехлепестковые розетки (рис. 13, б). Один браслет имеет диаметр около 6 см,

¹⁴ В. М. Даниленко, ук. соч., табл. II, 25 и V, 23.

¹⁵ А. И. Фурманьска. Ливарні форми з розкопок Ольвії. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VII, Київ, 1958, стр. 40—60, табл. IV, 5.

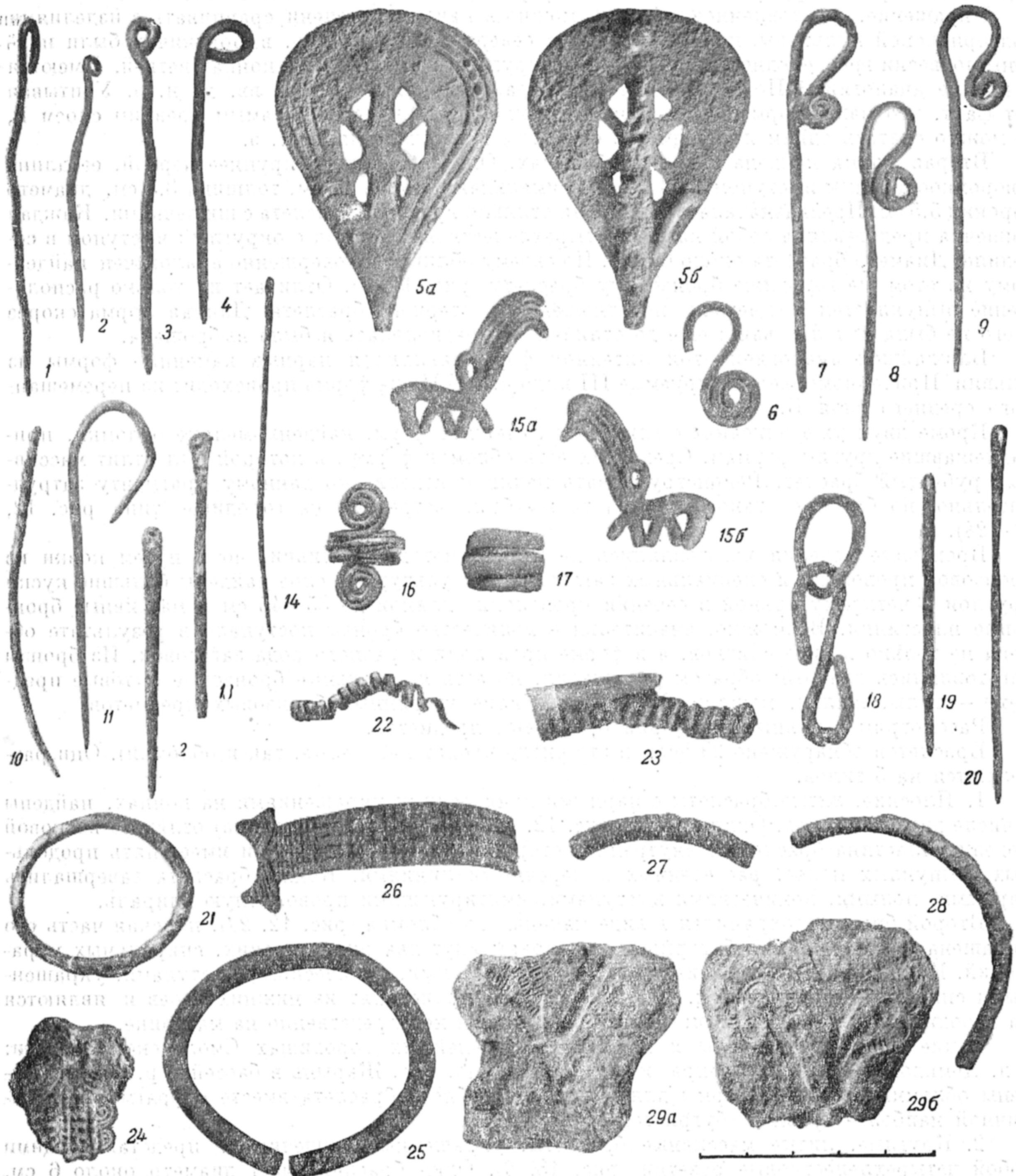

Рис. 12. Изделия из бронзы и литейная форма.

розетки распределяются неравномерно, и расстояние между ними составляет от 0.8 до 1.4 см. Размер розеток в поперечнике 7×10 мм при высоте 6—7 мм. Браслет происходит из пласта, лежащего на границе слоев Б и В. Подобный браслет найден на городище Тушемля. В пределах Восточной Европы близкие формы браслетов бытовали в течение латенского времени.¹⁶

3. Массивные литые, рубчатые браслеты (рис. 12, 27—28). Их обломки обнаружены в 4 экз.; они имели примерно одинаковый облик, но отличались по характеру орнаментации.

Один из браслетов был украшен глубокими, наискось нанесенными парезками, сечение бронзового прута круглое, 5.5 мм в диаметре. Второй браслет украшен небольшими выпуклинами, сечение браслета несколько иное, чем у предыдущего: внутренняя сторона плоская, а наружная круглая. Оба браслета происходят из слоев В и Г. Подобный браслет найден на городище Тушемля в нижнем слое. Очень близкие формы браслетов встречены на городищах милоградской культуры, где они датируются V—IV вв. до н. э.¹⁷ Два других обломка происходят от браслетов, очень близких по своему облику. Украшены они рубчатой насечкой, расстояние между рубчиками чередуется: после 13 рубчиков, нанесенных в 2 мм друг от друга, идут парные, крутые, на расстоянии 5.5 мм друг от друга. Диаметр браслетов около

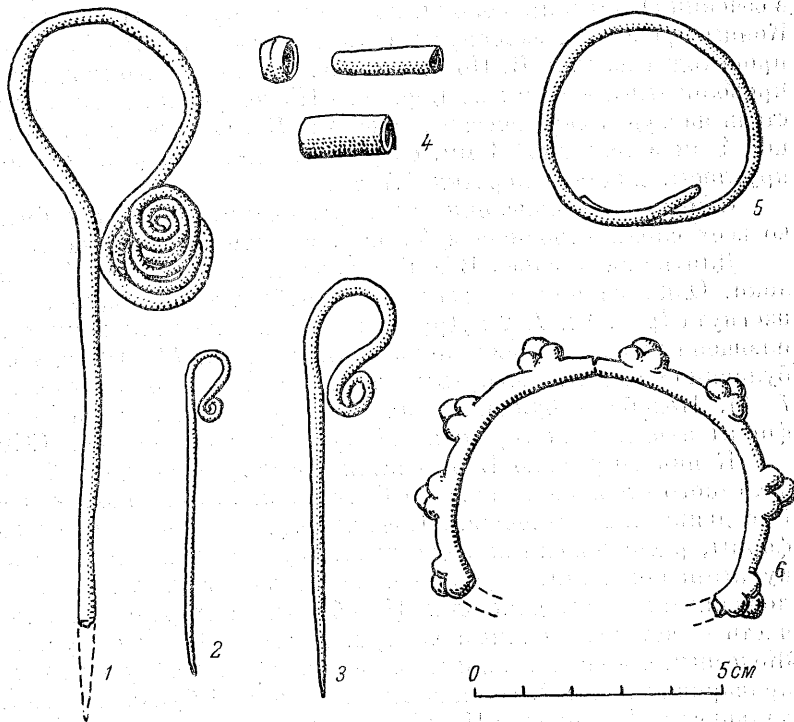

Рис. 13. Украшения из бронзы.

6.2 см, сечение выпукло-плоское, размеры его 7×4.7 мм и 7.7×5.7 мм. Эти браслеты найдены в верхнем слое и относятся к последнему периоду жизни на городище. Подобные браслеты встречены на городище Церковище у пос. Знаменское,¹⁸ где была найдена глазчатая фибула прусской серии I—II вв. н. э. Возможно, браслеты этого типа относятся к самой поздней поре латена и бытовали уже после рубежа нашей эры.

4. Массивные гладкие браслеты (рис. 12, 25). Целый экземпляр, имеющий размеры 6.3×5.5 см при сечении прута 6.5 мм, снаружи был гладко отполирован. Второй имеет несколько меньшие размеры. Найдены эти браслеты в верхнем слое А и бытовали одновременно с предыдущими.

5. Проволочные, кованые браслеты (рис. 12, 21), найденные в числе около двух десятков (целые и в обломках). Часть из них сделана из круглой проволоки, часть — из полу-

¹⁶ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, № 1, 1959, стр. 36; В. Г. Петренко. Культура племен правобережного среднего Поднэпровья в IV—III вв. до н. э. МИА, № 96, 1961, стр. 72, рис. 5, 3. — Вещи, подобные браслетам с шпешечками, датируются IV в. до н. э., но использовались они как детали сбруи.

¹⁷ О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 36, 37, рис. 10, 10, 12.

¹⁸ Ю. В. Кухаренко, ук. соч., стр. 47.

круглой; реже использовалась четырехугольная или треугольная в сечении проволока. Размеры этих браслетов обычные, но среди них есть и маленькие, диаметром до 3.5 см. Среди них выделяются браслет с завернутыми концами и браслет из четырехугольной, перевитой проволоки. Происходит этот браслет из перемешанного слоя Б. Перекручивание граненой проволоки как прием украшения бронзовых предметов наблюдается и на бронзовых булавках, происходящих из верхних слоев городища.

Обнаружено 2 экз. бронзовых перстней. Один из них (рис. 12, 16) изготовлен из круглой в сечении (1.5 мм) проволоки, которая свернута в виде спирали в 3 оборота диаметром 1.5 см. Концы проволоки завернуты в свою очередь и образуют два спиральных щитка. Перстень происходит из слоя В. По технике изготовления его можно сопоставить со среднелатенскими проволочными вещами из Верхнего Поднепровья, датируемыми II в. до н. э.¹⁹ Второй перстень найден в верхнем слое (рис. 12, 17). Он сделан из тонкой бронзовой пластинки шириной 4 мм и толщиной 1 мм, свернутой спиралью в 2.5 оборота, концы плоские и слегка закруглены, диаметр перстня 1.7 см.

Самыми многочисленными украшениями являются бронзовые булавки. Они найдены во всех слоях городища в 42 экз., и форма их весьма разнообразна.

Для нижних слоев В и Г характерны небольшие булавки из тонкой бронзовой проволоки. Одни из них увенчаны кольцеобразной головкой, а сама булавка в верхней части изогнута (рис. 12, 1, 2). Другие имеют слегка утолщенный верхний конец, а третьи — расплющенный конец в виде лопаточки (рис. 12, 14). Наряду с этим в нижнем слое встречены булавки с концом, изогнутым в виде пастушеского посоха с завитком в 1—2 оборота (рис. 12, 7—9). Подобные булавки широко распространены на городищах Смоленщины. Близкие формы найдены на городище Мукукалне в Латвийской ССР.²⁰

К нижнему слою В относится массивная сложная булавка (рис. 12, 5), состоящая из железного стержня и плоской бронзовой, литой головки, несколько напоминающей известные дяковские навершия. Средняя часть головки имеет шесть отверстий подтреугольной формы, расположенных радиально. Край головки по лицевой стороне украшен двумя выпуклыми поясками, идущими параллельно, и пятью двойными группами выпуклин, расположенными между поясками. На оборотной стороне у нижнего края есть ушко, а в верхней части — четырехугольный выступ, в который как бы упирался конец железного стержня. Железный стержень, видимо, вставлялся в литейную форму и при отливке головки как бы приваривался к ней. Полная аналогия нашей булавке известна из восточнолитовского пилькальниса у Лаукопен.²¹ По характеру своего устройства булавка из Новых Батек напоминает булавки подгорцевской культуры, которые имеют плоскую, прорезную головку, наваренную на железный стержень.²²

В слое Б встречены булавки, изготовленные из четырехугольной в сечении, иногда перевитой проволоки, толщина которой составляет около 3 мм (рис. 12, 10). Но все они найдены с обломанными головками. Для верхнего слоя А и частично для слоя Б наиболее характерны булавки из округлой проволоки с головкой в виде пастушеского посоха с завитком от 1.5 до 2.5 оборотов. Длина булавок составляет в большинстве случаев 7.5—8.5 см, но есть и более крупные — в 10.5 и 11.7 см. Одна булавка этого типа выделяется и своей величиной и формой (рис. 13, 1), она имеет большую петлю с коническим завитком в 8 оборотов, сделана из круглой, до 3.5 мм в сечении, проволоки. Бытуют в это время и простые булавки с кольцеобразной головкой (рис. 12, 3—4), от более древних они отличаются отсутствием изгиба в верхней части и массивностью. Найдена одна булавка с согнутым верхним концом (рис. 12, 11), как бы напоминающим пастушеский посох, но без завитка.

Булавки из слоя А имеют большое количество аналогий среди древностей первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры. В Поднепровье они известны в материалах

¹⁹ Там же, стр. 32, 34, рис. 1, 5.

²⁰ Фонды Института истории Латвийской ССР, раскопки Я. Я. Граудониса.

²¹ Л. К р ж и в и ц к и й. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь 70-летия проф. Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913, стр. 309, рис. 14, а.

²² В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры железного века в южной части полей УССР. Доклады VI научной конференции Инст. археологии, Киев, 1953, стр. 203, 204, рис. 1, 3.

юхновской, милоградской, подгорцевской культур, культуры штрихованной керамики в БССР, зарубинецкой культуры. Есть они также в верховьях Западной Двины, и очень много их встречается в Прибалтике.

В слое Б, в юго-восточном углу раскопа, была найдена плоская бронзовая, зооморфная, литая подвеска-конек. С обеих сторон она имеет совершенно одинаковый вид (рис. 12, 15). В месте перехода туловища в шею, с верхней стороны, есть ушко для подвешивания. Аналогичный нашему коньку в древностях Восточной Европы мы не знаем.

В разных слоях культурного слоя встречены бусы и пронизки из бронзы. В нижнем слое найдены гладкие, возможно, литые бусы (рис. 13, 4), длина их 6.5 мм, диаметр отверстия 5 мм. Здесь же оказались бронзовые спирали, скрученные из треугольной или плоской проволоки (рис. 12, 22—23). В верхнем слое количество бус увеличилось, но наряду с литыми бусами появились свернутые трубочкой пронизки (рис. 13, 4), имеющие длину от 5 мм до 3.2 см. Подобные изделия из бронзы широко бытовали в первых веках до нашей эры и в первых веках нашей эры.

Среди подъемного материала, собранного на обнажениях городища, имеется 1 экз. серьги скифского типа. Серьга имеет полый, конический щиток с небольшим выступом в середине. С внутренней стороны прикреплена завернутая крючком проволока. Подобные серьги имели очень широкое распространение в Поднепровье в VI—IV вв. до н. э.²³

Кроме многочисленных украшений, из бронзы изготовлялись разного рода предметы, связанные с домашним производством. Найдено два бронзовых ножа. Один, меньший, имел форму железного ножа с горбатой спинкой. Он происходит из культурного слоя А. Второй бронзовый нож, немного больший по размерам, имел обоюдоострое лезвие. Он найден в перемешанном слое Б и, очевидно, древнее предыдущего. Массивные бронзовые иголки, совершенно одинаковые по своей конструкции, найдены как в нижнем, так и в верхнем слое (рис. 12, 19—20). Длина их от 6.3 до 8.7 см, сечение округлое, около 2.5 мм. Узкое ушко имеет каплевидную форму. Бронзовые шилья также изготовлялись в течение всего периода жизни на городище. Однако наиболее древние шилья были короче (около 6 см), они округлые в сечении, один конец у них заострен, а второй как бы расплюсчен в виде лопаточки (рис. 12, 12—13). Более поздние шилья имеют большую длину, в сечении квадратные и только у самого острия круглые, тыльный конец уплощен, но не расплюсчен.

Из верхнего культурного слоя происходит отрывок цепочки, состоящий из двух звеньев в виде букв S и O (одно звено переломано), толщина проволоки 2.8 мм (рис. 12, 18).

Переходим к изделиям из железа. Обращает на себя внимание тот факт, что почти на всей площади городища были встречены железные шлаки. Особенно много их было в северо-восточной части. Кроме обломков шлака, найдены куски криц, иногда с прикипевшими к ним обломками стенок глиняных домниц. Форма криц была в виде сегмента шара. Их диаметр составлял 20—22 см при толщине в средней части 4—5 см.

В северной части городища, перед валом и частично в его насыпи, были найдены многочисленные растрескавшиеся камни и какая-то сажистая или углистая земля, включавшая кое-где шлак, очевидно, также происходящая из древних домниц. На обрыве, среди подъемного материала, найдены большие куски обожженной глины от домниц, а на площадке — фрагмент обожженной глины с круглым отверстием, в которое, видимо, вставлялось сопло мехов. В культурном слое найдены многочисленные кусочки болотной железной руды и особого вида каменные песты, которые имели не только стертую, но и одну сбитую сторону; возможно, они использовались для дробления и растирания руды в порошок. Таким образом, становится совершенно очевидно, что жители городища получали железо прямо на поселении, где и выбрасывались отходы производства. Такая картина сближает смоленские городища с белорусскими городищами со штрихованной керамикой.²⁴

²³ В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток. . . , стр. 40, табл. II, 1, 2 и V, 18—21; Л. В. Аришевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 85, рис. 33, 3. См. также стр. 89—90 настоящего издания.

²⁴ А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 56.

Хотя кузнечного инструмента на городище не найдено, все другие данные подтверждают, что кузнечное ремесло было одним из важных занятий населения. Не считая многочисленных железных предметов, о которых речь будет идти ниже, на городище найдены куски железа от уплотненных железных криц и представлявшие собой заготовки металла для кузнеца. Найден также и полуфабрикат в виде поковки для ножа (рис. 14, 21), который прошел первую стадию обработки. О высоком уровне кузнечного дела, особенно в более поздний период, говорит разнообразный ассортимент железных изделий, среди которых есть крупные, массивные продурные топоры, серпы и наряду с этим мелкие иглы с ушком и булавки.

Железные предметы локализируются в культурных напластованиях с определенной закономерностью. Количество их резко увеличивается от нижних слоев к верхним. Основная масса серпов, ножей, игл и других предметов найдена в верхнем культурном слое А. Здесь железные вещи увязываются с жилищами постройками и развалами очагов. Перемешанный слой В также содержал весьма значительное количество железных вещей, происходящих из пластов 2 и 3. Слой В, напротив, содержал мало железных предметов. Это главным образом шилья, иголки, ножи с горбатой спинкой и целый топор. Происходят они из пластов 4, 5 и частично 3. В самом нижнем слое Г железных предметов не найдено.

Наиболее многочисленной группой изделий из железа были ножи, они встречены в числе 31 экз. Два ножа имеют весьма архаическую форму — горбатые спинки, слегка уплощенный и короткий черешок. Длина лезвия 7—10 см, отношение длины лезвия к длине черешка около 4 : 3.

Остальные ножи имеют весьма развитую и очень устойчивую форму. Для них характерна слегка горбатая или резко выпуклая спинка, оттянутый конец лезвия, черешок всегда плоский и широкий, либо плавно переходящий в лезвие, либо с уступом перед лезвием. Размеры ножей различны: длина от 4.5 до 17 см при ширине лезвия в средней части от 1 до 2 см и толщине на обушке от 1.5 до 3.5 мм. Отношение длины лезвия к длине черешка колеблется от 3 : 1 до 5 : 4, но чаще всего бывает 2 : 1.

По характеру черешка и способу его крепления к рукояти ножи можно подразделить на три группы: 1) ножи с плоским черешком, имеющим уступ только с нижней стороны при переходе к лезвию (рис. 14, 3, 4, 5, 6) — это самая многочисленная группа; 2) ножи с широким, плоским черешком, переходящим плавно в лезвие (рис. 14, 2); в этой группе выделяется один нож, лезвие которого коленчато изогнуто по отношению к черешку (рис. 14, 7); 3) ножи с широким, плоским черешком, прикреплявшимся к рукояти при помощи заклепок. По количеству заклепок и материалу, из которого они изготовлены, в этой группе выделяются ножи с двумя железными заклепками (рис. 14, 1, 9), ножи с двумя медными заклепками в виде полых тонких трубочек, ножи с тремя железными заклепками (рис. 14, 10), очень массивные и большие. Рукояти у ножей не были массивными, судя по длине заклепок, толщина их колебалась от 8 до 12 мм.

Подобного облика ножи встречаются и на других смоленских городищах. Большинство ножей найдено в слоях А и Б. Многие из них напоминают ножи из городища Свинухово в бассейне р. Оки, нож из Подгорцев, ножи из городищ верховьев Западной Двины, ножи из Чаплинского городища и др.²⁵

Все серпы найдены в слое А. Обнаружены они в обломках в непосредственной близости от очагов, а следовательно, входят в комплексы находок из жилищ. Всего обнаружено 9 обломков серпов, причем два из них составили целый экземпляр (рис. 14, 26). Форма серпов сравнительно развитая, они имеют массивный, четырехугольный в сечении черешок, который, резко расширяясь, переходит в сравнительно неширокое лезвие (16—17 мм). В сечении полотно серпов не дает равнобедренного треугольника, а одна сторона его бывает сточена больше, чем другая; тыльная сторона лезвия округлая. Лезвие серпа имеет большую кривизну и оттянутый или несколько отогнутый конец. К такому же типу серпов относятся и другие обломки (рис. 14, 25).

²⁵ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, рис. 12, 2; В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток. . . , табл. II, 39; Я. В. Станкевич. К истории поселения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960, рис. 42, 3; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, рис. 12, 1, 4, 6.

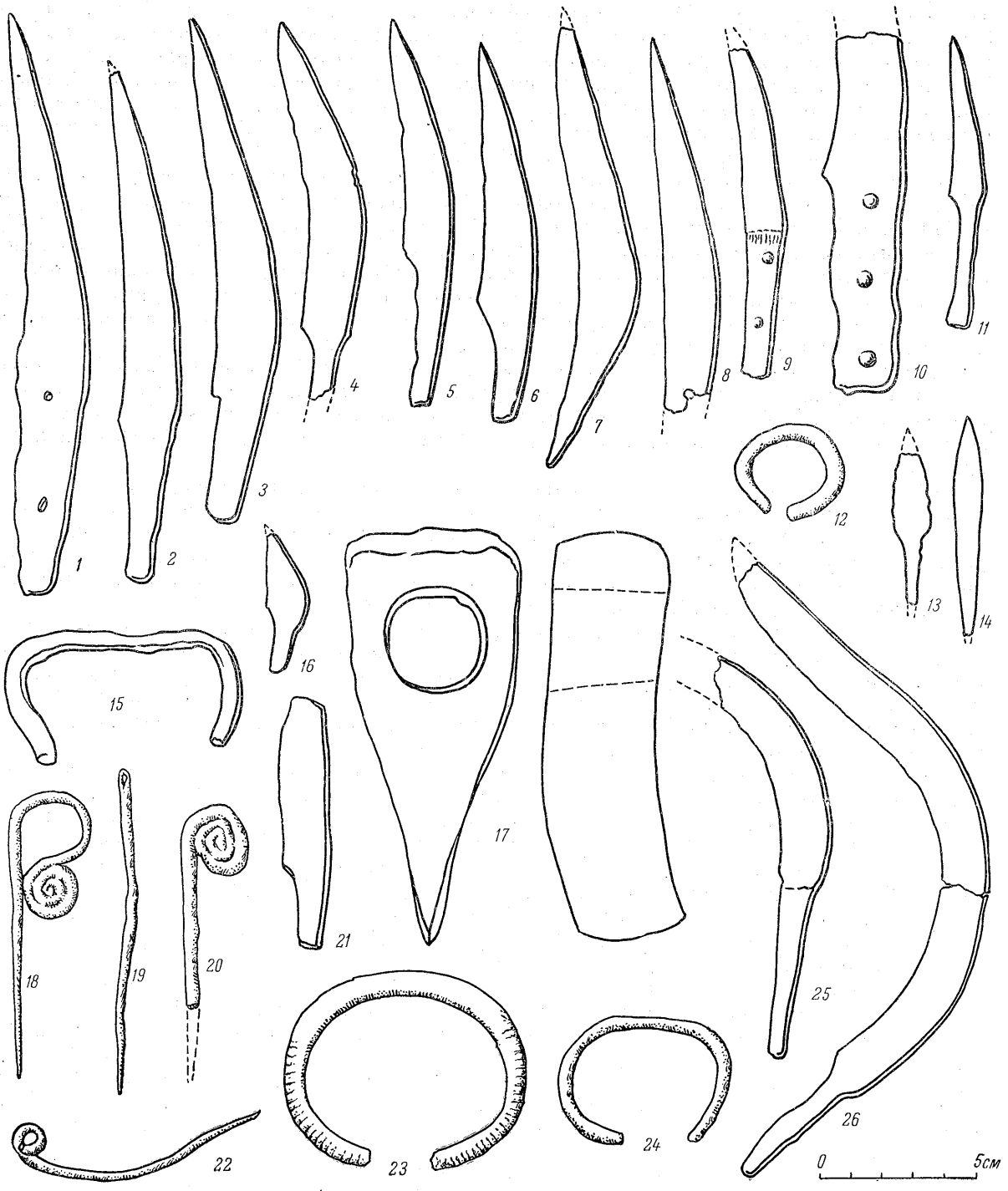

Рис. 14. Изделия из железа.

Находки железных топоров были сделаны как в нижнем, так и в верхнем слоях. Всего обнаружено 3 экз., один целый, а два в обломках (рис. 14, 17). Размеры целого экземпляра: высота от лезвия до обуха 14 см, ширина обуха 5.2 см, а толщина 2.8 см, ширина лезвия 3.4 см. Нижняя часть и лезвие несколько отогнуты назад к рукояти. Отверстие для рукояти круглое, диаметром 3 см. Обломки других топоров также имели лезвие шириной 3.2—3.4 см. Такого типа топоры находят себе аналогии в скифских, юхновских, подгорцевских, милоградских и гетских древностях. Они датируются на юге VI—IV вв. до н. э. и называются обычно скифскими.²⁶ У племен верховьев Днепра они появились также, видимо, около IV в. до н. э., но бытовали значительно дольше, чем на юге.

Наконечники железных стрел найдены всего в 2 экз., они листовидной формы и сравнительно плоские. Один экземпляр имеет округлый в сечении черешок при общей листовидно-ромбической форме (рис. 14, 13), второй — удлинено-листовидной формы (рис. 14, 14). Кроме того, обнаружен весьма своеобразный наконечник стрелы, по-видимому костяной или деревянный, обернутый железным листом, от которого сохранилась только наружная поверхность, пропитанная окисями железа. Внутри наконечника была буроватая труха от дерева и кости. Общая форма сохранившегося наконечника ромбовидная, сам наконечник массивный, но в передней части немного уплощен.

Плоские, ромбовидные стрелы характерны для подгорцевской и милоградской культур, где они были найдены вместе с типичными втульчатыми, трехгранными скифскими стрелами. У населения лесной зоны Восточной Европы плоские железные стрелы бытовали очень долгое время; они встречены на памятниках I—IV вв. н. э. в бассейнах рек Волги и Западной Двины.²⁷

Железные иглы встречаются довольно часто, на городище они обнаружены в 7 экз., более или менее сохранившихся, не считая обломков. Все железные иглы сравнительно массивные и крупные: длина их составляет от 10.5 до 16.5 см, толщина 3—4 мм. Ушко, узкое, форма отверстия каплевидная (рис. 14, 19). Как по внешнему облику, так и по технологии изготовления железные иглы совершенно аналогичны бронзовым иглам, происходящим из этого же городища. Железные иглы встречены в слоях А, Б и В.

Острия и шилья из железа найдены в числе 13 (часть в обломках). Большинство их встречено в верхнем культурном слое, но несколько экземпляров происходят из нижних слоев. Форма их в основном одинакова: они представляют собой округлые в сечении железные стрелки, у которых один конец расплюсчен в виде неширокой лопаточки, а второй конец заострен, длина их от 7.5 до 12 см, диаметр в средней части от 3 до 7 мм. Интересно отметить, что наиболее древние шилья в диаметре тоньше, чем поздние.

Кроме орудий труда, из железа делались разного рода украшения и предметы убора. Наиболее многочисленными среди них являются железные браслеты (18 экз.), характерные главным образом для верхнего культурного слоя. Сделаны все браслеты из толстого железного прута, согнутого либо в виде правильного кольца, либо в виде овала, сечение прута бывает главным образом выпукло-плоское, но есть и овальное и круглое. По форме и размерам железные браслеты можно подразделить на два типа.

1. Овальные, разомкнутые (рис. 14, 23). К этому типу относится большинство железных браслетов, которые имеют гладкую поверхность и разнообразное сечение (от круглого до овального). Найден также один овальный, массивный, рубчатый браслет. Изготовлен он из выпукло-плоского в сечении (7.8×10 мм) железного прута. Общий размер браслета 7.5×6 см. Концы его снаружи покрыты насечкой, нанесенной слегка наискось, причем на одном конце рубчиков больше, чем на другом, тогда как середина браслета вся гладкая.

2. Круглые, большие, разомкнутые. Диаметр этих браслетов колеблется от 7.5 до 10.5 см, изготовлены они из массивного железного прута, круглого в сечении (поперечник сечения от 6 до 8 мм). Один из них на концах украшен рубчатым орнаментом, нанесенным слегка наискось по концам браслета с наружной стороны при совершенно гладкой середине.

²⁶ В. А. Іллінська. Скифські сокири. Археологія, т. XII, Київ, 1964, стр. 27—52.

²⁷ Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тр. 2-го областного Тверского арх. съезда, Тверь, 1906, табл. 2; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 62, рис. 33, 7; Я. В. Станкевич, ук. соч., рис. 43, 11.

Большинство железных браслетов воспроизводит формы бронзовых, более ранних браслетов. Это относится особенно к формам с рубчатым орнаментом. Аналогия нашим браслетам, украшенным рубчиками, есть среди материалов из городищ бассейна Оки,²⁸ хотя там такие браслеты делались из бронзы. В результате анализа стратиграфического положения железных браслетов можно сделать вывод, что основная масса их изготовлялась после рубежа нашей эры по более древним бронзовым образцам латенских типов.

В верхнем культурном слое встречены небольшого диаметра (3—5 см) железные кольца (рис. 14, 12), изготовленные из округлого в сечении железного прута.

Из железа делались и булавки с головкой в виде пастушеского посоха. Их обнаружено 14 экз., как целых, так и в обломках. Одна булавка происходит из слоя В, а остальные — из верхних слоев А и Б. Хорошо сохранившаяся булавка из нижнего слоя имела небольшие размеры (общая длина 7.7 см), сравнительно крупную головку с завитком в один оборот. Все же булавки, происходящие из верхнего культурного слоя А, были крупнее (длина от 9 до 11.5 см), с крупными головками, имевшими завиток в два оборота (рис. 14, 18). Железные булавки этого типа, так же как и браслеты, повторяют те формы, которые в основном изготовлялись из бронзы. Можно полагать, что железные булавки возникли в самом конце I тысячелетия до н. э. и имели наиболее простую форму с завитком в один оборот. В культуре же первых веков нашей эры эта форма получила дальнейшее развитие и закрепились в виде булавок с завитком в два оборота.

Близкие формы железных булавок найдены на Западной Двине, на городище в урочище Подгай, и на городищах БССР со штрихованной керамикой. Много их найдено в Прибалтике, и в частности на территории Латвии и Литвы.²⁹

Среди железных булавок есть один экземпляр с головкой в виде спирального завитка (рис. 14, 20), острие этой булавки обломано.

На городище найдены два обломка железных фибул, представлявшие собой иглы с частью спиральных пружин (рис. 14, 22). Восстановить облик фибул по этим иглам не представляется возможным.

По всей площади городища, особенно вокруг очагов и в пределах жилищ, встречено большое количество обломков различных железных предметов (всего 81 экз.). В большинстве случаев это мелкие кусочки железа, покрытые ржавчиной, или стерженьки. Определить, от каких предметов они происходят, совершенно невозможно. Большое число обломков показывает, что железных вещей в последний период жизни на городище было сравнительно много.

В верхнем культурном слое А найдено более двух десятков глиняных «грузиков дякова типа», часть из них в обломках. Только два фрагмента грузиков происходит из нижнего слоя Г, причем они подошли друг к другу и составили целый экземпляр особой формы.

Все грузики из слоя А были изготовлены из красной глины с примесью небольшого количества дресвы и значительного количества песка, что их сближает с «песчанистой» керамикой верхнего слоя, одновременно с которой они, очевидно, и бытовали. Обжиг грузиков хороший, с внешней стороны они имеют красноватый или желтовато-сероватый цвет. Форма их варьирует от грибовидной с выпуклым основанием до плоских кружочков, причем основание бывает не только выпуклым, но и плоским и вогнутым. Обязательными для всех грузиков этого времени являются нарезка по краю основания и продольное отверстие; в некоторых случаях отверстие было несквозным. Значительная часть грузиков, кроме нарезок по краю, украшена орнаментом, состоящим либо из одних нарезок (рис. 10, 23—25), либо из нарезок или прочерчиваний, соединяющих небольшие, неправильной формы ямочки, либо из отпечатков ногтя. Весьма интересно, что орнаментация грузиков в какой-то степени

²⁸ Т. Н. Никольская. Городище у деревни Свинухово. КСИИМК, вып. 49, 1953, рис. 24, 5 (найден этот браслет в слое, датированном вещами первой половины I тысячелетия н. э.).

²⁹ Я. В. Станкевич, ук. соч., табл. 6, 7; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. . . , рис. 14, 12; Э. Д. Шноре. Асотское городище по данным археологических раскопок 1949—1954 гг. Рига, 1958, стр. 13. — Датируются такого типа булавки П в. н. э.; Р. Куликаускас. Nemencines piliakalis. Iš lietuvių kultūros istorijos, I, Vilnius, 1958, рис. 16, 8, 10; Л. Кржиwickий, ук. соч., стр. 317, рис. 14, g, h.

соответствует орнаментации глиняной посуды верхнего слоя А. Какой смысл имели эти орнаменты, а равно для чего использовались грузики, остается пока не совсем ясным, и ничего к уже высказанным в литературе предположениям мы добавить не сможем.³⁰

Подобного типа грузики широко распространены на городищах Смоленщины в бассейнах рек Днепра, Десны, Ипути, Сожа, Западной Двины, Каспли, Вазузы и Угры.

Необходимо отметить, что глиняные грузики с нарезками распространены не только на городищах дьяковской культуры в бассейнах Верхней Волги и р. Москвы, они встречаются на памятниках рубежа нашей эры и первых веков нашей эры в Верхнем Подвинье, в верховьях Днепра и идут очень далеко на запад, включая восточную часть территории современной Литвы.³¹

Несколько иного характера грузик, найденный в нижнем слое, почти на материке (рис. 10, 22). Он имеет усеченно-коническую форму, не украшен нарезками, его отверстие имеет около 0.7 см в диаметре. Малая величина отверстия заставляет думать, что грузик не служил пряслицем. Возможно, что данный грузик является прототипом развитых форм и подтверждает предположение, что грузики возникли в местной среде.

6

Анализ найденных на городище орудий труда показывает, что охота и рыбная ловля не являлись здесь главнейшими занятиями населения, дающими основные средства к существованию. Даже топография городища подтверждает это. Оно расположено на малой реке, на порядочном расстоянии от места ее впадения в более крупную реку — Днепр. На всем этом участке нет хороших рыболовных угодий. Но зато восточнее городища вдоль берега р. Ольши располагается прекрасное, ровное, суглинистое плато с хорошими почвами, весьма удобное для земледелия. Пойма р. Ольши, сравнительно ровная и широкая, использовалась в целях скотоводства. Рассмотрим более детально материалы о земледелии, скотоводстве, охоте и рыбной ловле, полученные во время раскопок городища.

На городище найдено значительное количество орудий труда, связанные с земледелием. Сюда относятся уже описанные нами железные серпы, крепившиеся к рукояти при помощи черенка и имевшие весьма развитую форму. Такая форма серпов может возникнуть только у племен, имевших сравнительно высокую земледельческую культуру, занимавшихся земледелием длительный предшествующий период. Это подтверждается широким распространением железных рабочих топоров, являвшихся одним из основных орудий труда в подсечном земледелии. Топоры эти массивные и проушные.

Несомненно, земледелие давало основные средства к жизни обитателям Новобатекского городища. Зерно было главным продуктом, и большая его часть размалывалась на муку, о чем говорят многочисленные находки зернотерок, как целых, так значительно сработанных и поломанных. Всего больших зернотерок обнаружено 21, в том числе 8 — в жилищах, относящихся к верхнему слою. Большей частью они располагались в непосредственной близости от очагов. В пределах постройки XII было 3 большие зернотерки. Они характерны не только для верхнего культурного слоя Б, но и для самого нижнего слоя Г. Одна небольшая зернотерка найдена в культурном слое под земляной насыпью южного вала. Она использовалась в период, предшествующий возведению земляных укреплений на поселении.

Рассмотрим подробнее орудия, связанные с размолом зерна. Зернотерки изготовлялись из сравнительно твердых пород: мелкозернистого гранита и крупнозернистого песчаника. Они имеют овальные очертания (вид сверху), причем верхняя поверхность бывает либо совершенно плоская, либо вогнутая, когда оба края на продольной оси выше середины. Нижняя поверхность всегда слегка выпуклая (рис. 15). Зернотерки несут следы тщательной обработки верхней, вогнутой поверхности. Она, очевидно, специально набивалась и делалась мелкобугристой, способной лучше размалывать или растирать зерно. По мере стира-

³⁰ К. А. Смирнов. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа. СА, № 3, 1961, стр. 45—55.

³¹ Я. В. Станкевич, ук. соч., рис. 21, 6; рис. 39, 2, 6; рис. 55, 5; рис. 69, 4—5; Е. А. Шмидт. Некоторые данные о поселениях раннего железного века в Смоленской области. Уч. зап. Смоленск. гос. ун-та, вып. IV, ч. I, 1957, стр. 53; Р. Куликаускас, ук. соч., стр. 32, рис. 9.

ния этой бугристости в процессе работы зернотерки снова набивались. Размеры зернотерок несколько варьируют: их длина колеблется от 20 до 45 см, ширина — от 9.5 до 19 см, толщина — от 4 до 10 см, но чаще всего она бывает около 4.5 см.

В качестве верхних камней для растирания использовались либо небольшие (7—10 см в поперечнике) гранитные, кварцитные или песчаниковые песты, имеющие значительную сработанную поверхность на одной или двух противоположных сторонах (рис. 15), либо плоские, массивные камни длиной 10—18 см при ширине 7—10 см с одной сработанной стороной. Округлые небольшие песты были особенно широко распространены в нижних слоях, тогда как в верхнем слое наряду с ними найдены и плоские камни.

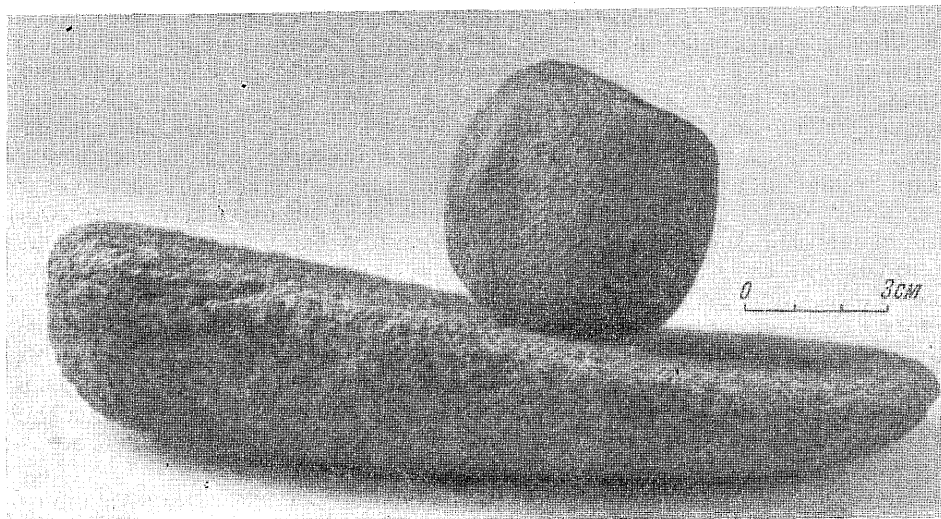

Рис. 15. Зернотерка и округлый пест.

Скотоводство также было весьма развито. Эту отрасль хозяйства можно охарактеризовать главным образом по остаткам костей животных. Определение всего костного материала проведено не было, но для его характеристики был взят материал с участка в западной части площадки между линиями 12 и 14 и рядами от 3 до М. Основная масса костей происходит здесь из 2-го и последующих пластов, т. е. относится к слоям Б, В и Г, характеризующим наиболее ранние периоды в жизни обитателей городища.³²

Общее соотношение костей показывает, что на долю домашних животных приходится 87.7% всех определенных костей. Это в первую очередь крупный рогатый скот — 35.4%, свиньи — 30.5%, мелкий рогатый скот — 13% и лошади — 8.3%; к домашним животным следует отнести и собак, кости которых составляют около 0.5%. Минимальное количество особей домашних животных, судя по костям с данного участка, составило: крупного рогатого скота — 5 голов, свиней — 8 голов, мелкого рогатого скота — 4 головы, лошадей — 3 головы и одна собака.

Таким образом, анализ костного материала показывает, что основу стада домашних животных составляли крупный рогатый скот и свиньи, а затем уже шли мелкий рогатый скот и лошади. Если же учитывать количество мяса, получаемое от каждого вида из разводимых животных, то, конечно, наиболее продуктивным было разведение крупного рогатого скота.

³² Определение костей животных проведено в камеральной лаборатории Института археологии АН СССР проф. В. И. Целкиным.

Возможно, к скотоводству имеют отношение железные кольца (рис. 14, 12) из верхнего слоя А, которые могли быть деталями узды или сбруи. Важную роль лошадей в хозяйстве поселенцев подтверждает находка бронзовой подвески в виде конька.

Доля диких животных среди костного материала составляет всего 6.4%, из них костей медведя было 1.5%, зайца — 1.5%, куницы — 2.2%, лисицы — 0.3%, хорька — 0.3% и диких птиц — 0.6%. Из этих данных видно, что охота на диких животных из-за мяса играла весьма незначительную роль и, видимо, в большей степени велась из-за пушнины. Конечно, костные остатки на самом городище не отражают целиком удельного веса пушной охоты в жизни населения, так как значительное количество пушных зверей, мясо которых несъедобно, убивалось на значительном расстоянии от поселения, там же на месте снимались шкурки, а тушки выбрасывались, и таким образом кости этих животных не попадали в культурный слой. Довольно широкое распространение охоты на мелких пушных животных подтверждают находки тупых костяных наконечников стрел, которые специально применялись, чтобы не портить шкурки.

Рыболовство играло в хозяйстве хотя и второстепенную, но все же весьма заметную роль. Количество костяных остатков сравнительно невелико; всего на исследованном участке обнаружено 5.9% костей рыб от общего числа костного материала. Но следует учесть, что кости рыб сохраняются плохо, и приведенная цифра вряд ли отражает истинную роль рыбной ловли в хозяйстве. Анализ костей рыб, собранных на площади городища, показал, что самыми крупными из рыб были щуки, которых, очевидно, ловили во время нереста, используя костяные гарпуны. Сравнительно крупные кости и чешуя встречены от судака, окуня и некоторых карповых, но наряду с этим есть очень мелкие кости ершей, окуней, плотвы и карповых. Это говорит о том, что рыбу ловили всеми доступными способами, в том числе и разного рода плетеными ловушками, используя заколы и другие приспособления в течение круглого года. В зольном слое Г в северо-западной части городища найдены значительные скопления очень мелких рыбьих костей. Вообще нужно отметить, что количество костей рыбы уменьшается от нижнего слоя Г к верхнему слою А.

Хронологические рамки жизни людей на городище у д. Новые Батеки могут быть определены довольно точно благодаря находкам большого количества костяных, бронзовых и железных вещей, известных и в других местах. Эти вещи уже нами описаны, и их бытование определяется периодом начиная с VI—V вв. до н. э. до II—III вв. н. э. Стратиграфия культурного слоя городища показывает, что оно заселялось несколько раз с перерывами. Наиболее древние слои Г и В, очень близкие между собой по структуре и цвету, содержат керамику примерно одинакового облика. Хронологический разрыв между ними был, очевидно, сравнительно небольшим. Слои В и Г датируются находками рубчатых бронзовых браслетов V—III вв. до н. э., плоских браслетов с парными коническими выступами на концах, относящихся по характеру орнаментации к VI—IV вв. до н. э., изогнутыми булавками с кольцеобразными головками VI—V вв. до н. э., ажурными подвесками, отливаемыми в глиняных формах, близкими подвескам из подгорцевской культуры VI—III вв. до н. э., железными, массивными, проушными топорами скифского типа середины I тысячелетия до н. э., серьгой скифского типа VI—IV вв. до н. э. и другими вещами этого же времени. Если же учесть, что в слое Г были костяные стрелы со шпорцем, напоминающие бронзовые скифские стрелы VII—VI вв. до н. э., то станет совершенно очевидным, что оба эти слоя (Г и В) отложены в VI—III вв. до н. э. Причем слой Г откладывался в начале этого периода, а слой В после некоторого перерыва во второй половине этого отрезка времени. Такое хронологическое деление подтверждается тем фактом, что в слое Г совсем не обнаружено железных предметов, очевидно, их в этот период было очень мало, тогда как в слое В были уже простейшие железные вещи: иголка, шилья и весьма немногочисленные железные обломки.

Слои А и Б можно датировать только суммарно, так как они стратиграфически четко не разделяются и слой Б без каких-либо резких границ переходит в слой А. Наиболее характерны для верхних слоев бронзовые булавки с наверхшими в виде пастушеского посоха, бронзовые пронизки и трубочки, датируемые по аналогии с другими культурами II в. до н. э.—II в. н. э. В слое Б появляются также многочисленные железные вещи (булавки, браслеты, ножи), которые также датируются последними веками до нашей эры—первыми

веками нашей эры. Глиняные грузики на городищах Смоленщины появляются в первых веках нашей эры и бытуют скорее всего до рубежа III и IV вв. н. э. Таким образом, верхние слои Б и А укладываются в хронологические рамки с рубежа II—I вв. до н. э. до III в. н. э. Причем слой Б охватывает первую часть этого отрезка времени, а слой А датируется первыми двумя-тремя веками нашей эры.

Холм, на котором располагается городище Новые Батеки, заселялся людьми также и в другие эпохи. В песке под культурным слоем при раскопках было найдено незначительное количество кремневых орудий мезолитического облика, в том числе мелкие ножевидные пластинки, концевые скребки на пластинках, проколки и наконечники стрел свидерского типа. Кроме того, в культурном слое городища найдены предметы неолитического облика и эпохи бронзы. Это обломки полированного, каменного, сверленного топора и три кремневых наконечника копий (рис. 16). Находка подобного рода вещей в культурном слое городища в свое время ввела в заблуждение Е. Н. Клетнову, отнесшую городище к ранней поре неолита.

В дерновом слое на городище, особенно в северо-восточной его части, встречено некоторое количество гончарной керамики XIV—XV вв. н. э. Здесь же найдены металлические предметы этого времени — косы-горбуши, долото, резец, нож, крест-складень, светильник, а также небольшой клад пражских грошей, зарытый на рубеже XIV—XV вв. н. э. Керамика и находки этого времени не распространялись по всей площади городища и были связаны с одиночной постройкой, столбовые ямы от которой прослежены в северо-восточной части городища.³³

Вопросы этнической принадлежности населения, обитавшего на городище у д. Новые Батеки, могут быть окончательно решены только после исследования ряда других городищ этой же культуры и получения более обширного материала. Однако, как мы уже видели, сопоставление материалов городища Новые Батеки с культурой одновременных памятников Верхней Оки, Средней Десны (юхновская культура), Белоруссии (милоградская культура) и культура штрихованной керамики), северной Украины (подгорцевская культура) и культурой прибалтийских пилкальнисов показывает, что многие черты у них являются общими. Так, расположение, размеры и форма городищ очень близки на территориях Смоленщины, Верхней Оки, Белоруссии, Литвы и части Латвии. Общий их признак — форма наземных домов и характер оборонительных сооружений. Смоленские городища объединяет с окскими, юхновскими, милоградскими и подгорцевскими сходство керамики и неко-

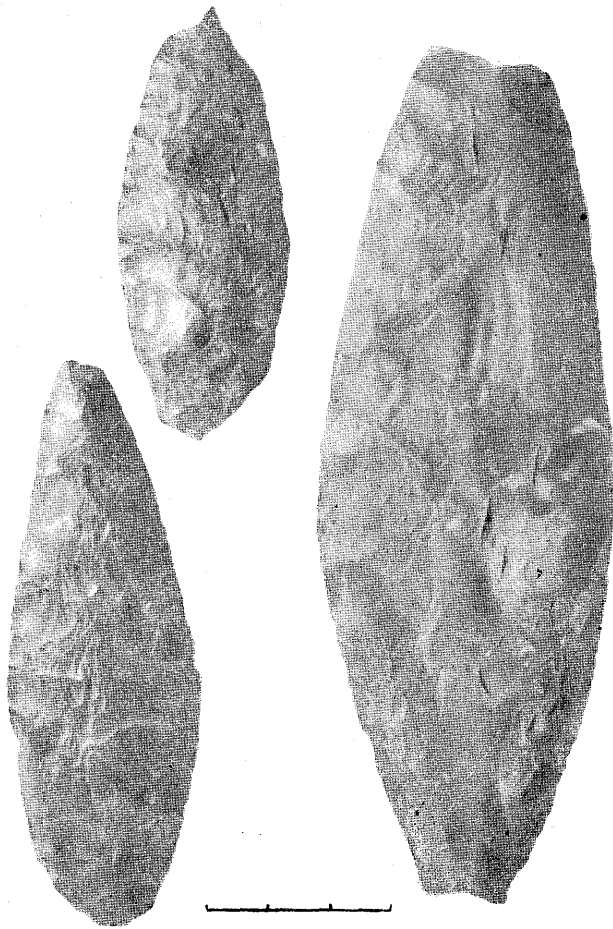

Рис. 16. Кремневые орудия.

³³ А. Е. Минкин и Е. А. Шмидт. Находки конца XIV—начала XV в. на р. Ольше у деревни Новые Батеки Смоленского района. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 4, Смоленск, 1961, стр. 376—386.

торых типов орудий труда (топоры, ножи и др.). Для культуры всех вышеперечисленных городищ характерны совершенно однотипные формы булавок, а отдельные территории объединяются находками одинаковых браслетов, подвесок, серег, глиняных грузиков и пр. Нужно полагать, что всю эту обширную территорию занимали родственные племена, скорее всего балтийской группы. Однако их нельзя считать совершенно однородными. Некоторые локальные отличия между отдельными культурами проявляются довольно четко.

Беским доводом в пользу балтийской принадлежности городищ верховьев Днепра являются данные топонимики и особенно гидронимики. Так, очень многие реки и до сего дня несут названия, происходящие от древнебалтийских языков (Упа, Упинка, Лупа, Лучеса, Лучесьянка, Вопь, Вопец, Сожа и др.), что подтверждено исследованиями крупных языковедов³⁴ и высказывалось в археологической литературе Х. А. Моора и П. Н. Третьяковым.³⁵ Небезынтересно также отметить, что территория распространения восточнобалтийской топонимики совпадает в общих чертах с территорией распространения всех вышеуказанных, близких по культуре племен второй половины I тысячелетия до н. э.

Занимая огромную территорию, эти племена испытывали на себе различное влияние других культур. Так, южная группа (подгорцевская и милоградская культуры) несет многие элементы скифской культуры (стрелы, серьги и другие предметы), тогда как северо-восточная группа (верхнеокская, смоленская) испытывала влияние дьяковских племен. Это до некоторой степени прослеживается в отдельных формах орудий (костяные рукояти, гарпуны, стрелы, булавки и спорадические находки текстильной керамики). В последнем периоде существования городищ общими элементами с территориями дьяковских племен были глиняные грузики, которые распространены как на Волге, так и на Днепре, Западной Двине и Немане.

³⁴ Max V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, XXIV, Berlin, 1932, стр. 637—666.

³⁵ Х. А. Мо о р а. О древней территории расселения балтийских племен. СА, № 2, 1958, стр. 9—33; П. Н. Т р е т ь я к о в. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, № 1, 1960, стр. 45.

Е. А. Шлиedt

ДЛИННЫЕ КУРГАНЫ У д. СЛОБОДА ГЛУШИЦА

В Смоленском Поднепровье среди археологических памятников второй половины I тысячелетия н. э. особый интерес представляют погребальные сооружения в виде овальных и удлиненных земляных насыпей, широко известные в литературе под названием длинных курганов.

Их изучение на Смоленщине началось работами В. И. Сизова в конце прошлого столетия, продолжалось впоследствии рядом исследователей и ведется по сей день. Интерес к этим памятникам объясняется тем, что они относятся к VII—IX вв. и обещают пролить некоторый свет на материальную культуру и этнический состав племен Верхнего Поднепровья в период, непосредственно предшествующий образованию древнерусского государства.

В пределах Смоленской области длинные курганы распространены на берегах Днепра и его мелких притоках, начиная от Дорогобужа и вниз по течению до границы с БССР. Выше Дорогобужа они пока не обнаружены. Нет их также в бассейне Десны, Ипути и Остра. На р. Соже длинные курганы встречаются в самом верхнем течении, от верховьев до устья р. Вихры. Особенно много их на р. Воль, правом притоке Днепра, а также в бассейне Западной Двины, особенно по системе рек, связанных с притоком Двины — р. Касплей.

Необходимо отметить, что смоленские удлиненные и длинные курганы хронологически и по характеру культуры очень близки курганам такого же типа, исследованным в бассейне Западной Двины в районе Полоцка, а также в Понеманье.

Хотя длинным курганам уже посвящено несколько исследований¹ и некоторые материалы прошлых раскопок опубликованы, целый ряд вопросов, связанных с этими памятниками, остался нерешенным. Объясняется это тем, что длинные курганы содержат очень мало вещественных находок, сохраняющихся обычно в виде оплавленных или фрагментированных бронзовых украшений, сплавов стекла, бронзы и серебра. Лишь изредка попадаются отдельные целые вещи. Кроме того, при раскопках в дореволюционное время не производилось стратиграфического описания насыпей курганов, что не позволяет сделать правильных выводов о погребальном обряде.

Данная статья в какой-то степени будет восполнять материалы о смоленских длинных курганах и позволит составить более полное представление о погребальном обряде и некоторых особенностях культуры населения того времени.

¹ Н. Н. Черныгин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941; С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, № 19, 1954, стр. 77—110; В. В. Седов. Кривичи. СА, № 1, 1960, стр. 47—62.

Группа курганов д. Слобода Глушица, состоящая из круглых и овальных насыпей, находится в верхнем течении Сожа, на территории Княжинского сельского совета Починковского района Смоленской области. Впервые эти курганы были упомянуты А. Н. Лявданским, указавшим, что в этом месте у р. Сожа есть городок, а вблизи него — курганы.² В 1950 г. автор настоящей статьи, проводя археологические разведки в бассейне р. Сожа, сделал краткое описание этих курганов, а начиная с 1952 г. приступил к их раскопкам. Небольшие материалы первых раскопок, относящихся к 1952 г., при публикации получили неправильную датировку,³ о чем будет сказано ниже. Впоследствии курганы у д. Слобода Глушица раскапывались в 1953, 1957, 1959 и 1960 гг. Всего было исследовано 16 курганов. Их насыпи были раскопаны полностью; для изучения стратиграфии оставлялись «бровки», продольная и поперечная, позднее разрушенные. Материалы, полученные в результате этих раскопок, позволили уточнить датировку могильника, выяснить некоторые детали устройства курганов и охарактеризовать их инвентарь.

Курганы расположены компактной группой в 0,7 км восточнее д. Слобода Глушица и в 1,2 км западнее с. Княжое, на левом коренном берегу р. Сожа (рис. 1). Они занимают площадь около 1 га, ограниченную с севера дорогой, идущей из с. Княжое в д. Слобода Глушица, а с юга — крутым склоном к р. Сожа. С востока находится небольшой овраг, выходящий в долину Сожа. За оврагом на мысу расположено небольшое городище овальной формы, исследованное П. Н. Третьяковым; его материалы опубликованы в настоящем томе. В западном направлении коренной берег постепенно снижается.

Курганная группа состоит из 38 насыпей, частично поврежденных кладоискательскими раскопками. Изучение формы курганов показало, что 16 насыпей имеет в плане вытянутые, овальные очертания. Их длина превышает ширину на 2 м и более.

Это курганы 2, 3, 5, 6, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 23, 28, 31, 32, 36 (см. рис. 1). Они имеют слегка уплощенные вершины и крутые бока. Длинная ось семи из них (2, 6, 9, 11, 17, 28, 31) ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток, почти перпендикулярно берегу р. Сожа. С севера на юг ориентировано 8 курганов (3, 5, 12, 15, 18, 23, 32, 36), и только один (14) вытянут параллельно берегу реки, т. е. с востоко-северо-востока на западо-юго-запад.

14 других курганов также имеет в плане овальную форму. Но разница между длиной и шириной колеблется у них от 1 до 2 м. Их ориентировка такая же, как и у более вытянутых курганов. Остальные 6 курганов, входящих в состав группы, имеют неправильную округлую форму; разница их длины и ширины не превышает 1 м. Один курган (34) имел в плане правильные круглые очертания.

Все курганные насыпи могут быть охарактеризованы, как невысокие. Максимально они возвышаются над уровнем современной поверхности на 1,5 м, а некоторые настолько низки (до 0,3 м), что еле прослеживаются среди травы.

Какого-либо порядка в расположении курганов разной формы заметить не удалось. Но несомненно, что наиболее удлиненные курганы занимают преимущественно центр группы, тогда как округлые размещены по периферии. Вокруг некоторых курганов сохранились ровики, у большинства же они заплыли и на поверхности незаметны. Все курганы насыпаны из грунта, взятого здесь же на месте могильника.

Участок коренного берега р. Сожа, на котором располагаются курганы, являлся местом более раннего поселения. Под насыпями ряда курганов сохранился культурный слой толщиной 0,2—0,4 м, содержащий большое количество обломков глиняной посуды, несколько напоминающей посуду из верхнего слоя городища Тушемля. Основная масса обломков происходит от крупных сосудов, изготовленных из красноватой глины с примесью шамота

² А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив. т. III, вып. 3, 1926, стр. 284.

³ Е. А. Ш м и д т. 1) Новые данные об археологических памятниках Смоленской области. Материалы по изуч. Смоленск. обл., вып. 1, Смоленск, 1952, стр. 378; 2) Раскопки длинных курганов в Смоленской области. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 147—152.

и песка. Сосуды имели плоское дно, под которое обычно подсыпались шамот и песок, внутри оно грубо заглажено пальцами. Стенки сосудов, несколько расширяющиеся к верхней части, с внутренней стороны сглажены пальцами, тогда как снаружи, кроме вмятин от пальцев, прослеживается мелкая исчерченность от проглаживания чем-то шероховатым. Слабо профилированные венчики сосудов были несколько отогнуты наружу. Края венчиков были либо округлыми, либо срезанными горизонтально. Отдельные края имели орнаментацию в виде грубых углублений, нанесенных пальцем; другая посуда никаких украшений не имела. Размеры сосудов различные, преобладают крупные, с диаметром в 35—40 см при диаметре дна 16—18 см. Сказать что-либо о высоте сосудов затруднительно, так как не удалось собрать ни одного полного профиля. Толщина дниц 1.2—1.5 см, а стенок — от 0.7—0.8 до 1 см.

Был обнаружен также один фрагмент от подлощенного, ребристого сосуда. Цвет его наружной, лощеной поверхности серовато-желтый, внутренняя поверхность приглаженная и имеет серый цвет, в изломе черепок темно-серый, к глине добавлен только песок. Диаметр сосуда по ребру 19—20 см. Возможно, что обломки сосудов, орнаментированных пальцем, и фрагмент лощеного сосуда являются более древними, чем вся остальная керамика с примесью шамота.

Найдены также куски глиняной обмазки, представляющие собой заполнение пазов между бревнами какой-то постройки. На наружной стороне обмазки четко видны следы

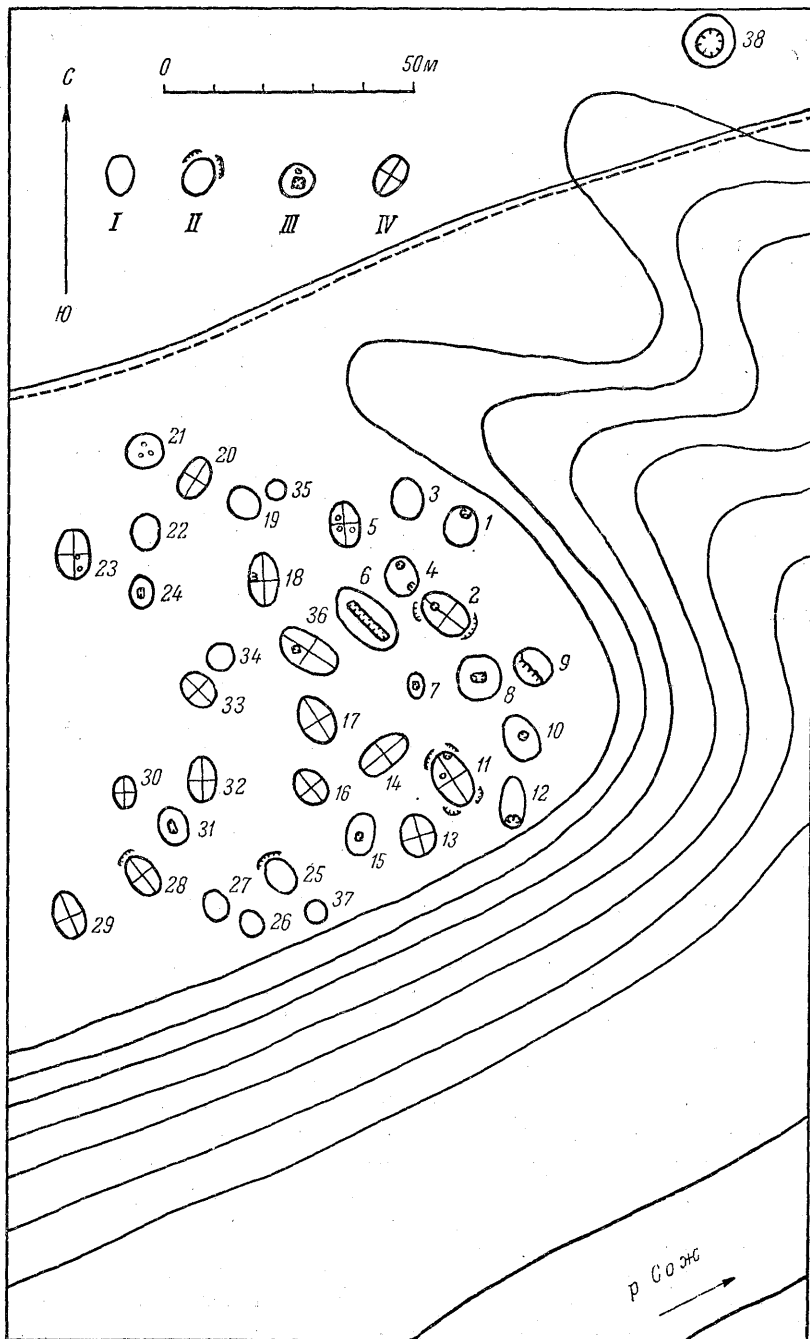

Рис. 1. План курганный группы у д. Слобода Глушица.

I — хорошо сохранившийся курган; II — курган со следами ровиков вокруг; III — курган со старыми ямами; IV — курганы, раскопанные в 1952—1960 гг. 1—38 — номера курганов.

пальцев. Кроме керамики, культурный слой содержал значительное количество костей крупных домашних животных (лошади, коровы, свиньи, овцы) и отдельные глиняные и железные предметы.

Железные вещи из культурного слоя представлены предметами хозяйственного назначения. Это ножи, шилья, долото, рыболовный крючок — гарпунчик, кресало и неопределенные обломки других вещей (см. рис. 59 на стр. 113). Из них датирующим предметом является лишь кресало. По форме оно относится к середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.⁴ Рыболовный крючок-гарпунчик несколько напоминает крючок, найденный на Мошинском городище в бассейне р. Оки.⁵ Трудно точно сказать, сколько времени просуществовал здесь древний поселок, предшествующий курганам. Но судя по интенсивности культурного слоя и значительной насыщенности его обломками керамики, время существования поселка было сравнительно длительным, и, видимо, продолжалось более одного столетия в хронологических рамках середины и третьей четверти I тысячелетия н. э.

В промежутках между курганами культурный слой древнего селища не сохранился, он был использован при сооружении курганных насыпей. Исследование этих мест во время первых раскопок курганов в 1952 г. привело к ошибочному выводу об отсутствии здесь культурного слоя.⁶ При последующих раскопках был исследован ряд курганных насыпей, покрывающих хорошо сохранившийся культурный слой, в котором и в материке под ним были найдены следы хозяйственных ям колоколовидной формы и ям от столбовых построек. К сожалению, отсутствие больших, хорошо сохранившихся участков селища не позволило провести более детальное его исследование.

2

Насыпи удлиненных курганов, сооруженные в значительной части из культурного слоя древнего селища, возводились не в один прием, а постепенно, по мере совершения новых захоронений. При этом курган рос не только в длину, но и в высоту. Это удалось наиболее четко проследить на курганах, содержащих по 3—4 погребения, и особенно тех, грунт насыпей которых не был однородным, а состоял из слоев, отличающихся как по цвету, так и по структуре (2, 11, 16). Только отдельные, преимущественно округлые насыпи были сооружены сразу, но все они содержали по одному захоронению. Во всех курганах был прослежен только один обряд — это трупосожжение, совершенное на стороне. Остатки трупосожжения собирались и погребались в кургане.

По способу помещения праха в кургане можно выделить несколько вариантов. Наиболее распространенным было помещение остатков сожжения без глиняной урны, на площадке на уровне древней почвы или чаще на подсыпке высотой до 0.5 м. Однако возможно, что урны были из другого материала, например из бересты или дерева.⁷

Иногда при повторных погребениях площадка устраивалась на выровненной вершине кургана или на южной поле его насыпи, которая при этом частью срывалась. Нередко к кургану делалась земляная присыпка с северной стороны и на ней выравнивалась площадка для погребения. Некоторые площадки сверху устилались слоем чистой глины. Ее поверхность бывает несколько обожжена и имеет красный цвет. Это явление отмечено для длинных курганов и в других местах Смоленщины.

Нередко часть результатов сожжения помещалась в глиняную урну, которая устанавливалась на площадке среди ссыпанных на нее остальных остатков трупосожжения. В нескольких случаях урна помещалась вверх дном, что весьма характерно для длинных и

⁴ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. II, 8; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 135, рис. 71, 3.

⁵ Н. И. Булычев, ук. соч., табл. XIV, 23.

⁶ Е. А. Шмидт. Раскопки длинных курганов в Смоленской области, стр. 150.

⁷ Остатки берестяных обгоревших урн были обнаружены нами в длинном кургане у д. Арефино на левом берегу Днепра выше Смоленска.

удлиненных курганов Смоленщины. В отдельных случаях урны разбивались при сооружении курганов, и в захоронениях находятся их обломки.

В нескольких захоронениях, сделанных на уровне древней почвы, часть праха была помещена в небольшую округлую ямку (курган 11, рис. 5), вырытую в материке. Наконец, в одном случае захоронение было присыпано сверху чистой глиной, которая его покрывала на всей площади сплошным чехлом толщиной в 0.03 м.

Таким образом, способы помещения остатков трупосожжения в кургане были различными. Материалы раскопок пока не позволяют сделать относительно этого каких-либо выводов, но, по нашему мнению, это разнообразие скорее всего объясняется возрастными различиями умерших, временем года, когда совершалось погребение; возможно, здесь играла некоторую роль и племенная неоднородность населения.

Наиболее простыми по устройству были округлые и приближающиеся к ним овальные курганы, содержавшие по одному и реже по два погребения. Наиболее характерными среди них являлись курганы 30 и 33, которые мы и рассмотрим более подробно.

Курган 30 (рис. 2) располагался в западной части курганной группы, его форма овальная, поперечник 7×5.4 м, высота 0.75 м. Грунт насыпи более или менее однородный, плотный, песчано-гравийный. В центре кургана на глубине 0.3 м от вершины встречены остатки захоронения в виде небольшого количества кальцинированных костей, крупных березовых углей и золы. Эти остатки занимали площадь 1.28×0.94 м. При их разборке обнаружены две бронзовые спиральные пронизки (типа рис. 3, 28) и урна — глиняный сосуд в обломках, обычный для длинных курганов. Под захоронением была песчано-гравийная подсыпка толщиной 0.3 м.

При исследовании культурного слоя, перекрытого курганной насыпью, найдено упомянутое выше железное кресало.

Было ясно видно, что сооружение этого кургана происходило в следующем порядке. Сначала была сделана округлая, плоская насыпь высотой 0.3 м и доходящая до 5 м в поперечнике. На ее поверхность, примерно в середине, были ссыпаны остатки сожжения, сверху на них был брошен глиняный сосуд вверх дном, разбившийся на куски. Затем остатки сожжения были засыпаны землей, взятой здесь же вокруг основания кургана и курганная насыпь доведена до своих окончательных размеров.

Курган 33 располагался в западной части группы. Он имел овальную форму при поперечнике 7.8×6 м и высоте 0.8 м (рис. 2). Верхняя часть курганной насыпи состояла из песчаного грунта с примесью гравия, взятого здесь же вокруг кургана примерно с глубины 0.45 м. Средняя часть насыпи выделялась более темной окраской и включала некоторое количество древней керамики из слоя селища.

Последовательность возведения этого кургана представляется нам в следующем виде. Первое погребение, обнаруженное под северной полкой насыпи, было помещено на поверхности земли. Принесенные из погребального костра остатки занимали площадь около 1 м^2 в поперечнике. Сверху над ними была поставлена урна вверх дном, представлявшая собой глиняный сосуд красноватого цвета обычной формы. К востоку от остатков сожжения была сооружена курганная насыпь округлой формы.

Второе погребение было расположено южнее первого. Для него южная полка кургана была выровнена и превращена в горизонтальную площадку размером 1.6×1.9 м, поверхность которой возвышалась над уровнем земли на 0.4 м. Сюда были принесены остатки сожжения вместе с крупными дубовыми углями и кусочками обгорелой бересты. Среди них найдены фрагменты глиняного сосуда с насечкой по краю, возможно, это остатки урны, и обломок плоского височного кольца (типа рис. 3, 26). Все это было засыпано землей, и курган из круглого превратился в овальный.

Более удлиненные курганы содержали по несколько погребений, относящихся к разному времени. Последовательность совершений погребений не всегда удавалось проследить, так как иногда гумусированная насыпь кургана была настолько однородной, что трудно было сказать, какая часть ее насыпана раньше, какая позже. Но в тех случаях, когда курган сооружался на месте, где большая часть древнего культурного слоя уже была снята при сооружении других курганов и для насыпи использовались материковые суглинок, песок

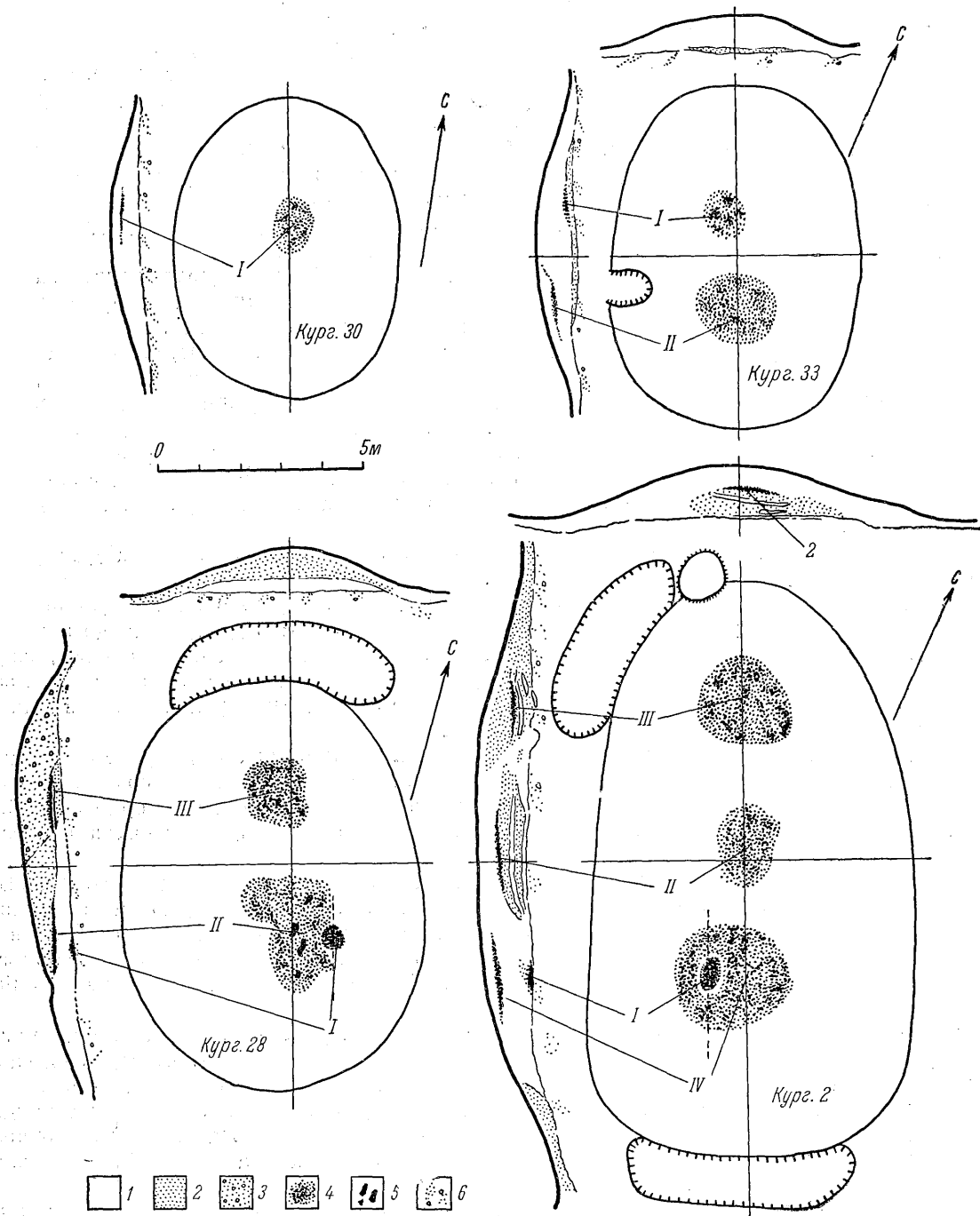

Рис. 2. Курган 30 с одним захоронением; курган 33 с двумя захоронениями; курган 28 с тремя захоронениями; курган 2 с четырьмя захоронениями.

1 — гумусированный грунт; 2 — песок; 3 — песок с гравием; 4 — остатки сожжения; 5 — крупные угли; 6 — песчано-гравийный материк. I—IV — номера захоронений.

и гравий, возможно проследить, что насыпь состояла из разнородных присыпок. Это позволяет сделать интересные выводы о последовательности возведения кургана. Наиболее четко эта последовательность выявлена при раскопках курганов 28 с тремя погребениями и 2 с четырьмя погребениями.

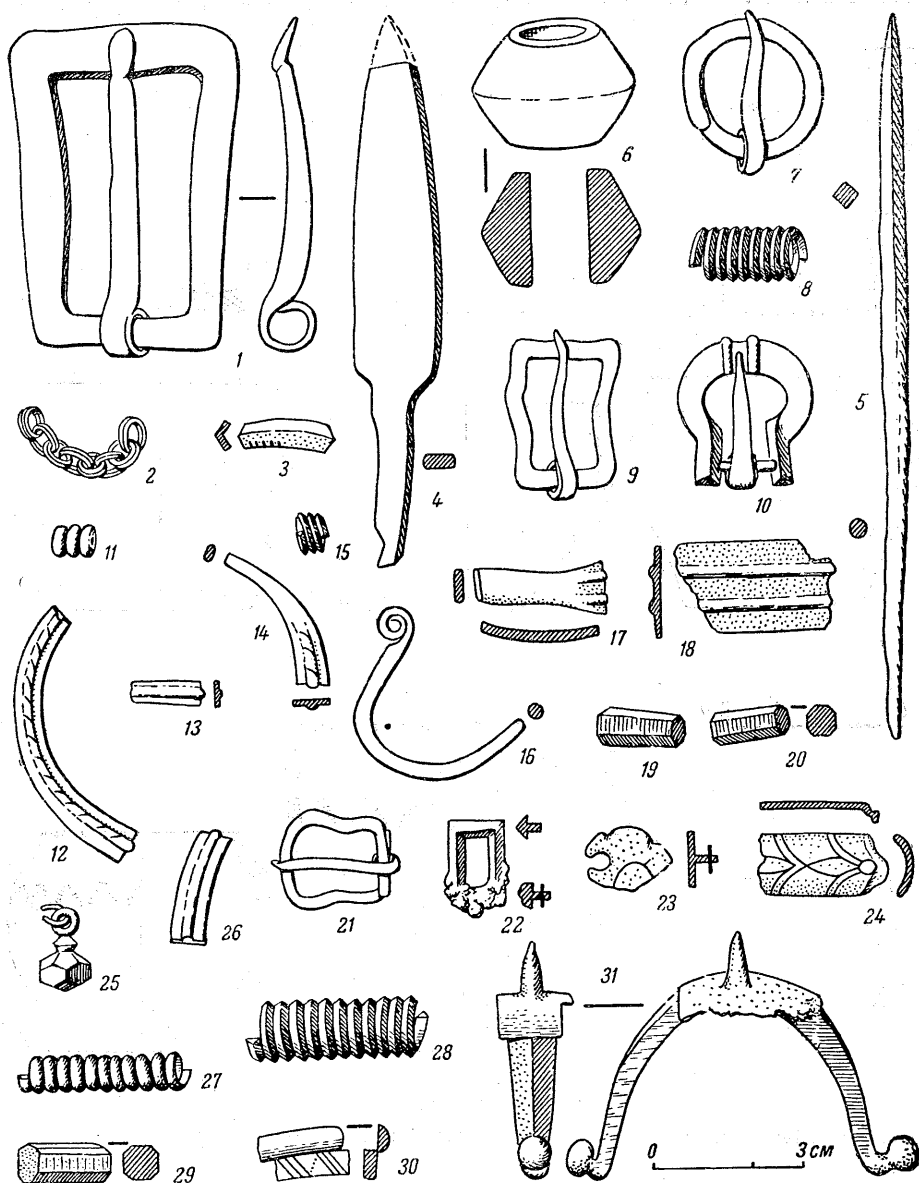

Рис. 3. Вещи из курганов у д. Слобода Глушица.

1—5 — из кургана 2; 6 — из кургана 17; 7—8 — из кургана 5; 9 — из кургана 29; 10—11 — из кургана 13; 12—14 — из кургана 3 и 36; 15—24 — из кургана 11; 25 — из кургана 16; 29—30 — из кургана 36; 31 — из кургана 18.

Курган 28 находился в юго-восточной части курганной группы, форма его удлиненная, размеры 9.6×7 м, высота 1 м (рис. 2). Насыпь кургана была неоднородной. Ее северная часть состояла из чистого песка с гравием, а южная в большей части — из серого суглинка

и перемешанного культурного слоя бывшего здесь некогда селища. В кургане обнаружено три захоронения.

Остатки первого захоронения были помещены на поверхности земли и занимали площадь 0.7 м в поперечнике. Среди них стояла глиняная урна небольшого размера. Над первым погребением был насыпан круглый курган. При втором погребении вершина кургана

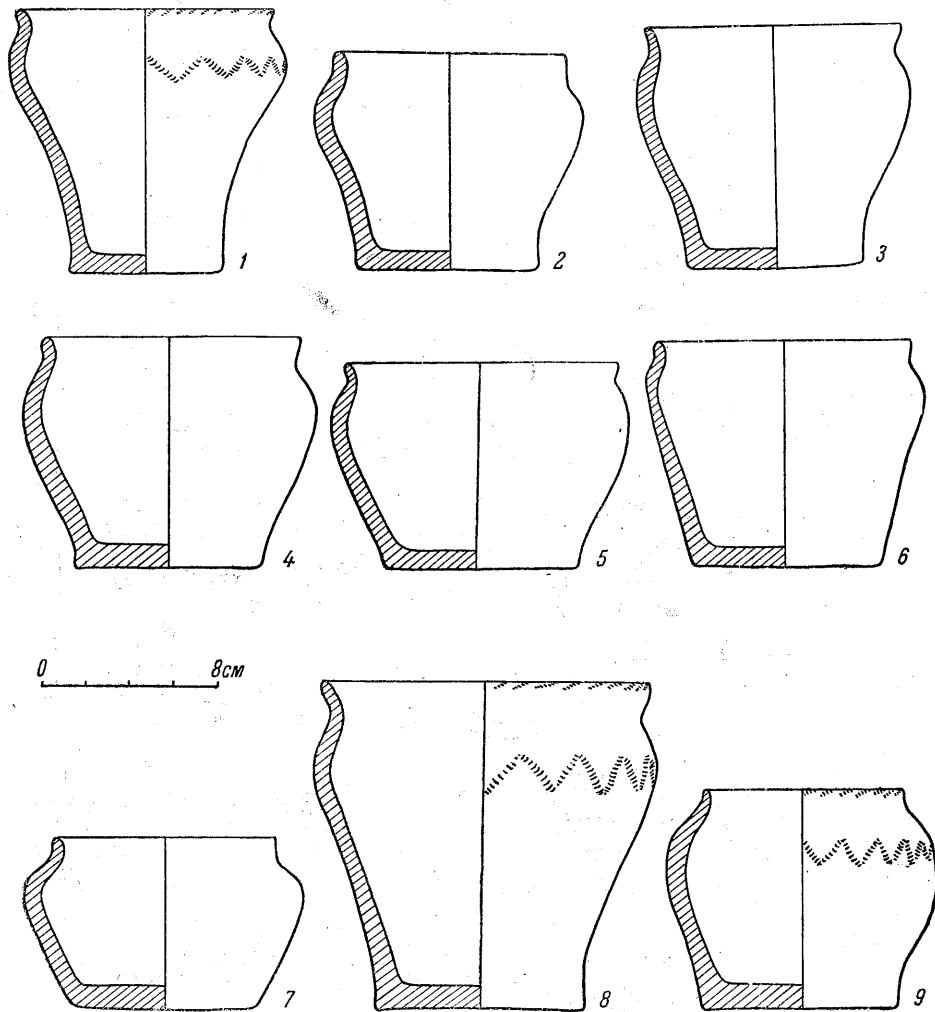

Рис. 4. Глиняные сосуды из погребений.

1, 7 — из кургана 28; 2 — из кургана 13; 4 — из кургана 11; 3, 6, 8, 9 — из кургана 2; 5 — из кургана 5.

была превращена в горизонтальную площадку, на центральную часть которой, на площадь размером 2.7×2 м, были помещены остатки кремации без вещей. Сверху они были засыпаны слоем чистого кварцевого песка, образовавшего вершину кургана. Третье захоронение было помещено на площадке, на выровненной северной поле кургана и присыпке из песка. Остатки кремации были рассеяны на площади 1.6×1.4 м. На них были поставлены две глиняные урны с небольшим количеством пережженных костей (рис. 4, 1, 7). Найдены также обломки бронзовых предметов. Когда все это было засыпано песком с гравием, курган приобрел овальную форму.

Курган 2 располагался в восточной части курганный группы, у склона к оврагу. Он имел удлиненную форму; его поперечник 13.6×7.8 м и высота 1.25 м (рис. 2).

Насыпь кургана была неоднородной, северная ее часть была песчанистой, желтоватого цвета, а южная — суглинистая, гумусированная, темно-серого цвета. Она насыпана преимущественно из культурного слоя древнего селища, в центре кургана под захоронением была слоистая, песчанисто-суглинистая подсыпка. В кургане обнаружено четыре захоронения.

Первое, наиболее раннее захоронение в кургане 2 было совершено прямо на поверхности древней почвы, на площадке, образованной тонким слоем песка и суглинка. Остатки сожжения были рассыпаны на участке около 0.5 м в поперечнике, и сюда же была брошена разбитая урна (рис. 4, 3). Сверху над погребением была возведена округлая в плане насыпь, состоящая из культурного слоя древнего селища — темно-серого, гумусированного песка. Высота первоначального кургана составляла 0.7 м, диаметр — не более 4 м.

Второе захоронение было размещено севернее первого. Для него непосредственно у края кургана была сделана земляная площадка из перемешанных слоев (песок, гумусированный грунт и снова песок) общей высотой 0.5 м. На ее ровной горизонтальной поверхности были размещены остатки сожжения, состоящие из кальцинированных костей, углей и золы. Среди них найдены обрывок бронзовой цепочки (рис. 3, 2), части бронзового перстня и пронизки (рис. 3, 3), а также оплавленные бусы. Остатки сожжения оказались рассеянными на площади 2×1.6 м. Сверху была поставлена урна. Над захоронением находилась земляная насыпь. Теперь курган стал удлиненным и высота его увеличилась до 0.9 м.

Третье погребение было совершено в северной части кургана, на песчаной подсыпке высотой 0.4 м от поверхности почвы. Остатки сожжения размещались на площади 1.36×1.4 м. Сверху вверх дном была поставлена глиняная урна (рис. 4, 8). После того как над этим захоронением была насыпана земля, курган еще более удлинился и высота его достигла 1.1 м.

Четвертое, последнее захоронение размещалось в южной части кургана 2, на вершине насыпи. Последняя для этого была выровнена, и на образовавшейся площадке, на площади 2.9×2.64 м на уровне 0.76 м выше поверхности почвы, были помещены остатки сожжения. После этого курган был досыпан еще раз до высоты 1.25 м. Остатки сожжения состояли из пережженных костей, золы, мелких угольков, нескольких крупных дубовых углей и целых головней, кусков березовой коры. Тут же были найдены железная четырехугольная пряжка с язычком, нож и железное шило (рис. 3, 1, 4—5). Сверху стояла глиняная урна с орнаментом.

3

В погребениях найдено очень мало вещей, что объясняется особенностями погребального обряда. Поскольку трупосожжение совершалось с использованием сильного огня, большинство бронзовых, серебряных и стеклянных вещей частично или полностью расплавлялось и сохранялось в золе лишь в виде сплавов и мелких обломков. Притом, очевидно, далеко не все остатки сожжения переносились в курган, а бралась лишь небольшая часть пережженных костей, с которыми попадали отдельные обломки вещей. По этим незначительным остаткам с большим трудом можно судить о характере украшений и о типах бытовых предметов.

Металлические предметы, найденные в курганах у д. Слобода Глушица, являются характерными для культуры смоленских длинных курганов. Из-за их малочисленности мы не будем рассматривать вещи по отдельным погребальным комплексам, а дадим их общее описание.

Главным женским украшением служили, по-видимому, венчики, состоящие из бронзовых спиралек и пластинок, а возможно, и из одних спиралек (рис. 3, 8, 15, 27, 28). Такие украшения весьма характерны для прибалтийских древностей второй половины I тысячелетия н. э.⁸ Венчики дополнялись небольшими плоскими височными кольцами с заходящими

⁸ Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб., 1893, табл. VIII, 18; Украшения древних литовцев, кн. I. Вильнюс, 1958, рис. 269; Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, вып. 1, Рига, 1957, табл. IV, 1—3.

концами, от которых найдены только небольшие фрагменты (рис. 3, 12, 14, 26). Аналогичные кольца встречались и в других смоленских длинных курганах, например у деревень Слобода, Хотынь и Цурковка,⁹ но распространены они и далее на запад, в бассейне Западной Двины¹⁰ и в Понеманье.¹¹ Для украшения шеи служили как серебряные, так и бронзовые гривны, сделанные из восьмигранного, массивного прута (рис. 3, 19, 20, 29). Тип гривн определить не удалось, так как были найдены только небольшие фрагменты и не встречено обломков концов с замками. Бусы найдены большей частью в виде стеклянных сплавов, поэтому о форме их судить трудно, но были они преимущественно синего цвета. В меньшем количестве встречены остатки желтых, мелких, двойных и тройных бус из непрозрачного стекла (рис. 3, 11) и глазчатых желтых и зелено-красных. Такие бусы широко распространены в длинных курганах Смоленщины. Они обычны в древностях юго-востока Европы, и в частности в погребениях салтовской культуры VIII—IX вв.¹² Для украшения шеи и груди использовались также бронзовые цепочки, состоящие из двойных звеньев (рис. 3, 2), и бронзовые, грибовидные, с граненой головкой подвески, или пуговицы (рис. 3, 25). Грибовидные подвески употреблялись довольно часто и найдены в длинных курганах у деревень Арефино, Городок и Хотынь.¹³

Для скрепления одежды использовались небольшие подковообразные застёжки, округлые в сечении, с закрученными концами.

В одном погребении найдены обломки бронзового браслета, имевшего широкие, плоские концы с двумя выпуклыми полосками и узкую, но более массивную середину, округло-четырёхугольную в сечении (рис. 3, 17, 18).

Возможно, бронзовые спиральки входили не только в головные уборы, но ими украшалась и ткань одежды.

Глиняные пряслица биконической формы найдены неоднократно в пределах захоронений (рис. 3, 6). По своему характеру они являются обычными для второй половины I тысячелетия н. э.

Из мужских погребений происходят поясные пряжки. Они в большинстве случаев четырёхугольные, с вогнутыми боковыми краями. Среди них есть железные: крупная, из треугольной в сечении пластины с закругленными углами и массивным язычком, уплощенным на конце (рис. 3, 1), и средних размеров, изготовленная из округлого в сечении стержня (рис. 3, 9). Встречаются такие же пряжки, сделанные и из бронзы (рис. 3, 21). Аналогичные пряжки широко распространены в смоленских длинных и удлинённых курганах,¹⁴ есть они и среди упомянутых балтийских древностей VIII—X вв.¹⁵ Но весьма широкое распространение они имели среди восточноевропейских древностей последней четверти I тысячелетия н. э.

Две бронзовые пряжки — круглая с язычком (рис. 3, 7) и лировидная (рис. 3, 10) — найдены в насыпях кургана за пределами остатков сожжения, но по внешнему облику их скорее всего можно отнести к последней четверти I тысячелетия н. э. и причислить к инвентарю из погребений. Пояса украшались бронзовыми литыми бляшками (рис. 3, 22, 23, 24), которые по своему характеру близки к аварским VII—VIII вв.

Из орудий труда найдены железное шило (рис. 3, 5) и железный нож с плоским черенком (рис. 3, 4).

⁹ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., стр. 206, рис. 36; Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, табл. VIII, 17, 18; Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, № 3, 1958, стр. 166, рис. 3, 2, 11, 17.

¹⁰ А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. Працы арх. камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 194, табл. VI, 36—39.

¹¹ Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 183, рис. 56.

¹² В. Б. Деолик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, № 3, 1961, стр. 217, 229, 230.

¹³ Н. Н. Чернягин, ук. соч., табл. VII, 8 и др.

¹⁴ Там же, табл. IV, 5; табл. V, 1, 3, 5; табл. VI, 9, 11, 19; табл. VII, 18, 21.

¹⁵ Нукшинский могильник, табл. II, 9, 12.

Из мужского погребения происходит железная шпора (рис. 3, 31), ранее ошибочно отнесенная нами к концу латенского времени.¹⁶ Аналогичная шпора была найдена в длинном кургане у д. Цурковки,¹⁷ датированном VIII—IX вв. Подобные шпоры последней четверти I тысячелетия н. э. известны на территории Средней Европы.¹⁸

Наиболее сохранившимися и многочисленными предметами из захоронений являются сосуды, использованные как урны (рис. 4). Все они совершенно одинаковы по составу теста и способу изготовления и довольно близки между собой по форме. Отдельные сосуды украшены городчатым, гребенчатым орнаментом.

Сосуды имеют горшковидную форму при сравнительно небольшой высоте и значительной ширине. От плоского дна вверх тулово сосуда заметно расширяется, имеет хорошо выраженные плечики и отогнутый наружу или прямой венчик. Изготовлены все сосуды без помощи гончарного круга, из красноватой глины, к которой добавлена дресва. Для получения дресвы использовались граниты с большим количеством кварца, поэтому в черепке всегда четко выступают белые зерна дресвы среди красноватой или сероватой глины. Глина перемешивалась не тщательно, обжиг неравномерный, и механическая прочность сосудов невелика. Многие сосуды растрескались и деформировались; возможно, они подвергались вторично действию огня во время сожжения. Некоторые сосуды асимметричны, и вообще вся эта посуда отличается небрежной выработкой. Поверхность сосудов слегка приглажена, и в отдельных случаях между выступающими зернами кварца видна мелкая исчерченность.

Большая часть сосудов не несет никакой орнаментации (рис. 4, 2, 7), но встречаются и отдельные сосуды, украшенные по плечу и краю венчика (рис. 4, 1, 8, 9). Орнамент однообразен и состоит из ложногребенчатых вдавливания. Наносился он по сырой глине до обжига концом палочки, обмотанной тонкой веревочкой, причем на краю венчика он нанесен сверху и наискось, а по плечу в виде зигзагов.

По внешней форме сосуда можно разделить на три группы: 1) сосуды более высокие, с узким внизу туловом (рис. 4, 1, 8), соотношение диаметра дна, максимального диаметра плечиков и высоты от 6.8 : 12 : 11.6 до 9.2 : 15.2 : 14; 2) сосуды средние, горшковидные (рис. 4, 3, 4, 6), соотношение диаметра дна, максимального диаметра плечиков и высоты составляет от 8 : 12 : 10.6 до 8.6 : 13 : 9; 3) сосуды низкие и широкие (рис. 4, 7), вышеуказанное соотношение у них 8 : 12.5 : 7.5. Совершенно такая же посуда найдена и в других длинных курганах Смоленщины (например, у деревень Цурковка, Арефино, Василевщина, Дроково, Акатово и др.).

По форме и характеру орнаментации керамика из смоленских длинных курганов отчасти напоминает глиняную посуду из памятников роменско-боршевского типа. Совершенно одинакова она с посудой, найденной в Литовской ССР в курганах с трупосожжениями у д. Геленово.¹⁹ Аналогичная посуда встречена и в Латвийской ССР, в погребениях у Айзкальне, Цирнава и Мазстрауше, но здесь она датируется поздним временем — XI в. н. э.²⁰ Весьма интересно наличие такой же посуды в погребениях Бирки (Швеция), где есть точные аналогии сосудам вытянутым (рис. 4, 1, 2, 3, 8) и сосудам более приземистым (рис. 4, 4, 5). Часть сосудов этого типа в Бирке также орнаментирована ложногребенчатыми отпечатками в виде зигзагов или других комбинаций.²¹

Определение точного времени длинных курганов д. Слобода Глушица наталкивается на ряд трудностей. Ни в одном из курганов не найдено комплекса вещей или хотя бы одной вещи, время которых могло бы быть точно определено. Но найденный материал можно сравнивать с вещами из других, датированных памятников, поэтому можно сказать, что он укладывается в хронологические рамки последней четверти I тысячелетия н. э. Плоские височные

¹⁶ Е. А. Шмидт. Раскопки длинных курганов в Смоленской области, стр. 151—152.

¹⁷ Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе, стр. 168.

¹⁸ Jan E i s n e r. Devinska Nova Ves. Bratislava, 1952, obr. 17, 10; August D e m m i n. Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen von den ältesten Zeiten bis auf Gegenwart. Gera-Untermkaus, 1891, S. 620, Abb. 2.

¹⁹ Фонды Института истории Литовской ССР, раскопки П. В. Голубовского.

²⁰ Исторический музей Латвийской ССР, №№ 8189-4 и 33663.

²¹ H. A r b m a n. Birka, t. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940, Taf. 242, Abb. 7; Taf. 244, Abb. 2, 6; Taf. 245; Abb. 2; Taf. 254, Abb. 5.

кольца с заходящими концами найдены в кургане VIII—IX вв. н. э. у д. Цурковки.²² Этим же временем, как мы видели, датируются стеклянные бусы и другие металлические вещи: пряжки, поясной набор, шпора. Почти все рассмотренные нами аналогии к глиняной посуде восходят также к VIII—IX вв. н. э. Особенно важна для их хронологии посуда из погребений Бирки (Швеция), которая точно датирована по находкам монет и вещей временем с 800 по 975 г.²³ На территории Литвы и Латвии (Геленово, Айзкальне, Цирнава, Мазстраупе) посуда такого типа сохраняется до более позднего времени и встречается даже в XI в.

Вопросы этнической принадлежности населения на материалах из курганной группы у д. Слобода Глушица не могут быть окончательно решены из-за чрезвычайной бедности инвентаря при погребениях. Однако большинство найденных вещей не выходит из круга балтийских древностей периода славянизации верховьев Днепра и Западной Двины.

ОПИСАНИЕ КУРГАНОВ У д. СЛОБОДА ГЛУШИЦА

К у р г а н 1, округлой формы, высотой 0.45 м, поперечник С—Ю=6.8 м, З—В=6.2 м, в северной половине поврежден ямой размером 2×2 м и глубиной 0.3 м. Не раскапывался.²⁴

К у р г а н 2, удлиненной формы, высотой 1.25 м, поперечник ЮЮВ—ССЗ=13.6, ЮЗЗ—СВВ=7.8 м, в северной половине кургана была небольшая яма. Описание данных раскопок кургана дано на стр. 185.

К у р г а н 3, удлиненной формы, высотой 1.1 м, поперечник С—Ю=9.5 м, З—В=7.4 м, сохранность хорошая. Не раскапывался.

К у р г а н 4, овальной формы, высотой 0.9 м, поперечник С—Ю=8.1 м, З—В=7.2 м; с северной и юго-восточной сторон — две ямки до 1 м в поперечнике и глубиной около 0.3 м. Не раскапывался.

К у р г а н 5, удлиненной формы, высотой 1 м, поперечник С—Ю=10.2 м, З—В=6.8 м, на поверхности — три небольшие ямы от раскорчевки пней. Насыпан из гумусированного грунта, состоящего из суглинки, песка и гравия. В насыпи найдено значительное количество обломков глиняной посуды, происходящих из культурного слоя бывшего здесь селища. Кроме того, в северной части кургана, сразу под дерном, была найдена бронзовая спиральная пронизка (рис. 3, 8), а в южной половине кургана — медная круглая пряжка с язычком (рис. 3, 7).

В северной половине кургана, в насыпи, было захоронение. Остатки трупосожжения занимали площадь около 1.2 м в поперечнике; сверху была помещена урна вверх дном (рис. 4, 5). Здесь же среди костей и березовых угольков были бронзовые сплавы и бронзовые спиральные пронизки (типа рис. 3, 8). Под остатками сожжения прослежена тонкая глинистая подсыпка, местами обожженная.

В южной половине кургана, на подсылке, в 0.5 м от уровня материка, было второе захоронение. Остатки трупосожжения встречались на площади около 1.7 м в поперечнике. Сверху лежал на боку разбитый сосуд-урна (типа рис. 4, 3) и в непосредственной близости от сосуда найдены обломки железных удил (см. рис. 59 на стр. 113).

В основании кургана над материком хорошо сохранился древний культурный слой, содержащий много обломков лепной посуды.

К у р г а н 6, удлиненной формы, высотой 1.1 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=15.3 м, СВВ—ЮЗЗ=6.7 м, испорчен большой кладыскательской траншеей, идущей посередине вдоль длинной оси. Не раскапывался.

К у р г а н 7, овальной формы, высотой 0.55 м, поперечник С—Ю=6.4 м, З—В=5.3 м, в центре яма глубиной 0.33 м и диаметром 1.5 м. Не раскапывался.

²² Е. А. Ш м и д т. Длинные курганы у д. Цурковки, стр. 169.

²³ Н. А г б м а н. Birka, t. I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943, SS. XV, XVII.

²⁴ Местоположение каждой насыпи в курганной группе дано на рис. 1. Нумерация курганов в описании и на плане одна и та же. В данной статье курганы имеют те же номера, что и на схематичном плане, опубликованном в 1954 г. (см.: Е. А. Ш м и д т. Раскопки длинных курганов в Смоленской области, стр. 148).

К у р г а н 8, округлой формы, высотой 1.4 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=10.5 м, СВВ—ЮЗЗ=10 м, в центре большая яма глубиной 0.4 м, площадью 4×1.5 м. Не раскапывался.

К у р г а н 9, овальной формы, высотой 1.15 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=8.6 м, СВВ—ЮЗЗ=6.6 м, южная половина кургана разрыта кладочискателями. Не раскапывался.

К у р г а н 10, овальной формы, высотой 1.5 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=10 м, СВВ—ЮЗЗ=8.6 м, в центре овальная яма площадью 3×1.2 м, глубиной 0.4 м. Не раскапывался.

К у р г а н 11, удлиненной формы, высотой 1.4 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=14 м, СВВ—ЮЗЗ=7.5 м, испорчен двумя небольшими ямами в центре и с северной стороны. Вся южная часть насыпи состояла из серого грунта, значительно перемешанного, включавшего массу обломков грубой глиняной посуды. Это был культурный слой селища, взятый здесь же. В северной части кургана заметно выделялась песчано-гравийная присышка.

В кургане найдены четыре захоронения (рис. 5).

I. Погребение на материке в северной половине кургана, присыпанное сверху глиной. Остатки сожжения размещались на площади около 1.3 м в поперечнике, часть их была помещена в яму овальной формы размером 0.6×0.52 м и глубиной 0.2 м ниже уровня материка. При погребении найдены глиняный сосуд обычной формы (рис. 4, 4), разбитый на куски, обломки бронзовых височных колец (типа рис. 3, 12), обломок изогнутой прозоки, с завернутым концом (рис. 3, 16), обломки бронзовой пластинки с орнаментом, возможно от браслета (рис. 3, 17, 18), сплавы бронзы со стеклянными бусами синего, зеленого, желтого и красного цветов, обломки гривны и спиральки (рис. 3, 15, 19, 20). В захоронении, кроме пережженных человеческих костей, есть кости животных (крупное копытное животное и собака или волк).

II. Погребение на подсыпке, на 0.75 м выше материка, в южной половине кургана, часть остатков погребения помещена в небольшое грунтовое углубление диаметром около 0.5 м и глубиной 0.09 м, сделанное в глиняной подсыпке. Остатки сожжения занимали площадь около 1.7 м в поперечнике. Среди них найдены глиняный сосуд обычной формы, поставленный вверх дном (рис. 4, 2), четырехугольная пряжка с язычком, с выгнутыми краями (рис. 3, 21), четырехугольная набоекка (рис. 3, 22), бронзовая орнаментированная пластинка (рис. 3, 24), сплавы бронзы и обломки (рис. 3, 13, 23).

III. Погребение в северной части кургана, на песчано-гравийной присышке. Общая площадь около 0.53 м в поперечнике, на которой рассыпаны пережженные кости. Вещей нет.

IV. Погребение на подсыпке, на 0.7 м выше уровня материка, на южном краю кургана. Общая площадь 1.2×0.7 м; кроме пережженных костей, ничего не найдено.

К у р г а н 12, удлиненной формы, высотой 1.2 м, поперечник С—Ю=12.8 м, З—В=7.1 м, южная половина кургана разрыта. Не раскапывался.

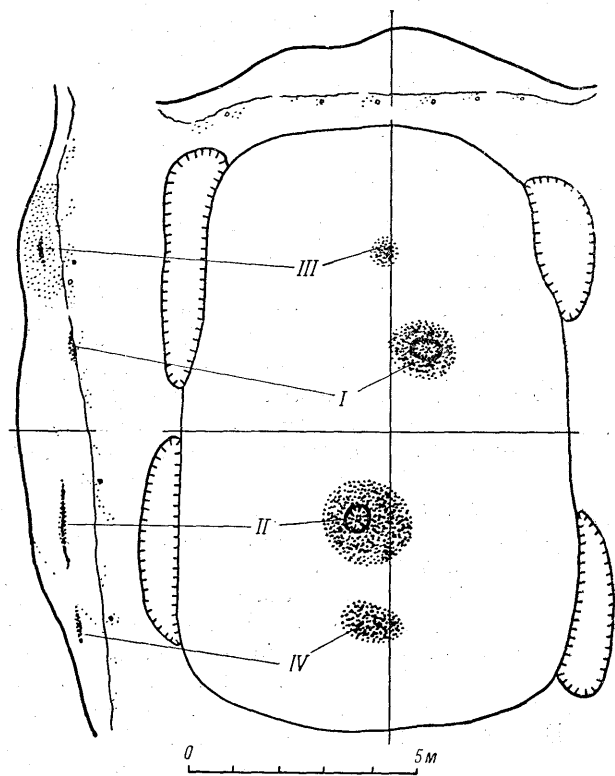

Рис. 5. Курган 11 с четырьмя захоронениями. На продольном профиле пунктиром показана последовательность возведения насыпи.

К у р г а н 13, округлой формы, высотой 0.95 м, поперечник С—Ю=8.1 м, З—В=7.4 м, в юго-восточной части поврежден ямой около 1.2 м в поперечнике. Верхняя часть кургана состоит из темно-буроватого суглинка, нижняя часть насыпи сложена из темного, почти черного, сильно гумусированного суглинка, в котором встречалось небольшое количество песчаных вкраплений. Суглинок представлял собой перерытый культурный слой древнего селища.

В толще насыпи, несколько ближе к восточному краю, на границе между горизонтами насыпи, располагалось захоронение. Остатки сожжения размещались на площади около 1.1 м в поперечнике, среди них была урна, поставленная вверх дном (рис. 4, 2), украшенная по краю венчика округлыми вдавлениями, нанесенными пальцами.

В насыпи кургана найдены обломки лепной глиняной посуды и следующие вещи: железное шило (типа рис. 3, 5), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 3, 10), три стеклянные бусины (рис. 3, 11).

К у р г а н 14, удлиненной формы, высотой 0.65 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=6.6 м, ЮЗЗ—СВВ=12 м. Это была единственная насыпь, длинная ось которой ориентирована параллельно берегу реки.

Курганная насыпь в верхней части состояла из желтого песка с гравием, а в нижней части, над материком, — из сероватого, гумусированного песка, содержащего обломки грубой керамики. В восточной части кургана, на подсыпке, на 0.25 м выше материка, найдены три пережженные косточки, возможно, это остатки захоронения. Как в восточной, так и в западной частях кургана в материке были углубления, заполненные углями. Они имели округло-четырёхугольную форму при размерах 1.2×0.8 и 1.2×0.7 м и опускались в материк на 0.08—0.09 м. Относятся ли они к кургану или к древнему селищу, установить не удалось.

К у р г а н 15, удлиненной формы, высотой 0.7 м, поперечник С—Ю=9.5 м, З—В=7.3 м, разрыт колодцем кладоискателями. Не раскапывался.

К у р г а н 16, овальной формы, высотой 1.2 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=9.6 м, СВВ—ЮЗЗ=8 м. Насыпь кургана состояла в верхней части из серого, гумусированного, крупнозернистого песка, а в нижней части грунт имел темно-серую окраску с более светлыми вкраплениями. В насыпи было много фрагментов грубой керамики из слоя селища.

В южной части кургана, на подсыпке, на 0.7 м над материком, встречено захоронение остатков трупосожжения; они находились на площади 1×0.8 м.

В северной половине кургана, на подсыпке 0.5 м высотой, было второе захоронение; угли и пережженные косточки встречались на площади 1.5×1.4 м; никаких вещей не найдено. В юго-западной части кургана, на подсыпке 0.3 м высотой, находилось третье захоронение, остатки которого располагались на площади 2×1.2 м. В этом захоронении найдена разбитая урна — глиняный сосуд обычной формы и бронзовая двенадцатигранная подвеска с ушком (рис. 3, 25).

К у р г а н 17, удлиненной формы, высотой 1.25 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=11.1 м, СВВ—ЮЗЗ=7.6 м. Курганная насыпь состояла из слабо гумусированного песка с гравием.

В северной половине кургана, на подсыпке 0.35 м высотой, были помещены остатки трупосожжения (кости и сосновые угли), которые прослеживались на площади 2.1×1.6 м. Среди них найдены разбитая глиняная урна обычной формы, обломок глиняного биконического пряслица; глиняное биконическое пряслице (рис. 3, 6).

Как в насыпи кургана, так и в погребенной почве найдены обломки грубой глиняной посуды, происходящие из слоя селища. В материке, в южной половине кургана, открыта колоколовидная хозяйственная яма времен селища, в заполнении которой были фрагменты керамики и кости животных.

К у р г а н 18, удлиненной формы, высотой 1.3 м, поперечник С—Ю=12 м, С—В=8.2 м, в западной части поврежден ямой около 1.3 м в поперечнике и 0.35 м глубиной. Насыпь была однородной и представляла собой темно-серый, гумусированный грунт, состоящий в основной массе из древнего культурного слоя. В насыпи содержалось большое количество обломков грубой керамики, принадлежавших не менее чем 40 сосудам. Под насыпью лежал ненарушенный культурный слой.

В южной половине кургана, на подсыпке 0.3 м высотой, обнаружено погребение. Кроме кальцинированных костей, здесь были зола и дубовые и березовые угольки. Они прослеживались на площади около 2.2 м в поперечнике, но наибольшее их скопление было в юго-западной части кострища. Здесь же находились железный рыболовный крючок (см. рис. 59 на стр. 113), железная шпора (рис. 3, 31) и глиняное биконическое пряслице. Возможно, что эти находки происходят не из захоронения, а из культурного слоя более раннего селища, из которого состоит вся насыпь кургана.

В северной части кургана, на глубине 0.75 м, находились вкрапления желтого песка, среди которых обнаружены обломки костей животных и обломки грубой глиняной посуды, принадлежащей селищу. Здесь же у края вкраплений найдено железное долото (см. рис. 59 на стр. 113).

К у р г а н 19, овальной формы, высотой 0.9 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=8 м, СВВ—ЮЗЗ=6.9 м. Не раскапывался.

К у р г а н 20, овальной формы, высотой 0.8 м, поперечник СВ—ЮЗ=7.7 м, СЗ—ЮВ=6.3 м. Насыпь сложена из желтовато-серого суглинка, в котором попадались одиночные фрагменты керамики из древнего селища. Сразу же под дерном в южной половине кургана найдено несколько кальцинированных косточек, но их большого скопления, как в других курганах, здесь не было. Других следов захоронения не найдено.

К у р г а н 21, высотой 0.8 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=8.3 м, СВВ—ЮЗЗ=7.1 м, испорчен ямами от раскорчевки пней. Не раскапывался.

К у р г а н 22, высотой 0.6 м, поперечник С—Ю=7 м, З—В=6.3 м, сохранность хорошая. Не раскапывался.

К у р г а н 23, удлиненной формы, высотой 0.8 м, поперечник С—Ю=10.3 м, З—В=8.3 м, в центре и с восточной стороны испорчен двумя ямами до 1.2 м в поперечнике и до 0.3 глубиной. Насыпь кургана представляла собой серовато-желтоватый суглинок. Захоронения в кургане не обнаружено, только юго-западнее центра, на глубине 0.48 м, найдены две кальцинированные косточки. Скорее всего захоронение было уничтожено ямой, находящейся в центре кургана. В курганной насыпи найдены железный нож с прямой спинкой, переломленный обломок другого ножа, а при зачистке материка — три железных предмета, обоймица, обломок ножа и часть неопределенного изделия. Скорее всего эти предметы происходят из культурного слоя селища.

К у р г а н 24, овальной формы, высотой 0.45 м, поперечник С—Ю=8.3 м, З—В=6.7 м, насыпь в центре испорчена ямой 2×2 м и глубиной 0.3 м. Не раскапывался.

К у р г а н 25, овальной формы, высотой 1 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=8 м, СВВ—ЮЗЗ=6.8 м, с северной стороны насыпи прослеживаются следы ровика размером 3×1.2 м и глубиной до 0.4 м. Не раскапывался.

К у р г а н 26, округлой формы, высотой 1.05 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=7.2 м, СВВ—ЮЗЗ=6.5 м, сохранность хорошая. Не раскапывался.

К у р г а н 27, овальной формы, высотой 0.7 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=7.4 м, СВВ—ЮЗЗ=5.8 м, сохранность хорошая. Не раскапывался.

К у р г а н 28, удлиненной формы, высотой 1 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=9.6 м, СВВ—ЮЗЗ=7 м, на западной стороне насыпи две небольшие ямы. Описание раскопок кургана дано на стр. 183.

К у р г а н 29, овальной формы, высотой 1.2 м, поперечник С—Ю=9.2 м, З—В=8.1 м. Насыпь в верхней части сложена из крупного, желто-бурого песка с галькой; в южной половине песок был слегка гумусированным. В средней части насыпь была сильно гумусирована, а над материком шла некоторая песчаная прослойка. В южной половине кургана, на песчаной подсыпке в 0.08 м над поверхностью материка, было помещено захоронение. Его остатки прослеживались на площади около 1.8 м в поперечнике и состояли из кальцинированных костей, золы и мелких угольков.

К у р г а н 30, овальной формы, высотой 0.75 м, поперечник С—Ю=7 м, З—В=5.4 м. Описание материалов раскопок дано на стр. 181.

К у р г а н 31, удлиненной формы, высотой 0.75 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=8.7 м, СВВ—ЮЗЗ=5.9 м, вершина кургана скрыта. Не раскапывался.

К у р г а н 32, удлиненной формы, высотой 1.18 м, поперечник С—Ю=10.5, З—В=7.8 м, северо-западная часть кургана повреждена ямой. Курган насыпан из культурного слоя с примесью суглинка, песка и гальки, включавшего большое количество фрагментов глиняных сосудов. В южной части кургана, у одного из песчаных вкраплений, найден железный нож, скорее всего происходящий также из культурного слоя селища. В северной части насыпи встречены остатки сожжения. Они располагались на подсыпке, на 0.25 м выше уровня древней почвы, и занимали площадь около 0.8 м в поперечнике.

К у р г а н 33, овальной формы, высотой 0.8 м, поперечник ССЗ—ЮЮВ=7.8 м, СВВ—ЮЗЗ=6 м. Описание материалов раскопок дано на стр. 181.

К у р г а н 34, округлой формы, высотой 0.35 м, поперечник равен 6 м, сохранность хорошая. Не раскапывался.

К у р г а н 35, округлой формы, высотой 0.3 м, поперечник С—Ю=4.3 м, З—В=4 м, сохранность хорошая. Не раскапывался.

К у р г а н 36, удлиненной формы, высотой 1.1 м, поперечник СЗ—ЮВ=13.2 м, СВ—ЮЗ=7.6 м, в центре испорчен ямой около 1 м в поперечнике и до 0.25 м глубиной. Насыпь состояла из темно-серого грунта, включавшего в себя культурный слой, песок и суглинок. В северной половине насыпи были большие песчаные и песчано-гравийные включения. Найдены многочисленные фрагменты лепной глиняной посуды, происходящие из культурного слоя селища.

В южной половине кургана, на глубине 0.5 м, встречено захоронение. Оно помещалось на подсыпке высотой 0.3 м и занимало площадь 1.2×0.8 м. Среди остатков сожжения обнаружены бронзовые спиральные пронизки разных размеров (рис. 3, 27, 28), обломок плоского височного кольца (рис. 3, 12, 14), обломки двух медных перстней (рис. 3, 30) и обломок серебряного восьмигранного стержня, скорее всего от шейной гривны (рис. 3, 29).

К у р г а н 37, высотой 0.3 м, поперечник С—Ю=5.1 м, З—В=4 м. Не раскапывался.

К у р г а н 38, округлой формы, высотой 1 м, поперечник С—Ю=12 м, З—В=11 м. Курган испорчен большой ямой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАР — Материалы по археологии России.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
Тр. АС — Труды археологического съезда.
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины	3
Введение	3
Археологические исследования 1954—1962 гг. и их основные итоги	9
Городище Тушемля	42
Мокрядинское городище	71
Раскопки на городищах у деревень Городок и Прудки	93
Городище у д. Вошкино	103
Городище у д. Слобода Глушица	107
Селище у д. Устье	114
Городища у деревень Лахтеево и Колычево	117
Раскопки на болотных городищах	123
Древние городища в области верхнего течения р. Десны	129
Селища зарубинецкого типа в области верхнего течения р. Десны	134
Е. А. Шмидт. Городище у д. Новые Батеки	141
Е. А. Шмидт. Длинные курганы у д. Слобода Глушица	177

Петр Николаевич Третьяков и Евгений Альфредович Шмидт
ДРЕВНИЕ ГОРОДИЩА СМОЛЕНЩИНЫ

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

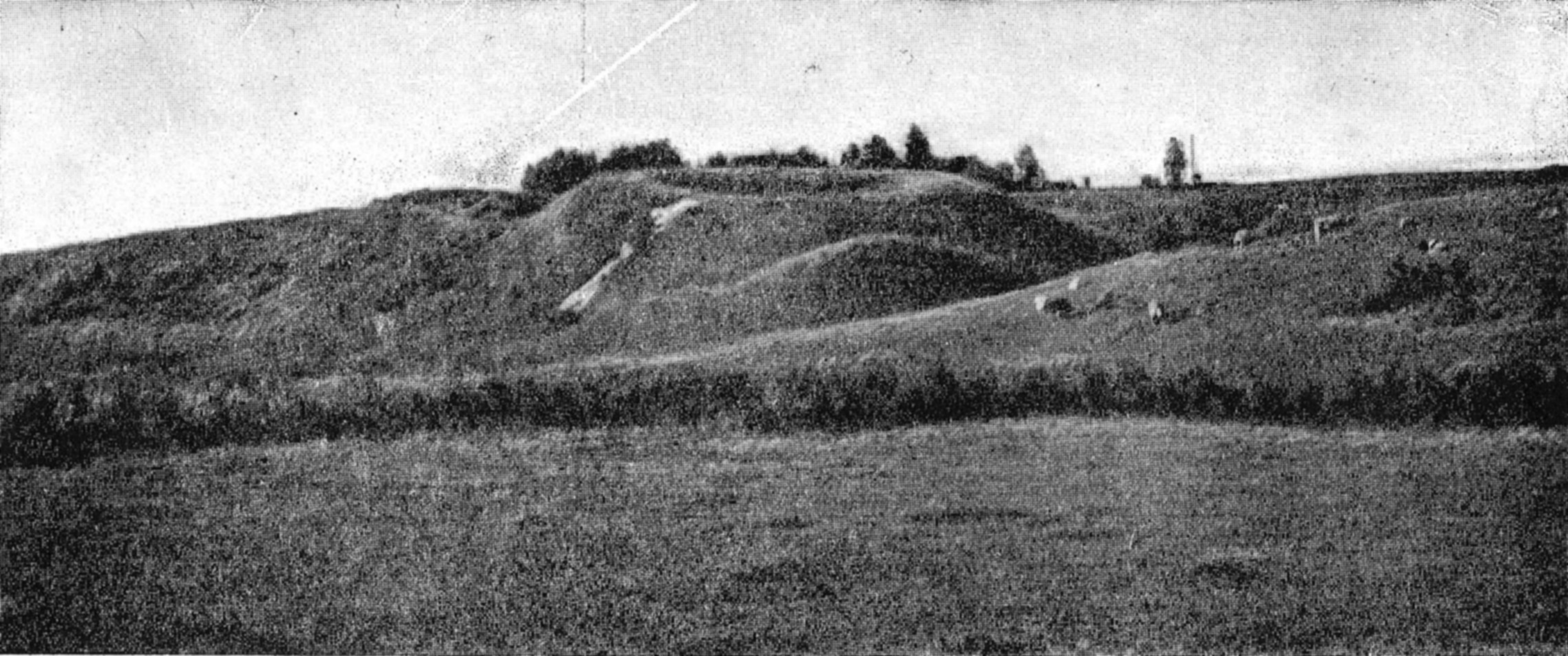
Редактор Издательства Г. А. Альбова. Художник В. В. Грибакин. Технический редактор М. Е. Зендель.
 Корректоры Н. В. Лихарева, Г. А. Мирошниценко и Т. Г. Эдельман

Сдано в набор 15/IV 1963 г. Подписано к печати 12/VIII 1963 г. РИСО АН СССР № 114-97В. Формат бумаги 84 × 108¹/₁₆.
 Бум. л. 6¹/₁₆. Печ. л. 12¹/₈ = 19.88 усл. печ. л. + 5 вкл. Уч.-изд. л. 20.45 + 5 вкл. (2.34). Изд. № 1889. Тип. зак. № 168.
 М-24833. Тираж 1200. Цена 1 р. 62 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

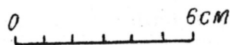
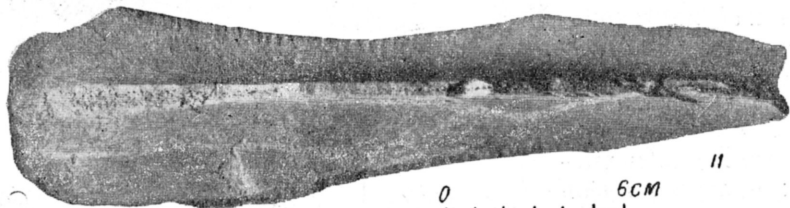
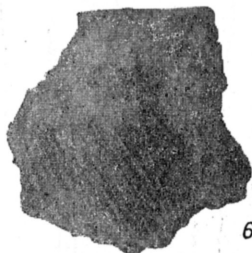
1-я тип. Издательства Академии наук СССР. Ленинград. В-34, 9 линия, д. 12

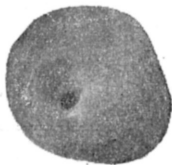

0 3 см

2

Рис. 17. Погремушка и грузик из нижнего горизонта культурного слоя городища Тушемля.

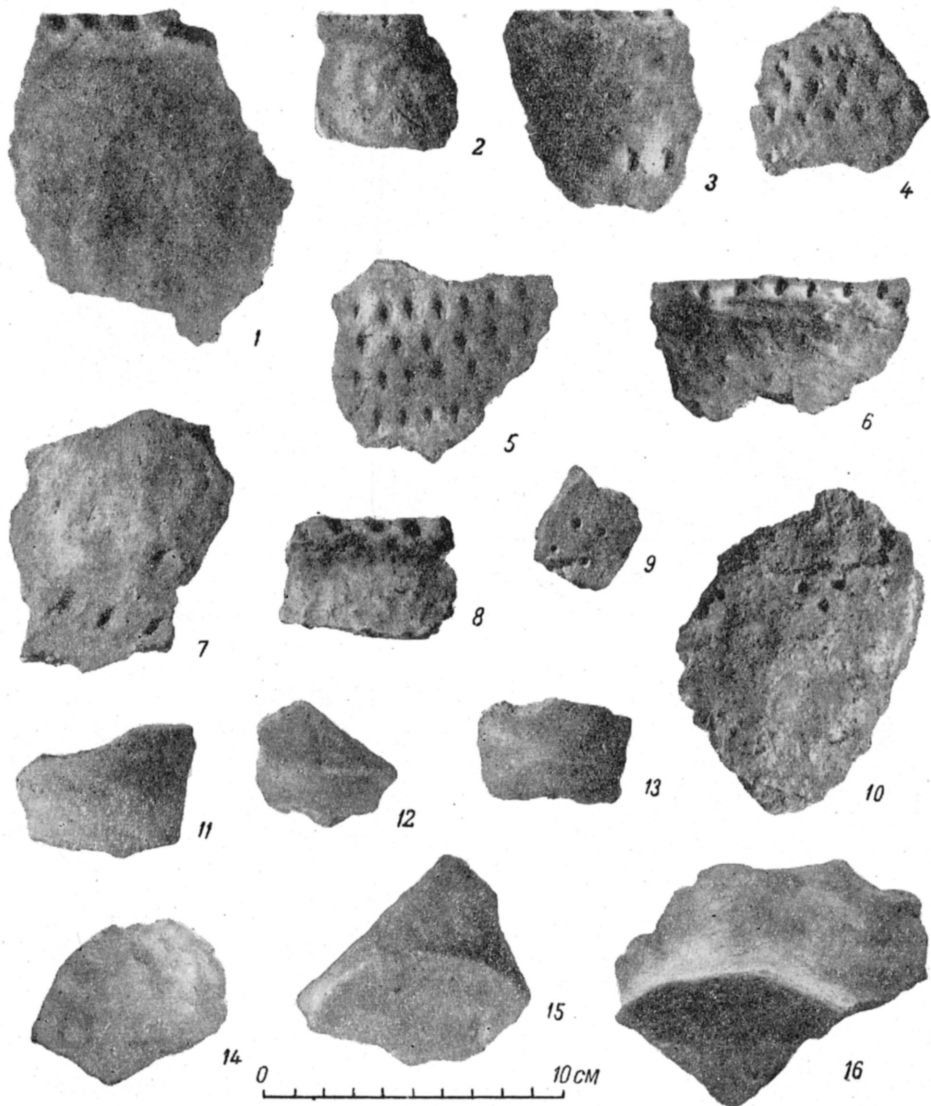

Рис. 19. Обломки керамики из второго (среднего) горизонта культурного слоя городища Туשמעל.

1

2

3

4

5

6

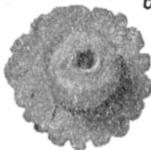
7

8

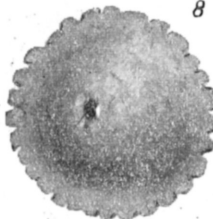
9

10

11

12

14

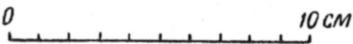
15

17

0

10 CM

19

Рис. 28. Круглый жернов с городища Тушемля.

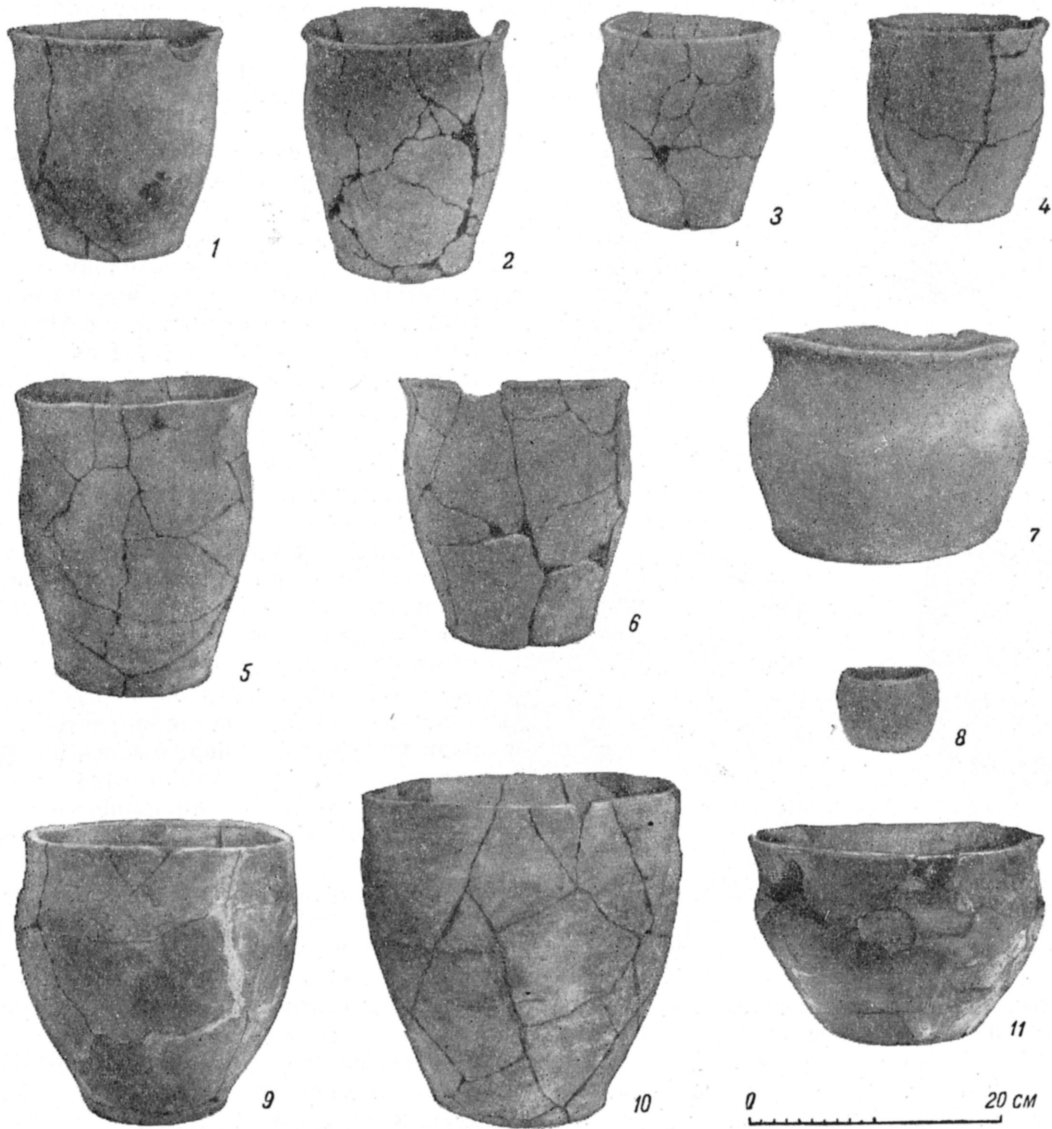

Рис. 29. Керамика из верхнего горизонта культурного слоя городища Тушемля.

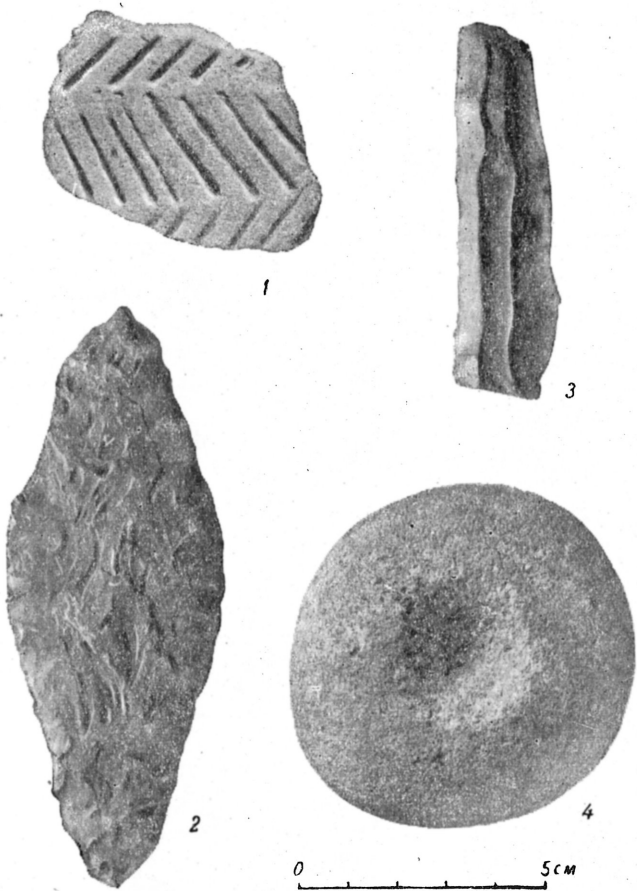

Рис. 30. Обломок неолитической керамики и каменные орудия из древнего погребения городища Тушемля.

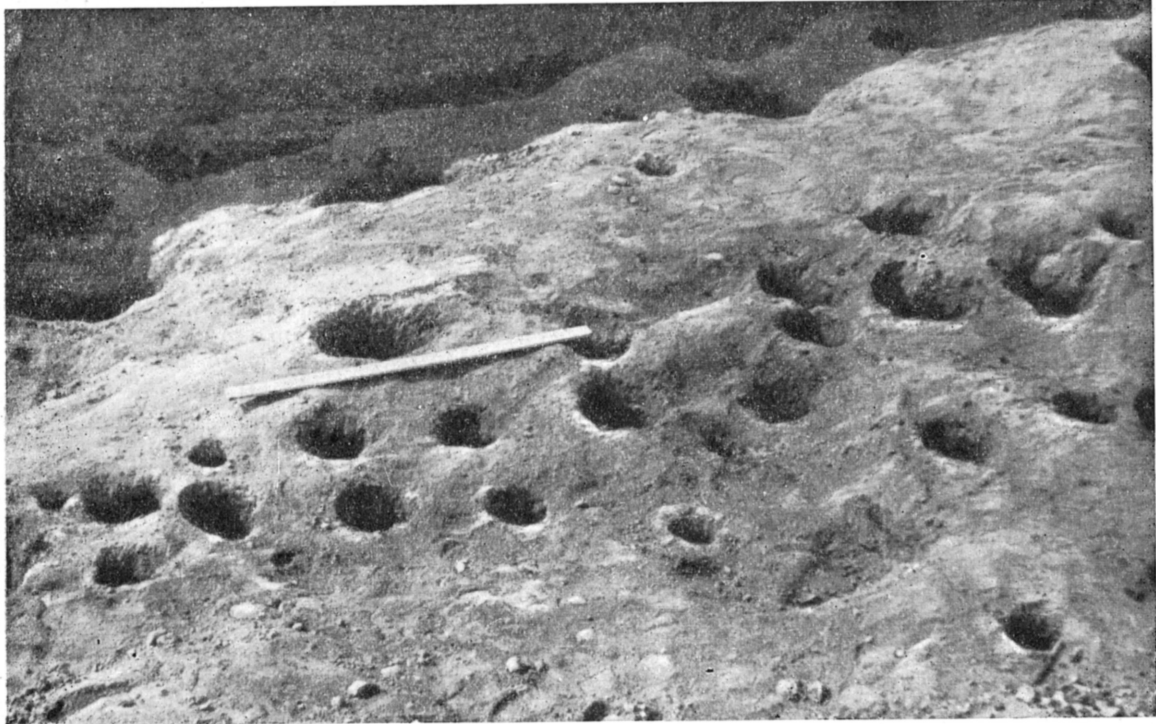

Рис. 35. Ямы от столбов древней оборонительной стены вдоль южного склона Мокрядинского городища.

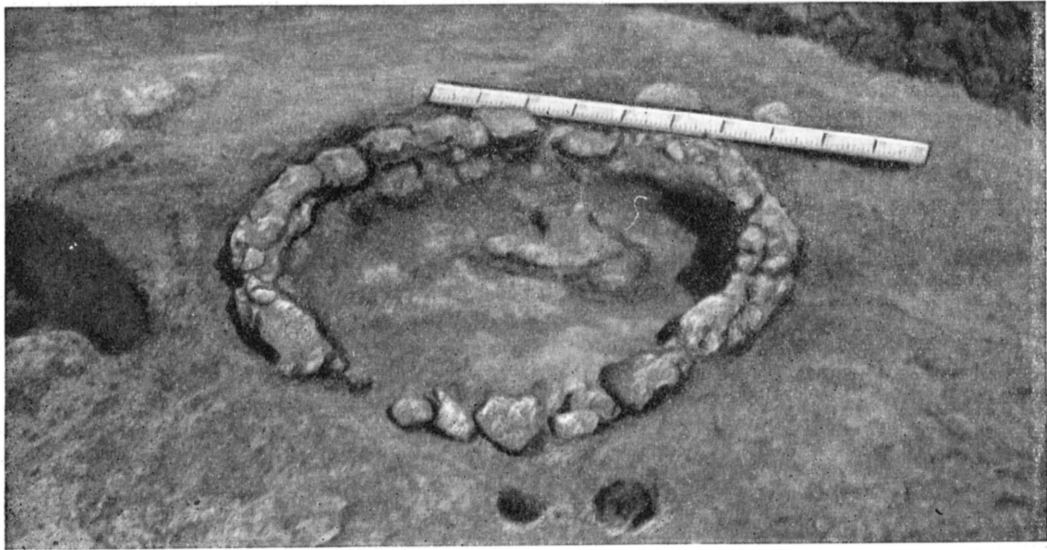

Рис. 37. «Жертвенник» I на Мокрядинском городище.

0

5cm

Рис. 52. Бронзовая фибула с горо-
дища у д. Городок.

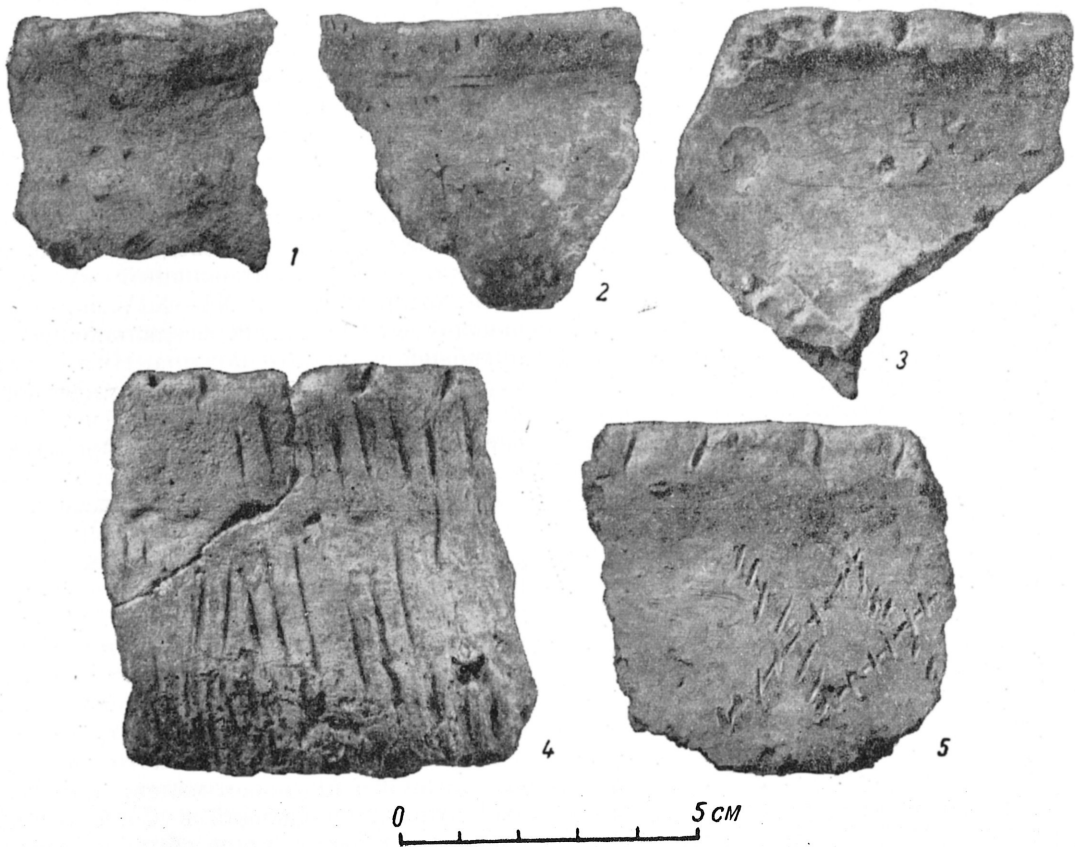

Рис. 62. Обломки керамики из Лахтеевского городища.

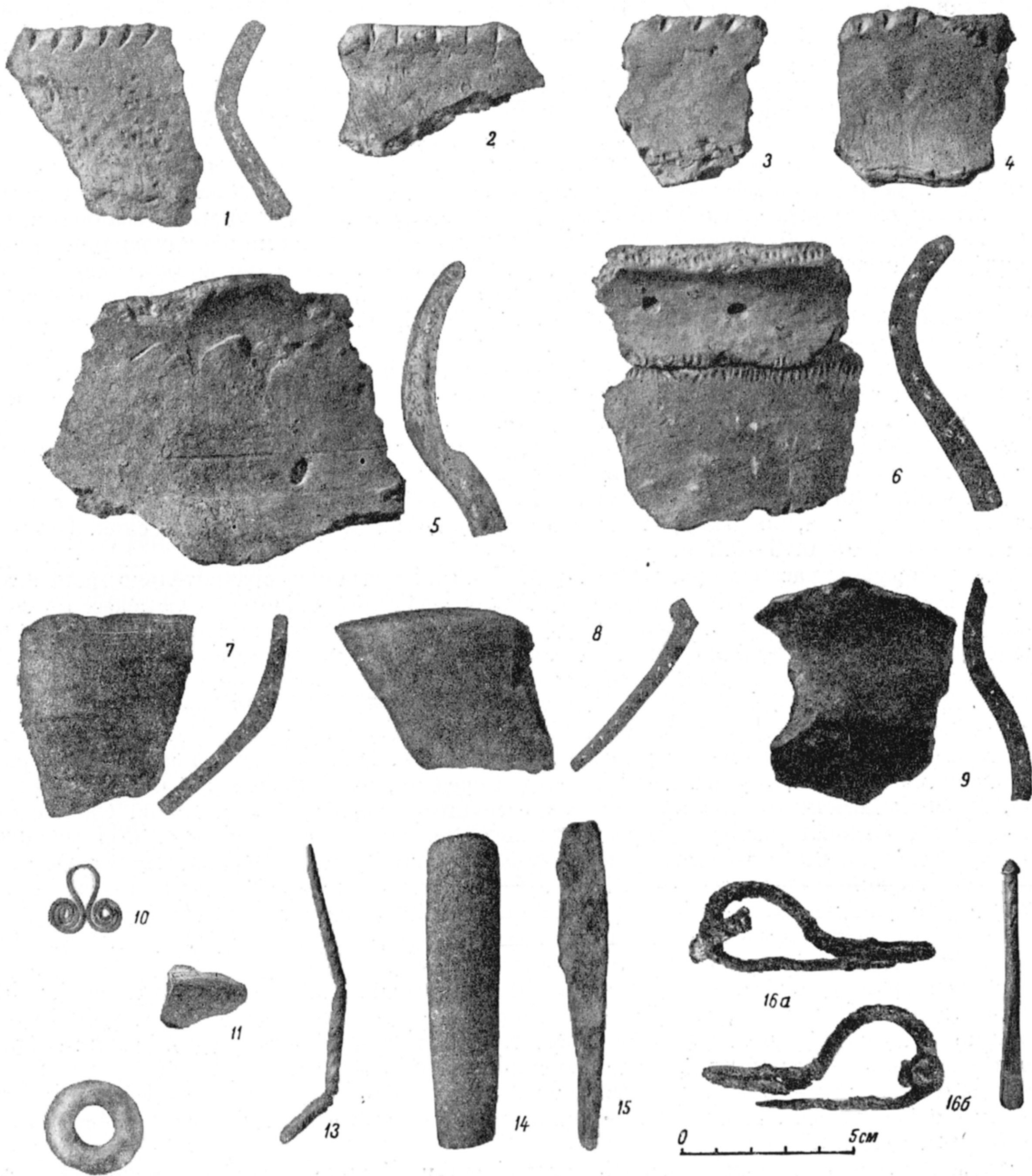

Рис. 73. Находки у д. Спартак (1—15) и у пос. Жуовка (16—17).

Рис. 5. Ряды столбовых ям в западной половине площадки городища. Вид с севера.

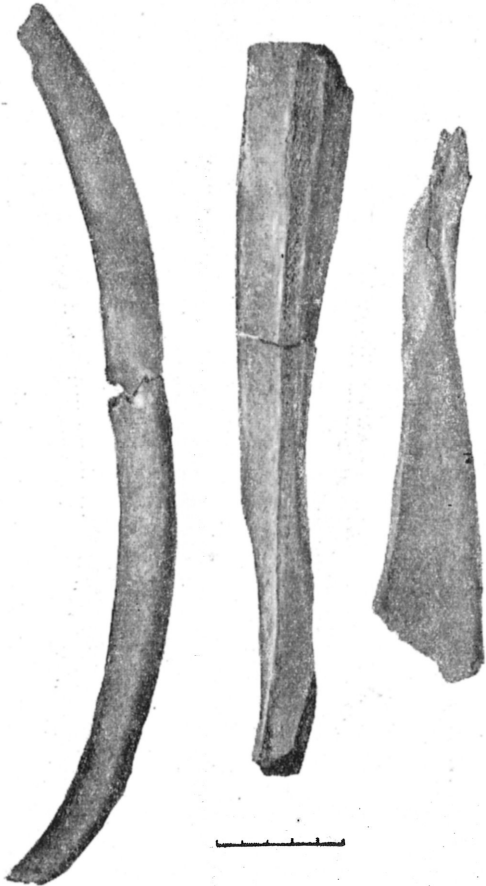

Рис. 11. Костяные «тупики».

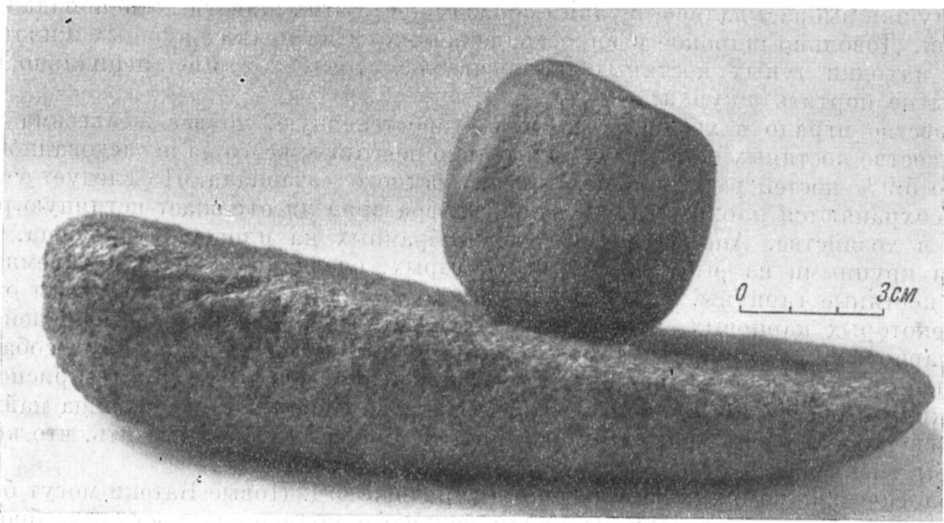

Рис. 15. Зернотерка и округлый пест.

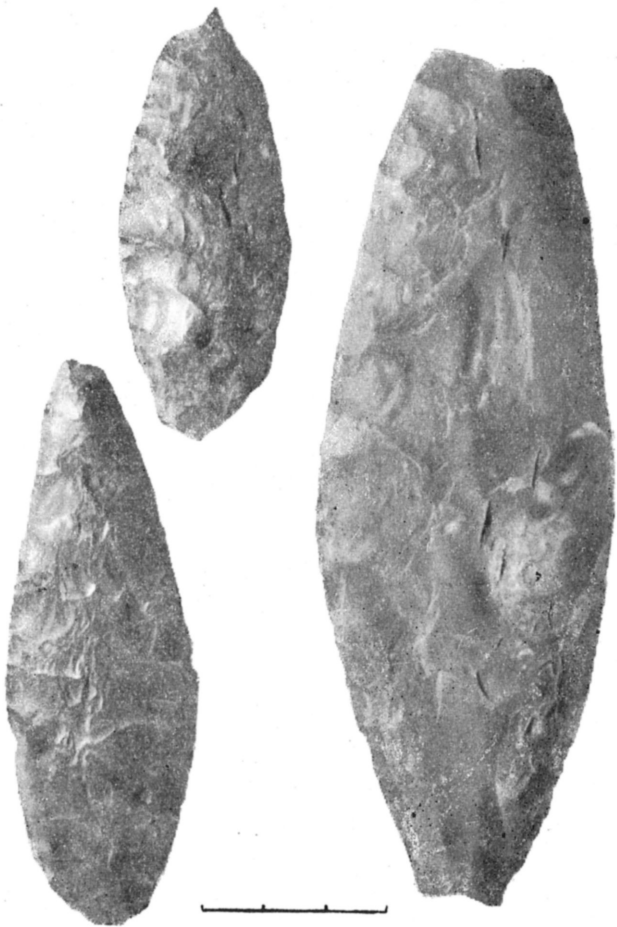

Рис. 16. Кремневые орудия.